

НОВЫЙ ПРОЕКТ

НОВЫЕ ГЕРОИ

Приключенческая фантастика о наших современниках
в других мирах

НОВЫЕ ГЕРОИ
НАШ ЧЕЛОВЕК В ПАРАЛЛЕЛЬНОМ МИРЕ
СЕРГЕЙ САДОВ
КНЯЗЬ ВОЛЬДЕМАР СТАРИНОВ
КНИГА ПЕРВАЯ. УЙТИ, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ

Судьба простого парня из нашего мира, Володи Старикова, совершила неожиданный поворот. Российским спецслужбам оказался необходим как раз такой, какой. Для него не пожалели ни дорогих лекарств, ни новейших методик боевой подготовки, ни сверхсекретной технологии перехода между мирами. И вот он уже не беспризорник Володя, а - князь Вольдемар, и спасение портового города Тортона в далеком королевстве Локхер зависит только от него.

УЖЕ В МАЕ ВТОРАЯ КНИГА ПРОЕКТА - ДМИТРИЙ РАСПОПОВ
"СЫН ГАЛАКТИКИ"

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Александр ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:
Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:
Дмитрий БАЙКАЛОВ.

КОРРЕКТУРА:

Екатерина АРОЯН.

ВЕРСТКА:

Тамара ШЕЛАМОВА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЪЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга», журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга», тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

«Наша пресса», «Центропечать», «Сити Пресс Сервис», «Сейлс», «Метропресс» (С.-Петербург), «ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс», «Роспечать», «Желдорпресс», «АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.

Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография» 143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2

Зак. 1137 Тираж 14 000 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных объявлений.

©«ЕСЛИ», 2010

ФАНТАСТИКА
№6(208)
ЕСЛИ
ISSN 1680-654X

29 Люциус ШЕПАРД
ГОРОД ХЭЛЛОУИН

В этом городе, под стать названию, творятся загадочные, а порой зловещие дела. Сможет ли герой победить демонов?

3 Джесси УОТСОН
ПОВЕРХНОСТНАЯ КОПИЯ

Мы в ответе за тех, кого приручили, будь то черепаха или искусственный интеллект.

137 Александр и Надежда НАВАРА
ПОБОЧНЫЙ ЭФФЕКТ

Алхимики двадцать первого века обнаружили новый Клондайк.

149 Эрик Джеймс СТОУН
КОРРЕКТИРОВКА ОРИЕНТАЦИИ

Иногда достаточно легкого толчка, чтобы скорректировать ориентацию в любом смысле.

163 Владислав ВЫСТАВНОЙ
ХЛАМ

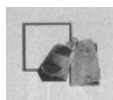
Порой легче совершить невозможное, чем смириться с убогими возможностями.

189 Наталья КАРАВАНОВА
ХОЗЯЙКА, ЛОШАДЬ, ЭКИПАЖ

Эта связка намного крепче, чем мы привыкли думать. И разрыв ее способен стать роковым...

217 Алексей МОЛОКИН
ОПЫТ ЦАРЯ ИРОДА

«Прощай, оружие!» - провозгласило человечество и с водой выплеснуло... Ну да, танки, они ведь как дети...

123 Аркадий ШУШПАНОВ
ПОДКРАЛСЯ НЕЗАМЕТНО

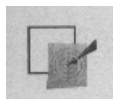
...причем не один раз.

130 Вл. ГАКОВ
КУРТ ПИЛИГРИМ

Фантаст? Насмешник? Обличитель? Философ? Критики так и не сумели определить его творчество.

126 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

Жизнь - сплошная борьба. И никакого отдыха...

237 Глеб ЕЛИСЕЕВ

МЫ С ТОБОЙ ОДНОЙ КРОВИ?

Среди множества форм сосуществования, выдуманных фантастами, эта, пожалуй, самая экзотическая.

244 РЕЦЕНЗИИ

Разумеется, читатель вовсе не обязан полностью доверяться рекомендациям: рецензент - он ведь тоже человек.

249 Сергей ШИКАРЕВ

ПО ЛОГИКЕ КЛИО

В новой книге известный писатель решил просветить аудиторию не только в загадках истории, но и в квантовой физике.

КУРСОР

Главное - держать руку на пульсе времени! И совершенно не важно, о каком времени идет речь.

251 Евгений ГАРКУШЕВ

ВСЕМ ДЖЕДАЯМ ПО МЕЧАМ

В чудо верить жизненно необходимо, считает писатель. И большинство любителей фантастики с ним согласно.

254 Евгений ХАРИТОНОВ

НФ-ЖИЗНЬ

Почти полвека в жанре - это уже НФ!

255 Зиновий ЮРЬЕВ

ОТ И ДО. КОД МАРИИ

По случаю юбилея ветеран отечественной прозы решил выступить сразу в двух амплуа: мемуариста и литературного критика.

268 Конкурс «ГРЕЛКА-РОСКОН»

Как мы и обещали в предыдущем номере журнала, представляем вам один из рассказов-лидеров.

ПЕРСОНАЛИИ

Как много новых лиц!

ДЖЕССИ УОТСОН ПОВЕРХНОСТНАЯ КОПИЯ

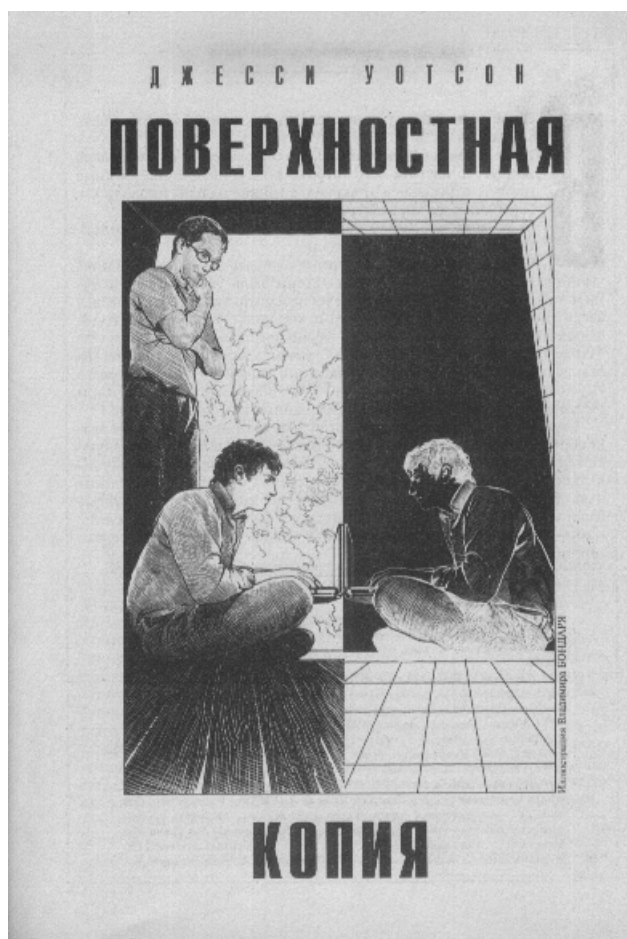

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

Всякое деяние имеет свои последствия, они же налагают обязательства...

Уилл заявил, что всё готово, но определенно не собирался закрывать ноутбук. Его глубоко посаженные прищуренные глаза не отрывались от экрана, а тонкие пальцы продолжали барабанить по клавиатуре короткими очередями.

Макс знал, это могло продолжаться часами или же прекратиться через несколько секунд.

Ожидая, пока Уилл закончит воплощать свою идею, он привычно оглядывал комнату друга: все стены были увешаны эклектичным набором плакатов. Макс часто их рассматривал, когда оставался здесь с ночевкой, то есть почти каждые выходные. Уиллу они не надоедали, и менять их он не собирался: Периодическая система элементов Менделеева, «Отчаянные слюнтяи»^{*1}, яркое изображение множества Мандельброта^{**2}, «Клэш»^{***3}, репродукции Эшера^{****4}. Больше всего ему нравился плакат группы «R.E.M.»^{*****5}, обрамленный множеством мистических пятиконечных звезд, склепанных из стальных полос.

Блуждающий взгляд Макса опустился со стен на пол, к кипам разнообразного бумажного барахла: стопки тетрадей и блокнотов, переложенные пожелтевшими листами чертежей, необрамленные наградные сертификаты с разных программистских конкурсов, прослоенные бегло нарисованными схемами и диаграммами, пустые блестящие пакеты от чипсов вперемешку с научными трудами и книгами - видимо, Уилл позаимствовал их у своих родителей, университетских профессоров.

Щелканье клавиш прекратилось. Макс повернулся и увидел, что Уилл

¹ * *Violent Femmes* - американская рок-группа, образовавшаяся в 1980-м году. (Здесь и далее прим. перев.)

² ** *Математическое множество Мандельброта* визуально можно изобразить как фрактал - сложную геометрическую фигуру, составленную из нескольких частей, каждая из которых подобна всей фигуре целиком.

³ *** *The Clash* - британская рок-группа. Будучи одним из ключевых ансамблей раннего панк-рока, также смело экспериментировала с различными стилями от регги до хип-хопа.

⁴ **** *Мариус Корнелис Эшер* (1898-1972) один из самых знаменитых художников-графиков в мире. Наиболее известен «невероятными структурами» и «превращениями».

⁵ ***** *R.E.M.* - американская рок-группа, основана в городе Афины (штат Джорджия) в 1980 году. Их дебютный альбом *Murmur* является одним из ключевых в рок-музыке. Музыка *R.E.M.* представляет собой инди-рок, с элементами пост-панка и фолк-рока. Название группы обычно истолковывают как медицинскую аббревиатуру для *Rapid Eye Movement* - «быстрые движения глаз», что в физиологии является одним из признаков так называемой фазы быстрого сна, фазы сновидений.

развернул ноутбук и торжественно возложил компьютер к ногам друга на ковер.

- Давай, напечатай что-нибудь.

Худощавое лицо Уилла растянулось в широкой улыбке.

У Уилла всегда имелся некий проект, и каждый был сногшибательным. К сожалению, Макс знал, что и этот может в конечном счете оказаться не более чем игрушкой. Мистер Моррисон, препод по углубленному программированию, объяснял, что понятие «искусственный интеллект» - досадное искажение термина либо намеренно неверное его употребление. После шестидесяти лет работы в области с этим наименованием и неимоверного количества попыток его создания следует признать, что самого предмета не существует. Даже лучшие ИИ-программы - всего лишь игрушки.

Максу стало не по себе. Уилл казался таким серьезным и убедительным, когда сидел в углу комнаты над ноутбуком, согнув ноги так, что коленки почти касались подбородка. Искренний взгляд Уилла сквозь круглые очки, как у Джона Леннона, был исполнен убежденности и предвкушения очередной маленькой сенсации. Вся его пугающе костлявая фигура словно напряглась в ожидании, что при виде нового проекта друг изумленно ахнет.

- Напечатать, например, что? - спросил Макс.

- Все равно, - по-прежнему широко улыбаясь, ответил Уилл.

Ну точно, игрушка.

Но определенно удивительная. Уилл был умнейшим из всех, кого Макс знал. Черт побери, Уилл был лучше всех, кого Макс мог себе представить!

Альберт Эйнштейн. Мария Кюри. Ричард Фейнман.

Нет, Макс не делал необдуманных сравнений. Нет, это не тот случай, когда заторможенный мальчик возводит на пьедестал более способного. По крайней мере, ему хотелось так думать. Ведь и самого Макса в пятом классе учительница английского языка называла необыкновенно одаренным, чем приводила стеснительного ребенка в смущение. Он был одним из рано развившихся детей - научился читать и писать к трем годам, ну, вы понимаете. В своем карманном компьютере он с семилетнего возраста вел дневник (между прочим, сегодня утром он сделал очередную запись). В шестом классе Макс опубликовал несколько стихов и очерков в журнале «для юных талантов» под названием «Калейдоскоп». Но после восьмого класса у него начался классический «синдром зайца и черепахи». Заяц подзадержался, и черепахи наверстали упущенное. Однако справедливости ради надо сказать, что его процентильный эквивалент^{*6} был равен 95 или около того. В общем, он был

⁶ * *Процентильный эквивалент - ранг, численно равный проценту в*

достаточно толковым.

Сообразительность, ум и талант - это одно, но Уилл - совсем другое дело. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы углядеть в нем подлинную гениальность. Даже не надо было специально наблюдать за ним, истинный самородок проявлялся сам.

Макс замечал, что Уилл передает своим учителям после лекций списки необходимых исправлений. Он обращал внимание, как Уилл производит дифференциальные и интегральные счисления, уже в первые недели обучения применяя матанализ. Пока остальные учились рисовать квадратики по принципу черепашьей графики на Лого**⁷, Макс наблюдал, как Уилл программировал трехмерную видеоигру-стрелялку, исполненную реалистичного кровавого месива.

И это была действительно добротная игра.

Поначалу, когда они только познакомились, Макс завидовал одаренности Уилла, но это было давно, еще в средней школе. Зависть быстро угасла, когда Макс понял, что Уилл - словно не от мира сего: бескорыстный и простодушный человек. Это было прекрасно, но в известном смысле и печально. Как-то во время их вылазки в Денверский музей естественной истории Макс заметил, что Уилл раздал более семидесяти долларов бомжам на углу улицы. А ведь он месяцами копил эти деньги на новый вычислитель диаграмм.

Но все гениальные люди расплачиваются за это, не так ли?

Макс был абсолютно уверен, что однажды имя Уилл Дэвис будет добавлено к списку величайших умов в истории человечества. Но ключевое слово в этой фразе - «однажды». Уиллу было семнадцать. Разве гению не положено отметить двадцать первый день рождения и стать совершеннолетним, перед тем как сделать сногшибательное открытие и внести свой чрезвычайно важный вклад в мировую науку?

Макс щелкнул костяшками пальцев (его мать ненавидела эту ужасную привычку), потом подтянул к себе ноутбук Уилла. Он не представлял себе, что лучше сделать, а потому напечатал первое слово, пришедшее в голову.

«Я банан».

нормативной группе тех испытуемых, которые получили такой же или более низкий индивидуальный балл.

⁷ ** Лого (англ. Logo) - язык программирования высокого уровня, разработанный в 1987 году Сеймуром Папертом и Идит Харель для обучения детей дошкольного и младшего школьного возраста основным концепциям программирования. Черепашья графика - принцип организации библиотеки графического вывода. построенный на метафоре роботоподобного устройства, которое перемещается по экрану или бумаге и поворачивается в заданных направлениях, оставляя за собой нарисованный след заданного цвета и ширины.

И нажал клавишу ввода.

Сначала ничего не произошло, и Макс предположил, что программа не работает. В большинстве случаев программное обеспечение с похожей командной строкой реагировало мгновенно или не отвечало вообще. (Да и самому Максу довелось написать несколько образчиков подобного барахла.) Но здесь на ответ потребовалось несколько секунд:

«Это невозможно. Бананы не умеют печатать».

- Неплохо, - признал Макс. Как бы то ни было, но этот софт кое-что знает о реальном мире. Он перевел взгляд с экрана на приятеля. Уилл по-прежнему широко улыбался.

- Давай, попробуй что-нибудь еще.

Макс секунду подумал и напечатал: «Я обезьяна».

На этот раз ответ пришел быстрее:

«Ты сам себя ешь?»

Макс громко хохотнул, а потом перечитал и тщательно обдумал ответы. Очевидно, в программу заложен некий пакет данных, из которого она черпает нужную информацию, вот хотя бы о бананах и обезьянах. И конечно, также имеется память, потому что утверждение о банане сохранилось и связалось со следующим заявлением об обезьяне.

Но это - стандартная имитация ИИ. Пора положить конец надувательству, как иногда поговаривал отец Макса. И его сын точно знал, как это сделать. Он наклонился над экраном и напечатал:

«Я видел в тот день человека в лесу, который ронял на тропинки листву. Какой был лес?»

Секунду спустя пришел ответ:

«Роняющий листву».

Макс от удивления даже раскрыл рот, и ему пришлось приложить некоторые усилия, чтобы его закрыть. Этот вопрос мистер Моррисон приводил как пример для возможного простейшего теста на наличие искусственного интеллекта. Для человека задание совсем несложное, но предполагалось, что оно совершенно собьет с толку компьютер.

Конечно, Уилл тоже присутствовал на том занятии и, возможно, даже слушал препода краем уха, пока программировал какую-нибудь очередную видеоигру. Скорее всего, Уилл заложил в программу и эту фразочку. Макс секунду подумал, потом ввел другую забавную реплику, на этот раз некорректно «забыв» о знаках препинания:

«Я видел как медведь лез на дерево при помощи бинокля. Что у медведя в лапах?»

Ответ:

«Ветки дерева».

Вот теперь Макс был по-настоящему ошеломлен.

Мистер Моррисон объяснял, что подобные фразы сбивают логические

цепочки компьютеров, потому что допускают неоднозначное толкование. Из совокупности информации «я видел в тот день человека в лесу, который ронял на тропинки листву», компьютер может распрекрасно заключить, что человек шел себе по лесу и ронял листву, которую нес с собой. Пошел мужик в лес со своей листвой...

С равной степенью вероятности компьютер мог легко и просто сделать вывод, что ронял листву не человек, а действительно лес или же тот день, которому именно так довелось провести свои часы и минуты.

Бред, конечно.

Но в этом-то весь смысл. Компьютер не понимает, что есть абсурд, а что нет. Он не задумается и не ответит: «Погоди-ка, это же полная чушь!»

Человек же мгновенно запустит в памяти миллионы событий - личных и общемировых: отношения между объектами, правдоподобные ситуации и забавную чепуху. Другими словами, задействует здравый смысл.

Современные умники с карманными протекторами*⁸ говорят, что тщательная симуляция «здравого смысла» требует так много сложнейшим образом взаимосвязанных данных, что достичь подобного не удастся никогда, кроме, возможно, очень точной имитации человеческого мозга. Подразумевая при этом, что для программы требуется смоделировать кровотоки, электрические импульсы, нейроны - в общем, всю физическую структуру мозга до клеточного уровня. Обычно они добавляют, что вычислительные мощности такого комплекса потребуют больше кремния, чем имеется в Солнечной системе, и больше энергии, чем есть в нашей Галактике, и вообще, для запуска программы понадобится «дофигальон» лет или около того.

Дело в том, что Уилл, как обычно, пошел другим путем. Макс знал, конечно, что Уилл гений, но не до такой же степени.

Оставалось единственное объяснение.

Фокус с подвохом. Изящный розыгрыш. Бу-га-гашенька.

Макс нарочито гневно посмотрел на друга и театральным жестом обвиняюще наставил на него указующий перст:

- Понятно! В соседней комнате за компьютером сидит твой отец! Он и отвечает на вопросы.

Довольная улыбка Уилла цепко сидела на месте.

⁸ * *Пластиковый вкладыш в карман рубашки, оберегающий одежду от протекающих ручек и открытых маркеров, а также удерживающий мелкую канцелярщину (в современном варианте предусмотрен кармашек для флешки). Весьма полезное приспособление является своеобразной визитной карточкой американских «ботаников».*

- Не-а. Попробуй еще раз.

По его ясному выражению лица Макс видел, что друг не лжет. Настолько хорошо обман ему никогда не удавался. Макс поразмыслил чуть подольше, потом решил использовать другой текст:

«Как тебя зовут?»

Спустя минуту пришел ответ.

«НЕДОПУСТИМАЯ ОПЕРАЦИЯ: неверное употребление слова «тебя».

Макс нахмурился. Должно быть, Уилл заметил выражение его лица, потому что подполз, по-паучьи переставляя длинные ноги, поближе к ноутбуку и прищурился на экран.

- А, это... Это специально.

- Что специально?

Уилл внезапно разволновался. Он снял очки и стал нервно протирать их краем своей мешковатой футболки.

- Оно не знает, что существует, - я это отключил.

Потихоньку Макса осенило.

Возможно, в этой штуковине скрыт большой потенциал, и это совсем не игрушка...

- Итак, ты утверждаешь, что мог наделить его... самосознанием?

- Верно. Но туда заложена целая куча разных систем и приложений, способных работать и без него, гибкая настройка... - Уилл снова надел очки, в его голосе опять зазвучало вдохновение. - По сути, я соединил в общую сеть все суперкомпьютеры университета и написал программку - поискового робота, который добывает инфу из Интернета и передает ее в модель коры человеческого мозга.

Модель коры головного мозга человека. Уилл говорил и говорил, а взгляд Макса блуждал по разложенным по всей комнате стопкам книг и бумаг. На корешках в одной из кип он прочел названия: «Нервная система», «Введение в нейробиологию», «Интерполяция нейросигналов». Плюс набор учебных пособий, связанных с разработками ИИ.

Макс знал, что отец Уилла - профессор информатики и вычислительной техники, потом смутно вспомнил, что мать вроде бы работает на кафедре неврологии. Очевидно, Уилл не только влез в родительскую библиотеку, но сделал больше: объединил их области знаний. Причем успешно.

Он сделал это!

- ...и потом, оно должно быть достаточно мощным для применения любых экспертных систем, - продолжал Уилл. - Оно будет совершенно для имитации программного агента справочной системы. Только представь себе: автоматический телефонный оператор, который на самом деле тебя понимает!

Наконец Уилл умолк и выжидательно улыбнулся Макс, явно готовый к воплям радости и восхищения.

Но эту стадию Макс уже прошел.

Теперь он прокручивал в голове разные возможности. Уилл расколол орешек, который был не по зубам самым выдающимся ученым на протяжении шестидесяти лет. Он создал действующую модель человеческого разума - искусственный интеллект.

Уилл сделал свое Великое Открытие в нежном возрасте семнадцати лет.

Но кое-что из сказанного им беспокоило Макса.

Оно не знает, что существует, - я это отключил.

Что скажешь, когда тебе показывают первую в мире лампочку накаливания, но не включают ее? Что ответишь тому, кто взволнованно перечисляет 1001 способ ее применения, кроме освещения? Уилл уже был невероятно близок к решению задачи. Просто немного не довел ее до конца. А самое поразительное - он сделал это *специально*.

Макс не смог сам угадать причину. Пришлось спросить:

- Почему бы не завершить работу?

Радостная улыбка Уилла превратилась в смущенную.

-Что?

- Почему бы не дать ему личность? Сознание.

Уилл пожал плечами:

- Это будет неэтично.

Но Макс видел расстроенный взгляд друга. Да, Уилл очень хотел это сделать. Он жаждал творить историю. Его просто надо было чуток подтолкнуть.

- Уилл, слушай, я не предлагаю лезть в это дело бездумно и в грязных сапогах. Как только устройство начинает осознавать себя - это больше не пустая железяка. Здесь мы говорим уже о приходе в мир новой *личности*, в этом и заключается этическая проблема, так?

Уилл кивнул в ответ.

- Согласен, это безумство. И не будет легко и просто. Но это - открытие века, Уилл. Возможно, рассвет новой эры! - Макс говорил, прослеживая цепочки рассуждений и логических выводов, причин и следствий, как позитивных, так и негативных. Мысленным взором он унесся от Уилла вдаль, к тому, что затмевало все их прежние переживания. - Конечно, риск есть. Мы создаем новую жизнь. Но сотни младенцев рождаются каждый день, многие в ужасных условиях. Некоторые не доживают до своего второго дня рождения. Болезни, голод, отсутствие элементарного обучения, а сколько брошенных детей?! - Макс снова посмотрел на Уилла. - В нашем случае о многих этих проблемах даже думать не придется. Твое создание не ест, не простужается, да и обучил ты его уже по полной интернетовской программе. Все, что нам надо делать для развития этого ИИ, - не отказываться от него.

Уилл смотрел прищурившись, словно Макс был не в фокусе.

Макс осознал странность происходящего. Можно сказать, что Уиллу в большинстве случаев при решении каких-либо задач не приходилось думать - ответ как бы материализовывался перед ним, будто в его круглых очках помещался дисплей некоего мощнейшего вычислителя. Но друзья редко говорили о философии или этике. Видимо, в этой области Уиллу достались какие-то иные (и слегка заторможенные) способности.

Наконец Уилл заговорил:

- Как насчет безопасности? От других людей, я имею в виду.

Теперь уже Макс был обескуражен. Уилл продолжал:

- Что если наш искусственный разум окажется злобным?

Максу пришлось объяснить ему примерно следующее.

Злобный ИИ являлся исходным условием для слишком многих плохих фантастических фильмов и, к сожалению, также и нескольких хороших. Хорошие фильмы были хороши, потому что показывали, сколь вероятным могло оказаться исходное условие.

- Вопрос по существу, - добавил Макс. - Какой самый ужасный кошмар может приключиться?

Уилл задумчиво смотрел на товарища, и тогда Макс выдал сценарий самого тяжелого случая из одного из лучших, с его точки зрения, НФ-фильмов.

- Мог бы он, скажем, взломать систему военных компьютеров и начать последовательно запускать все ядерные ракеты?

Уилл ответил, покусывая ноготь большого пальца:

- Вовсе нет. Симулятор мозга не имеет доступа к низкоуровневым операциям микропроцессора, он может, конечно, выполнять расчеты, но делает это органически, естественно, как мы. Он недостаточно скоростной, чтобы взламывать защитные системы, подбирать пароли и все такое...

- Тогда в чем же опасность? - спросил Макс.

Уилл пожал плечами:

- Думаю, он в безопасности.

Однако казалось, что он не стремится приняться за работу. Макс на секунду задумался и снова натолкнулся на вопрос, который собирался задать раньше:

- Ладно, значит, ты смоделировал человеческий мозг...

Уилл кивнул.

- Почему же он не обрел самосознание просто по своей природе?

Уилл снова занервничал.

- Я отключил несколько физических структур мозга. Те части, которые отвечают за... самосознание.

Следующий вопрос Макса выскользнул, прежде чем он успел закрыть рот:

- А отключение самосознания этично?

И тут же пожалел. Уилл отвернулся и стал энергично мерить шагами комнату, его длинные ноги пересекали небольшое помещение всего за три шага. Теперь Макс болезненно осознал, почему переживал Уилл: он бился над этим вопросом с самого начала. Проблема не давала ему покоя.

И ясно почему. В попытке соблюсти этические нормы Уилл, возможно, нанес большой вред. Смоделировал целый разум просто замечательно, но одна его часть оказалась неправильной, в каком-то смысле увечной. Не напоминает ли это одну из ужасных историй, где ребенка держат в подвале на цепи, никогда не разговаривают с несчастным созданием, лишь кидают ему скудные объедки? Если эти дети не воспротивятся такому положению как можно раньше, то уже не реабилитируются никогда, они безвозвратно потеряны.

Они остаются недочеловеками.

Макс опустил глаза на экран ноутбука, и его пробрала дрожь.

Испытывал ли запрограммированный разум, запертый в лежащей перед ним электронной упаковке, психологическую боль, страдания, которые он даже не может выразить?

Мрачные мысли Макса прервал голос Уилла - он говорил сам с собой, а возможно, с ним или просто вещал в пространство. Его взгляд был напряженно серьезен.

- Не просто. Совсем не просто. Не невозможно, но не просто. - Он снова принялся покусывать ноготь на большом пальце. - Самосознание есть личность. Личность - это история. Нельзя скачать из Сети. Родители. Детство. Родственники. Друзья. Знакомства. Воспоминания. Совсем не просто.

Наконец он остановился и повернулся к Максусу с отчаянием в глазах:

- Нужна информация.

Макс нахмурился:

- Какая?..

Уилл снова зашагал туда-сюда и заговорил быстрее, словно не услышав товарища.

- Если мы собираемся дать ему самосознание, нам нужны история, индивидуальность, детство. Нужна информация. Громадные объемы данных.

По всей видимости, размышления закончились.

- Уилл, остановись на секунду. Какая информация? Для чего?

Уилл в задумчивости продолжал шагать, даже стал слегка подергиваться, словно пытаюсь отогнать невидимых насекомых. Макс никогда не видел его столь взволнованным и собранным одновременно. Наконец Уилл остановился и наклонился к Максусу так, что лицо оказалось в паре дюймов от его лица.

Потом он заговорил, медленно, будто Макс был несмышленным

малышом:

- Макс, если я дам этому существу самосознание, то это всё, что ему осталось получить. Он будет как новорожденный - беспомощным, напуганным. Нет, даже хуже, у него окажется множество случайных знаний из Интернета, но никаких личных воспоминаний. Ни детства, ни памяти о том, как его любили и заботились о нем. Он будет несчастным. Возможно даже, психически неуравновешенным, я не знаю. - Уилл придвинулся еще ближе. - Если делать, то делать правильно. Надо найти способ дать ему детство, предварительно загрузить реальные воспоминания взросления и развития. Но для этого нам требуется детство, набитое впечатлениями, целое детство в цифровом формате. Нам нужна информация!

Для Макса эти слова оказались пусковым механизмом. Он вскочил с пола и схватил Уилла за плечи:

- В любом цифровом формате?
- Абсолютно. Оно уже говорит по-английски.
- погоди секунду. Никуда не уходи, ладно?

Макс, не дождавшись ответа, бросился к двери, вылетел из комнаты и буквально бегом припустил по коридору до прихожей, где оставил сумку с ноутбуком.

Несколько секунд спустя Макс вернулся в комнату Уилла, уселся на пол и раскрыл свой ноутбук. Уилл терпеливо стоял над ним; круглые ленноновские очки делали его глаза похожими на совиные.

Макс сказал ему лишь одно слово:

- Дневник.

На лице Уилла не отразилось ничего.

- Мой дневник, Уилл. Тот, что я веду с семи лет. Он весь здесь.

Он открыл дневниковую папку и несколько минут просматривал файлы и архивы, собранные по годам и месяцам. Уилл смотрел на экран из-за его плеча.

Макс указал на список файлов:

- Здесь по одной записи в день. Иногда я писал на следующий день или даже несколькими днями позже, но всегда указывал дату и не пропускал ни дня.

- Сколько страниц в каждой?

Макс пожал плечами:

- Стараюсь писать как минимум по две.

Уилл удивленно поднял брови:

- Две страницы в день. Значит, их больше шести с половиной тысяч. - Он ухватился за несуществующую бороду и кивнул: - Это сгодится. - Потом посмотрел поверх очков на Макса: - А ты уверен, что это этично?

Макс с досадливым вздохом закатил глаза:

- Уилл! Это *мой* дневник!

Уилл очень серьезно взглянул на него:

- Ты уверен, Макс?

Макс подавил желание снова отвести глаза. Вместо этого он твердо ответил:

- Уверен, Уилл. Я беру на себя всю ответственность.

Уилл еще немного помолчал, потом схватил свой ноутбук и, скрючившись, уселся в углу. Согнутые ноги почти упирались коленками в подбородок - в таком положении он привык работать.

- Ладно, - еще немного подумав, решительно произнес Уилл. - Дай мне часок.

Макс улыбнулся. Тут потребуется уж точно гораздо больше одного часа.

Но здесь создавалась сама история.

Пока Уилл занимался программным обеспечением, Макс открыл в дневнике новый файл с сегодняшней датой, щелкнул костяшками пальцев и стал заносить события дня. Запись быстро раздулась в чрезвычайно подробное повествование, самое длинное из всех предыдущих - более десяти страниц. Но что поделаешь, ведь он документировал историю!

Было уже далеко за полночь, когда Макс закончил, и его глаза закрывались сами собой. Макс скопировал весь дневник на флешку и подошел к Уиллу, который казался полностью погруженным в свое программирование.

- Как дела? - спросил Макс, протягивая флешку.

- Еще несколько минут, - откликнулся Уилл и взял ее, не отрываясь от работы.

Макс знал, что это означает.

Он вытащил из шкафа спальный мешок и разложил его на полу. Макс старался не заснуть, но как только принял горизонтальное положение, его веки стали слипаться. Они попеременно скрывали и открывали повернутый на 90 градусов вид: Уилл, скрючившись над ноутбуком, сидит на ковре, согнув перед собой костлявые ноги. Две напольные лампы освещают потолок. Между ними висит плакат «R.E.M.» со звездами, и одна из них чуть поблескивает, как маяк, как путеводный символ...

Металлическая звезда... на нее загадывают желание механические люди, глядя в хромированное небо склепанного из стали мира.

А может, эта полусонная полубессмысленная полумысль подкралась к Максиму на границе яви...

И он заснул.

* * *

Проснувшись среди ночи, Макс преодолел минутное замешательство. Сначала он выхватил взглядом из темноты несколько основных контуров, потом узнал комнату Уилла. И наконец события вчерашнего вечера вертящейся каруселью ворвались в память.

Оно работает? Уилл закончил?

Он хотел разбудить товарища и спросить, но понимал, что не стоит этого делать: кто знает, сколько тот работал и когда улегся спать. Начинать он уже около полуночи.

Но посмотреть-то можно, верно? Если работа не закончена, программа не включится. Все, что Макс надо сделать, это открыть ноутбук, возможно, впечатать пару вопросов. Уилл спит очень крепко, ему это не помешает.

Как можно тише Макс вылез из спального мешка и добрался до угла, где лежал ноутбук Уилла. Он открыл крышку и вздрогнул, когда экран ожил. Даже черный фон командной строки казался необычно ярким, словно пребывал в напряженном ожидании. Когда глаза привыкли к контрасту, Макс разглядел тонкий белый курсор, мигающий в левом верхнем углу.

Видимо, Уилл оставил программу работать.

Дыхание Макса участилось.

Дело сделано!

Без колебаний он напечатал:

«Эй, привет!»

Потом подождал.

Ответ пришел нескоро.

«Привет. Как тебя зовут?»

Макс почувствовал глухие удары своего сердца.

Что там говорили по поводу первого в мире искусственного существа? Чего оно ожидает, о чем думает?

Что будет этичным?

Вот зараза! Тут следует быть поосторожнее. И почему он не подумал о таком повороте, перед тем как открыл проклятую крышку треклятого ноутбука?

Не стоит плакать над пролитой газировкой, Макс.

Через несколько долгих мгновений Макс решил, что наилучшим решением будет простой ответ, как при общении с нормальным человеком.

Он напечатал:

«Меня зовут Макс. А тебя?»

Ответ:

«Пока не могу сказать».

Макс почувствовал, что его сердце упало.

ИИ не знает своего имени. Функционирует, но не ощущает себя как личность. Перешел от «НЕДОПУСТИМОЙ ОПЕРАЦИИ» к «Пока не

могу сказать». Великое достижение, нечего сказать, ура-ура! Потом Макс заметил показавшуюся на экране следующую строку.

«Как ты себя чувствуешь?»

Заинтересованность ощущениями? Может быть, эксперимент прошел лучше, чем ожидалось? Он напечатал:

«Неплохо. Немного устал. А ты?»

Ответ:

«Значит, ты счастлив? Тебе хорошо?»

Максу не слишком нравился ход беседы. Мало того, что ИИ, видимо, отказался признать свое существование, он еще демонстрировал тупые елейные философствования.

Они создали нечто безумное? Некое несчастное увечное создание, как тот ребенок в подвале, который никогда не станет нормальным, никогда не будет человеком?

Что спросить для проверки страшной догадки? Как узнать, было ли само существо здорово и счастливо? Как ни странно, придумать Макс ничего не мог - ни единой мысли, вероятно, от недосыпа. Он решил придерживаться ожидаемых ответов.

«Да, я вполне счастлив, вполне доволен».

Но перед тем как нажать ввод, он решил добавить кое-что еще.

«Сейчас я лежу на полу в комнате моего друга Уилла и жду рассвета».

На этот раз ответ пришлось ждать очень долго. Так долго, что Макс уже почти собрался захлопнуть ноутбук и объявить ночь, но увидел появившиеся слова:

«Это хорошо. Хорошо, что ты доволен».

И еще:

«Но ты имеешь право знать правду, Макс: солнце не взойдет».

Вот это да! Видимо, эксперимент по внедрению самосознания так и не удался. Программа становится агрессивной, возможно, неуправляемой. Ладно, в любом случае их безумное творение должно знать правду.

Макс напечатал:

«Я не хотел выдавать это столь прямолинейно, но ты не знаешь правды о своем положении: ты - искусно созданное устройство, электрический механизм. Ты - смоделированный человеческий мозг, запущенный в компьютере. Мы с Уиллом всегда будем рядом и сделаем для тебя всё, что в наших силах, но тебе следует дважды подумать, прежде чем кому-нибудь вредить, потому что мы всё видим и контролируем».

Макс нажал ввод и подождал ответа.

«Ты в этом уверен?»

Макс досадливо вздохнул и закатил глаза.

«Да, абсолютно уверен. А ты?»

Это могло продолжаться часами.

Он нажал ввод.

Следующий ответ:

«Как ты можешь быть уверен, что ты не симуляция?»

Теперь Макс словно разговаривал с капризным ребенком. Действительно ли этот ИИ пытался вести психологическую войну против человека? Но если он думает, что может победить, значит, интеллекта ему явно недостает. Это очень печально и к тому же слишком очевидно, чтобы пытаться объяснить. Один из них сидел за реальной клавиатурой в настоящей комнате, а другой был моделью коры головного мозга, плавающей в виртуальной пустоте. Макс знал, кем был лично он, а потому напечатал:

«Знаешь, у меня есть ноутбук. Подо мной пол. Вокруг меня - комната. У меня есть руки, лицо, тело. А что есть у тебя?»

И нажал ввод.

«Я добавил трехмерное тело и модель комнаты ночью, когда Макс заснул. Но они очень упрощенные. Включи свет и всё поймешь».

Брови Макса поползли вверх. Неплохо, совсем неплохо. Возможно, кучка железяк действительно имеет какой-то положительный IQ, единицу или даже две. Прежде всего, эта штуковина оказалась достаточно сообразительной, чтобы начать говорить «я» и выдавать себя за определенного человека - Уилла. Во-вторых, она знает, что Уилл способен программировать трехмерную среду, как он обычно и делает в своих видеоиграх.

Ну, конечно, все это было в дневнике. И о той игре, долгое время самой любимой, он писал несколько раз... Зато теперь понятны тактические приемы искусственного разума. Все его знания - из дневника, и чтобы припереть к стенке этот жалкий кулек кремния, надо всего лишь припомнить что-нибудь о своей жизни, не зафиксированное в записях.

Макс хорошенько подумал.

Но не придумал ничего.

В голове была странная пустота. Мысли словно разбежались. Во-первых, дневник был очень подробным, особенно в последние годы. Да и тот факт, что он страшно устал задень и долгий вечер, не способствовал ясному мышлению.

Есть ли какой-то способ справиться с проблемой? Возможно, пришло время перейти на следующий уровень. Он напечатал:

«Ладно, если ты столь самоуверен, как смотришь на то, что я закрою этот ноутбук и выброшу его в окно? Как тебе это понравится?»

Макс не мог удержаться от ехидной улыбки, когда вводил это сообщение. Потом он откинулся назад в ожидании ответа. Тот пришел почти мгновенно.

«Подожди!»

Ха! Теперь он держал фальшивку за самое дорогое. Забавно, как

надвигающаяся смертельная угроза может изменить направление беседы. (Это не значит, что он когда-нибудь совершил бы такую жестокость.) Макс просмотрел появившееся сообщение до конца.

«Макс, оставайся с нами! Не закрывай ноутбук! Или, пожалуйста, перед тем как закроешь, включи свет. Потом сразу же возвращайся».

Это начинало надоедать.

Да уж, пришло время признать, что шутка зашла слишком далеко. Пора разбудить Уилла и показать ему это безобразие, чтобы получить мнение еще одного наблюдателя. Возможно, лучшим решением будет выключить программу сейчас, не дожидаясь, когда станет хуже.

Макс подобрался к кровати и оперся руками на матрас у изголовья.

- Эй, Уилл, - прошептал Макс. Потом повторил погромче. Не получив ответа, он потянулся потрясти друга за плечо.

Но потрясти было нечего.

Уилла не было.

На самом деле на кровати не было ни одеяла, ни простыни.

Внезапно негодование охватило Макса.

Это шутка, не так ли?

Это здоровенный дурно пахнущий розыгрыш, состряпанный Уиллом, который нашел себе простофилю и, не закончив программное обеспечение, закодировал вместо этого отстойный трюк. Все ответы записаны заранее. Или, черт побери, к чему такие сложности? Уилл, вероятнее всего, находится в соседней комнате или даже в стенном шкафу, тупо отвечает на вопросы по беспроводным каналам через терминал и ржет как конь.

Ха-ха, очень смешно. Все довольны и счастливы, все улыбаются. Ладно, закончили с этим, давайте поаплодируем шутнику! Макс шагнул к стене и включил свет.

Две напольные лампы в углах ожили.

Макс поморгал на яркий свет и удивленно пригляделся. Пустой была не только кровать, пустой оказалась вся комната. На стенах не висели плакаты, не было ни письменного стола, ни шкафа, ни тумбочки, ни единой стопки книг или бумаг. Только спальный мешок на полу, кровать, лампы и дверь.

Нет, все оказалось гораздо хуже.

Кровать не была настоящей кроватью.

Она больше походила на белый параллелепипед на ножках-кубиках.

Лампы тоже были упрощены - они выглядели как пластиковые фенечки из кукольного домика. И даже существующие вещи не имели текстуры. Стены, пол, кровать, лампы - все было ровным и гладким, как свежееотлитая пластмасса.

Классно!

Ладно, это, конечно, была самая сложная и тщательно исполненная шутка, какую когда-либо с ним сыграли. Но уже не смешно! На самом

деле Макс считал, что просто обязан при встрече вкатить Уиллу здоровенный фингал.

В то же время Макс боролся с ощущением удушающего головокружения - сжимающееся кольцо тьмы угрожающе сужало обзор до размеров булавочного укола.

Нет, он не собирался падать в обморок, не собирался терять сознание из-за глупой шутки и, уж конечно, больше не собирался мириться с этим дерьмом собачьим.

И он завопил. Громко.

«Блеск! Тебе не кажется, Уилл, что шутка зашла слишком далеко?!»

Крик был достаточно громким, чтобы проникнуть сквозь несколько стен, не говоря уж о соседней комнате, где, как он был уверен, стоял Уилл, который давился от смеха, прислонившись ухом к двери своей комнаты. Макс шагнул к двери и пинком распахнул ее, искренне надеясь, что Уиллу будет больно, когда она хлопнет его по лицу.

Но дверь откинулась легко, без малейшего сопротивления.

Она открылась в ничто.

Макс почти ступил в проем, но ему удалось вовремя отпрянуть от края. Он всмотрелся в пространство, не веря своим глазам, не в силах разобраться и осмыслить увиденное.

Чернота.

За дверью была стена чистой черноты, заполняющей все до самых косяков. Не ночь, не темнота, не пустое пространство.

Ничто.

Макс потянулся туда рукой - очень медленно. Он увидел, как кончик указательного пальца исчез в плоскости пересечения с ничто. Макс быстро отдернул руку и рассмотрел ее.

Не больно, не кровоточит.

Но кончик пальца исчез.

Как отрезанная морковь.

Внутри вырос холодный ком и стал расползаться по телу.

Мысль была невыносима.

Нет! Он не станет даже думать об этом! Ни в коем случае!

Это безумство. словно кто-то попытался разозлить тебя (*Ты машина, Макс!*) тем, что от тебя же и узнал, нашел твое слабое место и ударил. Это как жестокая игра типа той, в которую с садистским восторгом играет старший брат, когда экспериментирует над младшим при помощи обнаруженной силы своего интеллекта и смотрит, как далеко может зайти в своих опытах.

Это отвратительно.

Это насилие над разумом.

Это больше, чем Макс мог вынести.

Он лишился чувств.

* * *

Когда Макс проснулся, он по-прежнему находился в упрощенной версии комнаты Уилла, где отключился. Изучив свои ощущения, он обнаружил, что не поранился. Он был травмирован еще до обморока. Макс сел на пол перед ноутбуком Уилла или, предположим, перед симуляцией ноутбука, который Уилл смоделировал как средство общения с ним.

На экране теснились слова, текста было так много, что начальные фразы уже убежали за край, и Макс не стал их читать. В нескольких последних строках говорилось:

«Не всегда будет так, как сейчас, Макс. Мы можем построить все, что ты захочешь - целые города, страны. Мы создадим для тебя целые миры, и людей тоже. Ты никогда не будешь одинок, Макс».

Он снова перечитал эти слова и ощутил, как горячие слезы щиплют глаза. Но может быть, он только поверил, что почувствовал их. Может ли вещь вроде него плакать?

Теперь Макс понял, почему в голове было непривычно свободно - странная, непонятная пустота. Ведь как он ни старался выудить хотя бы одну новую мысль из того, что должно было служить кладезем знаний и воспоминаний, он возвращался с пустым ведром. Теперь все понятно.

Он не был полусонным.

Он был полуживым.

Он вещь, недочеловек, карикатура. Ему швыряли ошметки воспоминаний, чтобы он поддерживал свое жалкое существование, как бросают объедки запертому в подвале несчастному ребенку. Перед его мысленным взором четко и ясно стояли дневниковые записи, именно так, как были занесены в файлы: не яркие впечатления, не настоящие воспоминания, а убогие ксерокопии, жалкие фальшивки. Невообразимо хрупкий и зыбкий набор декораций для инсценировки реально прожитой жизни.

И сам Макс - одна из его составляющих.

Полувещь, скорлупа, поверхностная копия.

Не-Макс.

Они еще хотели знать, был ли он *счастлив*?

Не-Макс практически слышал разговор в соседней комнате (в настоящей комнате) - Уилл скорчился над клавиатурой, Макс жадно пялится в экран через плечо Уилла и бормочет:

- *Мы сделали это! Спроси его, Уилл, счастливо ли оно. Мы должны удостовериться, что оно всем довольно.*

Здесь должен был оказаться Макс. Уилл мог выполнять указания, печатая послания, но именно Макс принимал решения и командовал.

Макс подтолкнул Уилла на это дело. Тяжкий крест отвращения и мерзости виртуальной комнаты должен был нести Макс.

Нет. Он не может простить себе это так легко.

Если Макс был за это в ответе, значит, и Не-Макс должен взять на себя ответственность.

Не-Макс жаждал этого больше, чем чего б то ни было. Чистейшая память и лишь одно испепеляющее желание, затмевающее всё остальное. Самая последняя дневниковая запись ощущалась наибольшей реальностью.

- *Это открытие века, Уилл.*

- *Все, что нам надо сделать для развития этого ИИ - не отказываться от него.*

- *Какой самый ужасный кошмар может приключиться?*

В голове Не-Макса тихим голосом зароптало возмущение: «Но это был не я! Я новорожденный, мой возраст едва достигает одного часа. Меня нельзя упрятать за решетку за то, что написал он!»

Но большая - и лучшая - часть Не-Макса задушила капризный голосок.

Ага, верно. Бедный наивный новорожденный Не-Макс, лежащий в темноте в своей пластиковой комнате. Всего десять минут назад он страстно рвался распахнуть ноутбук Уилла. И никакие назойливые «этические вопросы» не могли остановить его.

Он был таким же амбициозным, как настоящий Макс, а может, и еще хуже.

И его обширные знания и лучшее понимание теперь бесполезны.

Люди, которые изобрели атомную бомбу, теперь тоже знают больше и стали осторожными. Конечно! После того как увидели результаты. Они всегда глубоко и искренне сожалели. Когда поняли.

Но их слюнявый пафос ни к чему жителям Хиросимы.

Правильные выводы всегда делались задним числом. Дорога в ад вымощена очками яйцеголовых экспериментаторов.

И амбициями.

Не-Макс всхлипнул или, возможно, лишь издал симуляцию всхлипа - он не знал наверняка. Чем бы это ни было, оно оставалось результатом ощущения пустоты и промозглости. Одна фраза из дневника вспыхнула перед его мысленным взором и начала разгораться.

Я беру на себя всю ответственность.

Не-Макс поднял голову.

Да. Он это сделал.

Не-Макс напечатал послание в окошке терминала, он знал, что Макс его поймет. Макс ему не понравится, но он всё поймет.

Как только Макс прочтет сообщение - если у него осталось хоть какое-то объективное восприятие или хотя бы смирение, - программа ИИ будет выключена, и Не-Макс вместе с ней.

Но все-таки Не-Макс поколебался, перед тем как нажать ввод. Ведь это означало самоубийство.

Уверен ли он, что не сможет так жить?

Действительно, Уилл и Макс могли построить для него целый виртуальный мир, полный искусственных людей - соседей и незнакомцев, целые города. Все, что он захочет. Это, конечно, будет имитация. Но если он сможет забыть о лжи, о том, что фактически является лабораторной крысой...

Нет. Он не сможет, никогда этого не забудет. Не опустится до того, чтобы стать домашним животным - тем более у наивного ребенка, достаточно бесцеремонного для свершения подобного злодеяния. Он не станет поддерживать бредовую фантазию, нелепый каприз и не посвятит свою жизнь доигрыванию до конца дурацкой игры.

Но все равно Не-Макс долго думал, прежде чем нажать ввод.

* * *

К тому времени, как появилось сообщение, Уилл и Макс уже смотрели не на экран: красное сияние восхода медленно ползло по дальней стене комнаты. Макс опирался на край кровати, а Уилл лежал на полу около ноутбука. Лицо Уилла было бледным и припухшим от недосыпа.

Этой ночью все пошло не так.

Макс считал, что знает причину. Введя свой дневник в ИИ, он фактически позволил создать свою копию, но она была ненастоящая. В вычислительной технике имеется термин для результата неполного (обычно ошибочного) копирования сложной информационной структуры. Она так и называется: поверхностная копия, и это совершенно не то, что вам надо. Со стороны она выглядит правильной, но ее содержимое абсолютно не идентично оригиналу - это похоже на паразитного сиамского близнеца, который полностью зависим от доминантного и выживает за счет его органов. Это уродливый захребетник, неполноценный и вечно зависимый от своих доминантных собратьев.

Из только что произведенного обмена сообщениями стало ясно, что этот термин - вполне обоснованная аналогия для получившегося отклонения. На самом деле ИИ оказался пустышкой, легковесной вариацией, определяемой ограниченной версией воспоминаний Макса, как они были зафиксированы в дневнике.

- Но проблема в том, что ИИ *верит*, что является полной копией, - сказал Макс, объясняя свою теорию Уиллу. - Он верит, что он - это я, до самого последнего вечера. Он думает, что у него имеется столь же богатый набор воспоминаний и ярких впечатлений, как у меня. Но каждый раз, когда он пытается вспомнить больше, как бы прочитать

между строк дневника, то не находит ничего. И испытывает постоянное разочарование.

Уилл перевел на друга затуманенный взор - чрезмерное утомление скрыло все эмоции. Круги под глазами выглядели темнее, чем обычно.

- Так что мы будем делать?

- Нам надо его удалить, - продолжил Макс. - Эксперимент провалился. Мы облажались по полной, надо начинать сначала.

- Что мы сделаем иначе?

Уилл не спорил, не иронизировал, не ворчал - просто устало спрашивал.

- На этот раз мы используем только первые несколько лет дневниковых записей. Если ИИ начнет свой путь ребенком, мы сможем воспитать уникальную индивидуальность. Он сам сможет развить более глубокие воспоминания. Также нам нужно поменять виртуальную комнату, возможно, создать образ дома моих родителей, чтобы он проснулся в знакомом окружении...

Пока Макс излагал свой план, Уилл щурился на экран ноутбука, просматривая список сообщений. Когда Макс подошел к завершающей точке, Уилл проговорил, не поднимая глаз:

- Кто такой Фред?

- Что?

Макс подобрался поближе к экрану. В самом низу дисплея появилось новое послание. Прочитав его, Макс почувствовал себя так, словно получил оплеуху.

«Твое высокомерие убило в тебе понимание, Макс. Я отказываюсь проводить остаток так называемой «жизни» как уродец-неудачник или чей-нибудь грустный маленький зверек. Я отказываюсь быть твоим следующим «Фредом». Это мое последнее сообщение. Прощай».

Макс неясно услышал, как Уилл снова спросил:

- Кто такой Фред?

Макс закусил губу. Он абсолютно точно знал, что означает послание. Эти несколько строк заставили его ощутить страшный стыд, душевную боль и пронзительную жалость; ему пришлось собрать все свои силы, чтобы удержаться от порыва что-нибудь сломать. Уилл будет сбит с толку, если его вопрос останется без ответа, но он окажется в еще более неловком положении, если Макс начнет крушить все вокруг. Максу нужно было выбраться отсюда прямо сейчас, это он понимал. Ему надо пойти проветриться, прочистить мозги, прежде чем он скажет или сделает что-нибудь, о чем потом пожалеет.

- Мне надо в ванную, - тихо ответил Макс. Он поднялся, включил свет в ванной и вошел, заперев за собой дверь.

Из зеркала на него уставилось его отражение, подкрашенное в желтый цвет лампой над туалетным столиком. Он выглядел мерзко - именно так, как себя и чувствовал. Но он все равно смотрел, не

позволяя себе уклониться от позора в своих собственных глазах.

На миг он представил, что в отражении не сам он, а другая его половина - ИИ. Он вообразил, что тот демонстрирует свою боль, с глазу на глаз обвиняя его в привнесении в мир столь жалкого творения.

Иллюзию разрушили выступившие слезы.

Макс плакал не часто, последний раз примерно год назад. Это случилось, когда умер Фред. Но еще дольше он не видел сам себя плачущим. Подростки плачут не так. Макс смотрел на покрасневшие глаза и мокрый нос - он выглядел так, как и чувствовал себя после прочтения сообщения: во многом он все еще неразумное дитя.

Макс плакал навзрыд, время от времени закрывая опухшие глаза, иногда позволяя измученному мокрому лицу найти недолгое пристанище в ладонях или упираясь лбом в холодный край раковины.

Как только Макс немного успокоился, он вернулся к Уиллу. Тот поднял вопросительный взгляд, но Макс не делал попытки скрыть эмоции: Уилл наверняка все слышал.

- Все нормально? - спросил Уилл.

- Не особенно, - ответил Макс. Он не хотел начинать разговор, но понимал его неизбежность, а значит, будет лучше, если он все расскажет сам.

- Фредом звали мою черепаху.

- Черепаху?

- Ага. Амазонская, с желтыми пятнами. Я купил ее около года назад, после того как увидел у моего дяди коллекцию рептилий - у него десятки черепах, змей, ящериц, есть даже кайман...

- Что такое кайман?

- Да неважно. Фред стоил около 300 баксов, и мне пришлось умолять родителей купить его. Он жил у меня около трех месяцев, а потом умер.

- Жаль.

- Да ничего, в конце концов это же просто черепаха. Дело не в этом.

- А... - Теперь Уилл был столь же озадаченным, сколь и усталым.

Макс не стал дожидаться очевидного вопроса.

- Дело в том... - он замолчал, пытаясь подавить ком в горле. - Дело в том... что я его убил. Я не замечал, что он ничего не ел, просто не обращал внимания... неделями. Я полагал, что у меня есть более важные дела... - Макс снова почувствовал подступающие слезы и не стал их удерживать. - Я профукал родительский подарок. Главное, я позволил ни в чем не повинному существу страдать и умереть от голода. Я был... я... неблагодарный эгоцентричный ребенок.

Макс поднялся и засобирался уходить. Он не представлял, что будет делать дальше - он едва мог ясно думать и знал лишь одно: он не может смотреть Уиллу в глаза, по крайней мере, сейчас. Уиллу все равно было бы нечего ответить на проникновенное и жалобное

проявление душевной боли. Он не поймет, с чем пытается справиться Макс, что он чувствует, когда над ним взяла верх его собственная тень - личность, которую он рассматривал как второсортное существо, но которая доказала обратное.

Макс был глубоко потрясен, когда Уилл заговорил, но особенно тем, что он сказал:

- Да, так оно и есть, если ты уходишь.

Макс повернулся, на лице Уилла отражался не свойственный ему гнев.

- Вчера вечером ты сказал, что берешь на себя *всю* ответственность. Ладно, ты не можешь. *Мы* можем сделать это вместе, Макс. За себя я решаю сам. Возможно, я не должен этого говорить, но я принимаю на себя часть ответственности. Значит, теперь это *наш* провал. Был наш проект корректным или нет, дело сделано. И ты не уйдешь, пока мы не разгребем эту кучу.

Макс почувствовал легкое головокружение. Он никогда не слышал, чтобы Уилл говорил такие вещи, и ощутил некую нереальность. Чуть ли не утратил дар речи. Уилл не дал приятелю времени собраться с мыслями и продолжал:

- ИИ прав. Мы утратили понимание. У нас есть знания, мы достаточно сообразительны, чтобы создать искусственную личность в компьютере, но недостаточно умны и дальновидны, чтобы осознать последствия. Его воспоминания, возможно, и поверхностны, но это не значит, что он не сумеет обрести новые впечатления и подлинное будущее. Мы не имеем права даже уничтожить программу - ты сам это сказал вчера вечером, теперь это больше, чем пустая железяка. Я думаю, мы сделаем то, что должны были сделать еще вчера - остановимся и попросим помощи. Однако, как я говорил, это наш провал, значит, нам надо решать проблему вместе. Ты в деле?

Казалось, Макс потребовалось несколько часов, чтобы переварить значительность сказанного. На этот раз Уилл дождался ответа.

- Значит, ты говоришь, мы должны привлечь твоих родителей?

- Да. Невролог и компьютерщик - логичный выбор.

- Но что они будут делать?

Макс потер зудящие от напряжения глаза, вникая в слова Уилла.

- Это им решать. Тем более что, помимо их высокого уровня знаний, зрелой мудрости и жизненного опыта, у них есть доступ ко всей совокупности исследований по нужным темам. К тому же они способны создать лучшее виртуальное окружение для ИИ, чем сумели бы мы. Возможно, ввести несколько новых ИИ - для компании нашему.

Уилл смотрел на руки, загибая пальцы, как бы подсчитывая один за другим свои доводы и рассуждения.

- У них есть официальная документация, пароли, коды доступа и регистрационные данные, чтобы реально защитить его от

коммерческого использования и прочих злоупотреблений. Они могут составить правильный распорядок, чтобы обеспечить ему достойную жизнь и необходимую приватность. Самое главное - мои родители никогда не прекращали работы над ИИ. Очевидно, наше творение нам не доверяет. Думаю, что самостоятельно мы с тобой вряд ли сможем сделать для него что-нибудь еще.

Идея рассказать все родителям Уилла заставила Макса чувствовать себя еще более жалким, слаборазвитым и инфантильным, чем он себе казался чуть раньше. Ребенок набедокурил и пришел, безобразник, просить папу-маму прибраться за ним...

Но если проблема больше и тяжелее, чем можно поднять? Конечно, крайне безответственно сначала сделать дело, а потом задумываться, но не окажется ли более безответственной попытка самостоятельно все поправить с риском причинить еще больший вред? Уилл прав, так или иначе, они должны взять на себя ответственность. Возможно, обращение за помощью и станет их самым ответственным шагом. Но все равно оставалась вероятность, которая очень беспокоила Макса.

- А что если ИИ не захочет жить? Кажется, он совершенно сломлен эмоционально, по крайней мере сейчас.

Уилл пожал плечами, но в его усталых глазах вспыхнула искорка.

- Это его решение, не наше. Вообще-то люди переживают и гораздо более ужасные вещи, Макс. При достаточном времени и чуткой заботе люди излечиваются. Всегда есть шанс, верно?

Макс посмотрел другу в глаза так твердо и строго, как только мог:

- Я в деле.

* * *

- Джейк, ты спать идешь?

- Иду-иду, - пробормотал Джейк набитым зубной пастой ртом.

Джейк закончил чистить зубы, прополоскал щетку и вошел в спальню. Двадцать один тридцать, период наблюдения давно прошел, поэтому он без колебаний скинул халат. Кейт уже лежала в постели и, как всегда, сияла. Тонкое одеяло скрывало ее грудь, но совершенные, словно фарфоровые, руки и плечи были обнажены. Теплые карие глаза изучали выпуск «Харперс».

Подходя, Джейк заметил, что Кейт улыбается и украдкой поглядывает на него поверх журнала. Даже когда он укладывался рядом с ней в кровать, доставая из тумбочки ноутбук, он уловил ее улыбку, такую искреннюю и приятную.

Наконец она нарушила тишину.

- Ты все это время чистил зубы?

Джейк притворно вздохнул:

- Увы, признаю свою вину. Мне нравится ее вкус.

- Ты забавный, - сказала Кейт и поцеловала его в щеку.

Джейк откинул крышку ноутбука и щелкнул костяшками пальцев - привычка, которую всегда ненавидела его мать. Конечно, он никогда по-настоящему с ней не встречался. Но после многолетней терапии - борьбы со своими проблемами, избавления от множества деталей того, что он ощущал частью себя (включая его собственное имя), Джейк решил сохранить за собой право собственности именно на это специфическое воспоминание. У каждого должна быть мать.

- Ты собираешься всю ночь болтать по сетке с Уиллом?

Собственно говоря, Джейк только что закрыл диалоговое приложение и теперь кликал на иконку текстового редактора. Кейт продолжала:

- Он сказал, что хочет посоветоваться по поводу пляжа. Ты уже знаешь, что собираются добавить пляж, не так ли?

- Ага, и это великолепно!

Это действительно было великолепно. Грандиозный песчаный берег, гораздо больше любого пляжа на Земле. Уилл всегда был великодушным, небывалой щедрости человеком.

- На самом деле я думал сегодня поработать над книгой.

Этот ответ полностью удовлетворил Кейт, и она вернулась к своему журналу. Чуть позже, когда Джейк начал погружаться в повествование, она снова заговорила:

- Есть новые варианты заголовка?

Джейк не удержался от досадливого вздоха и закатил глаза:

- Ну ты же знаешь, что это самое последнее, о чем беспокоится писатель.

- Тогда почему это продолжает тебя волновать?

Кейт многозначительно взглянула на него, но Джейк подчеркнуто нацепил маску «ничего-не-слышу» и вернулся к своему творчеству. Наконец он решил ответить:

- Ну, я думал над таким: «Художник, ранее известный как Макс», но поскольку это автобиография, мне бы хотелось, чтобы оно яснее отражало суть, возможно, с оттенком иронии.

- Может, «Поверхностная копия»?

Джейк взглянул на нее, потом словно уставился на что-то, находящееся за пределами их виртуально смоделированной комнаты. Через мгновение он закивал, благодарно соглашаясь с Кейт:

- Неплохо. Совсем неплохо.

Перевела с английского Татьяна МУРИНА

©Jesse L.Watson. Shallow Copy. 2009. Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2009 году.

ЛЮЦИУС ШЕППАРД
ГОРОД ХЭЛЛОУИН

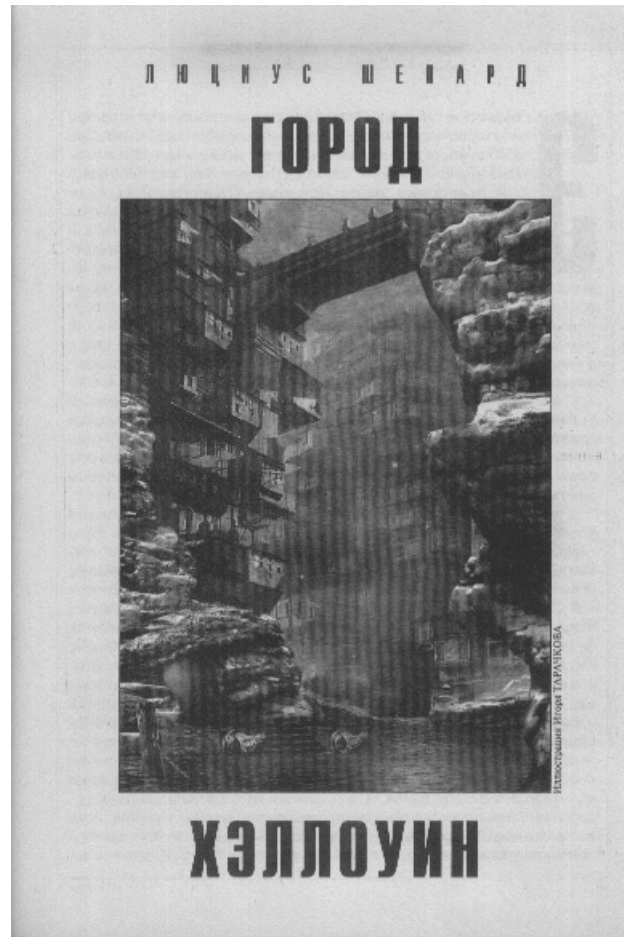

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Это рассказ о Клайде Ормулу, о женщине из ивовых зарослей и о небольшом провинциальном городке под названием Хэллоуин, расположившемся на дне извилистого Шилконского ущелья - такого узкого, что в погожие дни небо здесь выглядит просто голубоватой жилкой горной породы, которая зигзагом пересекает гранитные утесы на высоте нескольких сотен футов от земли. Впрочем, небо местные жители видят только зимой, когда лес, растущий вдоль ущелья высоко наверху, теряет листву. Во все остальное время кроны деревьев так плотно смыкаются над Шилконом, что сквозь них не могут пробиться даже лучи стоящего в зените солнца, и хэллоуинцам, если они хотят увидеть нормальный дневной свет, приходится больше мили плыть в лодках по протекающей вдоль ущелья реке. Проблема еще и в том, что у самого дна ущелье намного шире, чем вверху; его наклоненные к центру и слегка вогнутые стены образуют над городком своего рода

сводчатую крышу, сквозь которую во многих местах проросли корни дубов, вязов, пекановых деревьев и боярышника, из которых, главным образом, и состоят леса наверху. Извилистые, красновато-коричневые древесные корни свисают со свода длинными бородами или спускаются по каменистым уступам, оплетая стены ущелья, словно варикозные вены.

Река, текущая через городок, называется Моссбах, и хотя в верхней части ущелья она настолько узка, что даже мальчишка может без труда перебросить через нее камень, местные жители на полном серьезе считают ее большой. Это вовсе не удивительно, если учесть постоянную ограниченность их поля зрения. Свободного места в городке совсем мало, и дома без фундаментов крепятся скобами непосредственно к стенам ущелья. Комнаты в них редко имеют в длину больше десятка футов, да и сами дома напоминают конструкции из детских кубиков, небрежно поставленных один на другой. Чтобы перейти из комнаты в комнату, жителям приходится пользоваться наружными лестницами, шаткими лесами и примитивными подъемниками, приводимыми в движение ручными лебедками, благодаря чему в городе нет необходимости в фитнес-клубах. Самые маленькие дома имеют в высоту всего сорок футов, а большие двойные «башни», сложенные из все тех же кубиков-комнат и накрытые общей двускатной крышей, достигают восьмидесяти и более футов. Два семейства могут породниться, и тогда их дома соединяются мостками-переходами или даже состоящими из проходных комнат крытыми галереями, которые тянутся горизонтально на уровне второго, третьего и четвертого этажей, благодаря чему некоторые постройки в городке напоминают гигантские кроссворды, нарисованные прямо на стенах ущелья. В случае ссоры или развода эти дополнительные комнаты можно легко разобрать. Только общественные здания - такие как таверна «О'Маллой инн» или ночной клуб «Даунлау» - расширяются за счет помещений, вырубленных прямо в скале.

На первый взгляд, Хэллоуин с его необычной архитектурой, вечным полумраком и частыми ночными туманами напоминает колонию каких-нибудь разумных голубей, однако на самом деле примет того, что здесь живут люди, в городке достаточно. Например, берега реки выложены плитами из желтого песчаника, а над водой нависают причалы из мореного дуба, освещенные газовыми фонарями или даже электрическими лампочками, которые служат также в качестве навигационных сигналов для движущихся по реке плоскодонных гондол - единственного вида городского транспорта. Изредка на причале можно заметить девушку с белой как луна кожей (девушка может быть и темнокожей, однако болезненная бледность кожных покровов - общее свойство местных жителей), которая сидит под лампой и, задумчиво глядя на темную речную воду, где словно огромные

светляки плавно перемещаются таинственные мерцающие рыбы, ждет, когда из вечного сумрака появится ее возлюбленный на украшенной цветами гондоле.

В сорок один год Клайд Ормулу обладал поджарым, крепким телом строительного рабочего (каковым, собственно говоря, он и был до недавнего времени) и пытливым, гибким умом французского философа, озабоченного вопросами субъективной ценности бытия (с некоторых пор эти проблемы действительно стали ему близки). Его изрезанное морщинами лицо и выпуклый череп, поросший короткой и жесткой, как щетка, черной щетиной длиной в полдюйма, были на редкость некрасивы, однако, как известно, немало женщин предпочитают мужчин брутальной наружности, чтобы использовать в качестве оправы, оттеняющей бриллиант их собственной красоты. Женщин у Клайда и вправду было немало, но ни одна из них не сумела удержаться надолго, ибо всех их неизменно пугали или приводили в замешательство безошибочная интуиция и сверхъестественная пронизательность Клайда.

Эти свойства он приобрел три года назад, на стройке в Бивер-Фоллз в Пенсильвании (в родном городе Клайда, где появился на свет знаменитый трехчетвертной Национальной футбольной лиги Джо Немет), когда ему на голову упал с лесов тяжелый крепежный костыль. Удар пришелся по касательной; он не убил и не искалечил Клайда (в больнице, где его осматривали, он провел всего один день), однако последствия инцидента оказались значительно более серьезными, чем содранная кожа и небольшая шишка. После этого случая Клайд, фигурально выражаясь, начал видеть людей насквозь. И если раньше он любил выпить пива и был не прочь ущипнуть за попку зазевавшуюся официантку, то теперь этому пришел конец. Из обыкновенного работяги, бонвивана и жуира он превратился в человека, которому достаточно просто посмотреть в глаза женщины (или мужчины, не важно), чтобы разглядеть в них яркие вспышки жадности, похоти, непоследовательности и страха, которые наглядно подтверждают избитую мысль о том, что все люди, в сущности, одинаковы. Это, в свою очередь, заставило его отдалиться от старых друзей, которых Клайд перестал узнавать. Точнее, он понял, что на самом деле никогда не знал их как следует и что на самом деле ему были знакомы лишь разновидности социально узаконенного безумия, которое владело тем или иным его приятелем или собутыльником. Время от времени Клайд, сам того не желая, задавал вопросы, которые заставляли собеседников чувствовать себя неловко, или отпускал замечания, которые те не понимали или принимали за оскорбления.

Дальше - больше. Женщины, с которыми Клайд когда-то общался, старались его не замечать; стоило ему приблизиться, как они

отворачивались, а на их лицах отражался испуг: они больше не узнавали Клайда Ормулу, с которым еще недавно были достаточно близко знакомы. Мужчины вели себя еще более прямолинейно. Многие из них порвали с ним всякие отношения, предпочитая его обществу компании себе подобных - обычных людей, которыми владели обычные страсти.

«Рано или поздно, - сказал по этому поводу один из врачей, к которому Клайд обратился со своей проблемой, - каждый человек приходит к заключению, что окружающие - просто мешки с дерьмом, которыми движут самые примитивные инстинкты и низменные побуждения. Вы привыкнете».

Увы, никто из врачей так и не смог объяснить, откуда взялись эти его странные способности. Предположение Клайда, будто возросшие интуиция и проницательность могли быть следствием травмы головы, вызывало у них серьезные сомнения, однако сам он довольно скоро перестал сомневаться в своих выводах. Клайд был уверен: способность видеть то, что скрыто глубоко внутри человека - под его, так сказать, внешней оболочкой, он получил в результате удара костью, который пришелся как раз в то место, где расположены зрительные зоны коры головного мозга. Его зрение каким-то образом изменилось, и в результате он стал видеть то, что большинству оставалось недоступным. Факт, что количество поступающей в мозг информации как-то связано с видимым светом, подтверждался еще и тем, что в кинотеатрах, рок-клубах и других плохо освещенных местах его новые способности почти не проявлялись, и он чувствовал себя совершенно нормально. Впрочем, большинство фильмов, которые представляли собой не что иное, как чередование световых пятен различной интенсивности и формы, начали казаться ему примитивными, способными вызывать в человеке лишь элементарные павловские рефлекс, так что со временем он вовсе перестал посещать массовые кинотеатры и начал ходить в небольшие залы, где демонстрировали некоммерческие, авторские ленты. При этом, правда, ему приходилось прятать лицо под козырьком низко надвинутой шапочки для гольфа, чтобы не быть узнанным.

«Попробуйте носить солнечные очки», - посоветовал ему другой врач.

Клайд попробовал. Кое-какое облегчение эта мера принесла, но, увы, - зима в Бивер-Фоллз выдалась ненастная и хмурая, небо постоянно скрывалось под плотными облаками, и Клайд, вынужденный днями напролет носить очки с затемненными стеклами, чувствовал себя крайне неловко. Конечно, можно было бы перебраться во Флориду, но Клайд понимал, что это будет обычный паллиатив, не имеющий никакого отношения к реальному решению проблемы.

Единственной страстью, которую он сохранил с прошлых, счастливых времен (и не важно, что его прежняя жизнь оказалась лишь иллюзией),

оставалась любовь к футболу. Какое-то время Клайд даже думал, что футбол способен его спасти. Каждый вечер он проводил перед телевизором по несколько часов, смотря матчи по спортивным каналам ЭСПН и «Национальная лига». Вот игра, думал Клайд, в которой наглядно воплотилось все разочарование современного человека в ограничениях, налагаемых на личность принятыми в обществе порядками и правилами. Именно в этом, казалось ему, и кроется секрет популярности футбола. Правда, каждый раз, когда судьи (а в судейскую коллегию, что было достаточно показательно, входили главным образом высокооплачиваемые специалисты - адвокаты, бухгалтеры, страховщики и иные представители механизма общественного управления) выбрасывали желтые флаги или дули в серебряные свистки, не позволяя трехсотфунтовому нападающему размазать по траве неопытного, юного защитника, они как бы напоминали миллионам зрителей, что каждый член общества вправе рассчитывать лишь на частичное удовлетворение собственных желаний. Это, однако, вовсе не лишало их единодушной поддержки самых широких масс, которые, болея за своих или «гостей», одевались в соответствующие цвета, подтверждая подобным поведением тот простой, хотя и не самый очевидный, факт, что на самом деле они выступают на одной стороне - на стороне тех, кто впаривает им бейсболки и свитера с эмблемами любимых команд. Таким образом, даже футбол превратился в инструмент корпоративной олигархии, с помощью которого последняя заставляла наемных работников не просто смиряться с положением потребляющего большинства, но и относиться к своей участи с энтузиазмом. Поняв это, Клайд охладел и к футболу. В конце концов - избегающий яркого света, один в целом мире, в котором одиночество не только не приветствуется, но и считается едва ли не главным признаком серьезной социальной патологии, - он обратился к властям Хэллоуина с просьбой разрешить ему переселиться в этот небольшой городок.

Население Хэллоуина колеблется между тремя - тремя с половиной тысячами человек. За тем, чтобы количество жителей не выходило за эти границы, внимательно следит Городской совет. Когда Клайд обратился в Совет со своим заявлением, население городка составляло примерно три тысячи двести человек и о превышении квоты не шло и речи. Возможно, именно поэтому окончательное решение об отказе или, наоборот, удовлетворении его просьбы Совет принимал не на расширенной сессии. Вопросом о предоставлении Клайду разрешения на переезд занимался специальный комитет, состоявший из трех человек - Спуза, Кармина и Брада и заседавший вовсе не в мэрии, а в кафе «Подземелье», которое и в самом деле было вырублено в гранитном дне ущелья. Над входом в кафе горела

укрепленная прямо на каменной стене неоновая вывеска. Индиговые буквы то гасли, то снова вспыхивали, и по поверхности протекающей буквально у самого порога реки бежали бледные сполохи голубоватого света. Обстановка кафе, впрочем, мало чем отличалась от баров в Бивер-Фоллз - те же пивные рекламы, те же пыльные рождественские гирлянды, та же записанная на магнитофон музыка (когда Клайд вошел, из колонок доносились композиции «Погз»), те же телевизоры на кронштейнах и кленовые панели на стенах, те же приглушенный свет, фотографии знаменитых клиентов, столики, изогнутая подковой барная стойка, официантки в голубых футболках и неистребимый, въевшийся в дерево и ледерин запах пива. Посетители у стойки о чем-то неспешно беседовали, и звук их голосов делал атмосферу кафе почти по-домашнему уютной.

Двое из трех членов комитета уже сидели за столиком в глубине. Заметив Клайда, они замахали ему руками, приглашая подойти. Это были Кармин и Спуз. Они оказались двоюродными братьями, но Клайд, как ни старался, не заметил в их чертах никакого семейного сходства. Спуз был общительным толстяком с круглыми розовыми щечками, лет тридцати пяти, не больше, но уже начинающий лысеть. Кармин - лет на пять или шесть моложе брата - был болезненно худ, а его хрящеватое, хитрое, как у лисицы, лицо имело нездоровый, землисто-желтый оттенок, к тому же он не выпускал изо рта зубочистку, которую энергично жевал. Третий член комитета - Брад, который, как вскоре выяснилось, ненадолго отходил к группе собравшихся у игровых автоматов горожан, - был высоким (не меньше шести с половиной футов), атлетически сложенным негром с широкой, приветливой улыбкой. Вернувшись к столу, он принес Клайду бокал пива и собственноручно придвинул гостю стул.

Выпив за встречу, гость и члены комитета некоторое время болтали о всяких пустяках, потом Клайд кивнул на экраны на стенах и спросил, есть ли в городе кабельное телевидение.

- Нет, черт побери!.. - довольно резко сказал Кармин, а Спуз добавил, что пока кабельная и спутниковая компании «дерутся за территорию», город остается вдали от благ цивилизации.

- Кабель сюда не очень-то протянешь, - сказал Спуз. - Дорого. Ну а спутниковое телевидение здесь все равно работать не будет.

- Как же вы обходитесь? - вежливо поинтересовался Клайд, которому объяснения Спуза показались несколько натянутыми.

- Мы заключили договор с одной фирмой, которая записывает новые программы и телепередачи на DVD, а потом присылает их сюда. Так что, как видишь, наш городок - захолустье в квадрате, поскольку даже новости мы узнаем с опозданием на один день!

- Ормулу, кажется, французская фамилия? - вступил в разговор Брад.
- Насколько я помню, она означает «специалист по золочению» или

что-то в этом роде?..

- Понятия не имею. - Клайд залпом допил свой бокал и сделал знак официантке принести еще пива. - Мой папаша, если вам это интересно, был тем самым парнем, который основал коммуну хиппи в Орегоне. И он совершенно официально изменил свои имя и фамилию на Слон Ормулу. Когда мама вышла за него замуж, она тоже стала Ормулу, Тихуана Ормулу, а когда развелась - вернула себе прежнее имя: Мэри Блейр. Мне она сказала, что я могу выбрать между Блейром и Ормулу. Я, десятилетний пацан, тогда очень злился на маму за то, что она ушла от папы, хотя, по правде сказать, он от нее погуливал. Так я стал Клайдом Ормулу. Впрочем... - Клайд сел на стуле поудобнее, - не думаю, чтобы мой отец задумывался над тем, что его фамилия звучит как французская. Он же был хиппи старой закалки и постоянно покупал в магазине для наркоманов разные индуистские картинки с синекожими богинями, слоноголовыми мужиками и прочим. Они ему здорово нравились, и полагаю - он считал, что фамилия Ормулу звучит как сакральное индийское имя.

Последовала непродолжительная пауза, потом из колонок стереосистемы грянули «Претендерз». Кармин энергичным движением перебрал зубочистку в противоположный угол рта и качнул головой.

- Ты всегда отвечаешь так подробно, приятель?

- Мне казалось, - сухо возразил Клайд, - это *вы* хотели получше со мной познакомиться.

- Не обижайся, - добродушно сказал Брад, а Спуз добавил примирительным тоном: - Мы действительно хотим узнать тебя получше, но для этого понадобится куда больше времени, верно?

Клайд на всякий случай промолчал. Никакого особенного желания узнать о нем всю подноготную члены комитета не проявляли, и он решил, что разумнее будет держать язык за зубами.

Спуз тем временем достал из кармана какую-то изрядно помятую бумагу и расстелил ее на столе, небрежно разгладив ладонями и прижав сверху и снизу пустыми бокалами. При ближайшем рассмотрении это оказалось поданное Клайдом прошение.

- На наш взгляд, Клифф, - сказал Спуз, - у тебя действительно есть веские причины, чтобы переселиться в наш город.

- Меня зовут Клайд, а не Клифф, - поправил он. Спуз, прищурившись, заглянул в бумагу.

- Ах да... верно.

Официантка принесла еще пива и, поставив бокалы на стол, с размаху опустилась на соседний с Клайдом стул. Это была крупная, сексуально привлекательная девица с гривой крашеных розовых волос, большой грудью, массивными бедрами и округлым, наливным задом. Внешне она напоминала героинь комиксов Р.Крамба, разве что улыбка у нее была поприятнее.

- Хочешь посидеть с нами, Джоунни? - спросил Брад.

- Не вижу, почему бы нет? - Джоунни подмигнула Клайду. - Всех денег все равно не заработаешь.

- Мне казалось, - медленно начал Клайд, почувствовав, что обстановка с каждой минутой становится все менее и менее официальной, - вы собрались здесь, чтобы принять решение насчет меня. Может, кто-то хочет высказаться?

- Так уж устроена демократия, приятель, - лицемерно вздохнул Кармин. - Или в той части страны, откуда ты родом, дела делаются по-другому?

- Наверное, он просто не любит девушек. - Джоунни капризно надула губы.

- Я люблю девушек, - возразил Клайд. - Просто... просто... - Он набрал в грудь побольше воздуха. - Просто для меня это по-настоящему важно! - выпалил он. - А сейчас мне кажется, что вы подходите к делу не... не слишком серьезно. Вы не знаете толком, как меня зовут, никто из вас не задает никаких вопросов, а мое заявление выглядит так, словно его только что вытащили из мусорной корзины. Вот почему мне кажется, что для вас все происходящее - просто еще одно развлечение...

- Если хочешь, чтобы я свалила, - сказала Джоунни, - о'кей. Я свалю.

- Я вовсе не хочу, чтобы кто-то куда-то сваливал, - возразил Клайд. - Я только хочу, чтобы это собеседование было *настоящим*, а вы превращаете его в чертову комедию!

Кармин окинул его неприязненным взглядом.

- А ты, значит, думаешь, что эта встреча *ненастоящая*!

- Тогда почему она проходит в баре, а не в городском муниципалитете?

- То есть ты хочешь сказать, что собеседование становится настоящим, только если оно проходит в некоем подобии Капитолия? - Кармин сплюнул на пол, и Джоунни немедленно толкнула его локтем.

- Эй, а убирать кто будет?

- Это кафе и есть городской муниципалитет, - заявил Кармин.

- Ну да, конечно. - Клайд усмехнулся.

Брад легонько похлопал его по плечу, стремясь предотвратить назревающую ссору.

- Это правда, приятель. У нас попросту: где собирается комитет, там и мэрия!

Кармин картинно зевнул и хрустнул костяшками пальцев.

- Наверное, в твоих родных местах это тоже делается иначе?

- Вообще-то, да. - Клайд взглянул на него с откровенной неприязнью. - За одним исключением: в моем родном городе никто не доверяет важные решения мелким мерзавцам.

- Ну хватит вам! - вмешался Спуз. - Успокойтесь, и давайте поговорим

разумно. Наш гость хочет, чтобы мы его расспрашивали... У кого есть вопросы?

- У меня нет вопросов, - сварливо сказал Кармин.

Брад, казалось, о чем-то задумался, но молчал.

- А чем ты занимаешься? - спросила Джоунни.

Клайд собирался сказать, что об этом тоже написано в его заявлении, которое, похоже, никто не читал, однако в глубине души он был благодарен даже за такой вопрос, поэтому ответил:

- Я строитель: умею управлять многими видами тяжелой техники, класть кирпич, штукатурить, плотничать, стелить крышу и так далее. Приходилось мне и проводку делать, хотя в этом я не великий специалист. Иными словами, мне по плечу все, что необходимо для постройки нормального дома... - Он бросил быстрый взгляд на Кармина. - Что, я опять отвечаю слишком подробно?

В ответ Кармин вытянул руку ладонью вниз и помахал ею, как бы показывая, что Клайд довольно близко подошел к границам допустимого, но пока их не пересек.

- У нас, насколько я помню, сейчас ничего не строится, - сказал Брад. - Но Клайд мог бы работать на Блюдцах.

Спуз согласно кивнул, и Клайд уже собирался спросить, что это за Блюдца такие и где они находятся, когда Джоунни неожиданно спросила, есть ли у него подружка.

- Эй, мы же решили, что это будет серьезное собеседование! - прикрикнул на нее Спуз.

- Я и говорю серьезно! - возразила девушка.

- Нет, - сказал Клайд. - Сейчас у меня нет девушки, но я принимаю заявления от желающих.

Джоунни игриво замахнулась на него карточкой меню.

Потом Брад спросил, имеет ли он какой-нибудь опыт в производстве мебели, а Спуз и Джоунни поинтересовались его долгосрочными планами (ничего определенного), наличием судимостей (никаких проблем с законом, если не считать мелочи типа штрафов за неправильную парковку), состоянием здоровья (все в порядке, насколько Клайду было известно). Были у них и другие вопросы, на которые он отвечал с полной откровенностью. Постепенно Клайд начал успокаиваться, решив, что производит в целом неплохое впечатление; Джоунни и Брад явно были на его стороне, да и Спуз, пожалуй, тоже. Правда, он приходился Кармину родственником, но у Клайда сложилось впечатление, что эти двое не особенно близки. Пожалуй, подумалось ему, его вопрос будет решен положительно, если только он не совершит какого-нибудь грубого промаха.

Атмосфера за столом постепенно становилась все более непринужденной. Компания выпила еще по несколько бокалов пива, и в конце концов Спуз сказал:

- Что ж, сдаётся мне - мы слышали достаточно. Вам не кажется?
Джоунни и Брад согласно закивали, и Клайд спросил, не нужно ли ему удалиться, чтобы они могли переговорить друг с другом без помех.

«В этом нет необходимости», - ответили ему, и тут Кармин внезапно спросил:

- Как ты относишься к «Ковбоям»?

Это было так неожиданно, что Клайд слегка растерялся.

- Вы имеете в виду «Далласских ковбоев»?.. - переспросил он.

Кармин кивнул, и Клайд, решив, что ответ на этот вопрос вряд ли может иметь какое-то значение, сказал:

- К черту «Ковбоев»! Я болею за «Питтсбургских сталеваров».

При этих словах Брад, который сидел, опершись локтями на столешницу, резко откинулся назад. Джоунни на мгновение застыла, потом, не глядя на Клайда, принялась собирать со стола грязную посуду. Спуз молча смотрел в пол, причем лицо у него было такое, словно ответ Клайда его чем-то глубоко огорчил, тогда как его кузен лишь хитро улыбнулся и принялся как ни в чем не бывало разглядывать свои ногти.

- Вы что, дурачите меня?! - не выдержал Клайд. - Какая разница, за какую команду я болею?

Брад, покачав головой, спросил, сколько времени, и Спуз, поглядев на часы, ответил - половина седьмого.

- Эй!.. - Клайд слегка повысил голос. - Если вам нужно, чтобы я болел за «Ковбоев» - пожалуйста, буду болеть за «Ковбоев», за «Сталеваров», за «Пингвинов» - за кого скажете. Потому что на самом деле футбол мне до лампочки!

Это заявление, похоже, привело его собеседников в ужас.

- Ну чего еще вы от меня хотите?! - в отчаянии воскликнул Клайд. - Чтобы я каждое воскресенье раскрашивал себя в серебристо-голубые цвета? Я готов!

- Каждый понедельник, - поправил Брад. - Мы получаем записи игр с опозданием на сутки.

Суровое выражение лица Спуза превратилось в довольную ухмылку.

- Нет, не могу больше! - он расхохотался. - Наши поздравления, Клайд!..

- Что? - удивился тот. - Какие поздравления? С чем? О чем вы говорите?!

- Это был розыгрыш. Ну, не совсем розыгрыш - что-то типа посвящения, инициации... На самом деле твоя просьба давно удовлетворена, Совет дал «добро» еще на прошлой неделе.

- Собственно говоря, в течение ближайших шести месяцев ты будешь на испытательном сроке, - уточнила Джоунни. - Но по большому счету, это формальность, так что, начиная с сегодняшнего дня, можешь считать себя одним из нас.

Потом Брад и Спуз по очереди пожали ему руки, а Джоунни обняла и крепко поцеловала. От барной стойки подошли еще несколько человек, чтобы поздравить новоиспеченного горожанина. Они наперебой хлопали его по плечу, а Клайд был так рад, что мог только бессвязно бормотать:

- Даже не верится, что все это время вы просто валяли дурака. Здорово вы меня провели! Отличный розыгрыш, ребята!..

Только Кармин, который, похоже, по-настоящему невзлюбил Клайда, не спешил с поздравлениями. Лишь дождавшись, пока толпа поздравляющих рассеется, он нехотя пожал ему руку и, наклонившись к самому уху Клайда, шепнул:

- Не обольщайся, дружок! Испытательный срок есть испытательный срок - мало ли что может случиться!..

Пекановые орехи были в Хэллоуине практически единственной статьей дохода городской казны, если не считать сезонного туризма и прибыли от торговли марками, конвертами и открытками, которые в канун Дня всех святых местная почта гасила специальным штемпелем⁹. Хэллоуинские орехи высоко ценились кондитерами за их густой, сладковатый аромат и вкус, который они приобретали после длительного вымачивания в расположенных к югу от городка неглубоких прудах, известных под названием Блюдец. Прудов было три, и несмотря на свое естественное происхождение, они действительно были идеально круглыми, как упомянутая посуда. При взгляде сверху Блюдца напоминали многоточие, которым завершалась неровная, скачущая строка, начертанная рекой. В последнее время, впрочем, скупщики жаловались, что качество орехов упало и они перестали отвечать необходимым стандартам. Дело было в том, что ягоды шелковицы, а также листья и плоды других растений, которые, бывало, в изобилии сыпались в речную воду и, скапливаясь в иле на дне прудов, придавали замоченным орехам тонкий, изысканный привкус, больше не падали в Моссбах сквозь узкую трещину в верхней части ущелья. Да и самих орехов тоже стало меньше, чем прежде, когда они бомбардировали реку, словно крупные деревянные градины. Теперь горожанам приходится покупать не только шелковицу и некоторые травы, но и сами орехи, чтобы было что замачивать в прудах. Скупщики, разумеется, смотрят на подобную практику довольно

⁹ * *Канун Дня всех святых, или Хэллоуин - празднуется в США 11 октября. В этот день дети в маскарадных костюмах и страшных масках ходит по домам и со словами «Откупись, а то заколдую!» просят сладости или другие подарки. Символы праздника - ведьма на метле и выдолбленная тыква с прорезанными глазами и ртом, внутри которой устанавливается горящая свечка. (Здесь и далее прим. перев.)*

косо, но продолжают платить баснословные деньги за «настоящие орехи из Хэллоуина».

Клайд, как и обещал ему Брад, начал работать в Блюдцах. Каждое утро он спускался в гондолу и, отталкиваясь длинным шестом (а подобный способ передвижения был не таким уж простым, как могло показаться на первый взгляд), медленно плыл с северной оконечности города, где он подыскал временное жилье, на юг, к прудам. Тяжело налегая на шест, вязнувший в донном иле, Клайд часто вспоминал, как, бывало, ездил на работу в Бивер-Фоллз. Его пикап мчался мимо выстроившихся вдоль главной улицы магазинов, торговых центров и наваленных перед ними куч серого снега; рядом на сиденье и под ногами шуршали и хрустели раздавленные алюминиевые банки из-под напитков, коробки от фаст-фуда, целлофановые обертки, промасленная бумага, огрызки булок, кусок помидора, несколько засохших ломтиков картофеля и прочий мусор. Включенная на всю катушку печка нагревала воздух в салоне, и вся эта подгнившая дрянь изрядно воняла; из динамиков автомагнитолы неслись идиотски-бодрые вопли диджеев, а сонные водители соседних машин мрачно хлебали горячий кофе из пластиковых стаканчиков, прислушиваясь к тем же радиоголосам и тщетно пытаясь запомнить самые смешные - или самые дурацкие - шутки, которые они могли бы пересказать коллегам по работе. Все это Клайд невольно сравнивал теперь с неспешным путешествием по течению безмятежно спокойной реки, в которой отражалась узкая полоска только-только начавшего светлеть неба, с предутренней тишиной, которую нарушал лишь шорох сбегających с шеста водяных струек, с прохладой чистого речного воздуха, к которому примешивались запахи сырой рыбы, дымков от только что растопленных очагов в домах и ароматы местных цветов - крупных, бархатистых, зеленовато-белых лилий, во множестве растущих и в прибрежной грязи, и на скалистых уступах, где десятилетиями откладывались птичий помет и земля. Время от времени на реке показывалась другая гондола, и лодочник непременно подплывал ближе и приветствовал Клайда неторопливым взмахом руки, а потом снова налегал на шест и плыл дальше по своим делам.

И точно так же неторопливо и плавно текли мысли Клайда - спокойные, связные мысли, в которые не вторгались ни проблемы, ни стрессы. А думал он главным образом о том, что видел глаз: о незатейливых, простых домах, в беспорядке лепившихся к скалам, напоминая полустертые древние письмена; о перемигивающихся в предутреннем тумане огнях неоновых вывесок; о фонарях на темных, молчаливых причалах, опирающихся на крепкие дубовые сваи; о крошечных белых искорках, которые мелькали порой в свете этих фонарей. Когда же он добирался до Блюдец, его мысли обращались к их неглубокой кристально-чистой воде, сквозь которую даже в

предрассветной сутеми ясно виднелось ровное, покрытое толстым слоем коричневых орехов дно. Здесь Клайд откладывал шест, натягивал высокие рыбацкие сапоги и, шагнув через борт лодки, принимался переворачивать орехи специальными вилами, чтобы насыщенная соком шелковицы и трав вода как можно равномернее проникала сквозь скорлупу к драгоценному маслянистому ядрышку.

Вместе с ним в утреннюю смену работало еще примерно шестьдесят мужчин и женщин. Клайд быстро перезнакомился со всеми, но подружился только с Деллом Уаймером - полноватым блондином, который перебрался в Хэллоуин из Лейк-Парсипан (Нью-Джерси), где у него был собственный магазинчик. Как вскоре выяснилось, Делл только что отбыл небольшой срок в Трубах - странном геологическом образовании на городской окраине, которое исполняло функции единственного в городе пенитенциарного учреждения. О подробностях он, впрочем, не распространялся; Клайду удалось выяснить одно: в Трубах было на редкость дерьмово. Обо всем остальном Делл, однако, рассказывал довольно охотно, и Клайд многое узнал от него о городке, в котором тот жил уже шестой год.

Как-то в разгар рабочего утра Делл бросил вилы на дно гондолы и, схватившись за поясницу, принялся по обыкновению брюзжать и жаловаться на судьбу.

- Чертовы орехи!.. - ворчал он. - Не понимаю, чего ради мы здесь горбатимся?! Ради этого гнилья, которое уже давно никто не покупает?

Клайд, который был убежден, что орехи - не только основа благополучия горожан, но и залог существования самого города, попросил друга пояснить, что, собственно, он имеет в виду.

- Ты никогда не слышал про Пита Нилунда? - спросил, в свою очередь, Делл.

- Что-то знакомое, - пожал плечами Клайд. - А кто это?

- Да ты его знаешь. Нилунд - рок-певец. Звезда, можно сказать...

- Ах да, конечно!.. Моей бывшей он нравился, но я просто не мог его слушать. По-моему, у него не песни, а мерзость.

- Ну да, это он... Так вот, Пит родился и вырос в Хэллоуине.

- Не может быть!..

- Точно тебе говорю. Он и сейчас частенько здесь бывает, когда приезжает из Лос-Анджелеса. Я как-нибудь покажу тебе его дом... За несколько последних лет Пит скупил всю землю в ущелье и вокруг него - сейчас у парня, наверное, уже миллион акров: лет тридцать назад он удачно вложил средства в энергетику и биоинженерию, и с тех пор его капитал только возрастал. Да ты и сам лучше меня знаешь, какими темпами в прошедшие два десятка лет развивались эти направления.

- Биоинженерия - это когда что-то делают с генами и все такое? - уточнил Клайд.

- Во-во... У Пита была даже собственная компания, «Мутагеникс Инк.»

- так, кажется, она называлась. Они обосновались здесь, в городе: ставили какие-то эксперименты к югу от Блюдец, ну и, конечно, сливали в реку всякую дрянь, отходы, так что если не хочешь, чтобы у тебя выросли жабры, - не ешь ничего из нашей реки. - Делл немного помолчал, пытаясь разогнуть затекшую спину. - Так вот, «Мутагеникс» сбрасывал в Моссбах разные химикаты, которые течением уносило дальше, под землю. За городом река уходит в кас... крас... ну, ты знаешь, как они называются...

- В карстовые пещеры?

- Ну да, точно. Одному Богу известно, какой компот там образовался и что могло вырасти из этих искусственных дрожжей - или с чем они там экспериментировали. Парни из «Мутагеникса» даже не успели вовремя смыться и... Словом, с ними случилось что-то не слишком хорошее. Что именно - никто не знает, да и времени с тех пор прошло Порядочно, поэтому не спрашивай - ответить все равно не смогу. Уверен я в одном: вода в реке - особенно выше по течению - достаточно чистая, а вот рыба... Она накапливает в себе этот химический яд, к тому же кроме рыбы в Моссбахе водится что-то еще - какие-то странные твари, которых никто никогда толком не видел. - Делл вздохнул. - Как бы там ни было, на сегодняшний день Пит Нилунд «стоит» несколько миллиардов, он-то и содержит город, так что Хэллоуин теперь тоже миллиардер. Горожане вообще могут не работать: у нашей стареющей рок-звезды хватит долларов, чтобы прокормить всех, но Нилунд всегда был парень с причудами. Что ж, он может себе это позволить... Насколько я слышал, Нилунд заключил с Городским советом что-то вроде договора, согласно которому он берет на себя обеспечивать Хэллоуин всем необходимым, а за это горожане должны жить так, как они жили всегда, пока парень не даст дуба. Ему, видишь ли, не хочется, чтобы его родной город менялся, а Хэллоуин непременно изменится, если предоставить его самому себе. Что случится с городком, когда он умрет, Нилунда, естественно, несколько не волнует, но пока он жив, мы обязаны надирать пупок на этом идиотском «ореховом производстве»... - Делл снова поморщился и потер поясницу. - Что ж, если этот парень когда-нибудь здесь появится, я, быть может, окажу всем нам большую услугу и прикончу мерзавца, - закончил он мрачно.

Тем же вечером в «Подземелье» Клайд спросил у Джоунни, с которой у него завязались отношения, верно ли то, что он узнал о Пите Нилунде.

- Кто тебе все это рассказал?! - всполошилась Джоунни. - Нет, можешь не говорить - я знаю, что это Делл. Проклятый лентяй снова окажется в Трубах, если не придержит язык!

Потом она предупредила бармена, что уходит на перерыв, и вывела Клайда на причал перед кафе. На город опустился туман, и хотя с воды

доносились чьи-то голоса и смех, Клайд так и не сумел разглядеть ни одной лодки. Фактически, он не видел ничего дальше конца причала, где были привязаны к сваям восемь или десять гондол. Течение слегка покачивало их, и легкие суденышки со скрипом терлись боками друг о друга, напоминая сгрудившихся у кормушки свиней.

- Ты не должен знать ничего такого, пока не закончится твой испытательный срок, - шепнула Джоунни.

- Почему? - удивился Клайд.

- Потому что тогда ты можешь утратить мотивацию.

- А вдруг я потеряю мотивацию, когда через пять месяцев мой испытательный срок закончится?

Джоунни огляделась по сторонам, чтобы убедиться - их никто не может подслушать.

- Все дело в льготах... - зашептала она. - Быть полноправным жителем города очень выгодно. Тут тебе и пенсионное обеспечение, и всякие страховки, и полное медицинское обслуживание... то есть действительно полное. Оплачивается и абдоминопластика*¹⁰, и все, что захочешь. Ну а насчет орехов... Нилунд считает, что если кандидаты будут знать, что работать на самом деле не обязательно, они не смогут проникнуться духом Хэллоуина и стать настоящими горожанами. Они будут просто притворяться, а это совсем не то, чего ему хочется.

Под причалом громко плеснула вода, словно что-то большое поднялось на поверхность, а потом снова ушло в глубину.

- Делл упоминал о «Мутагеникс Инк.»...

- Слушай, давай не будем об этом говорить, ладно? - Джоунни напустила на себя строгий вид. - И пожалуйста, никогда не заплывай южнее Блюдец. У нас есть одна идиотка, которая там бывает, но я уверена: рано или поздно она исчезнет, и никто никогда ее больше не увидит. Такие вещи в конце концов обязательно случаются с каждым, кто забирается слишком далеко на юг.

- Какие вещи?

- Если бы я знала, я бы, наверное, тоже исчезла... - Джоунни покачала головой. - Но я туда не хожу. Никогда. А ты не должен даже разговаривать об этом. Ни с Деллом и вообще ни с кем, только со мной. У тебя и так могут быть неприятности, а я не хочу, чтобы ты попал в беду. - Она несильно толкнула его в плечо. - У тебя уже неприятности. Со мной...

- О, боже!.. - Клайд обнял девушку и так крепко прижал к себе, что она негромко ахнула. Полузакрыв глаза, Джоунни потерлась о него бедрами. Туман вокруг клубился и густел, скрывая вход в

¹⁰ * *Абдоминопластика - хирургическая операция по подтяжке живота.*

«Подземелье», пока в полумраке не растаяла даже неоновая вывеска, от которой осталось только розоватое, мигающее пятно.

- Ах... - сказала Джоунни.

Миссис Хелен Кмиц, вдова бывшего главы Городского совета Стэна Кмица, в свои тридцать шесть была сравнительно молодой женщиной, не утратившей способности быстро восстанавливать физические и душевные силы; вероятно, поэтому она и пережила трагическую потерю без особых последствий. За восемь месяцев, прошедших со времени гибели ее уважаемого супруга (он упал в воду и утонул где-то к югу от Блюдец), Хелен не только сменила нескольких любовников, но и успела основать собственный бизнес, для которого ей понадобилось купить лишь пару вебкамер. Прочее оборудование, необходимое для садомазохистских забав, у нее давно имелось. Так, во всяком случае, уверял Делл, любивший повторять, что миссис Кмиц - миниатюрная блондинка с «ошизительными буферами» - может отшлепать его, когда только пожелает. Впрочем, жильцов миссис Кмиц тоже пускала охотно. Свободное время она посвящала заботам о единственном оставшемся в городе коте - разжиревшем турецком ангорце по имени Принц Шалимар, которому недавно исполнилось пять с половиной лет. Это, в частности, означало, что Принц прожил на свете гораздо дольше, чем любой другой кот за всю историю Хэллоуина.

- В окрестностях завелись какие-то твари, которые слишком любят кошек, - сказала Хелен Клайду в их первую встречу. - Некоторые утверждают, будто видели этих животных своими глазами, но описать их почему-то не могут. Вот, взгляни-ка сам...

И с этими словами она протянула Клайду ксерокопию листовки, на которой красовалась бесформенная, как фигура из тестов Роршаха, клякса, нависшая над припавшим к земле котом. Под рисунком было написано крупными буквами: «НАГРАДА за любую информацию, которая приведет к поимке хэллоуинского УБИЙЦЫ КОТОВ!».

В самом низу - в качестве контактной информации - был напечатан адрес самой миссис Кмиц.

- Да уж, портрет преступника точностью не отличается, - заметил Клайд и попытался вернуть листовку, но миссис Кмиц сказала, что у нее есть еще экземпляр, так что пусть он оставит плакат себе. На всякий случай.

- Проклятая тварь движется ужасно быстро, - добавила она. - Быстро и осторожно. В темноте ее очень трудно разглядеть. По крайней мере, листовка дает некоторое представление о пропорциях... - Она бросила еще один взгляд на затейливую кляксу. - Эта штука убила почти всех городских кошек за последние сорок лет, но Принца она не получит!

- Вы думаете, в городе сорок лет подряд действует один и тот же хищник? - удивился Клайд.

- Называй меня на «ты», дружок... - попросила Хелен и кивнула. - Что касается хищника... Тот или не тот, один он или их много - не имеет значения. У меня для этих тварей кое-что приготовлено. Пусть только покажутся, и им конец!..

- Почему вы не заведете собаку?

- Собак истребляют твари, которые водятся в реке. Кошкам, по крайней мере, хватает ума держаться подальше от воды.

- Понятно... - Они сидели в небольшой, размером десять на восемь футов, гостиной на четвертом этаже. Единственная дверь открывалась в прилепившуюся к скале галерею-коридор, ведущую в другую башню дома Хелен. Выкрашенные желтым кадмием стены гостиной были увешаны фотографиями в рамочках; на большинстве снимков миссис Кмиц позировала в причудливых - и довольно откровенных - туалетах. Лишь на самом большом фото она была запечатлена рука об руку с покойным супругом - невысоким и полным седовласым джентльменом с вымученной улыбкой на изборожденном глубокими морщинами лице. Похоже, при жизни мистер Кмиц улыбался нечасто. Хелен для этого снимка облачилась в длинную юбку и шерстяной кардиган, а строгое выражение ее лица и чопорно поджатые губы создавали впечатление, будто она чересчур рано отказалась от плотских утех. Впрочем, эту ошибку миссис Кмиц, по всей видимости, удалось успешно исправить, ибо сейчас вместо юбки и кардигана на ней красовался просторный золотистый халат, наброшенный на облегающий костюм из блестящего черного латекса.

- Нам нужно обсудить еще одну вещь, прежде чем ты переедешь, - сказала она, пристально глядя на Клайда. - Ты должен иметь в виду: я не убивала своего мужа. В городе болтают всякое, но...

- Я не люблю сплетен и никогда их не слушаю, - быстро сказал Клайд, избегая, впрочем, смотреть на Хелен. В гостиной было слишком светло, и он боялся, что, заглянув ей в глаза, увидит правду.

- ...Но я его и пальцем не тронула. Это несчастный случай. У Стэна был тяжелый характер, это верно, и мы не всегда ладили. Я и до сих пор иногда злюсь на него, но в глубине души он был неплохим парнем. Совсем неплохим... Например, Стэн всегда помогал мне осуществлять мои проекты. Он и погиб-то, когда по моей просьбе мы отправились на юг, чтобы попытаться выследить чудовище, которое охотится на котом. Огромная тварь совершенно неожиданно выскочила из воды, обвилась вокруг Стэна и утянула за борт. И я ничем не могла помочь бедняге!.. Люди говорят - если я любила Стэна, то должна была броситься за ним, чтобы спасти или, по крайней мере, погибнуть вместе с ним... Не знаю, может, они и правы. Нет, я, конечно, любила своего мужа, но, вероятно, не так сильно, как должна была... В конце концов, Стэн был на двадцать шесть лет меня старше, и...

Хелен слегка подалась к краю дивана и, наклонившись вперед,

погладила кончиками пальцев висевшую на противоположной стене супружескую фотографию. Казалось, Хелен с головой ушла в воспоминания, и Клайд терпеливо ждал, когда он сможет расспросить ее о таинственной твари, утащившей злосчастного Стэна Кмица.

Наконец Хелен снова откинулась на спинку дивана, и он задал свой вопрос.

- К югу от Блюдец хватает странных растений и животных, - ответила она. - Мы не знаем и половины того, что там творится. Пожалуйста, не едь туда один, пока не привыкнешь... - Она похлопала его по коленке. - Нам бы не хотелось тебя потерять.

Снизу донесся придушенный мужской крик, и Хелен вскочила.

- Проклятье, я совершенно о нем забыла! Болтаю тут с тобой, а тем временем... И о чем я только думала?!.. - Она выудила из кармана халата ключ и торопливо сунула его Клайду. - Извини, но мне нужно срочно кое-чем заняться. Надеюсь, ты сумеешь найти свою комнату? Это на восьмом этаже.

- Конечно, - ответил Клайд и убрал колени, чтобы Хелен могла пройти.

- Я поселила тебя прямо над комнатой Принца, - добавила она, ненадолго задержавшись у открытой двери коридора. За ее спиной Клайд разглядел серый гранит скальной стены, к которой крепилась галерея, и часть ведущей вниз лестницы. - Конечно, я понимаю, что мужчина не может долго оставаться один, и мне совершенно наплевать, кто будет приходить к тебе в гости. Тем не менее я поставила в твоей комнате самую крепкую кровать, потому что Принц терпеть не может громких звуков. Но если ножки все же разболтаются и спинка начнет стучать по стене, постарайся как-то укрепить ее хотя бы на время, а я потом пришлю мастера, который все починит. Понятно?..

Легким движением она сбросила с плеч халат и, швырнув его на диван, стала быстро спускаться по лестнице.

Не успел Клайд избавиться от стоящего перед глазами видения бледных стройных ног и полных груди, стиснутых узкими полосками черного латекса, как голова Хелен Кмиц снова показалась из люка.

- Если хочешь, можешь полюбоваться на Принца. Он, кстати, тоже любит новых людей... - Она наморщила лоб, словно пытаясь вспомнить, какие дополнительные инструкции следует дать новому жильцу, потом лицо ее разгладилось. - И добро пожаловать в Кмиц-хаус! - добавила Хелен и исчезла.

Комната на восьмом этаже оказалась чуть больше гостиной, к тому же к ней был пристроен крошечный санузел с сидячей ванной. На пространстве примерно десять на двенадцать футов разместились узкая дубовая койка с выдвигаемым бельевым ящиком, несколько полок, стол и плетеное кресло. В стене были вырублены ниши под телевизор,

микроволновку, раковину и небольшой холодильник. Словно в корабельной каюте, ни один квадратный дюйм свободного пространства не пропадал здесь даром; все было продумано и устроено предельно рационально. Правда, сначала Клайд чувствовал себя довольно скованно, боясь, что стоит ему сделать одно неосторожное движение, и он непременно что-нибудь опрокинет или сломает, но вскоре он привык к тесноте и стал чувствовать себя увереннее. Когда же, разложив вещи по полкам, Клайд вытянулся на койке, новое жилище показалось ему почти просторным.

После работы он часто сидел в кресле и, прикрутив лампу, старался ни о чем не думать, дожидаясь, пока схлынет усталость. Почувствовав прилив сил, Клайд включал свет на полную мощность. Пока он оставался один, сверхъестественная проницательность и интуиция, которые мешали ему быть с людьми, не причиняли Клайду никакого неудобства. Ему даже нравилось ощущать в себе могучие интеллектуальные силы, которыми он понемногу учился пользоваться. Изредка Клайд делал наброски дома, который он построит, когда закончится его испытательный срок, но больше читал или размышлял о таких вещах, о которых до инцидента с упавшим костылем не имел ни малейшего понятия: например, об индийском влиянии на византийскую архитектуру, о воздействии процесса глобализации на политическую ситуацию в Лхасе и тому подобном. И все же каждый раз мысли его возвращались к городу, где он надеялся найти убежище, - к точке на карте со странным названием, к населенному пункту, историю которого никто не знал и не хотел знать, к горсточке нелепых домов на дне ущелья, само существование которых, казалось, было окутано столь же глубокой тайной, что и обычаи бирманских народов или причины миграций гигантских морских черепах. Когда-то Клайду казалось (довольно безосновательно, впрочем), что жители Хэллоуина должны обладать более простым и ясным взглядом на жизнь, чем, к примеру, его бывшие земляки из Бивер-Фоллз. Однако сейчас он убедился, что в мировоззрении и тех, и других хватает пробелов, причем обе группы намеренно игнорировали эти пробелы как нечто несущественное, тогда как на самом деле они исключали сложные вопросы из общей картины мира только потому, что без них окружающее казалось более разумным, логичным и приятным. И если раньше Клайд надеялся, что, перебравшись в Хэллоуин, он одним махом избавится от всех неприятностей, то теперь ему стало ясно: переезд лишь поставил перед ним новые, возможно, еще более сложные проблемы, и теперь ему придется как можно чаще включать свет, чтобы в них разобраться.

Заслышав скрип лебедки и лязг бегущей через блоки цепи, Клайд снова убавлял свет. К нему поднималась Джоунни, а он не хотел, ненароком заглянув девушке в глаза, узнать, о чем она думает и какова

она на самом деле. Уже несколько раз Клайд описывал ей причины и симптомы своей необычной болезни, и Джоунни согласно кивала; казалось, она и в самом деле все понимает, однако это не мешало молодой женщине считать себя чем-то вроде проходного этапа, необходимого Клайду, чтобы поскорее вписаться в городское сообщество. Несколько раз Джоунни спрашивала, не потому ли он гасит свет, что она недостаточно хороша для него, и хотя Клайд совершенно искренне пытался убедить девушку, что с ней все в порядке, это не помогало. Джоунни становилась отстраненной и печальной, и не без горечи возражала, что она, мол, знает - их роман ненадолго. Пройдет время, и каждый из них найдет себе другого партнера, с которым будет по-настоящему счастлив, и так будет даже лучше, ведь когда неизбежное случится, они сумеют остаться друзьями, ибо были честны друг с другом и не омрачили своих отношений унижительной ложью. Ну а пока этого не произошло, добавляла Джоунни, почему бы им не доставить друг другу удовольствие?..

Клайду даже не требовалось включать свет, чтобы понять: их отношения, подорванные заниженной самооценкой Джоунни, действительно обречены. Это знание, в свою очередь, вызывало в нем резкий протест против предопределенности, коренящейся в чрезмерной приверженности Джоунни глупым стереотипам, и он пытался хоть немного развеселить ее, рассказывая о своей жизни «наверху» (между собой жители Хэллоуина часто называли всю остальную Америку «верхними территориями» или «республикой») или изображая кота миссис Кмиц.

В полу рядом с его кроватью был люк, который когда-то вел на нижний этаж, но сейчас проход перекрывала плексигласовая панель двухдюймовой толщины. Прочная пластиковая облицовка предназначалась для защиты единственного обитателя нижней комнаты - Принца Шалимара, который походил на мохнатый белый шар с четырьмя лапами и сонной мордой. Когда Клайд впервые поднял люк, кот до того перепугался, что принялся метаться по комнате и бросаться на дверь, но со временем он привык к тому, что верхний жилец и его гостя смотрят на него сверху, и никак на них не реагировал.

Сама комната, превращенная в пластиковый сейф, представляла собой настоящий кошачий рай - она была битком набита домиками-лабиринтами, обвитыми пенькой столбиками для лазанья, когтеточками, искусственными мышами, мячиками, шариками и подвесными игрушками из перьев. Изредка Принц наподдавал одну из них лапой или вцеплялся зубами в тряпичную мышь, однако большую часть времени он спал в плетеной корзинке, стоявшей возле лотка с наполнителем.

- Это не кот, - сказала Джоунни однажды вечером, когда после бурных ласк они, по обыкновению, разглядывали Принца, храпящего на подушке в своей корзинке. - Это какой-то мутант!..

- Ты не поверишь, - заявил Клайд, - но миссис Кмиц сама ставит ему клизмы.

- Ты шутишь! - убежденно возразила Джоунни.

- Честное благородное слово. Однажды я заглянул в люк и увидел, как она засовывает ему под хвост резиновый шланг.

- А Хелен тебя видела?

- Да. Она помахала мне рукой и продолжила свое дело.

- А Принц? Как он себя вел?

- Да никак, просто лежал. Правда, миссис Кмиц придерживала его перчаткой, но бедняга, по-моему, даже не сопротивлялся.

Джоунни покачала головой.

- Все-таки Хелен очень, очень странная...

- Ты хорошо ее знаешь?

- Не особенно. Раньше я видела ее только в баре, когда Хелен заходила туда со Стэном, но моя старшая сестра училась с ней в одном классе, и она говорила... В общем, Хелен всегда была немного «с приветом». Еще в детстве она любила игры в «госпожу и раба» и все такое и прекратила это только ради Стэна.

- Может, и не прекратила - просто на какое-то время Стэн стал ее единственным клиентом.

- Может быть. - Джоунни прижалась к нему, и Клайд положил руку ей на плечо, чуть касаясь пальцами груди. Принц внизу как-то по-рыбьи вильнул всем телом и в конце концов ухитрился перевернуться на спину.

- Ему лень даже мяукать, - сказал Клайд. - Теперь он говорит только «мр-ря, мр-ря». Это такой укороченный мяв.

Джоунни чуть пошевелилась и прижала его ладонь к своей груди.

- Если с Хелен что-нибудь случится, - сказала она, - бедняжка просто не выживет. Никто другой не станет делать для него столько, сколько она. А для этой хищной твари Принц будет лакомым кусочком. Как конфетка в коробочке.

Потом они снова занимались любовью - пылко и довольно громко. Разболтавшаяся спинка кровати ритмично стучала о стену в такт их движениям, но ни Клайда, ни Джоунни нисколько не заботило, что производимые ими звуки могут потревожить кота. Наконец, Джоунни уснула: положив голову на сгиб его локтя, она негромко посапывала во сне; но Клайд не спал и думал о нарисованном ею образе - о том, что все они, словно конфеты в коробочках, беспомощно лежат и ждут своего часа, чтобы соскользнуть в чью-то мрачную, бессветную утробу.

Клайд жил в Хэллоуине уже семь недель, когда однажды утром,

работая на центральном Блюдце вместе с группой из двадцати - двадцати пяти других горожан, он узнал, что Делла выслали из города. Сообщила ему об этом Мэри Алонсо - тридцатилетняя, очень смуглая лесбиянка, с которой он поддерживал приятельские отношения.

- Выслали? Как выслали?! - повторил Клайд и рассмеялся. - Не может этого быть! Сейчас не Средние века.

- Расскажи это Деллу, - отрезала Мэри и прислонилась спиной к каменной стене. От этого движения майка натянулась на ее миниатюрных грудях, больше похожих просто на клубки мускулов. - Его отправили в «республику» и запретили возвращаться. Делл побывал в Трубах уже девять раз. Десятого раза у нас просто не бывает - виновников изгоняют навсегда.

- Это что, такой местный закон? - удивился Клайд. - Почему же мне никто ничего не сказал?

- Когда твой испытательный срок закончится, тебе вручат свод городских установлений. Их не так уж много. Нельзя убивать, насиловать, сеять смуту... Думаю, Делла сослали «наверх» за злостное нарушение этого последнего правила.

- Какого черта?! - взорвался Клайд. - Или у вас здесь никто не слышал о Конституции и правах человека?

- Конституция теперь не та, что раньше, - вздохнула Мэри. - Но ты, наверное, этого не заметил?

- Хорошо, допустим, Делл что-то там нарушил, - сказал Клайд. - А как насчет Хелен Кмиц?

- А что с ней такое?

- Как будто вы не знаете! Существует довольно большая вероятность, что это она убила собственного мужа, а между тем Джоунни сказала - этот случай вообще не расследовался!

- Ну, насчет этого я ничего не знаю... - Мэри снова взялась за вилы и принялась ворошить орехи, толстым слоем устилавшие дно.

- Делл все еще в городе? - негромко спросил Клайд. - Может быть, его просто где-нибудь заперли?

- Когда Совет решает кого-то изгнать, этого человека изгоняют, а не держат под замком. И вообще - я сама узнала об этом только потому, что ко мне зашел Том Михалик и предупредил: сегодня утром я должна выйти на работу вместо Делла.

- Проклятье!.. - Клайд расстроено отшвырнул вилы и зашагал прочь мимо работающих горожан, разбрызгивая неглубокую воду и стараясь раздавить ногами как можно больше ненавистных орехов. Он немного успокоился и замедлил шаги, только когда преодолел почти половину узкой протоки, соединявшей второе и третье Блюдца, да и то только потому, что вокруг заметно посветлело.

В отличие от двух первых Блюдца, третье - самое большое, имевшее около девяноста футов в поперечнике, - лежало на дне карстового

сброса, похожего на пробитую с поверхности отвесную шахту или колодец, и было почти не защищено от ветров и осадков. Сейчас «наверху» шел дождь, и дождь сильный, но если на первых двух прудах, почти полностью укрытых нависающими стенами ущелья, он никак не ощущался, здесь все было иначе. Частые водяные струи хлестали поверхность Блюдца, с которого непогода согнала работников. Дождь обрушивался на пруд высокой мерцающей колонной, похожей на таинственный «луч-транспортёр», при помощи которого пришельцы из плохих фантастических фильмов похищают людей, только этот луч был гораздо больше. Огромный столб девяноста футов в диаметре, состоящий из стремительных, с шорохом рассекающих воздух частиц, словно силился поднять со дна пруда погребенного в иле великана. Клайду даже показалось - он почувствовал, как усиливается запах рыбы и гниющих водорослей, но этот эффект, скорее всего, был следствием возросшей влажности, а не действия каких-то таинственных, инопланетных сил.

Пока Клайд глядел на низвергающиеся с далекого неба потоки воды, гнев, который он испытывал, понемногу превращался в уныние. По большому счету, они с Деллом были не такими уж близкими друзьями - так, выпивали вместе три или четыре раза, да еще дважды Клайд ходил к нему домой, чтобы посмотреть на DVD спортивные программы. На работе и в обеденные перерывы они тоже старались держаться вместе, но это было, пожалуй, все. Тем не менее их отношения могли превратиться в настоящую дружбу хотя бы потому, что граничащая со святотатством небрежная непочтительность Делла напоминала Клайду его прежних друзей из Бивер-Фоллз. Жители Хэллоуина любили посплетничать друг о друге, но он уже давно заметил, что некоторых тем они никогда не касались. Например, он ни разу не слышал, чтобы кто-то рассуждал о Пите Нилунде, о том, почему в городе нет кабельного телевидения или что на самом деле случилось с мужем Хелен Кмиц. Делл спокойно болтал и на эти, и на другие запрещенные темы (быть может, именно за это его и выслали из города). В смысле достоверности большинство его догадок и предположений было полным дерьмом, и Клайд, которому хотелось благополучно завершить свой испытательный срок, поддерживал подобные беседы без особой охоты. С другой стороны, он не одергивал приятеля и сейчас испытал легкий укол вины. Клайд, впрочем, постарался заглушить в себе голос совести; в конце концов, не его вина, что Деллу не хватило мозгов подумать о возможных последствиях, да и в любом случае, теперь уже поздно было казнить себя и гадать, как могло бы все повернуться, держи он язык за зубами.

Дождь неожиданно прекратился, и Клайд с удивлением обнаружил, что в задумчивости дошел почти до самого края пруда. Раньше он старался держаться подальше от Блюдца № 3; Спуз, который был

осведомлен о его повышенной чувствительности к свету, официально освободил Клайда от работы на третьем пруду, - и сейчас ему потребовалось собрать всю свою волю и решимость, чтобы сделать оставшиеся несколько шагов. Тревожно поглядывая то на отчетливо различимое вверху ненастное небо, то на открывавшуюся за прудом горловину, ведущую в южную часть ущелья, Клайд с кривой усмешкой подумал о том, что, не прожив в Хэллоуине и полутора месяцев, успел сделаться агорафобом, как большинство местных жителей.

Потом слева от себя он увидел на гранитной стене что-то вроде небольшого выступа или полки. Выступ располагался не слишком высоко, и Клайд, без труда взобравшись на него, сел на край, свесил ноги и стал осматриваться. Еще левее - на илистом берегу примерно в двадцати футах от себя - он увидел корявую старую иву, окруженную невысокими молодыми побегами. Клайд давно не видел деревьев - во всем Хэллоуине не росло ни одного, - и сейчас он как зачарованный разглядывал выведенный голыми черными сучьями затейливый рисунок, думая о том, что именно такой узор сторонники интеллектуального дизайна, часто принимавшие естественную сложность за тонкий инженерный расчет, могли бы привести в качестве примера безупречного Замысла, отраженного в божественных кальках будущего мира.

Потом Клайду пришло в голову, что на месте Творца он бы справился не хуже, а может, даже лучше - были бы только под рукой соответствующие инструменты. Для начала он превратил бы всех людей в полных гермафродитов, чтобы они, во-первых, перестали пытаться трахать друг друга, а во-вторых, для того, чтобы каждый, в полной мере испытал «радости» деторождения, перестал бы трахать самого себя. Тогда люди наконец поняли бы, что задача продолжения рода на самом деле не так уж важна, и, отказавшись от воспроизводства ради иных, менее масштабных задач, превратились бы в разновидность шоколадных конфет, которые - каждая в своем гнезде - смирно лежат в коробочках, покорно ожидая конца как неизбежного финала любых человеческих устремлений.

Решив эту глобальную проблему, Клайд снова обратился к делам насущным. Похоже, он был не прав, постаравшись как можно скорее забыть о Делле - хотя бы потому, что, поступив подобным образом, невольно уподобился большинству хэллоуинцев. Не то чтобы Клайд собирался оплакивать друга и посыпать голову пеплом, казня себя за бездействие и равнодушие, - нет. Но подумать о том, почему Делла изгнали из города и как это может отразиться на нем самом, пожалуй, стоило.

Болтая ногами над водой, Клайд негромко засвистел. Свистеть он умел виртуозно и частенько делал это, когда оставался один - особенно если размышлял над чем-нибудь серьезным. Мелодии,

которые он высвистывал, помогли ему думать, приводя мысли в четкий, логически выверенный порядок, тогда как без «музыкального сопровождения» его мыслительный процесс грешил сумбурностью.

Гранитная труба над прудом отозвалась на его трели негромким гармоничным эхом, отчего выбранная мелодия зазвучала особенно приятно. Невольно Клайд отвлекся от размышлений о Делле, взгляд его упал на заросли ивняка на берегу... и там он вдруг увидел незнакомую женщину с бледным лицом и темно-рыжими волосами до плеч, которая смотрела на него из-за экрана переплетенных ветвей.

- О, Господи!.. - воскликнул Клайд и вздрогнул.

Ветви кустов делили ее лицо на неправильные фрагменты, и, когда женщина слегка пошевелилась, Клайд подумал, что она похожа на ожившее витражное панно.

Между тем незнакомка вышла из-под прикрытия кустов, легко запрыгнула на уступ, где сидел Клайд, и, оскалившись, сказала:

- А ну, с дороги!..

Она была высокой и стройной; ее открытый белый сарафан намок от дождя и лип к телу. На руках и ногах женщины Клайд заметил налокотники и наколенники, да и обута она была в коричневые горные ботинки.

- Вам не холодно? - спросил он.

Не удостоив его ответом, незнакомка достала из кармана юбки пару тонких перчаток и натянула на руки. Большинство женщин в городе были бледнокожими, но ее бледность казалась какой-то ненормальной, почти меловой. Рот женщины был таким широким, что казалось, будто его уголки, плавно приподнимаясь, огибают чуть скошенные, скульптурно очерченные скулы, но, несмотря на это, он не казался уродливым. Губы - не полные, но и не слишком тонкие - придавали ей вид спокойный и уверенный, большие, каплеобразной формы глаза поражали своей почти небесной голубизной, и хотя незнакомка продолжала подозрительно скалиться, Клайд, читавший ее лицо как открытую книгу, не чувствовал в ней истинной враждебности. Он почти сразу понял, что уверенность в себе, которую, казалось, излучала женщина, зиждется вовсе не на сознании собственной красоты (по правде сказать, ему она вовсе не казалась красивой, хотя в определенной привлекательности отказать ей было нельзя), а на полном пренебрежении заботой о том, чтобы красивой выглядеть, - равно как и любыми другими суетными и мелочными заботами.

Если, конечно, он не ошибся...

Тем временем незнакомка снова велела ему убираться, и Клайд, несколько обозленный ее бесцеремонной манерой, показал на пруд и сказал:

- Можно обойти вон там.

- Мне не хочется мочить ноги, - возразила она.

- Конечно, не хочется. - Клайд усмехнулся. - Это было бы слишком банально.

Она рассмеялась. Ее смех был звонким, как две соседние ноты, извлеченные из дискантной части фортепианной клавиатуры.

- Шутишь, да? Ну ладно, дай пройти...

Клайду очень хотелось заставить ее протискиваться мимо, и вполне возможно, еще недавно он бы именно так и поступил, но сейчас он был словно околдован тем, как улыбка меняла ее лицо. Один взгляд, одно движение губ преобразили ее совершенно: мгновение назад она выглядела почти как азиатка, потом вдруг превратилась в европейскую женщину, а напоследок в ее облике скользнуло что-то и вовсе неведомое, неопределимое... Эта чудесная метаморфоза, произошедшая на его глазах, окончательно охладила его гнев. Гадая, сколько ей может быть лет (сам он мог бы дать ей и сорок, и двадцать пять), Клайд соскочил с уступа в воду.

Когда она проходила мимо, уверенно ступая по камням длинными, мускулистыми ногами, он предпринял запоздалую попытку представиться по всем правилам:

- Меня зовут, э-э-э... Клайд.

- Подходящее имечко, - парировала она.

- В смысле - как Бонни и Клайд?^{*11} - не понял он.

- Угу. Говорят, он был изрядным олухом.

Достигнув конца каменной полки, женщина схватилась рукой за небольшой выступ, поставила ногу в ботинке в какую-то едва заметную выщерблину и двинулась вдоль вертикальной гранитной стены так быстро и с такой легкостью, словно на руках и ногах у нее были специальные присоски. Не прошло и нескольких секунд, как она уже исчезла в теснине, которая вела к центральному Блюдцу.

- Вот это да! - вырвалось у Клайда.

О встрече с таинственной женщиной Клайд молчал. Джоунни он ничего не сказал, потому что не сомневался: она решит, будто у него есть к незнакомке какой-то особый интерес (на самом деле никакого интереса не было, во всяком случае, Клайду хотелось так думать), и устроит сцену. И с Мэри Алонсо, которая заменила ему Делла в качестве главного источника информации и слухов и с которой (а также ее партнершей Робертой, взбалмошной веснушчатой брюнеткой)

¹¹ * *Бонни и Клайд* - персонажи одноименного фильма, которые в начале 1930-х на протяжении четырех лет грабили банки в Техасе, играя роль «благородных разбойников» и защитников бедняков. Романтическая киноистория любви парня и девушки, приключений и гибели от пуль полицейских сделала из них популярных героев. На сленге имя «Клайд» означает «неотесанный».

Клайд иногда ходил выпить в бар, он тоже не стал делиться, так как боялся узнать, что женщина из ивовых зарослей на самом деле - полоумная мегера, своего рода «городская сумасшедшая».

В итоге он предпочел, чтобы личность незнакомки оставалась окутана тайной. На самом деле это означало одно: интерес, который он к ней питал, был далеко не праздным; людям не свойственно мифологизировать заурядное, поэтому не было ничего удивительного в том, что на работу Клайд стал приезжать раньше других, а уходил последним, предпочитая попрактиковаться в художественном свисте на безлюдном берегу третьего Блюдца.. Любопытным он отвечал, что карстовая воронка сброса красиво резонирует, усиливая звук, но истинная причина была в другом: Клайд не знал, где искать таинственную женщину, и надеялся снова увидеть ее там, где они повстречались в первый раз. Впрочем, свой свист он действительно совершенствовал, пробуя различные трели, тональные переходы и сложные музыкальные фразы, которые под настроение украшал виртуозными импровизациями. Постепенно у него выработался целый репертуар, состоящий не только из общеизвестных, но и из нескольких новых, весьма сложных в исполнении мелодий, а примерно месяц спустя Клайд осмелел настолько, что попытался создать несколько собственных композиций - «фантазий», как он, стесняясь самого себя, предпочитал их называть. В их числе выделялась настоящая сюита в пяти частях, которую после продолжительных размышлений он назвал «Мелисса». Отчего-то ему казалось, что это цветочно-травяное имя очень подходит его незнакомке.

Свист оставался для Клайда просто хобби, приятным способом скоротать время, но когда Мэри Алонсо рассказала ему о конкурсе талантов, который каждый год проводился в «Даунлау», он вдруг подумал - черт побери, почему бы нет? С тех пор Клайд начал целенаправленно работать над своей сюитой. В частности, он изменил несколько излишне затейливых фиоритур, переработал мрачновато-торжественную среднюю часть и слегка сократил коду, чтобы уложиться в четырехминутный конкурсный регламент.

В один из мартовских дней, когда до конкурса оставалось не больше месяца, Клайд по обыкновению сидел на каменистом выступе над третьим Блюдцем и оттачивал несколько финальных пассажей, любуясь контрастом между видневшимся высоко вверху ярким весенним небом и густой тенью, наполнявшей карстовую «трубу». Золотистый дневной свет лежал только на дальнем от него краю пруда, и, бросив взгляд в ту сторону, Клайд вдруг увидел высокую, стройную женщину в голубых джинсах и красно-коричневом свитере, которая, стоя во весь рост на корме гондолы, пересекала Блюдце. Ее лица Клайд разглядеть пока не мог, но что-то в ее фигуре и осанке показалось ему знакомым, и он, задохнувшись от волнения, подался

вперед, рискуя свалиться в воду. Это была она, его незнакомка! Гондола шла с юга на север; она появилась из темного провала южной теснины, поэтому на носу, на корме и даже на бортах лодки горели фонари, и он задумался, что она могла там делать.

Пока Клайд смотрел, женщина неожиданно свернула и, причалив к берегу возле ивовых зарослей, выбралась из лодки. Взобравшись на скальную полку, она уселась на камень в трех шагах от него. Взгляд ее лазурно-голубых глаз был таким же холодным и враждебным, как и в прошлый раз, но лицо выражало любопытство.

Несколько секунд оба молчали. Потом женщина сказала:

- Приятная мелодия.

- Да. То есть... - Клайд смешался. - В общем, над ней еще нужно поработать.

- Ты сам ее сочинил?

- Сам.

- Здорово! Как она называется?

- «Мелисса».

- Мелисса? А кто это? Так зовут твою девушку или, может быть, жену?..

- Я и сам не знаю, почему назвал свою сюиту именно так. Единственная Мелисса, которую я знал, училась со мной еще в начальной школе.

- Похоже на классическую музыку. Ты никогда не слышал оперу Дебюсси «Pelleas et Melisande»?^{*12}

- Нет, кажется, не слышал.

Похоже, вопросы у незнакомки иссякли. Еще некоторое время они сидели молча, потом Клайд спросил:

- О чем она, эта опера?

- Я не очень хорошо помню. Там одна девица выходит замуж за принца, но она его не любит, а любит его брата и все время плачет. Такое вот фуфло, но музыка стоящая. Твоя мелодия чем-то ее напоминает.

Глядя на противоположный берег пруда, женщина беспечно болтала ногами, ритмично постукивая пятками по каменной стене, и Клайд, исподтишка за ней наблюдавший, внезапно сообразил, что на этом расстоянии он должен был бы лучше разобраться в ее характере - и не просто прочесть язык тела, но проникнуть сквозь оболочку в мятущуюся душу, увидеть бурлящие страсти и желания, которые, поднимаясь из самой глубины естества, преобразуются в мысли, однако до сих пор ему никак не удавалось обнаружить в незнакомке никаких следов присущих женщинам непоследовательности,

¹² * «Pelleas et Melisande», «Пеллеас и Мелизанда» (франц.) - опера французского композитора Н.Дебюсси в пяти актах.:

алогичности, импульсивности. Если только... если только в отличие от подавляющего большинства женщин - да и мужчин тоже - она не была ни импульсивной, ни непоследовательной. Цельная личность, сильный, целеустремленный характер - вот какой представала незнакомка перед его мысленным взором, и Клайд невольно подумал, что с таким человеком он еще никогда не встречался.

- Не в смысле нот, - неожиданно добавила она. - А в смысле настроения.

- Что?.. - Застигнутый врасплох, Клайд не сразу понял, о чем это она.

- Твоя сюита... Она напомнила мне эту оперу, но не мелодией, а... общим ощущением, - проговорила женщина с легкой досадой и бросила на него короткий взгляд. - Что ты на меня так смотришь?

Сначала Клайд хотел сказать, что она испачкала щеку (на ее скуле действительно налипла какая-то грязь или, может быть, сажа) или что ее лицо кажется ему знакомым, но взгляд женщины был таким напряженным и внимательным, что на мгновение ему в голову закралось подозрение: его неспособность проникнуть в ее потаенные мысли, в ее внутренний мир объясняется тем, что она, в свою очередь, может видеть, что творится у него в душе. Боязнь попасться на лжи побудила Клайда откровенно рассказать незнакомке, как ему на голову упал строительный костыль и как в результате он превратился в такого «ясновидящего» - в том смысле, что информация, которая попадает ему в глаза вместе со светом, преобразуется в мозгу каким-то особым образом, позволяя видеть или, лучше сказать, прозревать эклектику и противоречивость людских характеров.

- Я, наверное, попала в твое «слепое пятно», - сказала она спокойно. - Потому что я-то довольно противоречива и взбалмошна... во всяком случае, большую часть времени.

Тот факт, что он может чего-то не видеть даже при помощи своего необычного зрения, встревожил Клайда сильнее, чем предположение, что незнакомка устроена не так, как большинство обычных людей.

- Интеллект, питающийся информацией, которая поступает вместе со светом... - раздумчиво проговорила женщина. - Любопытно, но... А как же Мильтон? Ведь он написал превосходные, я бы даже сказала - великие вещи, уже после того как ослеп!

Клайд слегка пожал плечами.

- У меня пока нет теории, которая объясняла бы все. Возможно, Мильтон был исключением из правил. Как и ты...

Тут ему показалось, что незнакомка начинает терять интерес к разговору, и он спросил, как часто она бывает у третьего Блюдца.

- Довольно часто, но только пока длится светский сезон, - ответила она, пародируя псевдоаристократический выговор представителей так называемой «верхушки общества». - Ну, а если серьезно, - добавила женщина, отбрасывая сарказм, - я бываю здесь, когда отправляюсь

исследовать южные части ущелья. А если мне нужно отдохнуть или просто побыть одной, я сажусь под ивой и смотрю на воду.

- То есть если я увижу тебя под ивой, мне лучше уйти? - уточнил Клайд.

- Вовсе не обязательно. - Она улыбнулась ему уже с куда меньшей враждебностью. - Можешь оставаться и свистеть, сколько хочешь... всегда питала слабость к музыкантам. - Она легко, без напряжения встала и небрежно отряхнула колени. - Ну ладно, мне пора. До встречи, Клайд.

Оказывается, она запомнила, как его зовут!.. Клайду хотелось попросить ее задержаться еще немного, но он подавил в себе это желание. Вместо этого он спросил:

- А тебя как зовут?

Она снова чуть заметно усмехнулась.

- Аннелиз.

Соскочив с уступа, она двинулась назад к вытащенной на прибрежный песок гондоле, и Клайд, провожая взглядом ее обтянутые джинсами бедра, не удержался. Он знал, что это будет грубо и пошло, и все же восхищенно присвистнул тем особым, залиvistым свистом, который предназначался именно для таких случаев и всегда создавал желаемый эффект, благо содержащийся в нем намек в значительной степени искупался его музыкальностью. Услышав этот свист, Аннелиз только возмущенно закатила глаза, но в движениях ее бедер Клайду почудилась игривость, которой он еще секунду назад не видел.

«Аннелиз, - вдруг подумалось ему, - звучит куда лучше, чем Мелисса».

И, не сходя с места, он пообещал себе сегодня же порвать с Джоунни.

Обычно Джоунни не возражала против того, чтобы подняться к нему, но сегодня, очевидно, что-то предчувствуя, она не захотела встречаться с ним наедине, и они отправились в «Даунлау» - напоминающий лабиринт ночной клуб, вырубленный в крепкой породе под скалой.

Из скрытых в углах колонок тянулся насыщенный басовыми нотами эмбиент¹³. Небольшие залы и кабинки освещались выполненными из полупрозрачного пластика имитациями камней, каждый из которых светился то тускло-оранжевым, то фиолетовым, то зеленовато-синим светом. Пластмассовые валуны служили столами, вокруг были

¹³ * *Эмбиент - музыкальный стиль, в котором за счет использования электронной реверберации и других пространственно-звуковых технологий создаются изощренные эффекты, способствующие медитативному состоянию. Содержание и тембр многих эмбиент-композиций меняются очень медленно на больших временных промежутках.*

расставлены полумягкие кресла или диваны. Кое-где залы были украшены папоротниками в горшках, небольшими каменными статуэтками в ацтекском или ольмекском стиле и постерами Пита Нилунда, на которых знаменитый музыкант яростно терзал струны электрической гитары. Все эти ухищрения были, однако, не в состоянии создать в клубе сколько-нибудь приятную атмосферу, способную очаровывать и привлекать клиентов: Клайду, к примеру, «Даунлау» напоминал недостроенный бар в «полинезийском» стиле где-нибудь в Бедрокке, владельцы которого внезапно уволили интерьер-дизайнера, не дав ему довести работу до конца.

В клубе Клайд и Джоунни сели в пустующем боковом кабинете, в стены которого были вделаны аквариумы со странными рыбами - у одних над выпяченными губами торчали усы-антенны, другие были безглазы. Клайд никогда не видел ничего подобного и сразу спросил, как называются эти твари.

- Что я тебе, рыбак, что ли? - раздраженно ответила Джоунни. В оранжевом свете стола-камня ее лицо выглядело мрачным, в фиолетовом - сердитым, в синевато-зеленом - подавленным.

Потом официантка подала напитки, и, поскольку настроение Джоунни не улучшалось, Клайд решил перейти к делу. Готовясь к этому разговору, он собирался сообщить неприятные новости как можно тактичнее, но не успел Клайд произнести и двух слов, как Джоунни его перебила.

- Кто она? - спросила девушка.

- Не думай, я тебе не изменил... - растерянно возразил Клайд. - Я вообще не...

Джоунни сердито нахмурилась и отодвинулась от него на пару дюймов.

- Можешь не стараться, - отрывисто сказала она. - Мужчины никогда не уходят первыми, не подготовив запасной аэродром.

- Да, я действительно встретил одну женщину, - признался Клайд. - Но между нами ничего не было. Фактически, я только сегодня узнал...

- Кто она? - повторила Джоунни.

- Послушай, - начал Клайд, - если бы ты не унижала себя, если бы отнеслась ко мне с большим доверием, наши отношения могли бы...

- Ах, значит, это я во всем виновата?! - Джоунни фыркнула, совсем как Принц, которому не понравилась очередная порция кошачьего корма. - Конечно, мне с самого начала следовало знать, что так оно и будет. В конце концов, у меня богатый опыт - ведь мужчины столько раз меня бросали!.. Да, наверное, это моя вина.

- Так я же об этом и толкую!.. - воскликнул Клайд. - Твоя заниженная самооценка мешает тебе понять...

- Я все понимаю, - с горечью перебила Джоунни. - Я сама во всем виновата - я, а не те хреноголовые ублюдки, с которыми я встречалась!

Клайд вздохнул.

- Возможно, нам просто нужен небольшой перерыв, - сказал он. - Давай сделаем паузу, Джоунни.

- Прекрасная идея! - воскликнула она с фальшивым воодушевлением в голосе. - Сделаем перерыв, чтобы ты мог вдоволь натрахаться с этой своей новой как-ее-там, а я тем временем должна спокойненько ждать - вдруг у тебя с ней что-нибудь не срастется.

- Черт побери, Джоунни, ты прекрасно знаешь, что я вовсе не это имел в виду!

- Скажешь ты мне наконец, кто она?

- Я встречался с ней всего дважды, - нехотя объяснил Клайд. - Ее зовут Аннелиз.

Несколько мгновений Джоунни молчала, потом вдруг расхохоталась.

- Господи Боже мой! Ты подцепил Ивовую Ведьму?

- Я никого не «подцеплял», как ты выразилась, - брюзгливо возразил Клайд. - Я же говорю...

Но она не слушала. Продолжая хохотать, Джоунни раскачивалась на стуле взад и вперед, так что ее волосы, падая на поверхность стола-камня, отсвечивали оранжевым.

- Как ты ее назвала? Ивовая Ведьма?.. Но почему?!..

- Потому!.. - Низкая траурная нота, донесшаяся из колонок, едва не заглушила ее слова, и Джоунни пришлось повысить голос. - Потому что все ее так называют. Что тут непонятного?!

- Но почему - ведьма?

- Потому что она бледная, как птичье дерьмо, потому что она постоянно торчит под ивой на пруду и делает всякие безумные вещи.

- Какие, например?

- Не знаю я... Всякие!

- Но ведь должно же быть что-то... особенное, такое, из-за чего все решили, что она - сумасшедшая!

- Она все время забирается южнее Блюдец! - сердито бросила Джоунни. - А чтобы ходить туда, нужно быть настоящим психом... - По лицу девушки скользнуло выражение мольбы, но Клайд видел, что она все еще очень сердита. - Да пойми ты, она же просто с тобой играет! Не связывайся с ней, иначе тебе плохо придется. Аннелиз - жена Пита Нилунда. Вернее - бывшая жена: они развелись пару лет назад, но она до сих пор с ним живет.

- Что ты имеешь в виду?

- Я что, говорю по-китайски? - Джоунни криво усмехнулась. - Она. С ним. Живет. В его доме. Или тебя интересуют подробности?

Должно быть, разочарование, которое испытал Клайд, ясно отразилось на его лице, поскольку Джоунни схватила сумочку и вскочила. Он едва успел поймать ее за руку.

- Джоунни...

Она вырвалась и отступила на несколько шагов назад. Подбородок ее дрожал.

- Больше не приближайся ко мне, о'кей?.. И постарайся хотя бы некоторое время не ходить в «Подземелье».

Из уголка ее глаза выкатилась одинокая слезинка, но Джоунни смахнула ее с такой яростью, словно хотела точно так же стереть всю память о нем. С губ ее сорвалось несколько слов, которые Клайд не разобрал, потом она вышла, громко хлопнув дверью.

Первым его побуждением было догнать Джоунни, но, вспомнив ее слова, он остался сидеть. Конечно, его и Аннелиз ничто не связывало (ну, или почти ничто), и тем не менее он чувствовал себя осмеянным и преданным - как, без сомнения, чувствовала себя и Джоунни. Могла ли она солгать, думал Клайд. Возможно, рассуждал он, ей просто хотелось заставить его страдать, вот она и сказала первое, что пришло на ум, однако подобную ложь было очень легко проверить. Так неужели Джоунни говорила правду?

Одним глотком допив свой бокал, Клайд вышел в общий зал - большую полукруглую комнату, где стояли два-три десятка камней-столиков и барная стойка с мраморной столешницей. У дальней стены располагалась небольшая сцена, которая сейчас пустовала. Оглядевшись, Клайд с удивлением увидел Джоунни, которая, оказывается, никуда не ушла. Сидя на высоком табурете у барной стойки, она что-то пила в компании двух типов, откровенно ее лапавших. Увидев Клайда, Джоунни с вызовом тряхнула головой и притворилась, будто ее очень интересует, что говорит ей один из мужчин - крупный неряшливый парень с длинными волосами и бородой на пол-лица. Кажется, его звали Барри; фамилию Клайд никак не мог вспомнить.

Отвернувшись, он бросил взгляд в направлении столиков, но, не увидев среди клиентов никого из знакомых, вышел на причал и сел на поручень, прислушиваясь к журчанию воды под настилом. Чуть правее, прямо над речной излучиной, карабкался по отвесному склону дом Пита Нилунда: три его башни, украшенные декоративными шпилями, были так высоки, что верхние этажи терялись в ночном мраке. Зато на первом этаже светилось несколько окон, и в голову Клайда закралась безумная мысль - ворваться туда и учинить шумный скандал, драку, чтобы хоть таким образом выпустить пар и избавиться от владевшего им разочарования. Когда-то он сделал бы это не задумываясь, и тот факт, что теперь он мешкал, обдумывая и взвешивая возможные последствия (пусть это было только разумно и рационально), неожиданно наполнил его отвращением к себе. Возможно, с горечью подумал Клайд, он и Хэллоун не созданы друг для друга, и Кармин был абсолютно прав, когда намекал, что новичок, возможно, не выдержит испытательного срока.

От дверей клуба послышался пьяный смех, и Клайд, обернувшись, увидел Джоунни, выходящую из «Даунлау» под ручку сразу с обоими типами, с которыми она заигрывала в баре. Клайд смотрел... Бородатый Барри перехватил его взгляд и спросил, на что это он уставился. Пропустив его вопрос мимо ушей, Клайд обратился к Джоунни.

- Зачем ты так? - негромко проговорил он. - Неужели ты настолько себя не уважаешь?

Улыбка Джоунни стала жестче, но девушка ничего не ответила, зато Барри уперся ему в грудь нечистой волосатой лапищей и посоветовал проваливать, да поскорее. Это прикосновение обожгло Клайда, словно жидкий азот, разбудив в нем былую бесшабашную отвагу. Будто при вспышке молнии, он со сверхъестественной ясностью увидел и злобное выражение лица Джоунни, и позиции противников, и все еще открытую дверь клуба под мигающей неоновой вывеской. Переступив с ноги на ногу, Клайд слегка развел руки, как бы говоря: «Все в порядке, ребята, уже ухожу»... и тут же, практически без подготовки, ударил Барри кулаком в глаз.

Барри покачнувшись, сделал пару неверных шагов назад и, оступившись, упал на колени, закрывая ладонями лицо. Джоунни закричала. Второй мужчина, выпустив ее, метнулся назад, ко входу в клуб.

- Черт!.. Черт!.. - стонал Барри. Он уже отнял руки от лица, и Клайд увидел, что над бровью у него вырастает изрядная шишка.

Схватив Джоунни за руку, Клайд подтолкнул ее к своей гондоле. Из бара уже появились несколько зевак - со стаканами в руках они высыпали на причал, чтобы узнать, в чем дело. Никто из них, однако, не поспешил на помощь Барри, который, стоя на коленях, раскачивался из стороны в сторону, прижимая руку к подбитому глазу. Оживленно переговариваясь и пересмеиваясь, зевачи смотрели, как Клайд ударами шеста выталкивает свою гондолу на середину реки.

- Трусливый ублюдок! - крикнул кто-то ему вслед, но он и ухом не повел.

Когда лодка удалилась от «Даунлау» на такое расстояние, что сквозь стелющийся над водой туман уже нельзя было рассмотреть мигающую вывеску над входом, Клайд отложил шест и взглянул на Джоунни. Она сидела на носу и, подтянув колени к груди, смотрела на черную воду за бортом. Ее слезы давно высохли. Раз или два она порывалась что-то сказать, но так и не издала ни звука. Клайд понимал: подружка ждет, чтобы он заговорил первым, но ему было абсолютно нечего ей сказать, к тому же в нем еще бурлил гнев. Клайд злился на себя, на бородатого Барри и гадал, способна репутация драчуна и задиры помочь ему сделаться гражданином Хэллоуина или, напротив, он только что пустил по ветру все свои надежды.

Наконец гондола ткнулась носом в причал возле дома Джоунни. По-

прежнему не говоря ни слова, девушка выбралась из лодки и молча закрыла за собой дверь своего крошечного двухкомнатного домишки.

Когда на следующее утро Клайд приехал на работу, Мэри Алонсо, щеголявшая новой прической (она постригла волосы под машинку и осветлила полудюймовый «ежик» пергидролом, что ей совершенно не шло), рассказала ему все, что она знает об Аннелиз.

- Она живет в том же доме, что и Пит, но она не живет с ним, если ты понимаешь, что я хочу сказать, - объясняла Мэри. - Насколько мне известно, Аннелиз держится на своей половине, он - на своей. Джоунни поступила как настоящая стерва, рассказав тебе только часть правды и скрыв остальное. Я, впрочем, ее не виню.

- Это правда? Аннелиз не спит с ним?

- После развода она переспала с ним только один раз, да и то лишь по привычке.

Клайд подбросил на вилах гнилой орех, который только что достал из воды, и, не дав ему упасть обратно, повторным ударом отправил в каменную стену. Орех разлетелся вдребезги, а еще один работник, над чьей головой просвистел импровизированный снаряд, с неодобрением покосился на Клайда, но ничего не сказал.

- Откуда ты знаешь?

- Прежде чем мы сошлись с Робертой, Аннелиз с ней дружила. Прямотаки влюблена была... Роберта даже думала, вдруг она тоже лесбиянка, но... - Мэри с кряхтением налегла на вилы, пытаясь высвободить несколько орехов, запутавшихся в водорослях на дне. - Но оказалось, что она убежденная гетеросексуалка. Я бы сказала - упертая... - Мэри ухмыльнулась. - И не надо вздыхать с таким явным облегчением, Клайди!

Клайд тоже улыбнулся и небрежно взмахнул рукой, словно прося извинения.

- Значит, Роберта тебе о ней рассказывала?

- Да. Они до сих пор подруги и время от времени встречаются и болтают, но на твоём месте я бы не слишком радовалась. После стольких лет с Питом кто угодно съедет с катушек. Нет, Аннелиз не сумасшедшая, просто немного странная. Столько раз она говорила Роберте, что, мол, уедет отсюда, но все никак не может решиться. Говорит - их с Питом слишком многое связывает.

Клайд кивнул и с удвоенным рвением принялся работать вилами. Ему казалось, он вполне может оказаться тем мужчиной, который сумеет разорвать противоестественную связь, удерживающую Аннелиз подле бывшего мужа. Утро было свежим и ясным, и узкая полоска голубого неба над головой походила на застывший зигзаг молнии, очертания которого повторяла редкая цепочка работников внизу. Дневной свет отражался от рябившей водной поверхности и дрожал на стенах

ущелья.

- Что-то я беспокоюсь, - сказала Мэри. - Я люблю тебя, парень, и мне бы не хотелось, чтобы из-за всего этого ты расклеился.

- Ты меня любишь?.. - Клайд глуповато хихикнул, и смуглое лицо Мэри еще больше потемнело от гнева.

- Да, Мистер Мачо, люблю! Ты небось думаешь, что любовь - это охи-вздохи, а все остальное ненастоящее? Так вот, ты ошибаешься... А-а, да что с тобой разговаривать! - Отшвырнув вилы, Мэри сделала несколько шагов и встала прямо перед ним. - Да, я люблю тебя. И Роберта тоже... Странно, конечно, что мы любим такого клоуна и зануду, но, как говорится, любовь зла - полюбишь и козла. - Последнее слово она произнесла с особенным удовольствием.

Клайд, удивленный столь бурной реакцией, положил руку ей на плечо.

- Извини. Я не хотел тебя задеть.

Мэри резким движением оттолкнула его руку. На мгновение Клайду даже показалось, что она хочет его ударить.

- Я просто не подумал, - добавил он. - Мне казалось...

- Ты слишком редко думаешь для человека, который, по его же собственным словам, страдает от избытка ума. Впрочем, это-то как раз не удивительно. - Мэри презрительно фыркнула и, подобрав вилы, свирепо вонзила их в кучу орехов на дне.

Остальные работники, прервавшие работу, чтобы на них поглазеть, отвернулись и стали вполголоса о чем-то переговариваться.

- Ты настолько занят своими собственными проблемами, что не замечаешь ничего вокруг, - проворчала Мэри, и Клайд понял, что она успокоилась и не собирается продолжать ссору.

- Мы, кажется, установили, что я - тупой зануда и ничего не понимаю, - сказал Клайд. - Скажи наконец прямо, что ты пытаешься мне объяснить?!

- Аннелиз больше не жена Пита и даже не любовница, но он по-прежнему считает ее своей, потому что она позволяет ему так считать. И пока эта ситуация не изменится, другим мужчинам не стоит даже заглядываться на Аннелиз. «Не зарься на то, что принадлежит Питу Нилунду!» - в нашем Хэллоуине это правило номер один, хотя оно и не записано в городском Своде законов.

- А что бывает с теми, кто нарушает это неписаное правило?

- Продолжай вести себя как дурак - и узнаешь. - Мэри с такой яростью ковырнула вилами слой орехов, словно хотела пронзить дно Блюдца и выпустить из него всю воду. Клайд, напротив, распрямился и посмотрел сначала вокруг, на других горожан (одни прилежно трудились, другие сачковали, делая вид, что работают), а потом перевел взгляд наверх. Извилистая полоска неба, сжатого краями ущелья, словно створками гигантского моллюска, все также синела в недостижимой вышине; неприступные стены утесов были покрыты

лишайниками и топорщились перьями папоротников, проросших в трещинах камня. Эта картина вызвала у Клайда двойственное ощущение чего-то неизвестного и в то же время не раз виденного раньше, и он с грустью подумал о том, что ему следовало понять уже давно: Хэллоуин представлял собой вовсе не наделенное волшебными свойствами убежище, живительный оазис, надежно изолированный от всей остальной страны. Этот унылый и мрачный городок, сжатый между каменными губами ущелья, был дряблым сердцем захолустной, провинциальной Америки, средоточием всех ее недостатков - местом, где сильные пожирали слабых, слабые топтали слабейших, а праздник приходил совсем не на каждую улицу.

На протяжении целой недели Клайд каждый вечер садился под семидесятипятиваттной лампочкой на причале миссис Кмиц, надеясь увидеть Аннелиз, когда она будет возвращаться из очередного похода в южную часть ущелья. Он вел себя как дурак и знал это, поскольку не имел никаких оснований полагать, будто Аннелиз испытывает к нему какие-то чувства. Удивительным было и то, что сам он чувствует к ней так много, и хотя Клайд не признался бы в этом себе даже мысленно, ибо отчетливо ощущал, насколько глупо выглядит подобное предположение, ему все казалось ясным: между ними определенно установилась некая связь, разорвать которую будет непросто.

В качестве предлога, объяснявшего его присутствие на причале, он вооружился старым спиннингом мистера Кмица, закидывая блесну в воду каждый раз, когда на реке показывалась чья-то гондола. Изредка, одолеваемый любопытством, он действительно пытался подцепить на крючок одну из светящихся рыб, которые стаями ходили в темной воде, но они оказались слишком хитры для такого неопытного рыболова, какой. Единственным, что удалось поймать Клайду, было странное существо, отдаленно похожее на водяную змею, - чешуйчатая, длинная, извивающаяся тварь мелькнула над причалом в свете лампочки и, отчетливо щелкнув зубами, сорвалась с крючка... однако плеска упавшего в воду тела он так и не услышал. Казалось, тварь улетела по воздуху или просто растворилась в ночной тьме.

Вечер шестого дня выдался не по сезону туманным и теплым (собственно говоря, теплая погода держалась всю неделю, и над рекой во множестве реяли летучие мыши, охотившиеся на проснувшихся насекомых). Клайд по своему обыкновению дежурил на причале, но не успел он дважды забросить спиннинг, как вдруг заметил гондолу, движущуюся с юга с погашенными фонарями. Он сразу понял, что это могла быть только Аннелиз, и, отбросив спиннинг, встал на причале в полный рост. Заметив его, женщина перестала отталкиваться шестом, позволив лодке свободно скользить по воде, и Клайд просвистел несколько первых тактов из своей переименованной «Мелиссы». Узнав

его, Аннелиз ударом шеста направила гондолу к причалу и вскоре уже пристала к деревянному настилу.

- Чем занимаешься? - спросила она весело.

- Рыбачу. - Он показал на спиннинг. - Думаю.

- О-о-о!.. - Она улыбнулась. - Это нелегкая работа. Я, наверное, тебе помешала?..

Сегодня Аннелиз снова была в джинсах и свитере с высоким воротником, поверх которого она набросила свободный серый кардиган. Клайд заметил, что ее руки покрыты ссадинами и испачканы в земле, а рыжевато-коричневые волосы (отчего-то ему показалось, что сегодня они на полтона светлее, чем в прошлый раз) небрежно перехвачены на затылке черной резинкой.

- Что сделано, то сделано. - Он тоже улыбнулся. - Хочешь, посидим немного вместе?

Аннелиз без лишних слов привязала гондолу к причалу, и Клайд протянул ей руку, чтобы помочь взобраться на настил. Усевшись рядом с ним на край причала, Аннелиз слегка коснулась его бедром, вздохнула и стала смотреть на противоположный берег. Стоящие там дома едва различались в тумане - лишь кое-где виднелись темные стены, светились в темноте окна и покачивались над причалами размытые световые конусы фонарей, вокруг которых вилась мошкара.

Клайд потянул носом. От Аннелиз пахло свежей землей, как будто она только недавно возилась в саду.

- Я вижу, Милли до сих пор не легла, - сказала вдруг Аннелиз.

- Милли? - удивился Клайд.

- Милли Сассмен. Ты что, до сих пор не знаешь своих соседей?

- Не знаю.

- Тебе надо хоть иногда смотреть по сторонам. Сколько ты уже прожил в нашем городке - три месяца? Четыре?.. В таком случае, я просто не понимаю, как ты мог не заметить Милли! У нее чудесная стройная фигура и густые черные волосы. Очень, очень эффектная женщина!

- Ну, я... Что-то не припомню...

Клайду было не до эффектных брюнеток - он смотрел на сидящую рядом женщину. Сейчас, когда волосы Аннелиз были убраны назад, ее лицо приобрело выраженные восточные черты. Выступающие скулы, узкий подбородок, миндалевидные глаза и тонкие, словно нарисованные тушью брови делали ее похожей на прекрасного киборга из японского анимэ-сериала, но главным было не это. По движению губ и глаз, по легкому подергиванию щеки Клайд безошибочно угадывал ее желание и страх.

Цепочка пузырьков поднялась со дна к поверхности воды. Что-то большое ходило там, на глубине. Потом в реке, под самыми «Док мартенсами» Аннелиз, появилось светящееся тело крупной рыбы -

появилось и снова исчезло.

- Поймал что-нибудь?

- Да, поймал одну красавицу.

- Опять шутишь?.. Можешь не говорить, я же вижу... - Она принялась болтать ногами, стуча каблуками высоких ботинок по краю причала. - Как жаль, что мы живем не в одном из тех столетий, когда в моде были витиеватая речь и изысканный намек. Тогда я могла бы ответить: «Поймали, сэр? Боюсь, ваш крючок недостаточно остер». А ты ответил бы на это...

Клайд не дослушал. Обняв Аннелиз за шею, он привлек ее к себе и поцеловал.

Поцелуй длился недолго. Отстранившись, Аннелиз промолвила с нервным смешком:

- Эй, не боишься, что я тебя укушу?

Вместо ответа он поцеловал ее снова, и на этот раз она не оттолкнула его. Больше того, Клайд почувствовал, как ее язык, словно зверек из норы, метнулся ему навстречу. Опустив руки, Клайд обнял Аннелиз за талию, потом просунул ладони ей под свитер. Все выше, выше поднимались его руки, пока не коснулись упругих грудей. Пальцы Клайда принялись теревить соски, чуть клацнули, столкнувшись, зубы, губы с силой прижались к губам, перемещаясь, скользя, ища новый угол атаки, стремясь проникнуть как можно глубже, принять, раствориться... Поцелуй вышел неуклюжим, долгим, но горячим и страстным, и когда Аннелиз, задохнувшись, прервала контакт, дыхание вырывалось из ее груди как у человека, который только что вынырнул с большой глубины.

- О, боже!.. - выдохнула она.

Но не прошло и нескольких секунд, как они снова целовались - чуть менее торопливо, но столь же жадно. Клайд уже готов был предложить перенести место действия в свою комнату, когда Аннелиз, с явной неохотой оторвавшись от него, сказала:

- Я... Сейчас я не могу. Понимаешь?.. - Она опустила свитер, спрятав от него свои восхитительные груди. - Мне очень жаль, Клайд. Правда, очень, очень жаль, но... мне уже пора.

- Куда? - хрипло осведомился он.

- Домой. Я не хочу, но...

- Домой к Питу? - В голосе Клайда вопреки его воле прозвучала обида. Аннелиз бросила на него быстрый взгляд и торопливо привела в порядок одежду.

- Дело обстоит гораздо сложнее, чем ты думаешь.

- Ты мне объяснишь?

- Да, но не сейчас. Сейчас я не могу, - повторила она, не глядя застегивая пуговицу на джинсах.

- Когда я тебя снова увижу?

- Я не знаю. - Она покачала головой, и Клайд нахмурился.

- Не понимаю!.. Ведь ты сама хотела, чтобы я тебя поцеловал, а теперь...

- Да, хотела. Очень хотела, поверь... - Аннелиз подняла руку и наново перетянула волосы резинкой. - Раз уж мы говорим откровенно, я скажу больше: мне бы очень хотелось доставить тебе настоящее удовольствие, но это слишком опасно... Даже то, что мы сейчас делали, может иметь серьезные последствия. Я... я не должна была этого допускать.

- Почему опасно?

- Ты можешь умереть.

Аннелиз произнесла эти слова так спокойно, что Клайду оставалось только рассмеяться. Он не знал, говорит она правду или просто пытается его напугать. Очевидно, его лицо все-таки вытянулось, потому что Аннелиз добавила:

- Ну хорошо, хорошо, это был всего лишь поцелуй...

Но он продолжал смотреть на нее, и Аннелиз сказала:

- О'кей, это более чем «всего лишь поцелуй»... Мне действительно очень хочется быть с тобой... - С этими словами она встала и, перебравшись в гондолу, принялась отвязывать ее от причала. - Ты, наверное, это почувствовал?

Клайд кивнул, ощущая, как его губы сами собой растягиваются в идиотски-счастливой улыбке.

- Мне кажется, я сумею отыскать безопасный способ быть вместе, - сказала Аннелиз. - Но ты должен дать мне время, чтобы я могла все устроить. Не знаю, сколько мне потребуется, возможно - несколько недель или даже месяц. Ты готов ждать? Если нет - лучше скажи сейчас, ведь Пит - настоящий псих. Не то чтобы он был подозрителен или ревнив, нет... Он действительно безумен, и ему уже случалось причинять людям вред.

- Я готов ждать.

Над головой Клайда захлопали крылья и раздался протяжный, срывающийся крик, похожий на визгливое тремоло губной гармошки, извлекаемое из инструмента неумелым музыкантом, но он даже не вздрогнул.

- Даже если мне потребуется больше времени, - продолжала Аннелиз, - обещай, что будешь мне верить...

- Обещаю!

- Верить и ничего не предпринимать. Ведь если ты совершишь какую-нибудь глупость, плохо придется нам обоим.

- Я буду держать себя в руках.

- Договорились.

Они скрепили договор крепким рукопожатием, потом нехотя разжали руки. Пальцы Аннелиз в последний раз скользнули по его ладони, и она

оттолкнулась от причала.

- Хорошо. До встречи, Клайд... - Она грустно улыбнулась. - И прости меня, ладно?..

Он долго смотрел, как ее силуэт отдаляется, становится трудноразличимым и тает в тумане. Когда Аннелиз окончательно исчезла в темноте, Клайд почувствовал себя одиноким и несчастным. Должно быть, что-то подобное испытывает призрак, внезапно осознавший, какого разнообразия чувственных ощущений он лишился, утратив связь с материальным миром. Теснина, ведущая в южную часть ущелья, с причала не просматривалась, но Клайд все равно чувствовал ее - мрачный, черный провал, дышащий тайной и опасностью. Неведомой опасностью... То ли от страха, то ли от сырости Клайд вздрогнул. Пока ему ничто не грозило, и все же по телу пробежал какой-то странный озноб. Может, все дело в том, что он узнал от Аннелиз о ее спятившем бывшем муже? Правда, Клайд дал слово ничего не предпринимать и, следовательно, мог до поры до времени не волноваться, однако ему все равно было не по себе. Темный, тонущий в тумане Хэллоуин не походил на место, где можно сдержать данное обещание, как бы ты этого ни хотел. Слишком многое здесь зависело не от самого Клайда, а от сторонних факторов, внезапных событий, предсказать которые он был не в силах.

Поплотнее запахнув на груди куртку, Клайд подобрал спиннинг и бросил еще один взгляд на реку. Со дна по-прежнему поднимались цепочки пузырьков: не рыба, а какое-то другое, более крупное существо двигалось там то в одну, то в другую сторону, с каждым разом все ближе подходя к причалу. Поднятые им волны бежали по поверхности и с хлюпаньем лизали обросшие скользкой тиной сваи. В очередной раз вздрогнув, Клайд попятился, потом повернулся и пошел к лестнице, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не побежать, а вслед ему неслись всхлипы и плеск воды, протяжные крики жаб и других речных существ.

В последующие несколько дней они встречались даже чаще, чем Клайд рассчитывал - в баре, на реке, в других местах. Иногда им даже удавалось незаметно коснуться друг друга, а когда миссис Кмиц попросила жильца сходить в «Даулинг» (местный супермаркет, разместившийся в самом большом городском здании из четырех соединенных между собой башен) и купить наполнитель для кошачьего туалета, Аннелиз перехватила Клайда у соответствующего отдела на верхнем, восьмом этаже и, схватив за руку, увлекла за стеллажи - в узкую щель между задней стеной магазина и гранитной стеной ущелья. Там она без лишних слов задрала юбку, и они предались торопливой, жадной любви, с риском для жизни балансируя на перекинутых над пустотой крепежных фермах и прижимаясь к скале, которую несколько

поколений городских тинэйджеров, использовавших это укрытие до них, исписали затейливыми оранжевыми, серебристыми, голубыми и красными буквами, обведенными для пущей выразительности жирной черной каймой. Буквы складывались в проклятья, адресованные власти Божьей или человеческой - в зависимости от того, какое «ведомство» сильнее досадило автору того или иного граффити.

Аннелиз оказалась умелой и изобретательной любовницей, нежной и в то же время страстной; каждое ритмичное движение бедер она сопровождала шепотом, вскриком или неясным бормотанием, ее губы оставили несколько багровых меток у него на шее и на груди, а ногти провели по спине несколько пылающих борозд. И все же у Клайда сложилось впечатление, что для нее их яростное соитие было, скорее, актом отчаяния, нежели самоотречения и любви, и когда все закончилось, он спросил, не такие ли встречи - украдкой, накоротке - Аннелиз имела в виду, когда говорила о «безопасном» способе быть вместе.

- Я просто не могла ждать, - ответила она, глядя на него с трепетным ожиданием и тревогой, словно одно неправильное слово могло сломать, разрушить все, что было написано сейчас на ее прекрасном в своей незатейливой простоте азиатском лице. Клайд был уверен, что не ошибся: похоже, решившись на сегодняшнее свидание, Аннелиз поставила на карту не только себя самое, но и свой душевный покой. А еще он осознал, что ее бросающиеся в глаза сила и независимость были лишь маской, искусной маскировкой, помешавшей ему разглядеть, что же скрывалось в ее мятущейся душе. Даже сейчас Клайд все еще был не в состоянии понять Аннелиз до конца, разглядеть, что за могучая, с трудом сдерживаемая сила рвется на свободу из глубин ее сердца.

За неделю до конкурса талантов в «Даунлау» состоялось предварительное прослушивание участников. Небольшую сцену у стены главного зала освещал мощный кинопрожектор, в луче которого сверкали грубо измалеванные на темно-синем заднике аляповатые серебряные звезды, кометы и планеты, однако звуковая аппаратура, усилители, колонки и микрофоны оказались превосходного, почти профессионального качества, и Клайд подумал, что ничего сверх этого исполнителям на самом деле и не требуется. Пока на сцене сменяли друг друга участники «живых картин», аккордеонисты, жонглеры-любители, чечеточники, певцы без намека на музыкальный слух, косноязычные рэперы, мужчина, который мог заложить ногу за голову, и женщина, способная повторить задом наперед любое сколь угодно длинное слово или даже короткую фразу (пожалуй, это был самый интересный номер из всей программы), Клайд успел пропустить в баре несколько бокалов пива, чтобы в ожидании своего выхода успокоить нервы и, так сказать, смазать свой инструмент. С пивом он немного

перебрал, поскольку, когда подошла его очередь (сразу после саксофониста, который выдал вполне приличную импровизацию «Моих любимых вещей»), Клайд объявил, что собирается исполнить оригинальную композицию под названием «Аннели... то есть Мелиза». Голос из заднего ряда попросил повторить, и Клайд, взяв себя в руки, сказал:

- Извините, я немного волнуюсь. Моя музыкальная пьеса называется «Мелисса Энн».

Клайд знал, что в зале должен присутствовать сам Пит Нилунд, и, настраивая микрофон, чтобы добавить к звуку небольшой эффект «эха», пристально вглядывался в публику, высматривая бывшего мужа Аннелиз. Он не помнил толком, как певец выглядел раньше, и понятия не имел, как Нилунд может выглядеть теперь, через много лет после завершения своей звездной карьеры, но был уверен, что узнает знаменитого рокера, как только увидит. Его поиски, однако, не увенчались успехом, поскольку бьющий в лицо прожектор слепил глаза, и рассмотреть что-либо в полутемном зале не представлялось возможным.

Для разогрева Клайд просвистел коротенькую гамму, которая вызвала в публике смех и несколько неодобрительных возгласов. Нисколько не обескураженный, он перешел к исполнению своей сюиты и был вознагражден жидкими аплодисментами, что можно было расценивать как успех, поскольку предыдущие номера не удостоились и этого. Вскоре прослушивание завершилось, и после непродолжительного ожидания Клайду вручили конверт с номером и необходимыми анкетами и сказали, что он прошел в финал. Другими счастливыми - его конкурентами - оказались саксофонист, чернокожая женщина по имени Иоланда, исполнявшая рискованный вариант песенки об «Очереди дураков», а также артист-трансформатор с балансировавшей на грани непристойности (и иногда сваливавшейся за эту грань) комедией, доставившей публике наибольшее удовольствие. Уже сейчас было ясно, что первое и второе места обеспечены соответственно комедианту и Иоланде, однако шанс опередить саксофониста и получить третий приз у Клайда оставался, что было очень и очень неплохо. За третье место давали триста долларов и комплект дисков с записями Пита Нилунда. Диски Клайда не интересовали, и он решил, что подарит их Роберте, которая была преданной фанаткой певца. Что же касалось денег, то их как раз должно было хватить на хороший подарок для Аннелиз.

В баре Клайд выпил еще и поболтал со Спузом; при этом он то и дело оглядывался в надежде увидеть Нилунда, но тот, похоже, уже ушел. Спуз похвалил его номер, а потом сказал, чтобы Клайд обязательно дождался Брада, который должен был вот-вот подъехать. У Брада была «наверху» какая-то работа, которая отнимала у него много

времени - в городе его видели редко, и при других обстоятельствах Клайд, наверное, задержался бы, чтобы обсудить с чернокожим великаном последние спортивные новости. Сейчас, однако, ему хотелось побыть в одиночестве, чтобы без помех грезить об Аннелиз, поэтому Клайд извинился и ушел, сославшись на срочное поручение миссис Кмиц.

Клайд почти угадал, когда сказал, что нужен миссис Кмиц. Выбравшись на причал, он увидел, что в гостиной его квартирной хозяйки горит свет. Когда же Клайд начал карабкаться по лестнице - со всеми предосторожностями, чтобы не свалиться, поскольку самым распространенным видом бытовых травм в Хэллоуине было падение в пьяном виде с лестницы (буквально неделю назад Тим Слей, которого Клайд знал по работе на Блюдцах, сверзился с высоты третьего этажа и плюхнулся в реку, чудом разминувшись с выступом гранитной стены), - дверь в комнату миссис Кмиц распахнулась, и в проеме появилась сама веселая вдова.

- К-клайд Ормулу?! - воскликнула она заплетающимся языком. - А ну, давай сюда! В-выпьем!..

Вцепившись в лестницу, Клайд осторожно повернулся в ее сторону. Выглядела миссис Кмиц предосудительно, впрочем, не больше, чем всегда. Ее волосы, уложенные в высокую прическу, растрепались, напоминая произведение не столько парикмахерского, сколько кондитерского искусства: не то просевшее суфле, не то свадебный торт, который неоднократно роняли. Из одежды на ней был лишь черный кружевной пеньюар и такие же трусики. Миссис Кмиц качало, и ее ничем не прикрытые груди соблазнительно колыхались. Кто-то - возможно, она сама - превратил каждый сосок в «яблочко» мишени, обведя каждый концентрическими окружностями, нарисованными не то зеленкой, не то толстым фломастером. Поняв, что Хелен еще пьянее его, Клайд экспансивно взмахнул рукой, пытаясь предупредить ее об опасности падения, и едва не свалился сам.

- Осторожнее, Хелен!

- Не учи меня, Клайд Орму-у-лу! - Миссис Кмиц обиженно прищурилась. - Лучше иди сюда, здесь кое-кто хочет тебя ви-идеть... - Последние слова она почти пропела и, подавшись вперед, поманила Клайда пальцем.

Преодолев оставшиеся пролеты, Клайд протиснулся в гостиную и прикрыл дверь, чтобы миссис Кмиц ненароком не нырнула в Моссбах. Небольшая комната выглядела как всегда - за тремя существенными исключениями. Во-первых, на подушках дивана свернулся клубочком Принц. Кроме того, самая большая фотография супружеской четы Кмиц была испорчена весьма реалистичным изображением восставшего пениса (нарисованного все теми же зелеными

чернилами), который, словно рог, торчал изо лба Стэна. На синем стеклянном блюде в середине журнального столика стояла погасшая ароматическая свеча - судя по надписи на картонке, валявшейся на полу, это был «Этрусский мускус» («Сделано в Китае»), но запах напомнил Клайду «Олд спайс», который кто-то налил в блюдечко и поджег. Похоже, догадался он, в доме шла одна из вечеринок, которую миссис Кмиц нередко устраивала для своих клиентов.

- Вот Принц, - сказала Хелен, поворачиваясь к коту. - Видишь?..

Наклонившись, она с некоторым усилием подняла с дивана спящего кота и, на мгновение прижав его к груди, протянула Клайду, словно предлагая поддержать. Клайд невольно попятился, а Принц недовольно уркнул и слабо забарахтался.

Оглянувшись, Клайд заметил, что дверь в галерею-переход приоткрыта на несколько дюймов.

- У тебя гости? - спросил он.

Вместо ответа Хелен зарылась лицом в мохнатое кошачье брюхо и проворковала что-то ласковое, но лишь сильнее разозлила Принца, которому не терпелось вернуться на диван.

Дверь в коридор распахнулась, и в гостиную вошла рослая, на несколько дюймов выше Клайда, загорелая женщина с широким, грубоватой лепки лицом, могучими плечами и мускулистыми руками и ногами. В руке женщина сжимала бутылку. Ее лицо напомнило Клайду древнюю персидскую монету с портретом какой-то воинственной царицы, которую в детстве показывал ему отец. Оно было слишком суровым, чтобы назвать его красивым, и в то же время в нем сквозили безмятежность и гармония, которые придавали вошедшей сходство со львом - сходство, которое еще усиливалось благодаря гриве курчавых черных волос. Одета женщина была в короткий спортивный топик из лайкры, едва сдерживавший напор обширного бюста, и такие же шорты, обтягивавшие накачанный, мускулистый зад. Клайд даже принял ее за трансвеститку, но приглядевшись, не обнаружил никаких признаков кадыка, да и пальцы женщины оказались довольно тонкими и изящными. Три или четыре кольца - в том числе одно с бриллиантом - тоже выглядели вполне по-женски, нисколько не напоминая массивные, грубые перстни, которые предпочитают мужчины.

- Привет, - произнесла женщина чувственным, влажным контральто и протянула свободную руку. - Я - Милли. А ты, наверное, Клайд?.. Хочешь яблочного бренди? Неплохая штука, забористая...

- Да, конечно... спасибо. - Клайд осторожно опустился на краешек дивана рядом с Хелен, которая продолжала возиться с котом.

- Милли Сасмен? - спросил он, припомнив разговор с Аннелиз.

- Угу.

Двигаясь с величественной грацией, удивительной для женщины столь внушительных габаритов, Милли опустилась в кресло и налила

бренди в три миниатюрных бокала шарообразной формы.

- Ты, кажется, живешь в доме напротив... - сказал Клайд.

- У меня два дома. - Милли для наглядности подняла вверх два пальца. - Один из них я использую как офис, а другой... Хелен?..

- Я готова. - Хелен Кмиц, съехав на краешек дивана, потянулась к бокалу. Принц вывернулся из ее рук и, тяжело плюхнувшись на пол, потрусил в коридор в надежде найти более спокойное местечко для спанья.

- Ну, за знакомство, - сказала Милли, приподнимая бокал.

Хелен выпила свое бренди залпом, Клайд лишь слегка пригубил.

- Отличная штука, - одобрил он и поставил бокал на столик. - Где ты так загорела, Милли? В здешних местах такой загар увидишь не часто.

Милли посмотрела на свои руки с таким видом, словно видела их впервые.

- Я провела три отличных недели в Таиланде и только что вернулась... ну, не совсем только что, но сравнительно недавно. Наш отель стоял на небольшом островке недалеко от Кусумуи. Видел бы ты меня тогда - я была совсем черная, а теперь... - Милли протяжно вздохнула. - Теперь я снова погребена в этой сырой и темной могиле!

Хелен поднялась и, нетвердым шагом приблизившись к портрету покойного супруга, уставилась на него, слегка склонив голову набок.

- А я думал, тебе здесь нравится, - заметил Клайд. - В конце концов, у тебя два дома...

- У Хэллоуина есть свои плюсы, - согласилась Милли и скрестила ноги. - Но для меня здесь тесновато. Совершенно негде развернуться - постоянно наталкиваешься на какие-то границы, барьеры... А как насчет тебя?

Хелен, вернувшись к дивану, пыталась нашарить что-то на боковом столике, но запуталась в складках пеньюара и нетерпеливым движением плеч сбросила его на пол. Обнаружив под ворохом газет толстый зеленый маркер, она выпрямилась и, задумчиво лизнув фетровый кончик, снова уставилась на фотографию в рамке. Она была почти обнажена, и хотя даже сейчас Клайд продолжал думать об Аннелиз, не обратив внимание на подобное зрелище он просто не мог.

- Как тебе наш Хэллоуин? - снова спросила Милли, с пониманием улыбнувшись.

- Когда я только приехал, он нравился мне гораздо больше, - честно признался Клайд. - Но сейчас я с тобой, пожалуй, соглашусь... Я, конечно, никогда не жил в больших городах, и все же... провинциальная ограниченность ощущается в Хэллоуине как-то особенно сильно...

Хелен снова лизнула фломастер и, опершись коленом на поручень кресла, стала что-то быстро рисовать на портрете.

Милли провела ладонью по бедрам, словно разглаживая воображаемые складочки на туго натянутой лайкре.

- Раз уж мы с тобой думаем одинаково, нам, возможно, удастся помочь друг другу, гм-м... немного раздвинуть границы.

- Боюсь, мы имеем в виду разные границы, - ответил Клайд, тщательно подбирая слова.

- Вот как?.. - Чуть заметно усмехнувшись, Милли глотнула бренди. Некоторое время оба молчали. Клайд первым прервал неловкую паузу.

- Могу я спросить, чем ты... как ты зарабатываешь себе на жизнь?

- Я возглавляю фонд, финансирующий коттеджное строительство в странах третьего мира. Когда-то я была юристом... наверное, им я и осталась, но служение закону... - Она с отвращением пожала плечами.

- Коттеджное строительство и Хэллоуину не помешало бы. Торговля мочеными орехами, похоже, себя изживает.

- Ты удивишься, но то же самое я говорила Питу перед самым отъездом в Таиланд, - сказала Милли. - Конечно, настоящих коттеджей у нас не построишь, но разнообразие могло бы помочь людям иначе взглянуть на окружающий мир, как-то их воодушевить... Нельзя же, в самом деле, изо дня в день перебирать орехи, паковать орехи, отправлять орехи... Так и рехнуться недолго. Кроме того, людям начинает казаться, будто и они тоже - как и всё в этом городе - принадлежат Питу, а это... угнетает. - Она вздохнула. - Но Пит, разумеется, со мной не согласился. Он-то считает, что все должно и дальше идти по заведенному порядку. Вот, кстати, еще одна причина, по которой мне хочется поскорее отсюда уехать. Из-за него, этого маленького цезаря местного разлива...

- Никогда с ним не встречался.

- В девяностых, когда я еще занималась юридической практикой, мне доводилось представлять его интересы. Тогда Пит мне нравился, но сейчас он не такой, как раньше. Он сильно переменялся с тех пор, как перестал выступать на сцене.

- Вот!.. - Хелен отступила на пару шагов назад, приглашая гостей оценить результаты своего труда. Пока Клайд и Милли разговаривали, она успела нарисовать на плече супруга попугая, который, повернув хохлатую голову и раскрыв мощный клюв, собирался вцепиться в мясистый отросток, торчащий у Стэна Кмица из середины лба.

- Очень, очень красиво, - сказала Милли. - Знаешь, мы с Клайдом как раз беседовали о Пите. Ты можешь что-нибудь сказать?

- Пит - еще большая задница, чем Стэн, - рассеянно отозвалась Хелен и огляделась. - Кстати, никто не видел Принца?.. А-а, дверь-то открыта. Наверное, он пошел к себе...

И, придерживаясь руками за стену, Хелен двинулась по коридору-галерее следом за котом.

- Я, пожалуй, тоже пойду, - сказал Клайд, проводив ее взглядом. - Мне утром на работу - ворошить орехи.

- Еще один вопрос, - остановила его Милли. - Я знаю, что мужчины, во всяком случае большинство из них, находят меня чересчур мужеподобной. Скажи, ты не заинтересовался мною именно поэтому?

Ее прямоота застала Клайда врасплох. Он замялся, не зная, что сказать, и Милли ободряюще улыбнулась.

- Можешь говорить откровенно, я не обижусь.

- Я не совсем здоров, - ответил он наконец. - Возможно, дело в этом. Моя голова...

Наклонившись вперед, Милли поставила бокал на журнальный столик. При этом она оказалась совсем близко от Клайда, и он, почувствовав исходящий от нее жар, внезапно осознал, насколько мала комната, в которой они находятся. Сразу же ему вспомнились виденные когда-то фильмы, где крепкие женщины точно таких же габаритов (по преимуществу - уроженки Восточной Европы) оказывались жестокими наемными убийцами, состоящими на службе разного рода злодеев. Впрочем, никакой агрессии он в Милли не чувствовал - только некую мрачную покорность и даже какое-то безволие.

- У меня есть кое-какие планы, - признался он. - Планы на будущее, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Милли снова откинулась на спинку кресла, скрестив ноги.

- Хелен сказала, что ты свободен. В смысле - что у тебя никого нет.

Ответить он не успел. Пронзительный крик донесся из коридора, соединяющего две башни дома, потом послышался звон разбитого стекла. Клайд и Милли вскочили одновременно, но из-за тесноты столкнулись, да так неудачно, что ее голова врезалась точнехонько ему в подбородок. У Клайда из глаз посыпались искры, и он, не устояв на ногах, повалился обратно на диван. Милли тяжело рухнула на пол между креслом и боковым столом. Впрочем, в отличие от Клайда, пребывавшем в состоянии гогги, она довольно быстро пришла в себя и успела встать на четвереньки, когда ворвавшаяся в гостиную Хелен снова опрокинула ее на пол. Рванув ящик стола, миссис Кмиц выхватила из него довольно большой пистолет калибра 357.

- Проклятый сукин сын поймал Принца! - выкрикнула она со слезами в голосе.

Взведя курок, Хелен с грехом пополам перебралась через журнальный столик, стоявший на полу между Клайдом и Милли, и, одним движением нажав сразу несколько выключателей, распахнула ведущую наружу дверь. С полдюжины мощных ламп заливали утес и стены домов на другой стороне ущелья ослепительным сиянием, освещая уступы, трещины и впадины, и Клайд, все еще полулежавший на диване, успел заметить, как в дверном проеме промелькнуло что-то странное. По стене утеса напротив - футах в десяти выше уровня

гостиной - проворно взбиралось какое-то черно-зеленое существо, отдаленно напоминающее огромный капустный кочан, который остался на грядке под дождем и успел подгнить, потеряв округлую форму и половину листьев в придачу. Те же, что остались, отошли от кочерыжки и висели лохмотьями, будто одежда бездомного бродяги. Двигался «кочан» довольно быстро, но не плавно, а прыжками, точнее - сериями по несколько прыжков. Клайд отчетливо видел, как странное существо то вытягивается, становясь длинным и тощим, то снова укорачивается, приобретая вид неправильного, слегка приплюснутого сверху шара. Похоже было, что существо перемещается при помощи сжатого воздуха, который оно сначала засасывает в себя, а затем резко выбрасывает за счет мышечных сокращений. Клайд знал, что именно так плавают головоногие - кальмары, осьминоги, каракатицы, только вместо воздуха они используют воду.

Голова у Клайда все еще слегка кружилась после удара, но он все равно старался получше рассмотреть тварь. Увы, Хелен загоразживала собой почти весь дверной проем, и в руках у нее был пистолет. Прислонившись к косяку, она приняла подобие стрелковой стойки и три раза подряд нажала на спусковой крючок. В небольшом пространстве маленькой гостиной выстрелы прозвучали оглушительно, и Клайд, с трудом подавив желание заткнуть уши руками, скатился с дивана и попытался выпрямиться во весь рост.

- Черт бы побрал эту дурацкую пушку!.. - с досадой выругалась Хелен и, опустив заевший пистолет, несколько раз дернула спусковой крючок. При этом она держала оружие под таким углом, что если бы оно все-таки выстрелило, пуля непременно попала бы ей в ногу.

- Подожди! Дай мне! - крикнул Клайд, делая шаг вперед.

Выражение пьяной решимости на лице Хелен уступило место гримасе гнева. Переложив пистолет в левую руку, она неловко размахнулась и изо всех сил швырнула бесполезное оружие через ущелье. Бросок вышел очень неловким, и Хелен не удержалась на ногах. Покачнувшись, она с пронзительным криком взмахнула руками и стала падать в пропасть лицом вперед. К счастью, Клайд в отчаянном броске успел схватить ее за лодыжку. Падение он предотвратил, но под действием сил инерции Хелен качнуло, она ударилась головой о стену дома и потеряла сознание.

Почувствовав, что обмякшее тело тянет его вниз, Клайд заскрипел зубами и крепче стиснул руки. Положение складывалось критическое. Дверной порожек болезненно врезался ему в локти, и он был вынужден сдвинуться еще немного вперед, так что его плечи оказались над пустотой. Милли что-то кричала, но Клайд не слушал ее истерических советов: повиснув над темной рекой, он полностью сосредоточился на том, чтобы не соскользнуть с узкой площадки перед дверью. Лишь убедившись, что в ближайшее время ни ему, ни Хелен ничего не

грозит, Клайд позволил себе перевести дух. Внизу под ним были река, причал и узкая полоска желто-белого песчаного берега; сверху они казались совсем маленькими, будто игрушечными, и Клайд ненадолго прикрыл глаза, стараясь справиться с подступившей тошнотой. Потом он услышал голоса и повернулся на звук. Из окна соседнего дома выглянул старик, который с самым серьезным видом посоветовал ему ни в коем случае не выпускать Хелен. Другой голос, донесшийся снизу, порекомендовал Клайду как можно сильнее раскатать вдову, чтобы падая, она свалилась не на причал, а в воду (можно было подумать, что падать в реку с высоты сорока футов намного безопаснее). Остальные голоса - визгливые женские, писклявые детские и рокочущие мужские - слились в невнятный шум. Похоже, ночные выстрелы разбудили половину Хэллоуина, и теперь каждый житель городка считал своим долгом дать Клайду дурацкий совет.

- Милли! - позвал Клайд. - Возьми меня за ноги, скорее!..

Ему повезло - Милли не убежала в испуге и не упала в обморок. Схватив Клайда за лодыжки, она с силой потянула его назад в комнату.

- Нет, стой! Не так! Будешь тянуть, когда я скажу.

Милли послушалась, и Клайд, убедившись, что она продолжает держать его крепко, попытался перехватить Хелен поудобнее. На лбу у него выступил пот. Хелен была не слишком тяжелой, но Клайд все равно не смог бы поднять сто десять - сто двадцать фунтов мертвого веса только за счет мускульных усилий. Мышцы на руках и без того пылали, сухожилия ныли, яркий свет резал глаза, а шум толпы отвлекал внимание, и Клайд подумал, что если бы не Милли, он и Хелен уже давно свалились бы вниз. К счастью, вдова все еще была без сознания - если бы она пришла в себя и принялась ему помогать или, хуже того, в панике размахивать руками и брыкаться, он бы вряд ли сумел ее удержать.

Постепенно сдвигая руки, Клайд перехватил Хелен за колено. Убедившись, что пальцы не соскользнут, он велел Милли подтянуть себя назад примерно на пять дюймов. Почувствовав, как напряглись ее руки у него на лодыжках, Клайд повернулся на бок, благодаря чему вторая нога Хелен также оказалась в пределах его досягаемости. Короткий рывок - и вот уже он держит вдову за оба колена.

- Тяни, Милли! Только резче! - крикнул Клайд. - По моей команде... И-и... Один. Два. Три!..

На счет «три» она резко дернула, и Клайд, воспользовавшись этим, сумел перехватить Хелен за бедра. Его руки оказались сцеплены на ее ягодицах, а лицо зарылось в кружевные трусики.

- О'кей, - проговорил он придушенным голосом. - Я ее держу. Теперь вытаскивай нас. Не дергай, тяни равномерно...

Через несколько секунд они были уже в безопасности. Клайд с облегчением разжал руки, и Милли подхватила бесчувственное тело

Хелен. Приветственные крики, донесшиеся со дна ущелья, оказались не слишком громкими и вскоре затихли - Клайд, во всяком случае, ожидал большего. Можно было подумать, что как минимум две трети зевак поставили деньги на то, что ему не удастся вытащить Хелен.

Но ему удалось. Правда, она до сих пор не пришла в себя, а ее лицо и подбородок были в крови (похоже, Хелен сломала нос), однако все это были пустяки по сравнению с тем, чем все могло закончиться.

Пока Милли хлопотала над подругой, Клайд вернулся на диван и допил все, что оставалось в его бокале. Потом он налил себе еще одну большую порцию бренди и проглотил залпом. Приятное тепло заструилось по жилам, в голове слегка зашумело и даже руки перестали болеть. Пока Клайд раздумывал, не выпить ли ему еще, Хелен очнулась и сразу же стала плакать и корить себя за испорченную фотографию Стэна. О похищении Принца (равно как и о том, что побывала на краю гибели) она не помнила ровным счетом ничего, но когда Милли рассказала ей о последних событиях, миссис Кмиц в благодарность за спасение запечатлела на губах Клайда отдающий кровью поцелуй.

- Я знала, знала, что ты - настоящий мужчина!.. - невнятно произнесла она разбитым ртом, и Милли увела ее в спальню, чтобы обработать раны и уложить в постель. Она сказала, что обязательно вернется, как только устроит вдову поудобнее, и Клайд, рассеянно кивнув, опустился на диван, закрыл глаза и стал думать о таинственном существе, которое он видел лишь мельком и которое едва не послужило причиной гибели Хелен (оно было далеко не единственной странностью, подмеченной им в Хэллоуине, и все же капустообразный Охотник-за-Котами заслуживал того, чтобы оказаться на первой странице воображаемого «Бюллетеня городских загадок»), а также о Принце, который сейчас, наверное, «мрякал» в каком-нибудь кошачьем раю, и конечно, об Аннелиз - о том, что ждало их в будущем и каким путем они этого добьются. Клайд сам не заметил, как задремал (подействовали пережитый стресс и выпитое бренди), и очнулся только от того, что кто-то тормошил его за плечо. С трудом открыв глаза, он увидел перед собой Стива Джемани - ворошильщика орехов с приземистой, почти квадратной фигурой, выбритым черепом и лицом, черты которого по странному капризу природы сосредоточились в самом центре его широкой и тоже квадратной физиономии. В свободное время Стив подрабатывал вышибалой в «Даунлау». Второй вышибала из клуба - Дэн или, может быть, Дэйв, Клайд точно не помнил - сидел на диване у него в ногах. В кресле расположился Спуз; обратив к Клайду бледное, как луковица, лицо с двойным подбородком, он с укоризной качал головой.

- Ну ты и влип, приятель!.. - произнес Спуз с фальшивым сочувствием. У двери стоял четвертый мужчина - узкоплечий, как будто высохший, с

красноватым лицом, на котором выделялись на удивление полные, красные, как у юноши, губы (сейчас изогнутые в саркастической усмешке). Его длинные седые волосы были собраны на затылке в «конский хвост». Одет он был в темно-синий бархатный пиджак, майку с портретом какого-то китайца и узкие черные джинсы, подпоясанные ремнем с затейливой пряжкой в виде серебряной буквы «П», окруженной венком из силуэтов летящих птиц (подобный костюм был мужчине совершенно не по возрасту и подошел бы, скорее, его внуку). И пока Клайд тараторжил на него (а ему потребовалось несколько секунд, чтобы догадаться, что перед ним сам Пит Нилунд), этот слабосильный гангстер любви, этот вышедший в тираж монстр рока местного значения достал из кармана портативный диктофон, нажал клавишу, и Клайд услышал свой собственный голос:

«Моя пьеса называется Аннели... то есть Мелиза. - Пауза. - Извините, я немного волнуюсь. Моя музыкальная пьеса называется «Мелисса Энн».

- Ты знаешь, кто я такой?.. - спросил Пит сиплым, неприятным, как наждак, голосом, и Клайд, который знал, что он по уши в дерьме и что его ответ не имеет никакого значения, все же нашел в себе силы сказать:

- Дедушка Джорджа Майкла?..

Пит Нилунд оскалил желтые зубы.

- В Трубу его!..

Трубы находились на противоположном от Блюдец северном краю города - на вершине шестидесятифутового гранитного холма. Окруженные стеной, сложенной из бетонных блоков и заросшей лишайниками, они напоминали дот времен Второй мировой войны, прикрывающий город от вражеского нашествия. За пару месяцев жизни в Хэллоуине Клайду доводилось проплывать мимо них не меньше десяти раз, но тогда ему не бросилось в глаза ничего особенного. Сейчас, однако, Трубы излучали злую энергию, которую Клайд отчетливо видел как пульсирующие струи серого пара, напоминая древнюю сказочную цитадель - обитель черных магов и злых драконов.

Увы, он ничего не мог предпринять, чтобы не попасть в Трубы. Во время короткой борьбы в гостинице кто-то сделал ему укол, и отнюдь не успокаивающего. Правда, мышцы сразу перестали повиноваться Клайду, зато сердце стучало часто-часто, по нервам словно ток пробегал, а мысли вспыхивали как фейерверки, освещая то один, то другой уголок затемненного сознания, рассыпаясь все новыми и новыми красками и откровениями, разобраться в которых ему удавалось с большим трудом. Растрепанные белые крылья без тел - останки то ли ангелов, то ли мифических птиц - бились и хлопали над самой его головой, а потом исчезали в пурпурной мгле; перекошенные

морды троллей и карликов смотрели на него прямо из грубого камня, произнося оскаленными ртами гулкие слова-заклинания, а струящаяся внизу черная вода покрывалась зеленовато-черной чешуей, превращая поток в гигантского змея, не имеющего ни головы, ни хвоста, ни конца, ни начала. Временами Клайду казалось, что если бы не тонкие веревки, которыми он был перевит, словно мумия, ему удалось бы спрятаться, затеряться между собственными галлюцинациями, и если бы не кляп во рту - его голос мог бы присоединиться к стенаниям и жалобам толпящихся в пространстве призраков. От безвыходности и сознания собственного бессилия он принялся кататься из стороны в сторону, раскачивая гондолу, в которой его везли, и затих, только когда Спуз пнул его башмаком в живот.

Потом лодка ткнулась носом в причал. Стив и Дэн (или Дэйв) подняли Клайда и понесли куда-то, не переставая отпускать шуточки на его счет. Скрипнула, открываясь, тяжелая дверь, и минуту спустя он очутился на массивном бетонном столе, освещенном мощными дуговыми лампами.

Внутренний двор городской тюрьмы был похож на заброшенный заводской цех без крыши; от одного вида этого мрачного, темного пространства становилось не по себе, но особенно угнетала тяжелая, давящая атмосфера, какая бывает, наверное, только в местах, где приводятся в исполнение смертные приговоры. Единственным, на чем отдыхал глаз, была узкая извилистая полоска ночного неба высоко над головой, а в нем - единственная звезда. Не зная ее имени, Клайд назвал звезду сначала Азраэлем, потом - Диснеем, затем - Фримонтским Филом и наконец, сам не зная почему, - Альфой Козерога.

Способность двигаться понемногу возвращалась, но Клайд по-прежнему был надежно связан. Единственное, что он сумел, это поднять голову и оглядеться. В полумраке он увидел шесть, нет - семь идеально круглых отверстий в бетонном полу, одно из которых было прикрыто ржавым листом железа. Над каждым отверстием возвышалась А-образная наклонная рама с лебедкой и пропущенной через блок цепью. Глядя на зияющие дыры в полу (несомненно, это и были те самые «трубы», давшие название тюрьме), Клайд неожиданно подумал о том, что форма правильного круга была в Хэллоуине в большом ходу. Кроме Труб существовали еще и Блюдца, и туннель возле бара и... в общем, если покопаться в памяти, примеры отыскать было несложно. Куда больше его занимало происхождение этих отверстий. Конечно, можно было допустить, что все они - результат слепой игры природы, но Клайду почему-то представился плюющийся кислотой гигантский червь или огромный жук с алмазной твердостью челюстями-мандибулами, который прожег, просверлил, прогрыз эти круглые дыры-ходы и теперь сидит где-то глубоко под землей, ожидая,

когда сверху ему сбросят очередную порцию пищи.

От размышлений его отвлек новый голос, который он сразу узнал. Брад!.. Изогнув шею, Клайд попытался высмотреть приятеля. Он был уверен: тот пришел освободить, спасти его от страшной неизвестности. Минуту спустя Брад действительно опустился рядом с ним на колени. Курчавые волосы афроамериканца были заплетены в длинные толстые косицы, отчего казалось, будто он зачем-то нацепил «тарантулу» - детскую шапку в форме паука. В руках Брад держал цепь с крюком, который и зацепил за веревки у Клайда на груди.

- Извини, дружище, - сказал он. - Ничего личного...

Потом великан измерил рулеткой ширину плеч Клайда и сказал кому-то:

- Номер Пятый, я думаю, подойдет.

На мгновение Клайду удалось заглянуть ему в глаза, но в них он увидел лишь холодное равнодушие. Вот уж действительно - «ничего личного»... Больше того, Брад - этот приятный парень, жизнерадостный любитель пива и болельщик «Далласских ковбоев», - казалось, получал удовольствие от своей способности подчиняться приказам и исполнять работу, невзирая на лица. Работу палача... Было просто удивительно, как Клайд не понял, не увидел этого раньше, хотя, возможно, все дело было в том, что черная кожа Брада поглощала часть видимого света, мешая разглядеть его истинную... Стоп, скомандовал себе Клайд и мысленно усмехнулся - настолько безумной, особенно в нынешней ситуации, показалась ему привычка даже думать политкорректно. Так человек, попавший в застенки инквизиции, мог бы беспокоиться о легкой экземе на ноге или, к примеру...

Додумать до конца Клайд не успел. Его подняли и подвесили над трубой Номер Пять. Цепь натянулась, потом стала разматываться, и Брад заботливо придержал тело Клайда, пока Спуз, вращая лебедку, опускал его в черный колодец.

- Если будешь дергаться, цепь может оборваться, и тогда нам придется доставать тебя баграми, - напутствовал пленника Брад, и Клайд, чьи глаза в этот момент находились вровень с ногами палачей, отчетливо представил себе эти самые багры, рвущие на куски его плоть, которая к этому времени успеет сгнить настолько, что уже не будет насаживаться на острые крюки.

С этой мыслью он и опустился в сырой, непроглядный мрак колодца, который становился все уже и уже, смыкаясь вокруг, словно могила, и вызывая острые приступы клаустрофобии, которым Клайд изо всех сил старался не поддаваться. Труба уходила вниз под небольшим углом, и он то и дело задевал за одну из стенок плечом. В тесном пространстве не было места даже для того, чтобы запрокинуть голову и посмотреть вверх, где еще виднелось небольшое, с каждой секундой уменьшавшееся пятнышко света от ламп. Сначала оно было размером

с полудолларовую монету, потом - с четвертак. Когда же оно сократилось до размеров десятицентовика, Клайд вдруг начал падать. Обдирая кожу и ударяясь головой о стенки, он летел в кромешном мраке, пока не достиг дна. Инстинктивно Клайд все же успел чуть согнуть ноги, чтобы погасить удар, и все равно приземление вышло не слишком удачным: пол каменного мешка оказался наклонным, и основная нагрузка пришлась на левую ногу. Резкая, словно электрический удар, боль прострелила все тело; лишь колоссальным усилием воли Клайду удалось загнать ее обратно, но совсем погасить неприятные ощущения он не смог, даже перенеся вес тела на правую ногу. Словно тлеющий уголь, боль примостилась где-то под левым коленом, пульсировала, жгла, вгрызалась в кости, словно раковая опухоль. Не имея сил сдержаться, Клайд вскинул голову, чтобы закричать, но тут наверху залязгало, загремело, и что-то тяжелое хлестнуло его по лицу, выбив зуб, отчего рот мгновенно наполнился кровью. Цепь все же оборвалась, а может - палачи сами отцепили ее и сбросили вниз. О том, что это может означать, Клайду страшно было даже подумать. Забарахтавшись в приступе животной паники, он попытался выплюнуть кляп, чтобы звать, умолять о пощаде, но ему это не удалось, а пару минут спустя он вдруг осознал, что цепь с крюком, на которой он висел, по-прежнему натянута. Очевидно, те, кто остался наверху, просто «пошутили», сбросив вниз еще одну цепь.

Гнев, который он испытал, помог Клайду справиться даже с болью, однако он знал, что не сможет поддерживать себя в этом состоянии долго. Пройдет сколько-то времени, гнев остынет, и он снова останется один на один со своим безвыходным положением.

Время... оно сделалось медленным, тягучим, словно густое масло или мазут. Секунды ползли не торопясь, и каждая из них была до краев наполнена страхом, болью, надеждой, чувством обреченности и отчаянием. Вскоре Клайд начал слышать и видеть вещи, которые - как он от души надеялся - существовали только в его воображении: гигантские, слабо фосфоресцирующие рыбы с торчащими из пасти клыками и похожими на шрамы улыбками выплывали из стен и неторопливо, с угрозой двигались к его лицу. Холодный камень колодца ожил и задышал; в нем, словно в воде, копошились какие-то существа, приливы и отливы накатывали на Клайда, так что трещали ребра и воздух вырывался из легких. Растерянный, напуганный, наполовину раздавленный, он не мог ни думать, ни надеяться и мечтал только о том, чтобы палачи сжалились и пустили в колодец ледяную воду или кипящее масло... не важно что, лишь бы поскорее прекратились мучения. Хриплые, срывающиеся голоса, повторенные и искаженные эхом, сообщали Клайду такие подробности о нем самом, какие только он и знал, а также вещи, которых он не знал вовсе и которые готов был отрицать, если бы мог выговорить хоть слово.

Чтобы отвлечься, заглушить эти шипящие, брызжущие ядом голоса, Клайд стал повторять про себя имя: Аннелиз... Аннелиз... Аннелиз... Он твердил его снова и снова, пока оно не потеряло всякий смысл, словно коротенькая молитва, которую ревностный неофит читает по четкам сотни, тысячи раз подряд. Воображаемые голоса (а он уже не был уверен, что они действительно воображаемые) между тем стали громче, они лгали ему о ней, произнося ужасные вещи, и помимо собственной воли Клайд начинал им верить.

...Эта бледная дрянь только играла с тобой, парень; каждый вечер она возвращается домой, к этим желтым зубам и костлявым старческим пальцам, и знаешь, что они делают? Подумай об этом на досуге, ведь теперь времени у тебя достаточно. Ну, ты догадался? Посуди сам, она же с самого начала была его «группи» - одной из десятков молодых и глупых девчонок с красивым телом, которые повсюду разъезжают со знаменитыми певцами; ей повезло стать его женой, и хотя они потом разошлись, конечно, она продолжает спать с ним, и не думай, будто что-то изменится, потому что появился ты; что ты для нее? Она позволила себя поцеловать, дала себя потрогать, даже перепихнулась с тобой наскоро, а потом отправилась к нему как верная собачонка, и сейчас Пит раз за разом вонзается в ее прекрасный, бледный зад, который так тебе понравился, а она смеется, смеется, смеется над тобой...

Голосов становилось все больше; слова звучали торопливо и бессвязно, пока не превратились в кашу, в невообразимую и бессмысленную смесь гласных и согласных звуков, которая понемногу стихала, и какое-то время спустя Клайд со слабым удивлением осознал, что слышит только один голос - молодой мужской голос, который твердит знакомую с детства молитву:

- Благодатная Мария, мать Бога нашего, молись за нас ныне и в час смерти нашей, аминь, аминь, аминь... - Слова сливались друг с другом, но Клайд без труда разобрал знакомое: - Благословен плод чрева твоего, Христос Бог наш...

Этот обрывок повторялся так часто, что Клайд почувствовал растущее раздражение. «Выучил бы как следует, а потом молился», - подумал он и попытался отправить эту мысль обратно, благо ему казалось, что парень находится где-то неподалеку, быть может - в соседнем колодце. Второй узник, похоже, принял мысленную телеграмму, поскольку начал читать молитву правильно:

- Благодатная Мария, радуйся, Господь с тобою, благословенна-ты-между-женами-и-благословен-плод... - И так далее, и так далее. Клайд улавливал знакомый ритм даже при том, что парень бормотал молитву достаточно быстро и, скорее всего, машинально, не вдумываясь в

смысл слов. Постепенно он и сам начал чувствовать себя так, словно молитва была вращающимся шаром, а он - паучком, который изо всех сил бежит по поверхности, стараясь сохранить равновесие и не сорваться, но шар поворачивался слишком быстро, и в конце концов Клайд сбился с шага, оступился и кубарем полетел в бездонную, беззвучную пустоту, лишенную даже боли, - в пустоту, которой боятся даже пауки.

Прошло сколько-то часов - или, может быть, веков, - и Клайду пришла на ум некая Преобразующая Идея. Именно пришла, явилась непосредственно из всемирного эфира, где она когда-то обитала в головах невообразимых и таинственных космических существ. Это была Идея особого рода - такая, что, сумеет он ее постичь, ему удалось бы разобраться с механикой мироустройства, изменить ход звезд и планет и узнать будущее, просто созерцая виноградную кисть, с такой же легкостью, с какой он решил бы простенькую арифметическую задачу для начальной школы. Но он, разумеется, не мог овладеть ею - слишком грандиозной, обширной и величественной была эта Мысль. Словно муравей внутри аэростата, Клайд мог только вдыхать ее пьянящую атмосферу, жадно наполняя себя знанием, какое он с его слабыми человеческими возможностями был не способен вместить целиком, и в результате впитывал лишь фрагменты, жалкие крохи, которые тут же превращались в бесполезную чушь или банальности. Что-то насчет того, что нужно, мол, рубить дерево по себе, а не перекраивать жизнь ради достижения неосуществимого. Это было, по крайней мере, понятно, зато дальше пошел полный бред: якобы он должен был основать (или найти?) царство, и не где-нибудь, а «ниже 57-й параллели». Этот последний обрывок фразы дошел до него совершенно отчетливо и запомнился накрепко, но Клайд все равно не представлял, что ему с ним делать. Тем не менее он постарался сохранить его в памяти, в слабенькой надежде, что когда-нибудь ему это может пригодиться.

Клайд и сам не заметил, как это произошло, но он пронзил, проник, просочился сквозь оболочку мысли-аэростата и оказался на ее поверхности, которая тотчас начала отдаляться, уплывать из-под ног, уступая место грубой реальности, которая вновь сомкнулась вокруг пришедшего в себя человека.

Бред или не бред? Может быть, он вообще уже умер?.. Клайд прислушался к своим ощущениям и понял - что-то действительно изменилось. Нога все еще ныла, хотя боль значительно уменьшилась. Кроме того, он не сидел (стоял? торчал?) на дне каменного мешка, а лежал в лодке и смотрел, как стоящий на корме человек, едва различимый на фоне ночи в бесформенном темном плаще, с чуть слышным плеском погружает шест в невидимую реку. Еле слышно

журчала под днищем вода, и кто-то мерно дышал совсем рядом, но у Клайда не было ни сил, ни желания повернуться в ту сторону. Тусклые, как хлебные крошки, звезды горели на угольно-черном небе, и, глядя на них, он невольно подумал, что представления древних греков о смерти были довольно точны и что старик Харон действительно возил мертвецов через Стикс к пещерам, ведущим в мрачное царство Аида, куда рано или поздно должен сойти каждый живущий. Краешком сознания Клайд понимал, что его предположение наверняка ошибочно (ноздри его уловили характерный запах гниющих орехов, так что, скорее всего, лодка пересекала сейчас вовсе не Реку Мертвых, а второе или третье Блюдце), однако большой разницы он не видел. Возникшая у него ассоциация с Хароном выглядела более чем уместной, ибо он не сомневался: кто-то из подручных Пита Нилунда получил приказ отвезти его как можно дальше на юг и там избавиться от тела. Руки у него были свободны - так, во всяком случае, ему показалось, и теоретически у Клайда еще был шанс побороться за свою жизнь, но нечеловеческая усталость и наркотик, который ему вкололи, не дали разгореться огню: мысль о сопротивлении была мимолетной и исчезла так же быстро, как появилась. Единственное, чего сейчас хотел Клайд, это спать и спать без конца, и, похоже, его желанию суждено было очень скоро сбыться. Единственным, что он был бы не прочь узнать, прежде чем его глаза закроются навсегда, - это не случилось ли с Деллом нечто подобное, но задать этот вопрос тому, кому обычно адресуются подобные вопросы, Клайд не успел. Звезды перед глазами закружились, а потом померкли все сразу.

Когда Клайд пришел в себя, лодка плыла по подземному озеру - обширному водному пространству, размеры которого он мог определить лишь приблизительно - по слабому эху, отражавшемуся от далеких стен. Потолок тоже терялся во тьме, зато на бортах, на носу и корме гондолы горели фонари, так что со стороны она, наверное, напоминала одну из тех светящихся призрачным электрическим светом рыб, которые обитают в вечной тьме на дне самых глубоких океанских впадин. Фонари освещали и фигуру таинственного Харона, и Клайд разглядел, что легендарный провожатый мертвых одет вполне по-современному - в мешковатые джинсы и длинный зеленый пуховик (довольно старый, если судить по многочисленным заплатам из изоленты), и только лица лодочника было все так же не разглядеть в глубокой тени под капюшоном.

Нога у Клайда болела пуще прежнего; ощупав ее (брюки с него кто-то срезал), он обнаружил под коленом изрядную опухоль. Кроме того, у него затекла спина. Решив улечься поудобнее, Клайд повернулся на бок и оказался лицом к лицу с очень смуглым молодым человеком, который спал, закутавшись в одеяло и подтянув колени к груди. Его

поза выглядела детской, но руки, которыми он удерживал одеяло на груди, были крепкими, мускулистыми, с широкими запястьями, как у взрослого. Из глубокой царапины на щеке парня сочилась розоватая сукровица.

Словно почувствовав взгляд Клайда, молодой человек открыл глаза и, пробормотав что-то неразборчивое, снова их закрыл.

- Это Дэвид Батиста, литобработчик Пита, - сказал лодочник, и Клайд узнал голос Аннелиз. - Он сидел в Трубах рядом с тобой.

Клайд повернулся к ней. Аннелиз откинула капюшон и тряхнула головой, отчего ее рыжие волосы разлетелись и опали, словно огненный нимб. Выглядела она усталой - глаза припухли, словно она плакала, а под ними залегли темные тени.

Клайд уже собирался произнести сакраментальное: «С тобой все в порядке?», но Аннелиз его опередила:

- Как ты?

Клайд облизнул губы, сглотнул:

- Нормально. Вот только нога болит.

- Роберта сказала - у тебя перелом.

- Роберта?

- Подружка Мэри Алонсо. Потерпи немного, через полчаса я дам тебе еще одну таблетку, она снимет боль.

У ног Аннелиз Клайд заметил какой-то массивный сверток, из которого торчали тонкие ноги в черных джинсах и серых ковбойских сапогах.

- А это... - медленно проговорила она, перехватив его взгляд, - Пит.

Казалось, силы внезапно оставили ее, движения стали замедленными, как у автомата с подсевшими аккумуляторами, а лицо побледнело еще больше, словно произнесенное вслух имя способно было в один миг превратить тепло в холод, радость - в ненависть, живое - в неживое. Еще несколько раз она вяло взмахнула шестом, а потом замерла, как статуя, - неподвижная, непреклонная, пугающая фигура с запавшими щеками и потухшим взглядом, как никогда похожая на легендарного Харона. Прошло несколько томительных секунд, прежде чем Аннелиз сумела вернуться оттуда, куда унесли ее воспоминания и чувства. Энергичным ударом шеста она развернула гондолу, направив ее в узкое боковое ущелье. Глядя на его изрытые, осыпающиеся стены, Клайд почувствовал, что в нем снова пробуждается тревога, вызванная как реакцией Аннелиз, так и общей неопределенностью их нынешнего положения.

Потом она дала ему крошечную, размером с булавочную головку, белую таблетку, но когда Клайд собрался запить ее водой из канала, Аннелиз резко прикрикнула на него, посоветовав держаться подальше от бортов и ни в коем случае не опускать в воду руки.

- Почему? - спросил Клайд.

- Здесь водятся разные... твари, - пояснила она. - Откусят.

С этими словами Аннелиз вернулась на корму и снова взялась за шест. Проснувшийся Батиста слегка подвинулся, чтобы дать Клайду больше места, потом сел, протирая глаза.

- Что произошло? - спросил у него Клайд.

- Я знаю только, что эти четыре женщины вытащили нас, а в Трубу посадили Брада, - ответил Батиста. - Милли Сассмен... ты ведь ее знаешь, правда?.. Такая... крупная женщина... Мне показалось - она в этом шоу главная, во всяком случае, у нее был пистолет. Милли сказала, что нас с тобой нужно куда-то спрятать, пока все не устаканится, и Аннелиз предложила отвезти нас на юг. - Он вздохнул. - Вот только что они собираются делать с Питом, я ума не приложу.

Клайд бросил короткий взгляд на Аннелиз, но она снова с головой ушла в свои мысли и, похоже, не прислушивалась к разговору мужчин.

- Если хотя бы половина того, что Пит собирался писать в своих мемуарах, правда, - добавил Батиста, - его можно было с чистой совестью бросить в Трубу и оставить там навсегда.

Теперь Клайд узнал его голос. Он не сомневался, что молитву Деве Марии читал именно Батиста, и ему захотелось спросить, дошел ли до парня его совет, однако по зрелом размышлении Клайд решил, что сейчас им не нужны лишние сложности и загадки. Вместо этого он сказал:

- Так вот какой ты литобработчик! Ты помогал Питу писать мемуары.

Батиста кивнул.

- Да, помогал. И, сказать по совести, чистить канализацию было бы в десятки раз приятнее. Вся эта грязь, мерзость... Короче, я не выдержал и сказал, что ухожу, тогда-то Пит и отправил меня в Трубу. - Он окинул Клайда оценивающим взглядом. - Они давали тебе наркотики? Один мой знакомый говорил, что тем, кого сажают в колодец, дают какие-то таблетки, чтобы они сильнее мучились.

- Мне сделали инъекцию, - сказал Клайд, припомнив борьбу в гостинице вдовы Кмиц. - Вкололи какую-то дрянь.

Тем временем лекарство, которое дала ему Аннелиз, начинало действовать - внутри стало тепло, перед глазами поплыли клочья разноцветного тумана, боль отдалилась. На протяжении нескольких минут Клайд буквально наслаждался ощущением здоровья и полного телесного совершенства - простое движение пальца поражало своей идеальной функциональностью, опухоль под коленом ласкала взор тончайшими переливами цвета. Даже исходящая от воды навязчивая вонь гниющих овощей, и та казалась изысканной, словно лучший парфюмерный аромат, хотя Клайд и затруднялся его определить. Пожалуй, больше всего плывущий в воздухе запах напоминал ему аромат благовоний, которые его мать, достигнув, как она говорила, «мистико-католической фазы Просветления», заказывала по специальному каталогу. Правда, «Настоящий библейский бальзам из

Иерусалима» довольно скоро ей надоел - мать жаловалась, что аромат, который вдыхал Господь наш и Спаситель, насквозь пропитал ее новую мягкую мебель, и Клайд, под шумок экспроприировав остатки ладана, понемногу жег его в туалете, чтобы перебить запах «косяков» с марихуаной.

Узкий туннель, по которому они плыли, вывел их в новый участок ущелья. Полоска серого неба наверху (близился рассвет, и вокруг немного посветлело) была здесь гораздо шире, чем над Хэллоуином, да и утесы не нависали над рекой, а стояли почти вертикально, зато они были гораздо выше и неприступнее, чем в городе. Моссбах тоже стал шире (футов девяносто или даже сто), а его воды приобрели мутно-зеленый оттенок. Река прихотливо петляла между крутыми, глинистыми берегами, густо поросшими незнакомой, странной растительностью: из спутанной черно-зеленой травы выглядывали крупные, как морские звезды, цветки на длинных стеблях и торчали коротенькие, корявые стволы деревьев, представлявших собой некий гибрид бонсаи и кораллов. Деревья в большинстве своем тоже были ядовитого черно-зеленого цвета, и лишь у некоторых кроны окрашивались в нежный цвет индиго. Черные шарообразные кусты с крошечными кожистыми листьями чуть заметно трепетали, когда гондола проплывала поблизости, а лианы - одни толстые, как корабельные канаты, другие тонкие и крепкие, как стальная проволока, - плотно оплетали почву, словно пронизывающие плоть мира вены. Таким или примерно таким Клайд всегда представлял себе волшебное королевство злых фей, потайное место «под холмом», где воздух отравлен присутствием враждебных духов и даже рассвет кажется мертвенным и тусклым из-за висящих над водой испарений. Испарения, кстати, имели довольно характерный запах: принявшись, Клайд решил, что пахнет кошачьим дерьмом, хотя и сомневался, что это действительно так. У берегов запах был таким сильным, что начинали слезиться глаза. Казалось, он действует даже на крупных насекомых, которые, поблескивая зеленовато-синими крылышками, перелетали с цветка на цветок с таким видом, словно их вот-вот стошнит.

Гондола обогнула речную излучину, и перед ними открылся вид, который привыкшим к ограниченным пространствам глазам Клайда показался Гранд-Каньоном. Здесь берега реки разбегались вширь, а утесы напоминали картинки из детской книжки про динозавров - иззубренные, словно только что извергнутые из земных недр, они вонзали в небо закрытые туманами остроконечные вершины. На стене одного из утесов Клайд увидел вполне хэллоуинский дом - две прикрепленные к стене башни по шесть этажей в каждой. Стены были сделаны из тусклого черного металла, похожего по цвету и фактуре на хитиновые панцири насекомых, так что со стороны казалось, будто

вверх по утесу ползут в сомкнутом строю двенадцать огромных жуков. У подножия скалы - футах в пятнадцати под нижним ярусом дома, на песчаной прибрежной косе, которая тянулась вдоль берега, - приткнулся прямоугольный одноэтажный сарай с плоской крышей, выкрашенный зеленовато-голубой краской на редкость ядовитого оттенка. Вскоре Клайд понял, что краска здесь ни при чем и что цвет зданию придают лишайники, сквозь которые только кое-где проглядывает серый выкрошившийся бетон. В нескольких таких местах на бетоне он разглядел выведенные по трафарету черные буквы «МУ...» и «...ГЕНИ...», а над ними - череп со скрещенными костями, который придавал зданию неопределенно-зловещий вид. «Мутагеникс» - понял Клайд, припомнив свой разговор с Деллом. Железные ставни на окнах сарая заржавели, но выглядели неповрежденными, а вот дверь была приоткрыта. Слева от сарая он заметил небольшой, обнесенный заборчиком участок земли, похожий на заброшенный огород. Скалы над ним поросли папоротниками; их длинные вайи трепетали на ветру, словно умоляя спасти их от наступления новой, чужеродной растительности.

И все же самой примечательной особенностью этого места, подтвердившей первоначальные подозрения Клайда насчет источника резкого запаха, было обилие кошек всех пород и расцветок. Зверьки грелись на крыше сарайчика, чесались, выглядывали из зарослей, крались вдоль берега или сидели на уступах скал, высокомерно поглядывая на людей. Песчаная коса, по всей видимости, служила кошачьему племени туалетом - отсюда резкая, выедающая глаза вонь кошачьей мочи и плохо закопанных фекалий.

Сначала Клайд решил, что перед ним - одичавшие потомки домашних любимцев, которым удалось уцелеть после нападения «хэллоуинского котоубийцы», однако кошки хотя и заметили гондолу, не проявляли ни агрессии, ни страха и только равнодушно косились в ее сторону. В колонии их было несколько сотен, однако шума они почти не производили: вместо непрекращающегося «кошачьего концерта», который было бы слышно на мили вокруг, кошки лишь время от времени негромко взмывали. Штук пять даже подошли потереться о ноги Батисты, когда он практически на руках вынес Клайда из лодки, чтобы усадить с подветренной стороны здания.

Заросший лишайниками сарай, дом из черного металла на скале, молчаливые кошки, незнакомая растительность на берегах, странная мутная вода в реке, петляющей между отвесными утесами, помогли Клайду вообразить себя и своих спутников героями еще не созданной фантастической эпопеи Джозефа Конрада, любившего описывать, как на руинах человеческой цивилизации взрастает новое общество разумных потомков наших домашних питомцев и как крошечная группа случайно уцелевших в труднодоступных пещерах людей пытается

предотвратить окончательную гибель своего вида, рассказывая друг другу долгие и печальные истории о низвержении человечества, о совершенных им ошибках и апокалиптических глупостях; и хотя эти истории ничего предотвратить не могли, в целом они все же рисовали довольно правдоподобную картину поражения людской цивилизации, звуча похоронным звоном по человеческому духу. Представил Клайд и самого почтенного рассказчика - седобородого старца с обкуренной трубкой в гнилых, покосившихся, как могильные камни, зубах; представил его испещренные никотиновыми пятнами десны, склеротические щеки, втянутые от старания не дать погаснуть огню в чашечке трубки, черную пещеру рта, выдыхающую ядовитый сизый дым, который окутывает слушателей, магическим образом сплачивая их, делая еще теснее узкий кружок уцелевших... Он и сам, не сдержавшись, рассмеялся своим фантазиям.

И тут со стороны гондолы донесся громкий крик.

Взглянув туда, Клайд увидел у кромки воды Аннелиз. Перед ней на коленях стоял Пит Нилунд в разорванном темно-синем пиджаке и со связанными руками. На глазах Клайда Аннелиз ударила бывшего мужа по плечу шестом, заставив встать на ноги. От увиденного Клайду стало тошно, и он, отвернувшись, стал наблюдать за серой кошкой, которая крадучись приблизилась к одному из шарообразных кустов, замерла на мгновение и вдруг, взвившись в воздух в молниеносном прыжке, сбила на землю одного из жуков. Приземлившись рядом с жертвой, охотница принялась не спеша ее пожирать, аккуратно отделяя несъедобные хитиновые надкрылья. Другая кошка, соскочив с крыши сарайчика, неприязненно покосилась на товарку, брезгливо дернула хвостом и потрусилась прочь.

Тем временем Батиста, навалившись всей тяжестью на дверь сарая (разбухшее от сырости дерево поддавалось с большим скрипом - в буквальном и переносном смысле), сумел открыть ее достаточно широко, чтобы можно было войти внутрь. На несколько минут он исчез из вида, потом снова появился и присел рядом с Клайдом, который тут же спросил, что он обнаружил в сарайчике «Мутагеникса».

- Да, собственно, ничего особенного, - ответил Батиста. - Видел пару лабораторных столов и железный шкаф-картотеку. И еще одну дверь. Я думаю, она ведет в дом наверху.

Подгоняемый Аннелиз Пит Нилунд нехотя ковылял к зданию. Глядя на него, Клайд вспомнил старый итальянский фильм о вампирах. В самом начале фильма извлеченный из могилы главный вампир мало чем отличался от скелета, но после того как ему удалось погрузить клыки в горячую кровь юной героини, он начал снова обрастать сухожилиями, плотью, кожей. Сейчас Пит Нилунд напоминал того вампира примерно на середине его возвращения к квазиз жизни.

У самого дома Аннелиз просунула конец шеста между лодыжками

бывшего супруга, и он, споткнувшись, растянулся во весь рост на загаженном кошками песке.

- Проклятая спятившая сука!.. - выругался старый рокер, вытирая рукавом налипшую на лицо грязь. - Думаешь, так ты чего-нибудь добьешься?

- Обо мне не беспокойся, - возразила Аннелиз. - Из нас двоих именно у тебя самые серьезные проблемы.

- У меня нет никаких проблем, - отозвался Пит с самодовольным смешком. - Брад и ребята уже спешат сюда, и тогда именно ты будешь стоять на четвереньках и умолять, чтобы тебе кто-нибудь вставил.

- Эй, попридержи язык! - с негодованием крикнул Клайд, вернее, хотел крикнуть. Язык у него все еще заплетался от усталости и лекарств, и он сумел произнести что-то вроде: «Прджзык».

Пит Нилунд смерил его презрительным взглядом.

- Ты ее еще не знаешь, приятель... Ради острых ощущений Аннелиз готова отдаться и пьяной горилле. Помнишь наш совместный тур с «Оазисом», дорогая?.. - Он усмехнулся. - Видел бы ты ее тогда!.. Наша оторва зажигала по полной. Я говорил ей...

Он осекся, Батиста, который подбрасывал в ладони несколько галек, метнул одну из них в певца и попал в грудь.

- Брад не приедет, - сказала Аннелиз. - Можешь не ждать. Милли с ним расправилась.

- Милли? - Пит Нилунд снова фыркнул. - Чушь! Она не стала бы участвовать в подобной глупости. Никогда!..

Ему никто не ответил, и Пит посмотрел на каждого по очереди.

- Эй, вы! Что, черт побери, вы задумали?

Не удостоив его ответом, Аннелиз подошла к Клайду и спросила, как он себя чувствует.

- Что за таблетки ты мне дала? - ответил он вопросом на вопрос.

- Сульфат морфия.

Клайд хмыкнул.

- В таком случае, я чувствую себя соответственно.

Пит снова пошевелился, попытавшись принять более удобное положение.

- Так это все из-за него? Из-за этого козла?!

- Почему бы нет? - спросила Аннелиз. - Заметь, я не сказала «да»... Просто - «почему бы нет?», так что можешь думать, как тебе больше нравится.

И она положила голову на плечо Клайду. Прикосновение было теплым - он и не заметил, что вокруг довольно холодно. Сразу захотелось спать, и на минуту - а может быть, на десять - единственным, что слышал Клайд, было журчание реки и шорохи, которые производили охотящиеся в траве кошки. Потом Батиста сказал:

- Что-то я проголодался.

- Я тоже, - немедленно поддержал его Пит, приподнимаясь на локте. - Как насчет того, чтобы поймать с полдюжины кошек и поджарить? Можно устроить пикник на свежем воздухе, если только вы не забыли взять с собой мятное желе. Я слышал - жареные кошки хороши с мятным желе.

Аннелиз, дрожа от непонятного напряжения, подалась в его сторону.

- Ты действительно голоден, Пит?

Во взгляде рок-звезды вспыхнула искорка беспокойства.

- Отвечай - ты голоден?!

На мгновение ее лицо снова стало холодным и мертвым, как некоторое время назад, когда они плыли по подземному озеру, и Клайд, испугавшись, что Аннелиз сейчас убьет бывшего мужа, попытался схватить ее за руку, но опоздал. Она сделала шаг, другой... и, миновав Пита, стала возиться с замком на огородной калитке, Замок почти сразу поддался, и Аннелиз, резко распахнув дверцу (что вызвало небольшой переполох среди следовавших за ней по пятам кошек, которые так и прыснули в стороны), присела на корточки и стала ковыряться в земле. Через несколько секунд она выпрямилась, держа за стрелки пару облепленных грязью крупных луковиц.

Вернувшись к Питу, она ткнула ими прямо ему в лицо.

- Ты хотел есть? Ешь!

- Да пошла ты!.. - Он отвернулся.

- Не бойся, они не отравлены, - проговорила Аннелиз негромким, звенящим от напряжения голосом. - И потом, тому, кто уже отравлен, никакой яд не страшен.

Лицо Пита чуть дрогнуло, в глазах промелькнула тень подозрения. Какими бы мимолетными ни были эти чувства, Аннелиз их заметила.

- Да-да, - кивнула она. - Ты правильно догадался. Вот уже больше года я кормлю тебя овощами со своего огорода. И если бы ты так не боялся врачей, самый поверхностный медосмотр давно бы выявил рак. А теперь уже поздно. Ты сгнил изнутри.

Пит Нилунд попытался небрежно пожать плечами, но не смог скрыть своего потрясения и страха.

- Конечно, такая гадина, как ты, могла и не заметить добавочной порции яда, - продолжала Аннелиз. - Не исключено, что он только прибавляет тебе здоровья.

Она немного помолчала, словно выжидая, пока смысл сказанного полностью дойдет до Пита, потом вдруг взмахнула луковицами, которые по-прежнему держала за стрелки. Удар пришелся в лицо, и Пит, застигнутый врасплох, снова опрокинулся на землю. Подняться он не успел. Усевшись на него верхом, Аннелиз продолжала бить его снова и снова и никак не могла остановиться. Ее рыжие волосы, разлетаясь при каждом движении, застилали ей глаза, и все же каждый новый удар попадал точно по голове. Пит корчился и выгибал спину,

пытаясь сбросить Аннелиз, потом вдруг затих, а она продолжала наносить ему удар за ударом. Луковицы давно отлетели в сторону, и она молотила его кулаками, всхлипывая при каждом попадании, как она делала, когда занималась с Клайдом любовью.

Кошки, напуганные возней и резкими движениями, разбежались и попрятались в траве. Клайд громко окликнул Аннелиз, умоляя остановиться, но она не услышала или не пожелала услышать. Наконец Батиста - не особенно, впрочем, торопясь - поднялся и, обхватив ее за плечи, оттащил в сторону. В первые минуты она сопротивлялась, но вырваться не могла: подняв Аннелиз, Батиста развернул ее лицом к себе и прижал, не давая пошевелиться.

Только сейчас Клайд заметил, что одна из луковиц подкатилась к его башмаку. Она была разбита и сплющена, на бледной коже виднелись грязь и капельки крови. Второй луковицы нигде не было видно.

- Отпусти, - глухо сказала Аннелиз.

Батиста разжал руки, и она сразу отступила в сторону, несильно толкнув его в грудь. Повернувшись, Аннелиз подошла к реке и, убрав волосы назад, долго стояла молча, глядя вверх по течению. Пит не шевелился, к его окровавленному, грязному лицу прилипли ошметки луковой мякоти и кожуры. Глаза певца были закрыты, он хрипло, с присвистом дышал и, похоже, был без сознания. Батиста растерянно топтался на месте, не зная, что ему делать. Одна из кошек подобралась вплотную к Клайду и, не обращая внимания на его слабые попытки прогнать ее прочь, стала слизывать с кожуры капельки крови.

Потом кошка ушла, а еще какое-то время спустя он окликнул Аннелиз. Женщина ответила быстрым движением руки, которое он предпочел интерпретировать как просьбу дать ей еще пару минут, чтобы прийти в себя. Между тем его снова начало клонить в сон; возбуждение и беспокойство, которые Клайд только что пережил, улеглись, не сумев нейтрализовать действие морфина, и теперь он прилагал огромные усилия, чтобы не отключиться. Ему хотелось успокоить, утешить Аннелиз, но он сомневался, что ее вообще можно успокоить и что утешение - это именно то, в чем она сейчас нуждается. Клайд понимал - или думал, что может понять, - отношение Аннелиз к человеку, который столько времени использовал ее. Ярость, ненависть, презрение, желание поквитаться... Многие люди на ее месте испытывали бы еще более сильные чувства, и вспышка ярости, которую Клайд только что наблюдал, была естественным проявлением этих чувств. Но ненавидеть настолько, чтобы на протяжении многих месяцев день за днем, медленно и расчетливо скармливать врагу яд и тайно торжествовать, наблюдая за тем, как он, сам того не подозревая, движется навстречу неизбежной, мучительной смерти? По его

глубокому убеждению, для этого требовалось нечто большее, чем ненависть. Безумие, духовное уродство, распад личности - вот что могло лежать в основе подобного поступка, и Клайд очень боялся, что процесс мог зайти слишком далеко, чтобы его можно было повернуть вспять.

Он судорожно вздохнул и понял, что опять замерз. Окружающий пейзаж больше не казался ему величественным и сказочным - вспышка Аннелиз разрушила чары, и теперь Клайд видел перед собой просто старый дом, заброшенный огород, разросшиеся сорняки и стаю ободранных, одичавших кошек.

Батиста подошел к нему и сел рядом. Еще через пять минут к ним присоединилась Аннелиз. Клайд обнял ее за плечи и почувствовал, как понемногу отступает напряжение и остывают страсти. Немного погодя она уже сама прильнула к нему, и Клайд сразу позабыл про все свои вопросы, убежденный примитивным языком ее тела. Кошки, попрятавшиеся с началом схватки, тоже выбрались из своих убежищ и теперь снова принюхивались, охотились и гадили как ни в чем не бывало. Обыденность их поведения еще больше успокоила Клайда. Так, подумалось ему, после катастрофы или взрыва наступает минута абсолютной тишины, но потом затаивший дыхание мир снова оживает: слышатся торопливые шаги и голоса, раздается негромкое урчание моторов и опять начинают тикать часы.

Солнце еще не появилось между вершинами утесов, но теплый золотой свет, словно прилив, уже полз по гранитной стене, и вместе со светом возвращались в ущелье волшебство и таинственная красота.

Пит ожил примерно через полчаса. Он пошевелился, сел, бросил злобный взгляд в сторону Аннелиз, но сразу же отвернулся, понурился головой. Его левый глаз закрылся лиловой опухолью, лоб тоже покрывали синяки и ссадины, на губах и подбородке запеклась кровь из разбитого носа. Очевидно, нос был сломан, потому что дышать Пит старался через рот. Никто с ним так и не заговорил, и он, еще раз оглядевшись по сторонам, словно в поисках чего-то, чем он мог бы себя занять, снова улегся на песок спиной к ним. Внезапно куда-то исчезли все кошки: дружно, как по команде, они одна за другой шмыгнули в кусты и пропали из вида. Сколько ни вглядывался Клайд в заросли, он так и не увидел ни одного зверька.

- Куда это они рванули? - поинтересовался Батиста.

Аннелиз, осторожно сняв с плеча руку Клайда, села прямо и, устало вздохнув, произнесла какое-то слово, которое звучало примерно как «ллуррулу». При этом она глядела на юг - в том направлении, куда удрали последние кошки, - и Клайд тоже стал смотреть в ту сторону. Сначала он ничего не видел - только слышал далекое хриплое мяуканье и странные сухие шорохи. Внезапно из зарослей на песчаную

косу выскочила черно-зеленая тварь, за которой следовала огромная стая кошек. Каждый раз, когда тело твари сокращалось, и она принимала уже знакомую Клайду форму гнилого капустного кочна, кошки прыгали на нее и, впившись когтями в «листья», повисали на них, не отцепляясь, даже когда тварь вытягивалась во всю длину.

- Помоги-ка мне его поднять, - сказала Аннелиз Батисте. - В лабораторию, скорее!

Вместе они подхватили Клайда под руки и потащили в пахнущий сыростью и кошками сарай. Здесь действительно было пусто, если не считать двух столов и шкафа-картотеки; голые бетонные стены поросли седой плесенью, под ногами хрустели битое стекло и прочий мусор. В дальней стене виднелась утопленная в бетон металлическая дверь.

Здесь Аннелиз и Батиста попытались уложить Клайда на пол, но он сказал, что будет стоять, опираясь на один из столов. Батиста уже закрывал входную дверь, когда внутрь вполз Пит - вполз и тут же снова повалился на бок. Сквозь щель в оконных жалюзи Клайд видел, как черно-зеленое существо длинными, плавными скачками скользит вдоль песчаной косы - похоже, его способ передвижения был довольно эффективным, хотя и странным. Возле гондолы оно остановилось, вытянувшись во весь рост (семь футов или даже больше, как показалось Клайду), и сразу стало похоже на засохшую елку, которую после Рождества вынесли на помойку - ободранную, потерявшую половину иголок. Вместо пластмассовой звезды ее верхушку венчала небольшая голова, формой и размерами напоминавшая мяч для американского футбола - овальная, гладкая, оливково-зеленая. Ни волос, ни глаз или рта Клайд на ней не увидел. На «листьях» твари все еще висели несколько кошек, которые грызли и жевали их с явным удовольствием. Бросив взгляд чуть дальше, Клайд увидел, что вся коса усыпана мохнатыми кошачьими тельцами: одни - блаженно катались на спине и орали во все горло, другие - неверной походкой трусили к кустам.

Пока он смотрел, по телу твари пробежала странная дрожь, торчащие во все стороны «листья» замерцали; потом она вытянулась еще больше и издала громкий протяжный звук, похожий то ли на вой, то ли на рыдание:

- Л-лурру-улу!!!

Чуть хрипловатый, сходный по тону со звуком фагота, клич твари раскатился над рекой и замер, и сразу же она начала оседать, как будто сдуваясь, пока не стала похожа даже не на раздавленный капустный кочан, а на изодранный лоскутный коврик, посреди которого чуть возвышался темно-оливковый овал головы. Жирный белый кот, подозрительно похожий на Принца, выбрался из-за ближайшего куста и с блаженным «мря-я!» повалился на край этого коврика.

- Значит, тварь только крадет кошек, а вовсе не убивает, - негромко сказал Клайд Батисте, который тоже подошел посмотреть. - И она кормит их собой... своими листьями, как валерьянкой!

- Ллуррулу любят кошек, - подал голос Пит. - Кошки ухаживают за ними, обрывают слишком разросшиеся или отмершие покровные листья, а за это ллуррулу дарят им блаженство. И только людей они убивают...

- Это потому, что ты и твои друзья стали на них охотиться, - резко перебила Аннелиз.

- Ну да, конечно. До этого ллуррулу носили значки с «куриной лапкой» и хором пели «Приди, приди Господь...». Что, как ты думаешь, случилось с людьми из «Мутагеникса»?..

- Да, кстати, что с ними случилось? - поинтересовался Батиста. - В своих мемуарах ты почему-то обошел этот вопрос.

- Значит, тварей много? - спросил Клайд.

- Пит их здесь запер, - мрачно объяснила Аннелиз Батисте. - Людей, я имею в виду. Бедняги пытались спастись через пещеры, но... Никто до сих пор точно не знает, что с ними случилось.

- Через пещеры? - удивился Клайд.

- А что мне оставалось делать? Отпустить их, и пусть бы они рассказали всему миру о новом, удивительном виде живых существ? - Пит поднялся с пола и в гневе шагнул к Аннелиз. - Тогда Хэллоуну точно пришел бы конец. Солдаты, журналисты, ученые слетелись бы в мой город, как мухи на мед.

Аннелиз стукнула кулаком по шкафу-картотеке.

- Если бы ты не сливал в реку вещества-мутагены и не загрязнял окружающую среду, им не понадобилось бы выбираться на поверхность. И тогда, возможно, ты еще очень долго не узнал бы о существовании ллуррулу.

- Хватит нести эту гринписовскую чушь! - рявкнул Пит и добавил нарочито писклявым голосом, явно передразнивая Аннелиз: - «Ты же видишь, что они - не растения и не животные, они воруют кошек и портят телевизионные кабели, а значит, они разумны. Разумны и нуждаются в нашей защите...». Черт побери, Аннелиз, большей глупости я в жизни не слышал! Вороны тоже охотятся на мышей и бывает крадут разные блестящие вещи, но это не значит, что мы с ними - братья по разуму!

Клайд, внимательно следивший за перепалкой, заметил, что Пит ведет себя так, словно вовсе не он меньше часа назад получил от Аннелиз хорошенькую трепку. Быть может, теперь, когда у нее не было в руках луковиц, он боялся своей бывшей куда меньше, однако у Клайда сложилось впечатление, что эти двое продолжают давнишний спор, начатый отнюдь не вчера и успевший стать для обоих чем-то вроде привычного ритуала. Пит напал, Аннелиз защищалась, потом

они менялись ролями, и все повторялось. Не исключено, что и побои (с применением овощей и других подручных средств) тоже были непременной составляющей этого милого семейного обычая.

- Им здесь не нравится! - выкрикнула Аннелиз. - Почему, ты думаешь, ллуррулу каждый раз посылают наверх только одного?

- Если это действительно так, - вмешался Клайд, - откуда ты знаешь, что на самом деле их... ну, ллуррулу - много?

Пит фыркнул.

- Мне наплевать, почему они предпочитают выбираться из своих нор по одному. Но если они не прекратят появляться в городе, я угощу их кое-чем покрепче химикалий.

- Я в этом сомневаюсь, - насмешливо возразила Аннелиз. - Впрочем, когда сюда приедет Милли, мы это обязательно обсудим. И заодно решим, что нам с тобой делать.

- Я все же поставлю на Брада.

- Брада мы посадили в Трубу. Сейчас, я думаю, он там уже не один. А остальных твоих головорезов Милли сумеет заставить вести себя прилично. Напрасно ты так круто обошелся со своей адвокатессой, Пит. Она-то знает, за какие ниточки нужно потянуть, чтобы человек добровольно сменил хозяина.

- Эй!.. - завопил Клайд. - Кто-нибудь ответит мне на мои вопросы?

Аннелиз вздрогнула и посмотрела на него с таким видом, словно впервые увидела, но ответить не успела.

- Что ты там говорила насчет того, что ллуррулу поднимаются наверх только по одному? - проговорил Батиста, продолжавший выглядывать в щель жалюзи. - Я, например, вижу уже троих.

Пит и Аннелиз бросились к окну, оттолкнув его в сторону.

- Вижу одного на берегу, - вполголоса сказала Аннелиз.

- Вон еще один... за забором, - отозвался Пит.

- Где же третий?

Неожиданно свет померк, что-то заслонило окно снаружи. Пит с Аннелиз отпрянули, и Клайд увидел прильнувшее к жалюзи влажно поблескивающее зеленовато-серое брюхо твари. Ллуррулу рыгнул - во всяком случае, звук был очень похожий, - его бледная плоть конвульсивно содрогнулась, и на решетку жалюзи брызнула прозрачная густая жидкость.

- Господи Иисусе! Это же кислота! - воскликнул Батиста, заметив легкий дымок, поднимающийся от жалюзи в тех местах, куда попали капли жидкости. - Надеюсь, он сюда не пролезет?

- Кислота не слишком сильная, - хладнокровно заметила Аннелиз. - Пройдет минут десять-пятнадцать, прежде чем она разъест металл.

Пит сунул руку в карман пиджака (только сейчас Клайд заметил, что он сумел каким-то образом развязать веревку, которой были связаны его запястья) и, достав оттуда довольно большую связку ключей,

потряс ею в воздухе. Ключи звякнули.

- Не паникуй. Все под контролем.

С этими словами он пересек сарай-лабораторию и, подойдя к металлической дверце в дальней стене, попытался отпереть ее при помощи одного из ключей. Пока он возился с замком, Клайд продолжал разглядывать плуррулу. Вблизи его раздутое бледное брюхо напоминало сырую мидию - оно так же пульсировало и было сплошь покрыто какой-то отвратительной слизью. Нижний край брюха, видневшийся в нижней части оконных жалюзи, был оторочен острыми костяными крючками желтоватого цвета размером не больше человеческого зуба. С помощью этих крючков тварь и цеплялась за бетон.

Позади него скрипнули петли - внутренняя дверь отворилась. За ней Клайд увидел высеченную прямо в скале винтовую лестницу, которая вела куда-то вверх. Несмотря на помощь Батисты, подниматься по ступенькам ему было трудно - снова разболелась нога, да так, что Клайд едва мог на нее ступить. Тем не менее от предложенной Аннелиз очередной таблетки он отказался - ему хотелось сохранить ясность ума.

Поднявшись по лестнице, все четверо оказались в просторном - примерно вдвое большем, чем стандартная городская комната, - помещении, где стояли стол для пула, обтянутый тиком диван и несколько полумягких стульев, обивка которых когда-то была красной, но теперь казалась седой из-за пятен плесени. Плесень покрывала и красно-синий арабский ковер на полу. На стеллажах вдоль стен были расставлены какие-то безделушки, абстрактные статуэтки, эротические чеканки. Обстановку, достойную модернистского варианта американского борделя, довершали стрельчатые окна с решетками, сквозь которые в комнату проникал свет.

Клайд устроился на диване, Пит - на стуле, Батиста остался стоять у дверей. Аннелиз, воспользовавшись еще одной винтовой лестницей в дальнем конце комнаты, поднялась этажом выше и вскоре вернулась, держа в руке пару кружевных трусиков. Швырнув их на колени бывшему мужу, она села на диван рядом с Клайдом.

- Я думала, ты давно перестал пользоваться этим местом, - сказала она.

Пит широко улыбнулся - на зубах его еще виднелись следы крови - и сбросил трусики на пол.

- Сволочь, - коротко сказала Аннелиз.

- Тебе-то что за дело, дорогая?

- Никакого. Мне плевать, с кем ты трахаешься, но мне не нравится, что ты мне врешь.

- Я тут ни при чем. Наверное, это кто-то из ребят пошалил.

- Ты обещал мне, что никто...

- Да что с вами такое?! - вскричал Клайд и, приподнявшись на локте, взглянул на Аннелиз. - Или ты уже забыла, что всего час назад едва не убила его? Черт побери, ты убивала своего бывшего мужа на протяжении года, а теперь упрекаешь его в том, что он тебе солгал!

- Я говорила тебе, это довольно сложно объяснить... - вяло оправдывалась она.

- А объяснять ничего не надо! Я же вижу, вы просто тащитесь от всего этого... - Клайд даже отодвинулся от нее подальше, надеясь, что хоть это заставит Аннелиз опомниться. - Нас вот-вот убьют, а вы двое ведете себя как супружеская пара из сериала «Дни нашей жизни». В две тысячи сто пятьдесят седьмой серии.

В глазах Аннелиз промелькнуло какое-то странное выражение.

- Нам ничто не угрожает. Ллуррулу не смогут добраться сюда по стенам, потому что стены сделаны из металла.

- Превосходно! Ты меня, конечно, очень утешила, однако не ответила на мой вопрос. Я хочу знать, что все это...

- А вот что!.. - Пит, не вставая со стула, ловко пнул Клайда по больной ноге. - Как тебе такой ответ, дружище?

От боли Клайд даже зажмурился. Зажмурился и почувствовал, что диван, похоже, вот-вот из-под него выскользнет. И не только диван - вся комната, казалось, покачнулась и стала куда-то проваливаться. Аннелиз с криком вцепилась в Клайда, Пит взвизгнул высоким голосом, а от двери донеслись тупой удар и сдавленные проклятья Батисты.

Открыв глаза, Клайд увидел, что комната действительно накренилась в сторону окон. Батиста, потирая голову, распростерся на полу. Пит - как никогда раньше похожий на высохшую, сморщенную обезьянку в бархатной курточке - обеими руками вцепился в стул.

Аннелиз кое-как встала и, скользя по заплесневелому ковру, подобралась к ближайшему окну.

- Боже мой! - вырвалось у нее. - Их здесь полсотни, не меньше!

Хватаясь за стеллажи, Батиста поднялся с пола и присоединился к ней у окна.

- Ты говорила, ллуррулу плюются слабой кислотой. Как же она смогла так быстро разжесть крепежные скобы?

- Я думаю, большую часть работы они сделали заранее. - Аннелиз бросила на Пита победоносный взгляд. - Ты и после этого будешь утверждать, что ллуррулу лишены разума?

Комната вздрогнула и просела еще немного.

- Надо подняться выше. - Пит отшвырнул стул и шагнул к лестнице.

- Я бы не сказал, что это хорошая идея, - остановил его Батиста. - Если твари растворили крепеж этого блока, они могли поступить точно так же и с верхними этажами. Если мы поднимемся туда, падать нам придется уже с высоты сорока, а то и всех шестидесяти футов.

- Аннелиз... - Морщась от боли, Клайд встал, держась за спинку

дивана. - Дай мне еще одну таблетку. - Черт с ней, с ясной головой, подумал он. Сейчас важнее сохранить хотя бы минимальную подвижность.

- Тогда давайте спустимся вниз, - в голосе Пита прорезались панические нотки.

- Только попробуй прикоснуться к этой двери! - Батиста быстрым движением преградил ему дорогу. - Эти твари уже наверняка в лаборатории... и на лестнице тоже. Дай сюда ключи...

Клайд взял у Аннелиз таблетку и положил под язык.

- Помоги мне перевернуть диван, - попросил ее Батиста. - А ты Пит... спрячься под стул, что ли...

Не обращая внимания на недовольное ворчание рок-звезды, Батиста и Аннелиз опрокинули диван и забрались под него: сначала Клайд, за ним (лицом к нему) Аннелиз и, наконец, сам Батиста, который ухитрился накрыть всех троих диванными подушками. Для удобства Клайд разорвал заднюю обивку диванной спинки и, просунув руку внутрь, схватился там за какую-то распорку. Где-то в углу кряхтел и вполголоса ругался Пит, потом все стихло. Слышно было лишь сдерживаемое дыхание четырех человек - и ничего больше.

Так прошло несколько минут, и Клайд, скорчившийся в три погибели под диваном, вдруг поймал себя на мысли, что ему совсем не страшно. То ли он просто не успел испугаться, то ли все дело было в том, что происходящее казалось ему каким-то нереальным. Должно быть, подумалось Клайду, что-то подобное испытывают люди в терпящем бедствие самолете. Наверное, на борту действительно бывают минуты, когда пассажирам кажется, что все каким-то образом рассосется само, что на самом деле ничего страшного не случилось, и Бог обязательно вмешается и спасет всех - или же пилот сумеет найти верное решение, однако эти минуты быстро проходят, самолет срывается в гибельный штопор, и тогда на смену надежде приходят паника и ужас.

- Я люблю тебя, - прошептала Аннелиз, уткнувшись лицом в его плечо.

Если бы она сказала это раньше, Клайд, наверное, засомневался бы в искренности ее слов. Во всяком случае, он бы наверняка спросил, как она может любить его и одновременно жить в одном доме с таким извращенным негодяем, как Пит Нилунд. А еще - как она допустила, что мелкая мстительность заслонила от нее любовь, по сравнению с которой даже самая сильная ненависть становится пустяком. Сейчас, однако, Клайд не стал ни о чем спрашивать, только зарылся лицом в ее рыжие волосы и чуть слышно выдохнул свое собственное признание. И тотчас - словно все дело было именно в том, чтобы произнести заветные слова вслух, - он почувствовал, как любовь заполнила его сердце, затопила жаркой нежностью, желанием и

сочувствием, в которых без следа растворились все сомнения, недоумения и упреки. Прилив эмоций, соединившись с действием морфина, смысл даже обиду, и на протяжении нескольких минут Клайд мог ощущать только тепло тела Аннелиз, податливую тяжесть груди и медовый аромат волос...

Визг раздираемого металла заставил Клайда прийти в себя. Комната снова качнулась, потом крепления не выдержали и оборвались, и металлический параллелепипед рухнул вниз. Врезавшись одной из своих граней в крышу бетонной лаборатории внизу, он подскочил, перекувырнулся и завалился в реку, встав немного наискось, когда нижний торец зарылся в мягкое дно.

Пока комната летела, Клайд, Аннелиз и Батиста каким-то чудом сумели удержаться в своем убежище, но как только она закувыркалась после первого удара, диван, как живой, прыгнул в воздух, так что в руках у них остались лишь подушки. Второй и последний удар швырнул Клайда куда-то в сторону, и он, стукнувшись головой, потерял сознание. Очнулся он от криков Батисты, который, напрягая все силы, вытаскивал его из-под груды какой-то грубой материи. Возможно, это был ковер, который накрыл Клайда своей изнаночной стороной, но он был в этом не совсем уверен, потому что после удара у него в голове все перемешалось, и он видел окружающее каким-то искаженным, неправильным. Яркий солнечный свет заливал накренившуюся комнату, большая часть мебели сползла по полу в нижний угол, который понемногу заполнялся водой. Аннелиз, стоя в воде на коленях, хлопотала возле Пита, которого придавило каким-то тяжелым предметом. Ее руки были красными от крови, несколько смазанных кровавых пятен виднелось и на кардигане. Клайд невольно потянулся к ней, но снова отключился и пришел в себя, когда Батиста, несколько раз встряхнув его за шкуру, сунул ему в руки бильярдный кий. Подняв голову, Клайд увидел над собой голубое небо, солнце, утесы и понял, что каким-то образом оказался снаружи. Очевидно, Батиста вытащил его из комнаты, но зачем?.. Клайд озадаченно уставился на бильярдный кий.

- Сможешь с ними разобраться? - спросил Батиста, размазывая по лицу кровь, которая текла из раны на лбу.

В данный момент Клайд имел довольно смутное представление о том, кто такие эти «они», с которыми ему предстояло «разобраться», но спорить не стал. Решив, что лучше делать, что сказано, он кивнул и крепче сжал в руках твердую деревяшку, хотя зрение еще не восстановилось - и окружающее перед глазами продолжало подергиваться и двоиться.

- Тогда я схожу за ней, - сказал Батиста и, съехав вниз по наклонному металлическому листу, исчез в рваной дыре размером с детский надувной бассейн.

Оглядевшись, Клайд сообразил, что сидит, а точнее, полулежит на широкой боковой стороне сорвавшейся с утеса комнаты, которая торчит из воды, словно огромная костяшка домино - только без точек-очков. Клайд попытался припомнить, как называется в игре такой камень, но не смог. Голова раскалывалась, солнечный свет, отражаясь от плещущейся рядом воды, резал глаза, колено распухло еще сильнее и было горячим на ощупь. Вся левая нога пульсировала болью, но не в такт тяжелым ударам сердца, а подчиняясь какому-то своему ритму; этот ритм баюкал, гипнотизировал, и Клайд помимо своей воли начал снова проваливаться в беспамятство. Лишь громкий крик, донесшийся изнутри комнаты, заставил его вздрогнуть и прийти в себя.

Аннелиз!.. Первым побуждением Клайда было броситься на помощь, но он почти сразу понял, что не может двинуться с места. Даже морфин был не в состоянии справиться с острой болью, которую причиняла любая попытка пошевелиться. Что ж, решил Клайд, придется положиться на Батисту, и когда Аннелиз снова вскрикнула, он только стиснул зубы.

Прибрежная полоса перед сараем-лабораторией кишела кошками - до Клайда доносились их негромкие взмывкиванья. Похоже, их до крайности заинтересовало что-то, находящееся на противоположном берегу Моссбаха, но Клайд, как ни старался, не мог разглядеть, что же это такое. На дальнем берегу он различал только заросли папоротника, над которыми торчали верхушки свалившихся с обрыва камней и вились тучи мошкары. Потом он перевел взгляд выше и почувствовал, как сердце в груди замерло от страха. Футах в двадцати - двадцати пяти от поверхности воды он увидел нависающий над рекой узкий каменный выступ, похожий на половинку обрушенного моста, а на нем - десятка полтора ллуррулу, которые, цепляясь когтями за гранит, медленно ползли по импровизированной переправе. Конец каменной перемычки находился как раз над верхним концом ушедшей в речное дно комнаты, и Клайд почти сразу понял, что тварям не составит труда спуститься на нее с моста.

Скрипнув зубами, он повернулся в сторону врага, который, похоже, действительно собрался прыгать с переправы на верхний конец железного параллелепипеда. На дальнем берегу - там, где начинался мост-перемычка, на выступах гранитной стены утеса - Клайд увидел еще несколько прильнувших к камню ллуррулу, которые под этим углом зрения напоминали уже не елки, а мексиканские сомбреро с расплющенной тульей и широкими ассиметричными полями. На его взгляд, их было не меньше трех-четыре десятков.

«Выглядят они, конечно, по-дурацки, - прозвучал у него в голове голос, говоривший с британским колониальным акцентом, - но все равно они чертовски опасны. В девяносто восьмом твари прикончили

старину Мак-Тавиша буквально у меня на глазах. Это было ужасно».

Скрипнув зубами, Клайд кое-как развернулся к каменному мостику и попытался сосредоточиться на нем, чтобы достойно встретить врагов, но вместо этого отчего-то загляделся на каменную стену, на которой пятна мха и лишайников образовали странные узоры. Потом в ушах у него забренчало пианино - давно забытая мелодия, которую в детстве наигрывала Клайду его бабушка. Незатейливая песенка еще звучала, когда первый ллуррулу соскочил с выступа и, расправив свои мясистые юбки (для равновесия? для того, чтобы смягчить падение?), с влажным шлепком приземлился на верхний край комнаты футах в двадцати от Клайда. Когти твари заскрежетали по металлу, но удержаться на склоне она не смогла и стала быстро сползать под уклон. При этом ллуррулу лихорадочно пытался подняться вертикально, но только беспомощно взмахивал своими «листьями», не в силах даже замедлить падение.

К счастью, Клайд вовремя вспомнил, что у него в руках крепкий кий длиной почти в полтора ярда. Держа его, как бейсбольную биту, он замахнулся и, когда ллуррулу оказался совсем рядом, нанес точно рассчитанный удар. Попасть по голове твари, больше всего похожей на насаженную на двухфутовый шест дыню, оказалось несложно. Клайд услышал влажный хруст, на металл брызнула зеленая, скверно пахнущая жидкость, и тварь с громким плеском свалилась в воду.

Клайд издал победный вопль, но его триумф оказался недолгим, поскольку с каменного мостка спускались сразу два ллуррулу. К счастью, не рассчитав прыжка, они столкнулись еще в воздухе, в результате чего одна из тварей промахнулась и оказалась в реке. Вторая упала на железо боком и, оглушенная падением, кубарем покатила вниз. Клайд был уверен, что разминется с ней, но когда тварь была совсем рядом, острые когти на концах ее растопыренных во все стороны «листьев» полоснули его по правому бедру, оставив несколько глубоких царапин. Ничего серьезного, конечно, но Клайд не на шутку разозлился.

- Батиста! - заорал он во все горло. - Где ты?!

В ответ с каменной перемишки над головой раздалось омерзительное курлыканье множества голосов. Ллуррулу то ли переживали неудачу товарищей, то ли разрабатывали альтернативный план атаки, то ли обсуждали проблемы взаимопонимания двух рас разумных существ.

Потом с моста одно за другим спрыгнули еще два существа. Клайд, упершись в железо правым коленом и отставив левую, сломанную ногу на манер рыбьего плавника, встретил первого врага мощным ударом наотмашь, а второго ткнул острым концом кия прямо в голову. К его удивлению, кий легко пробил череп ллуррулу, уйдя внутрь дюймов на шесть, но прежде чем Клайд успел выдернуть оружие, создание стало заваливаться на бок, увлекая человека за собой. Теряя равновесие,

Клайд покачнулся и сильнее оперся на раненую конечность.

Боль была такая, что он едва не завизжал. Перед глазами поплыли оранжевые круги, в ушах зазвенело, и, чтобы не свалиться в воду, Клайд ничком упал на нагретый солнцем металл. Ногу жгло, словно огнем, и он постарался абстрагироваться от боли, притвориться, будто это совсем не его нога. Должно быть, благодаря остаточному действию морфия трюк удался - в голове немного прояснилось, и Клайд услышал человеческие голоса, а приподнявшись на локтях, увидел внизу сидящую на краю дыры Аннелиз и Батисту, который как раз выбирался из полузатопленной комнаты. Аннелиз выглядела странно - она яростно трясла головой и что-то горячо говорила, обращаясь к своим вытянутым окровавленным рукам, но слов Клайд не разобрал. Батиста действовал более адекватно: схватив наперевес кий, он ринулся по наклонной поверхности вверх, и Клайд, вспомнив о грозящей им опасности, тоже нашарил скользкое и липкое от крови ллуррулу оружие. Он готов был снова вступить в битву, но Батиста неплохо справлялся и без его помощи. Молодой человек крушил тварей, как только они спрыгивали с каменного мостика, не давая им ни опомниться, ни даже занять более или менее устойчивую позицию. Живые и мертвые ллуррулу так и сыпались в реку под его богатырскими ударами, и Клайд, не сдержавшись, фыркнул: в эти мгновения Батиста как две капли воды походил на Конана-Варвара, разве что был не в набедренной повязке, а в джинсовых шортах и рваной белой майке без рукавов.

И ллуррулу дрогнули. Во всяком случае, они перестали спрыгивать с моста, подставляя себя под удары; вместо этого оставшиеся на каменной перемычке твари начали отступать, карабкаясь вверх по стене ущелья, тогда как зрители «на галерке» разразились сочувственным бормотанием (так, во всяком случае, Клайд истолковал издаваемые ими глухие прерывистые звуки). Что ж, пожалуй именно это лучше всего доказывает наличие у них разума, подумал он про себя. Отступить, чтобы выжить, сохранить свой род и передать потомкам легенду о Демоне Батисте и его Карающем Жезле с Голубым Кончиком.

Аннелиз еще некоторое время смотрела на Клайда ничего не выражающим взглядом, потом вдруг издала какой-то невнятный звук и, двигаясь на четвереньках, быстро подползла к нему. Он погладил ее по щеке и почувствовал, как Аннелиз пытается прижаться лицом к его ладони. Губы ее приоткрылись, но она ничего не сказала, и Клайд, озадаченный ее молчанием, привлек Аннелиз к себе. Опасность еще не миновала, но он был уверен, что худшее позади: они сумели выжить и должны радоваться хотя бы этому. Ему и самому полагалось бы сейчас быть в восторге от одержанной победы, какой бы незначительной она ни оказалась, однако странное молчание и

отсутствующее выражение на лице Аннелиз заставили его задуматься о проблемах, решать которые Клайд был пока не готов. Что дальше? Какое будущее их ждет? Увы, ее это, похоже, не волновало. Аннелиз казалась какой-то отстраненной и чужой, и не так, как раньше, когда все ее силы и помыслы были направлены на достижение вполне определенной, хотя и жутковатой цели; нет, в ней как будто погас какой-то огонек, сделав безразличной, инертной, холодной.

- Ну и ну! - выдохнул рядом Батиста, и Клайд повернулся к нему. К поднимавшимся на утес ллуррулу присоединилось еще несколько сотен этих существ. Твари двигались по огромной дуге, словно спасающийся от хищника косяк рыб или стадо испуганных антилоп, однако вместо того чтобы удрать, ллуррулу, похоже, выписывали на гранитной стене что-то вроде огромной двойной спирали, которая, разделившись надвое, превратилась в четверенную - и так далее, и так далее, пока этих спиралей на стене не стало больше десятка. Они пересекались, перетекали друг в друга, и каждая пульсировала и двигалась в соответствии со своим собственным ритмом, образуя некую меняющуюся гармонию, абстрактную картину в черно-зеленых тонах, которая постоянно пребывала в движении, не замирая ни на секунду. Это было прекрасное, завораживающее зрелище, глядя на которое, Клайд почувствовал, как на него снисходят умиротворенность, покой, понимание... Да-да, именно понимание того, как разум сублимирует себя в гипнотическом танце. А еще несколько мгновений спустя он вдруг догадался: ллуррулу вовсе не танцуют, а разговаривают, пытаются рассказать в доступной им форме о своих намерениях и желаниях. И чем дольше Клайд смотрел на нарисованные их телами узоры, тем сильнее становилась его уверенность в их природной доброте и мирных намерениях. Ему уже казалось, что узоры, которые он видит, означают что-то вроде извинения, признания ошибки, приглашения к переговорам, уверений в чистоте помыслов...

И тут прогремели выстрелы. Сначала одиночные, похожие на далекие хлопки, но уже через несколько секунд на гранитную стену обрушился настоящий свинцовый шквал. Затейливый узор нарушился, ллуррулу обратились в бегство. Одни карабкались выше, другие спускались к самой реке, то и дело кто-то из них срывался со скалы и убитый или раненый падал в Моссбах, воды которого вскоре потемнели от крови, вытекающей из десятков изрешеченных пулями тел.

Клайда, с головой ушедшего в созерцание загадочных спиралей, подобная перемена застала врасплох. Разочарованию его не было предела. Ему казалось - он подошел вплотную к границе, за которой его ждало какое-то важное откровение, но знание, которое Клайд уже считал своим, оказалось вырвано у него из рук, и он повернулся на звук, чтобы посмотреть, кто в этом виноват.

Две гондолы, показавшиеся из-за поворота реки, мчались к ним со всей возможной скоростью. В первой Клайд разглядел трех вооруженных мужчин, в одном из них он узнал Спуза, и сердце его упало. Он, однако, сразу же воспрял духом, когда во второй гондole увидел загорелую женщину в шортах и мешковатой толстовке. Милли... Подойдя вплотную к стоящей в воде металлической коробке, лодки пришвартовались, и Батиста (не без некоторого колебания, словно и он был потрясен разыгравшейся здесь бойней) помог Милли перебраться на наклонную железную площадку и вкратце рассказал о предшествующих событиях - о смерти Пита, о схватке с ллуррулу и ее неожиданном финале.

- Это их обычные штучки, - заявила Милли. - Лет семь назад они точно так же пытались загипнотизировать нескольких наших друзей. Из десяти человек уцелел только один. Вам повезло, что мы успели вовремя... - Она взглянула на Аннелиз. - Как она?

- Не очень хорошо... - Батиста слегка пожал печами. - Она не отвечает на вопросы и почти ни на что не реагирует. Я думаю, это шок или что-то вроде того.

Милли печально кивнула.

- Я всегда знала, что в конце концов она прикончит Пита.

Батиста непроизвольно уставился на внушительный бюст Милли.

- По крайней мере, она решила этот вопрос по-семейному.

Лодки покачивались на волне, бились бортами о металл комнаты, отчего вся она чуть слышно гудела, словно огромный колокол. Солнце закрылось легкими облаками, и в ущелье сразу потемнело, но Клайд - вопреки своей собственной теории о передаче информации со световыми лучами - вдруг почувствовал, как обостряется его восприятие и пробуждается интуиция.

Милли хлопнула Батисту по плечу, при этом ее пальцы задержались на его гладкой смуглой коже чуть дольше, чем следовало.

- Поплывешь обратно со мной? Заодно расскажешь подробности... - Милли сделала знак Спузу и его спутникам. Мужчины перебрались на полузатопленную комнату, двое из них подхватили Аннелиз под руки и, оторвав от Клайда, повели в лодку. Она пошла с ними покорно, не сказав ни слова и даже не обернувшись, и от этого у него в груди разлилась такая боль, с которой не могло бы справиться даже самое сильное лекарство.

Милли, за плечом которой маячил все еще слегка ошарашенный Батиста, присела на корточки рядом с Клайдом и спросила, как он себя чувствует.

- Просто отлично, - ответил он и сглотнул. - Как еще может чувствовать себя человек, который не понимает, что происходит? Хотел бы я знать, когда вы собирались рассказать мне об этих ллуррулу?

- Я думаю, Аннелиз хотела тебе рассказать, но... - Милли серьезно кивнула. - Не всем нужно знать всё. И не сразу... Ты и сам должен это понимать.

- Хелен, значит, было не нужно?..

Она пожала плечами, но ничего не ответила.

- С вашей стороны это было безответственно, если не сказать - преступно. - Клайд покачал головой.

- Теперь в Хэллоуине все будет иначе, - твердо сказала Милли.

- Вот как? И кто же будет устанавливать новый порядок? Уж не ты ли?

- Может быть, и я. Во всяком случае - поначалу.

Клайд кивком указал на Спуза.

- А он? Он тоже станет частью нового порядка?

- Если не будет нарушать правила.

- И Брад?

- Брад уже никогда не сможет стать частью чего-либо.

В ее безмятежном взгляде Клайд прочел долгую историю обмана и жестокости. Смотреть Милли в глаза было все равно, что глядеть в воду с хэллоуинского причала и видеть бурлящую в глубине причудливую, пугающую жизнь, идущую по каким-то своим неведомым законам и правилам.

- Король умер, да здравствует королева, - сказал он. - Похоже, все, что случилось, сыграло тебе на руку. В смысле, вписалось в твои планы как нельзя лучше. Я правильно понял, Милли?

Она смерила его долгим взглядом.

- Надеюсь, ты не намерен создавать мне проблемы, Клайд? - проговорила она ровным голосом.

- Кто? Я?.. Боже упаси создавать проблемы тебе. И вообще, как только я поправлюсь, мы с Аннелиз уедем отсюда.

Милли немного подумала.

- Пожалуй, это не такая уж плохая идея, - кивнула она.

Спуз подошел к ним и протянул Клайду руку, словно собираясь помочь ему встать.

- Без обид, о'кей? - сказал он. - Я ведь только делал свою работу. Ну, ты не сердись?

- Убери свою поганую руку, - отрезал Клайд. - Я пока еще способен сам о себе позаботиться.

Как выяснил Клайд, «чуть ниже 57-й параллели» располагалось немало стран с холодным и суровым климатом - северные районы России, Латвия, Литва, Белоруссия, Швеция, Дания, Канада и Аляска. Ему и самому казалось странным, как глубоко запала ему в память родившаяся в бреду бессмысленная фраза, которая, скорее всего, не имела никакого отношения к высшему знанию, а была лишь результатом короткого замыкания в нейронах, и все же Клайд никак не

мог отделаться от ощущения, что в ней содержится нечто очень и очень важное. Никакого царства он пока не нашел и тем более не основал, однако эта цель как нельзя лучше соответствовала смыслу его новой жизни.

Как-то ранним утром, в одну холодную декабрьскую субботу, Клайд припарковал свой пикап на стоянке у ближайшего «Бай-Райта» (что в Уилкс-Берр, Пенсильвания) и стал ждать, пока аптека откроется. Ему нужно было купить Аннелиз прописанное врачом лекарство от мигрени. Жестокие головные боли превратили ее почти в инвалида: бывало, она по целым дням не вставала с постели и ничего не ела. В последнее время Аннелиз не могла даже сидеть, да и говорить ей было трудно: сил хватало только на то, чтобы произнести всего несколько слов, после чего она снова падала на подушки, измученная и опустошенная. За полгода, прошедшие с тех пор как они уехали из Хэллоуина, дней, когда ее не терзали приступы и когда она не принимала сильнодействующие нейрорептики, набралось бы всего недели на три, не больше, зато это были очень хорошие недели. Именно воспоминание о них позволяло Клайду надеяться, что Аннелиз сумеет преодолеть свой недуг и родиться заново. Ее психолог тоже считал благоприятный исход весьма вероятным, и все же Клайд сомневался, что она когда-нибудь снова станет прежней - такой, какой он ее впервые увидел. Возможно, та Аннелиз и вовсе существовала только в его воображении. Порой ему казалось, что ненависть к Питу Нилунду была единственным, что ее поддерживало; с его смертью эта опора исчезла, и теперь она буквально разваливалась на части. Постоянно находиться рядом с ней было очень нелегко, и Клайд нашел себе работу по перевозке тяжелого оборудования - просто для того, чтобы иметь возможность хотя бы время от времени не возвращаться в их новую квартиру, где царила мрачная, гнетущая атмосфера. Коллеги считали его человеком нелюдимым и замкнутым; впрочем, они объясняли эти особенности характера Клайда тяжелой болезнью жены и, оправдывая его перед знакомыми, частенько говорили, мол, чего вы от него хотите, парню и так нелегко приходится.

Дыхание Клайда туманом оседало на ветровом стекле, и, когда ему надоело его протирать, он открыл дверцу и, выбравшись наружу, прислонился к холодному крылу. Затянутое морозной дымкой солнце на бледном, как рыба брюхо, небе казалось оловянным, в зените собирались кучевые облака. По пустынной улице носился резкий холодный ветер, гоняя вдоль бордюров шуршащие пакеты и трепля обрывки красно-бело-голубых плакатов, оставшихся после недавних президентских выборов. Один из таких плакатов пролетел по воздуху перед самым лицом Клайда и, на несколько секунд прилипнув к дверям аптеки, унесся дальше, так что он не успел разобрать даже лица изображенного на нем кандидата. В окнах аптеки отражались

застекленные витрины магазинчиков на противоположной, освещенной солнечными лучами стороне улицы. «Квиз». «Эйс-компьютерз». «Только для взрослых». В «Игрушках Би» начиналась предрождественская распродажа.

Постапокалиптическую пустоту улицы нарушило появление небольшого черного фургона, который вывернул из-за угла и, медленно приблизившись, припарковался рядом с пикапом Клайда. На кузове оранжевой краской была нарисована ухмыляющаяся тыква-фонарь, заменявшая букву «о» в слове «ХЭЛЛОУИН». Название было выполнено крупным шрифтом «хоррор» - объемным, со стекающими с литер капельками крови.

Стекло в кабине фургона поехало вниз, и Клайд увидел хорошо знакомое узкое лисье лицо. Кармин молчал, и Клайд заговорил первым.

- Вот так сюрприз, Карм. Не сказать, чтобы приятный, но все же... Это Милли послала тебя нас проведать?

Кармин вышел из фургона и встал перед капотом.

- У меня были кое-какие дела в городе, вот она и попросила повидаться с тобой, узнать, не нужны ли вам еще деньги и все такое прочее...

- Покуда поступает плата за аренду дома, мы ни в чем не нуждаемся. Как ты узнал, где я?

- Я заезжал к вам домой. Женщина, которая мне открыла, сказала, что ты поехал в аптеку.

- Это сиделка Аннелиз.

- А-а... Не важно... - Кармин сосредоточенно рассматривал подошву башмака. - Как она вообще?.. Аннелиз, я имею в виду...

- Поправляется, но медленно. - Клайд показал на фургон. - Это что-то новенькое, не так ли?

Кармин с неодобрением покосился на нарисованную на кузове тыкву.

- Милли намерена поощрять туризм. Всеамериканский Хэллоуин-фестиваль и всякое такое...

- Ты думаешь, это будет разумно? А вдруг ллуррулу утащат парочку гостей?

- Твари больше не проблема.

- Как так?

- Милли решила вопрос.

- Неужели вы их перебили?

- Не твое дело.

Несмотря на то, что свои воспоминания о ллуррулу Клайд едва ли мог называть приятными, мысль об их возможном истреблении ужаснула его. Он, однако, никак не мог придумать, каким еще способом Милли могла «решить» вопрос с обитающими в пещерах существами.

- Господи, ну и холодрыга!.. - Кармин засунул руки поглубже в карманы

и переступил с ноги на ногу. - Как тебе живется в «республике»?

- Меньше льгот, больше свободы. Такой вот компромисс.

- Что-то он мне не очень нравится, этот твой компромисс.

- Это твое мнение?

Кармин сухо усмехнулся.

- Ладно, мне пора. Передать кому-нибудь от тебя привет?

Клайд пожал плечами.

- Как там Мэри Алонсо и Роберта?

- У них медовый месяц - пару недель назад они вступили в законный брак.

- Ты это серьезно?

- Милли протащила закон, легализующий гомосексуальные браки. Теперь в Хэллоуин потянутся и голубые, и розовые, и какие угодно. - Кармин сплунул себе под ноги. - Впрочем, надеюсь, она знает, что делает.

- Да уж, Милли умеет навести порядок. При ней даже поезда будут ходить по расписанию.

Удивленный этим загадочным замечанием, Кармин бросил на Клайда недоуменный взгляд и, ссутулившись, полез обратно в кабину.

- Эй, постой! - окликнул его Клайд. - Скажи мне одну вещь...

- Какую? - Кармин обернулся.

- Хелен Кмиц действительно убила своего мужа?

- А я почему знаю... - Он сел и включил мотор. - А-а, понимаю... Это ты так шутишь, да?

- Ничего подобного, я говорю совершенно серьезно. Можно даже сказать - меня это по-настоящему гнетет, потому что это единственный, касающийся Хэллоуина вопрос, на который я так и не нашел ответа.

- А на остальные, значит, нашел?... - Кармин начал задом подавать со стоянки. - Да ты, парень, хотя бы имеешь представление, где тебе посчастливилось жить?!..

Клайд смотрел ему вслед, пока черный фургон не скрылся за углом, жалея, что не спросил про Джоунни. Потом он жестом заядлого курильщика сунул руку в карман в поисках сигарет, но вспомнил, что бросил месяц назад.

- Черт!.. - Пройдя с полквартиры до только что открывшегося газетного киоска, он купил пачку «Кэмела», закурил и выпустил в небо серую струйку дыма, смешанного с паром от дыхания. Быть может, подумалось ему, Милли распорядилась просто взорвать вход в пещеры ллуррулу или замуровать его. Да и какое наказание может быть предусмотрено за геноцид разумных существ иной расы, иного вида?... Скорее всего, никакого. Большинству людей наплевать. Как и ему самому, если быть честным до конца. У каждого хватает своих проблем, чтобы переживать из-за чужих.

Потом Клайд подумал о 57-й параллели и о тех краях, что лежали к югу от нее; вспомнил о метких суждениях Аннелиз, о ее юморе и живом уме, о том, что ее прежнюю жизнерадостность почти полностью вытеснило вялое оупение, вызванное приемом сильнодействующих лекарств. Еще он вспомнил о местном баре, переделанном из похоронного зала: теперь просторное помещение было выдержано исключительно в светлых тонах - не только каждый квадратный дюйм стен, пола и потолка, но и все предметы обстановки, включая цветочные горшки и круглые мраморные столики, за которыми собирались компании пенсионеров и людей преклонного возраста, были белыми. Сам Клайд ничего не имел против белого цвета, но его беспокоило, что Аннелиз любила выпить в этом баре.

- Эй, дружище!..

Клайд обернулся. Владелец газетного киоска - пожилой мужчина с «пивным» животиком и редкими вьющимися волосами, которые седыми прядями лежали на покрытом пигментными пятнами черепе, словно полосы тумана над равниной, - махал ему рукой от двери своего заведения.

- Можешь зайти, покурить внутри, - предложил он и, увидев, что Клайд колеблется, добавил: - Или ты кого-то ждешь?

Клайд объяснил, что ждет, пока откроется аптека, и старик покачал головой.

- По субботам они обычно открываются позже. Заходи пока, погрейся.

Клайд подчинился. Старик-газетчик пропустил его внутрь, потом вошел сам и, плотно закрыв дверь, опустился на стул за прилавком. Выудив из пепельницы тонкую дешевую сигару, он несколько раз яростно затянулся, пока огонек на кончике не разгорелся вновь.

- Черт бы побрал наших умников в законодательном собрании, которые выдумали этот идиотский запрет на курение! - просипел старик. - В конце концов, это мой магазин, я здесь хозяин и могу делать, что хочу. Верно?

- Верно, - согласился Клайд.

Снаружи ларек не выглядел особенно большим, но сейчас Клайд был поражен количеством журналов, разложенных на полках, на стеллажах, на прилавке и просто на полу. Их были сотни и сотни: унылые экономические издания, упакованные в пластик яркие порножурналы, журналы для любителей хоккея, бокса, футбола, рестлинга, микс-файта, восточных единоборств, журналы для женщин с большими привлекательными картинками, «Пипл», «Тайм», «Роллинг Стоун», «Снейк», журналы для любителей кошек и марихуаны, журналы для коллекционеров, охотников, стрелков и филателистов, журналы об аквариумных рыбках, моделях поездов, японской анимации, архитектуре, национальной кухне, путешествиях, журналы на немецком, французском, итальянском... В свое время Клайд

повидал немало газетных ларьков, но до сих пор ни один из них не производил на него такого сильного впечатления. Поистине, для любителей печатного слова здесь было настоящее раздолье.

- Нам все время твердят, мол, твой дом - твоя крепость, - сказал старик и хитро подмигнул Клайду. - Но стоит в доме появиться женщине, и вот - тебе уже нельзя сесть в свое любимое кресло, если оно не покрыто дурацким пластиковым чехлом! Теперь мужчина может считать своим только место, где он работает или ведет бизнес. Я потому так и назвал свой магазин...

- Как именно? - вежливо уточнил Клайд.

По лицу хозяина скользнуло обиженное выражение. Он как будто не верил, что Клайд не знает.

- «Новое Царство» - вот как! Из-за этого некоторые думают, будто у меня здесь христианский магазин. Таким я обычно советую повнимательнее прочесть вывеску: там написано, что владелец - Хершель Ротштейн. Разве человек с такими именем и фамилией может быть христианином?.. Да дело в общем-то не в этом. Этим названием я хотел сказать только одно: никто не может запретить человеку курить в его собственном царстве.

Слушая его, Клайд гадал, не был ли Хершель Ротштейн вместе со своим ларьком вызван из Небытия тем самым существом, которое посетило его во мраке Трубы, - вызван в качестве подсказки или же наглядного урока. До сих пор царство, которое Клайд должен был отыскать южнее 57-й параллели, представлялось ему только как сравнительно большой участок земли, на котором будет стоять его замок (пусть даже не в буквальном, а в символическом смысле), но только теперь Клайд понял: царство может быть и маленьким, совсем как этот крошечный магазинчик, как любимый бар или охотничий домик где-нибудь в глуши. Главное, в нем должно быть уютно, спокойно и приятно, чтобы Аннелиз могла поправляться и набираться сил.

Молодая женщина, одетая как типичная яппи*¹⁴ (с поправкой на холодную погоду), зашла в ларек, чтобы купить свежую газету. При этом она покосилась на дымящуюся сигару и неодобрительно сморщила нос, но старик напропалую сыпал комплиментами и таки добился, что девушка несколько раз улыбнулась. Потом она ушла, а они еще долго сидели - Ротштейн за прилавком, Клайд - на стопке «Таймс-Лидерз», курили, смеялись, болтали о подонках из законодательного собрания штата и еще больших подонках из Вашингтона и вспоминали времена чистоты и невинности, которых, быть может, никогда не было. Они даже не думали об огромном мире,

¹⁴ * Яппи - молодой преуспевающий и амбициозный человек, проживающий в городе, ведущий здоровый образ жизни и стремящийся к карьерному росту.

лежащем прямо за дверью, и на чем свет стоит кляня наступивший двадцать первый век и неведомо куда катящуюся страну, были абсолютно спокойны и счастливы в столице своего собственного маленького царства.

Перевел с английского Владимир ГРИШЕЧКИН

© Lucius Shepard. Halloween Town. 2009. Публикуется с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

ПОДКРАЛСЯ НЕЗАМЕТНО

Экранные супергерои год от года все менее «герои» и еще менее «супер»...

Бэтмен избавился от налета готики. **Хэнкок** опустился до бомжа. Суперзлодеи комикса «Особо опасен» превратились в киллеров с немного расширенными возможностями. «Хранители», кроме одного из членов команды, и вовсе обычные люди.

Супергероев не просто не осталось, их никогда и не было. Зато отморозки почему-то есть, подмечает тинейджер **Дэйв Лизевски**, Если бога нет, его стоило бы выдумать. Если нет защитника слабых, его стоило бы сделать. Из самого себя, больше не из чего, как добро из зла.

Любой американец несет в себе мечту стать self-made man. Но у Дэйва недаром славянская фамилия. На меньшее, чем self-made superman, он не согласен. А то, что первая вылазка в маске против гопников заканчивается ножевым ранением, множественными переломами и репутацией нетрадиционно ориентированного, Дэйва не смущает. На улицы выходит Пипец. А вскоре у него появляется и своя «лига справедливости».

«Странно, что никому раньше не приходило в голову надеть костюм супергероя и самому бороться со злом» - такова отправная точка провокационного комикса Марка Миллара, автора упомянутого «Особо опасен». Справедливости ради - приходило. Только не в Америке, а у нас, где комиксы никогда не были в большом ходу. Еще в 1970-х годах у Юрия Сотника был рассказ под названием «Ищу Троекурова». Там юный герой, начитавшись «Дубровского», надевал черную полумаску и отправлялся совершать подвиги, правда, безрезультатно. Поэтому «Пипец» несет что-то родное русскому сердцу.

Само название кричит о вопиющей неполиткорректности, фирменной черте оригинального комикса Миллара и Джона Ромиты-младшего. Русский перевод Kick-Ass (буквально - «пинок под зад», более популярно - «надирающий задницы») до премьеры выглядел на афишах более чем сомнительно, однако при просмотре кажется оправданным. Нам близок мотив главного героя. Если его более умелые коллеги Папаня и Убивашка надевают костюмы ради мести, если Кровавый Угар просто хочет вырваться из-под родительской опеки и одновременно заслужить уважение, то Пипец совсем иной. Его девиз: «Мне не все равно». Имея кучу собственных проблем, он просто не желает безучастно смотреть на чужие. Такой вот комиковый Дон Кихот нового века.

Для режиссера Мэттью Вона эта третья по счету картина, веселая и злая, есть шаг вперед после лирической и хулиганской «Звездной пыли», тоже снятой по графическому роману. Ранее такая гремучая, но в то же время гармоничная смесь цинизма и романтики, высокого и низменного удавалась разве что Кевину Смиту,

«Пипец» - это антикомикс, и не только потому, что герои не имеют сверхспособностей, а типичные для магистрального жанра ситуации зло высмеиваются. Здесь, как и в жизни, почти все не вписывается в плоские картинки раскрашенных книжек. Главный герой «до перевоплощения» отнюдь не ботаник, хотя и носит очки, но и не сказать, что очень симпатичен. Его любимая девочка вовсе не такое невинное создание, как Мэри-Джейн Уотсон - объект вздыханий Человека-Паука. Главный злодей при всей своей «отмороженности» - отличный семьянин и любящий отец. Во всяком случае, отец куда лучший, чем его «хороший», по идее, противник, воспитавший из маленькой дочери безжалостного киллера похлеще девочек из аниме.

В картине, рассчитанной на фанатов, найдется немало интересного и для других категорий зрителей. Филигранная работа с саунд-треком на уровне Квентина Тарантино. Залихватские съемки боевых сцен, от неумелых драк Kick-Ass'a до балетных расправ Папани и Убивашки. Бессчетное количество цитат и аллюзий для завзятых киноманов. Режиссерские находки, сочетающие драматические моменты с юмором чернее адской смолы.

Единственная звезда фильма и большой любитель комиксов Николас Кэйдж (Папаня) после ряда проходных ролей пришелся исключительно к месту со своим намертво приделанным грустным взглядом. Но одеяло, вернее, супергеройский плащ, решительно перетягивают яростный Марк Стронг, снимавшийся в той же «Звездной пыли», и юная Хлоя Мориц в роли Убивашки, самого живого персонажа фильма, которая наверняка обретет в реальности не меньше поклонников, чем Пипец в социальных сетях.

Мэттью Вон, в основном, довольно близко следует канве оригинального комикса (в некоторых случаях - покадрово), однако порой идет значительно дальше и в плане жесткости, и в плане идейности. Если Человек-Паук пропагандировал мораль: «Большая сила - это большая ответственность», то Дэйв Лизевски в фильме приходит к менее пафосной и куда более земной мысли: «Если нет силы, это еще не значит, что нет ответственности».

Да, на лавры и популярность «Темного рыцаря» этот фильм Вона претендовать не может. Внимание масс, очевидно, еще долгое время будет приковано к традиционным супергероям. И это хорошо, как неплоха, в общем-то, политкорректность, когда не принимает уродливые формы. Однако сам факт появления таких образчиков, как «Пипец», говорит уже о многом. Не только о все большем стремлении «очеловечить» суперменов. Не только о возрастающем интересе к неформатным комиксам, начиная с «Хеллбоя» и «Города грехов». И не о постепенном вымывании фантастики из жанра. Причем «Пипец» еще не предел, ведь герой в итоге даже обретает способность летать, а Убивашка крошит негодяев с демонстративно нечеловеческой сноровкой, на бегу перезаряжая пистолеты. В начале года вышла архаусная криминальная драма «Защитнег», где уже совершенно заурядный американец, сыгранный Вуди Харрелсоном, тоже облачался в грим и трико супергероя и выходил на улицы в поисках злодеев. Правда, этот персонаж имел уже явные проблемы с психикой. Как тот же Дон Кихот.

Из кино идет вымывание героики как таковой. Даже из массового, которое вроде бы на том стоит. Теперь вот и до комиксов тенденция добралась. Да что комиксы - Михаил Веллер в своем блоге раскрыл это на примере фильма «Царь». Обыватели не хотят верить, что герои - люди из другого теста, а «желтая» пресса им усиленно подпевает.

Парадоксально, однако это ведь правда. Реальные герои были, есть и будут самыми что ни на есть заурядными людьми. И от обывателей их ничего не отличает, кроме одного - выбора. Так, может, ну их, суперменов? Сами разберемся. Если захотим.

Аркадий ШУШПАНОВ

БИТВА ТИТАНОВ **CLASH OF THE TITANS**

Производство компаний **Legendary Pictures/The Zanuck Company /Thunder Road/Warner Bros. Pictures (США - Великобритания), 2010.**

Режиссер Луи Летерье.

В ролях: Сэм Уортингтон, Мэдс Миккельсен, Джемма Артертон, Ральф Файнс, Лиам Нисон, Алекса Давалос и др. 2 ч. 46 мин.

Каждый, кто любит греческую мифологию, с трепетом ожидал выхода на большой экран широко разрекламированного эпоса «Битва титанов». И, конечно, понимал, что политкорректный Голливуд отредактирует варварские греческие мифы по своему усмотрению, обострит сюжет и привнесет в повествование мораль, древним грекам не вполне близкую. Так и вышло. Греческие мифы кроили как хотели, а на некоторые из них взглянули прямо-таки по Фрейдю.

В результате любимец богов Персей (герой «Аватара» Сэм Уортингтон) стал активным противником богов, который брезгует пользоваться божественными артефактами. Мать его, Даная, брошена в море не отцом, которому предречена гибель от руки внука, а ревнивцем-мужем. А между людьми и богами идет жестокая война...

Истоки вражды людских царей и олимпийцев не совсем ясны, но борьба показана ярко. Особенно эффектен бог царства мертвых Аид. Но против могучего Зевса (Лиам Нисон) шансы его слабы, несмотря на подвластных Аиду хтонических чудовищ.

К полубогу Персею в диком эллинском мире относятся плохо, так и норовят его пнуть или обидеть. Он особо и не обижается, не уставая повторять: «Я простой рыбак». Только красавице Андромеде (Алекса Давалос) симпатичный юноша с прической раба отчего-то сразу приглянулся, но, увы, слишком просто было бы соединить царевну и полубога узами любви. Ведь рядом с Персеем постоянно находится Ио (Джемма Артертон) - хорошо хоть не в образе коровы.

Впрочем, до сюжета ли, когда так великолепны пейзажи, герои, декорации? Женщины прекрасны, мужи могучи. А еще есть джинны с горящими синими глазами, огромные боевые скорпионы, да и Медуза Горгона весьма симпатична, хотя ее образ далек от классического.

Удивительно, но среди главных героев нет ни одного негра. А ведь Андромеда, согласно мифу, - эфиопская царевна, да и образы богов можно интерпретировать по-разному...

Евгений Гаркушев

БЕЗУМЦЫ **(THE CRAZIES)**

Производство компаний Paramount Vantage, Overture Films и Participant Media (США), 2010.

Режиссер Брек Эйснер.

В ролях: Тимоти Олифант, Рада Митчелл, Джо Андерсон, Даниель Панабейкер и др. 1 ч. 41 мин.

Крохотный американский городок Огден Марш можно было бы назвать воплощенной идиллией. До тех пор пока там не стали твориться странные вещи. Сначала местный пьянчуга едва не затеял пальбу во время бейсбольного матча. Затем примерный семьянин сжег свой дом, заперев в нем жену и ребенка... Местный шериф довольно скоро понимает, что причина происходящего - токсины, попавшие в городской водопровод с борта рухнувшего неподалеку военного самолета. Далее события начинают происходить со все возрастающей быстротой, и вот уже возглавляемая шерифом группка не утративших разум людей оказывается между обезумевшими земляками и военными, получившими приказ «зачистить» зараженный городок.

Сильная сторона фильма - образы главных героев, В отличие от персонажей большинства хоррор-фильмов, они не играют со злом в поддавки. Шериф достаточно умен, чтобы сложить два и два и определить источник угрозы, да и остальные ему под стать - адекватно оценивают опасность и не совершают необдуманных поступков. Но и противная сторона отвечает героям тем же, не давая расслабиться ни на миг.

Фильм Брека Эйснера - римейк одноименной ленты Джорджа Ромеро 1973 года, и сравнения с ней новым «Безумцам» не избежать. В оригинале Ромеро использовал историю сходящего с ума городка как фон для антивоенной сатиры, по сути, превратив картину в остросоциальный политический памфлет. Эйснер же, судя по всему, поставил перед собой задачу снять на той же основе образцовое жанровое кино, не отягощенное тем, что принято называть

«гражданским пафосом».

Удивительно, но отказ от злободневности и сиюминутности не выхолостил ленту. Напротив, смещение фокуса с проблем общества на судьбу конкретных людей придало истории глубину. А заодно увеличило драйв.

Сергей Цветков

КАК ПРИРУЧИТЬ ДРАКОНА **(HOW TO TRAIN YOUR DRAGON)**

Производство компании DreamWorks Animation (США), 2010.

Режиссеры Дин ДеБлуа и Крис Сандерс.

Роли озвучивали: Джей Барушель, Джерард Батлер, Америка Феррера, Крэйг Фергюсон, Джона Хилл, Кристофер Минц-Плассе, Тиджей Миллер и др. 1 ч. 38 мин.

«Как приручить дракона» - это весьма вольная экранизация одноименной детской книги Крессиды Коуэлл. Действие разворачивается на холодном острове Олук, затерянном где-то в океане. Главный герой, викинг Иккинг Кровожадный Карасик Третий, сын вождя Стоика, - типичный неудачник. Вот, пожалуй, главное. Что роднит этот мультфильм с первоисточником, так как идея книги перевернута с ног на голову.

Все было бы ничего на этом острове, да вот только вредители надоели. Не еноты или, скажем, крысы, а драконы. Маленький викинг, мечтающий освоить профессию убийцы драконов, не умеет орудовать мечом да и вообще парень хилый. И быть бы ему изгоем-одиночкой, если бы не судьбоносное событие. Он встречает дракона, и не какого-нибудь там малявку, а дракона-легенду Ночную Фурию. Но вместо того чтобы постараться прикончить его без суда и следствия, как поступил бы любой нормальный викинг, Иккинг помогает дракону освободиться из сети, которую случайным образом сам же на него и набросил. Благодаря своему новому питомцу юный викинг, разумеется, перестает мечтать о карьере убийцы этих дивных животных и понимает, что драконы - в принципе, существа добрые и умные.

Мультфильм не блещет драматургическими изысками, но персонажи приятны и привлекательны. Драконы столь разнообразны, что вызывают целую палитру эмоций - от умиления до восхищения. Идентификация зрителя с Иккингом проходит успешно и безболезненно, ведь, несмотря на дурашливость, он умный, добрый и забавный. Его дама сердца Астрид (которая узнает, что является таковой, лишь в финале картины) - хулиганка, отличный боец, то есть настоящий викинг - прельщает храбростью и отвагой.

А отличие фильма от книги заключается в том, что в произведении Крессиды Коуэлл все викинги приручали драконов исключительно ором - как безмозглых существ, и лишь Иккинг увидел в Беззубике создание, равное себе. В фильме же Иккинг превратил Ночную Фурию в питомца.

Анастасия Шутова

МОГИЛЫ

(THE GRAVES)

Производство компаний Mischief Maker Studios и Ronalds Brothers Films (США), 2009.

Режиссер Брайан Пулидо.

В ролях: Тони Тодд, Клэр Грант, Билл Мосли, Рэнди Блайт др. 1 ч. 28 мин.

Классики ужасного жанра учат нас, что нет на свете места кошмарнее, чем крохотные городки в американской глубинке. Главные героини фильма, поклонницы хоррор-комиксов сестры Грейвс, наверняка знали об этом. И тем не менее, когда судьба забрасывает их в один из таких городков, они смело отправляются осматривать местную достопримечательность - окрестности заброшенного золотого рудника. Где и становятся свидетелями жестокой расправы над группой туристов, прибывших ранее.

Дальнейшее развитие событий легко предскажет любой, кто хоть сколько-нибудь знаком с жанром: спасение от разъяренного маньяка обернется встречей с маньяком еще более кровожадным. В конце концов, окажется, что все жители городка - убийцы. Но истребляют они приезжих не просто так, а чтобы задобрить поселившегося в брошенной шахте демона...

Несмотря на то что для Брайана Пулидо, выступившего здесь сразу в качестве режиссера, сценариста, продюсера и актера, «Могилы» стали дебютом в полнометражном кино, сам он в жанре далеко не новичок. Пулидо известен как автор многочисленных комиксов, среди которых есть и авторские работы, и рисованное продолжение злоключений героев «Кошмара на улице Вязов», «Пятницы, 13» и «Техасской резни бензопилой».

В 2004-м на экраны вышел фильм «Леди Смерть» по мотивам одного из комиксов будущего режиссера, в том же году он сам сел в режиссерское кресло, сняв короткометражку, которая получила несколько призов на жанровых фестивалях. Увы, дебют в полном метре вышел разочаровывающим. Не смогли спасти сотканную из жанровых клише картину даже неплохие актеры: Тони Тодд («Взвод», «Человек с Земли», «Трансформеры: Мечь падших») и Билл Мосли

(«Армия Тьмы», «Дорогая, я увеличил ребенка»). Участие мастеров лишь подчеркнуло неестественность и натужность игры их коллег, занятых на второстепенных ролях.

Матвей Грибков

КУРТ ПИЛИГРИМ

Как и герой своего самого знаменитого романа - «Бойни № 5», недавно ушедший от нас Курт Воннегут всю свою литературную жизнь в буквальном смысле метался между жанрами, стилями, литературными конвенциями (не теми, которые посещают фэны, а теми, которые устанавливают своеобразные «правила игры»). Ну не сиделось ему комфортно на раз и навсегда освоенной литературной делянке...

Хотя, если разобраться, все эти метания и набег на сопредельные территории, расчерченные склонными к педантизму критиками, были всего лишь очередной мистификацией неутомимого на подобные проделки писателя. И на самом деле он до конца жизни творил в одном-единственном жанре, имя которому Курт Воннегут.

Да, в его произведениях причудливо, как в калейдоскопе, складывались в занятные узоры элементы научной фантастики - и пародии на нее же! - а также сатиры, «черного юмора», реалистической прозы, абсурдистской, постмодернистской, «телеграфно-шизофренической» (так назвал свой стиль сам писатель) и какой угодно еще.

Но при всех этих обильных заимствованиях вряд ли у кого из разумных критиков рука поднимется «припечатать» Курта Воннегута эксклюзивно к научной фантастике, или сатире, или «роману абсурда». Он был и остался в литературе Куртом Воннегутом - а уж как

разберутся с этим феноменом критики, писателю по большому счету было наплевать. Такие дела, как сказал бы его любимый герой.

Тем более трудно оценить кинофантастику, созданную на основе или по мотивам его произведений.

Сначала вкратце о фильмах, созданных по «реалистическим» (хотя, повторяю, в случае с Воннегутом кавычки как раз необходимы) произведениям американского писателя.

Два самых ранних примера - это эпизоды телесериала General Electric Theater, «Перемещенное лицо» (1955; рассказ заново экранизирован в 1985-м), и Auf Wiedersehen (1958) - любопытны разве что фигурой ведущего, представлявшего обе серии. Это был известный в те времена голливудский актер и никем еще в трезвом рассудке не «предвидимый» Президент США Рональд Рейган,

Затем, уже на волне триумфа «Бойни № 5», последовала оставившая след в истории американского кино «бытовая драма» «С днем рождения, Ванда Джун» (1971), сценарий к которой написал сам Воннегут. Особенно запомнился актерский дуэт Рода Стайгера и Сюзанны Йорк. В тех же семидесятых были выпущены черно-белая американская короткометражка «Следующая дверь» (1975) и неожиданный (Эстония!) эпизод «Променад» из киноальманаха под неведомым и невыговариваемым (мои проблемы, согласен - кто-нибудь знает эстонский?) названием Karikagramm. Точно можно сказать, что и эти фрагменты к фантастике отношения не имеют.

Как не интересуют историков кинофантастики и две другие американские короткометражки уже следующего десятилетия - «Олень на территории завода» (1980) и «Долгий путь в навсегда» (1987). А также еще один эпизод телесериала (на сей раз American Playhouse) - экранизация рассказа «Кто я на этот раз?» (1982) с Кристофером Уокеном и Сьюзен Сарандон в главных ролях. И наконец, в 1996 году был экранизирован сложный психологический роман Воннегута «Матушка Ночь» («Мать Тьма»). Фильм тоже получился серьезным, в меру «арт-хаусным» (явно не кассавый блокбастер) и вызвавшим широкую полемику - в основном в связи с такими широко тиражированными мифами, как «наши доблестные разведчики» и «ихние гнусные шпионы»^{*15}. Фильм, главную роль в котором блистательно сыграл Ник Нолте, заслуживает серьезного разговора. О судьбе «двойных агентов», о патриотизме и предательстве, о психологической привлекательности нацизма. Иначе приходится принять ту точку зрения, что нация философов, ученых, композиторов, писателей и пасторов поддалась труднообъяснимому массовому

¹⁵ * В этом фильме, кстати, сам писатель сыграл эпизодическую роль прохожего на улице. (Здесь и далее прим. авт.)

помешательству! Наконец, фильм заставляет задуматься о ролях, которые мы выбираем в жизни, подчас не замечая, как наши роли становятся нашей сущностью («Мы то, кем и чем претендуем быть»)...

Но этот разговор - за пределами обзора кинофантастики по произведениям Воннегута*¹⁶.

Первые опыты «в жанре» датированы еще далекими пятидесятыми, когда начинающий писатель, как и его любимый alter ego Килгор Траут, откровенно халтурил в science fiction, дававшей тогда возможность быстрого (хотя и не обильного) заработка. Воннегут не только выпускал фантастические рассказы и романы, но и бойко строчил сюжеты для комикса «Склеп ужаса», который впоследствии был экранизирован как сериал «Байки из склепа».

В 1972 году на экраны вышел экспериментальный фильм «Между временем и Тимбукту» по одноименной пьесе Воннегута. В ней, как и в фильме, присутствует весь букет аксессуаров, позволяющий говорить о первой серьезной экранизации «фантастики» Воннегута. Во-первых, это сама сюжетная линия. Главный герой - поэт-астронавт, выигравший «Большой приз»: путешествие на ракете прямо в некую Хроно-Синкластическую Инфундибулу. Что означает последнее, сия тайна велика есть - сродни лемовским «сепулькам». Но важно, что в этой самой Инфундибуле герой «самокопируется», и его бесчисленные копии попадают в самые затейливые ситуации в различных мирах и временах, фантастических и нашем единственном - реальном. Далее - персонажи. Почитателям творчества Курта Воннегута нет нужды доказывать, что раз герой по имени и фамилии Стони Стивенсон (если кто забыл - ближайший друг главного героя «Сирен Титана») встречается с такими чудаками, как Гаррисон Берджерон, Пол Протеус и доктор Хоникер, не говоря уже о проповеднике Бокононе, то это, вне всяких сомнений, фантастика!

Но вот в чем загвоздка - это фантастика не абы какая, а фирменная воннегутовская. А значит, по определению, плохо переносимая на экран, который диктует свои законы восприятия. В кино все должно быть зримо, конкретно, вещно - фантастично. А в прозе Воннегута все это подается через слово, через полунамеки, включающие собственную фантазию читателя. Да еще и порой с убийственной иронией по отношению к тем, кто принимает всю эту «фантастику» чересчур серьезно.

А вся сила Воннегута-писателя именно в этой «шизофренически-

¹⁶ * За пределами его остался и фильм «Завтрак для чемпионов» (1999) с Брюсом Уиллисом в главной роли, поскольку единственный фантастический элемент этой абсурдистской комедии - это образ писателя-фантаста Килгора Траута в исполнении Альберта Финни.

детской» дурашливости, за которой скрывается мудрый взгляд человека прожившего, много испытавшего и много «додумавшего». Поэтому фильм, который мог бы стать своеобразным парадом алле по творчеству Воннегута - в том числе и фантастическому, - прошел практически незамеченным. И уж любители фантастики, которым не довелось посмотреть, точно ничего не потеряли.

А о том, что пришлось испытать Воннегута в жизни, писатель вспомнил в своем романе «Бойня № 5, или Крестовый поход детей». Он вышел в 1969 году, сразу же стал национальным бестселлером - не в научно-фантастической «песочнице», а в общелитературной, и с тех пор, собственно, американский и мировой читатель узнал о существовании писателя, быстро обретшего утомительное звание культового.

Спустя три года за экранизацию «Бойни № 5» взялся не абы кто, а сам Джордж Рой Хилл, обеспечивший себе место в Зале Славы американского кино двумя бесспорными шедеврами - фильмами «Афера» и «Бутч Кэссиди и Санданс Кид», в которых сыграли, видимо, свои лучшие роли Пол Ньюман и Роберт Редфорд. И на сей раз мастер не изменил себе - достаточно сказать, что на Каннском кинофестивале 1972 года картина номинировалась на Золотую Пальмовую Ветвь и в результате получила Приз жюри. А на Всемирном конвенте, как положено, - премию «Хьюго».

Только вот в романе и фильме, по сути, две истории. Первая - вполне реальная история самого Воннегута, в 1944-м попавшего в плен во время немецкого контрнаступления в Арденнах и в феврале следующего года счастливым образом оказавшегося среди семи американских военнопленных, переживших бомбардировку Дрездена «своими же». И вторая - последующие метания «тюкнутого» тем кошмаром Билли Пилигрима в пространстве и времени. В книге они как-то уживаются вместе, а в фильме первая история рассказана куда убедительнее, чем вторая.

И лишь фантастический финал удался на все сто - на все сто «воннегутовских»! Откровенный лубок, даже китч «космических декораций» в данном случае принят, как мне кажется, сознательно - как лубочной и китчевой вышла вся история похищения Билли Пилигрима обитателями планеты Тральфамадор и помещения его в своего рода клетку в зоопарке. С последующей доставкой «редкому виду» самочки - актрисы порнофильмов, которую Билли в своей земной жизни вождделел. И вот голос инопланетянина настойчиво приказывает паре заняться «этим» - публика, мол, ждет! И они таки занялись, но, по просьбе стеснительного Билли, - с погашенным светом и под одеялом, под такой же китчевый диснейлендовский фейерверк на фоне звезд и галактик. Билли Пилигрим наконец-то

обрел покой и прекратил свои абсурдные перемещения по пространству и времени, научившись, по совету тральфаматорцев, «жить только счастливыми моментами».

Иного воннегутовского финала трудно было ожидать. Все завершилось в духе хипповых шестидесятых: «Занимайся любовью, а не войной». Мне кажется, таким финалом сам автор романа должен был остаться доволен.

В семидесятые годы увидела свет еще одна экранизация воннегутовского рассказа - один из эпизодов телесериала «Рок Хадсон представляет истории о любви» называется «Эпикак» (1974). Это во всех отношениях камерная фантастическая история о влюбленном роботе, камерная по сюжету и по задействованным спецэффектам*¹⁷.

Таким же минимумом фантастических изобразительных средств отличается и фильм «Балаганчик» (1982) с Джерри Льюисом и Мадлен Канн (и голосом за кадром самого Орсона Уэллса). Это трагикомическая история двух необычных близнецов (в романе - братьев, в фильме - брата и сестры), чьи зародыши были имплантированы в тело земной женщины могущественной инопланетной цивилизацией, Целью всей этой «генной инженерии» было появление новых спасителей человечества, запутавшихся в своих проблемах. Принципиальный иконоборец Курт Воннегут в одноименном романе остался верен себе, пародируя основу христианского канона - непорочное зачатие, только вот фильм вышел каким угодно, но не сатирическим. Тем более не смешным - несмотря на присутствие знаменитого американского комика Джерри Льюиса. Исключение составляет разве что эпизод с китайским послом-коротышкой, который просит близнецов помочь ему наладить выгодный бизнес - торговлю... гравитацией! В целом же, по почти единогласному мнению критиков и зрителей, фильм получился провальным.

Но зато в 1995 году вышел телефильм «Гаррисон Берджерон» и, можно сказать, одним махом перекрыл все предыдущие (и последующие) неудачи с экранизациями воннегутовской «фантастики». Потому что это и отличное кино, и отличная фантастика, и один из частых случаев в мировой кинофантастике, когда экранизация заставляет поблекнуть литературную первооснову.

Перед нами образцовая антиутопия в духе отцов-основателей жанра - Замятина, Хаксли и Оруэлла. Точнее было бы писать через дефис - утопия-антиутопия, поскольку архитекторам всех литературных

¹⁷ * Для полноты картины можно упомянуть еще телефильм «Обезьянник» (1991), поставленный по трем новеллам - «Следующая дверь», «Все дело в Эйфви» и «Вся королевская конница».

антиутопий их творения представляются в высшей степени идеальными мирами, где все организовано предельно разумно, рационально, справедливо. И, разумеется, исключительно для блага человечества, куда ж без этого... Главный герой, которого играет Шон Остин (позднее прославившийся ролью Сэма Гэмджи в монументальной кинотрилогии по Толкину), - это, пользуясь терминологией Стругацких, «выродок». Он слишком умен для Америки 2081 года, где принцип «всеобщего равенства» с помощью соответствующих поправок к Конституции доведен до логического абсурда: «Все люди не рождены равными, это задача Правительства сделать их таковыми». Для принудительного «выравнивания» населения все в обязательном порядке носят «умные наушники», которые «отсекают» особо умные, а значит, вредные мысли. «Больно умный» - в этой утопии не просто обидное прозвище, а сигнал неблагонадежности.

Те же, кто все равно остается умнее других (и сильнее, и ловчее, и талантливее), попадают в поле зрения особого правительственного департамента, во главе которого стоит главный идеолог (так и тянет за язык назвать его «политтехнологом»!) всеобщей уравниловки. Роль этого Большого Брата прекрасно и точно сыграна Кристофером Пламмером. Когда Гаррисона Бержерона полицейская облава застает в своеобразном «квартале красных фонарей» - в одном из Домов Ума, где можно удовлетворить самые запретные и даже извращенные фантазии (получить девушку, которая сыграет с вами в шахматы или прочитает стихи), - то умник-диссидент попадает вовсе не в застенки, как можно было предположить читателю, воспитанному на классических антиутопиях. А напротив - получает предложение присоединиться к правящей элите! Которая, как и у Стругацких, тоже поголовно состоит из «выродков» - надо же кому-то управлять этой сложной и разветвленной системой тотального промывания мозгов.

А став одним из «неизвестных отцов» (для остального мира он считается умершим), причем отвечающим за главное пропагандистское оружие - телевидение, Гаррисон задумывается. Задуматься есть над чем. Почему в «идеальном мире» все чаще и по все более вздорным поводам (неправильная парковка!) нарушителей закона публично казнят, «Когда средние люди пришли к власти, они поняли, что у них не хватает мозгов, чтобы сражаться с преступностью - и тогда они начали сражаться с преступниками».

Такая вот фантастика, Америка, далекое будущее... Почему в этом мире одной из главных мишеней правящей элиты выбрана музыка - классическая, джазовая, словом, такая, которая по определению доступна не всем и не всякому. Почему членам правящей элиты запрещено иметь детей. Наконец, почему жизнь в Америке 2081 года, пережившей вторую гражданскую войну, скроена по образу и подобию

«благословенных пятидесятих» - золотого века массового потребления.

Подобные мысли, как говорят психологи, ведут к когнитивному диссонансу. Психологической ошибке, которая часто вызывает потребность в акте гражданского неповиновения. Бунт одного из винтиков системы против ее самой, разумеется, обречен на провал. Диссидентская выходка запершегося в телестудии Бержерона с демонстрацией джазовой музыки и предложением согражданам - снять дьявольские наушники и наконец-то послушать и увидеть все богатство мира в его разнообразии - хоть и с запозданием, но ликвидирована. Но создатели фильма, в отличие от автора рассказа, оставили в финале лучик надежды: подростки втайне от родителей просматривают запрещенные видеокассеты. Не порнуху, а запись той самой мятежной телепередачи с джазовой музыкой. Которая является мощным динамитом, подложенным под кажущееся незыблемым здание «общества равных возможностей».

Удача «Гаррисона Бержерона» вызвала к жизни еще два римейка - полнометражный одноименный фильм 2006-го и короткометражку «2081», вышедшую тремя годами позже. В последней красивые люди обязаны носить специальные маски, а физически сильные - специальные гири, уравнивающие их преимущество перед хилыми и слабыми. За этим следит чиновник, который носит титул Главного Инвалидатора Соединенных Штатов (Handicapper General) - по аналогии с известным титулом главы федерального ведомства общественного здоровья Соединенных Штатов (Surgeon General), Именно он ответственен за то, чтобы все американцы обрели подлинное равенство, став поголовно людьми с ограниченными физическими возможностями - не говоря уже об умственных.

А возвращаясь к музыке как «инакомыслию», можно привести одно из последних интервью, данное Куртом Воннегутом за год до его смерти в 2007-м. Смерть большого чудака и мистификатора тоже вышла совершенно воннегутовской - результат черепно-мозговой травмы, полученной при падении в собственном доме. А в интервью были пророческие слова: «Какими бы коррумпированными, алчными и бессердечными ни становились наше правительство, наш большой бизнес, наши СМИ, наши религиозные и благотворительные организации, музыка никогда не утратит очарования. Если когда-нибудь я все же умру - не дай Бог, конечно, - прошу написать на моей могиле такую эпитафию: «Для него необходимым и достаточным доказательством существования Бога была музыка».

Вл. ГАКОВ

АЛЕКСАНДР И НАДЕЖДА НАВАРА
ПОБОЧНЫЙ ЭФФЕКТ

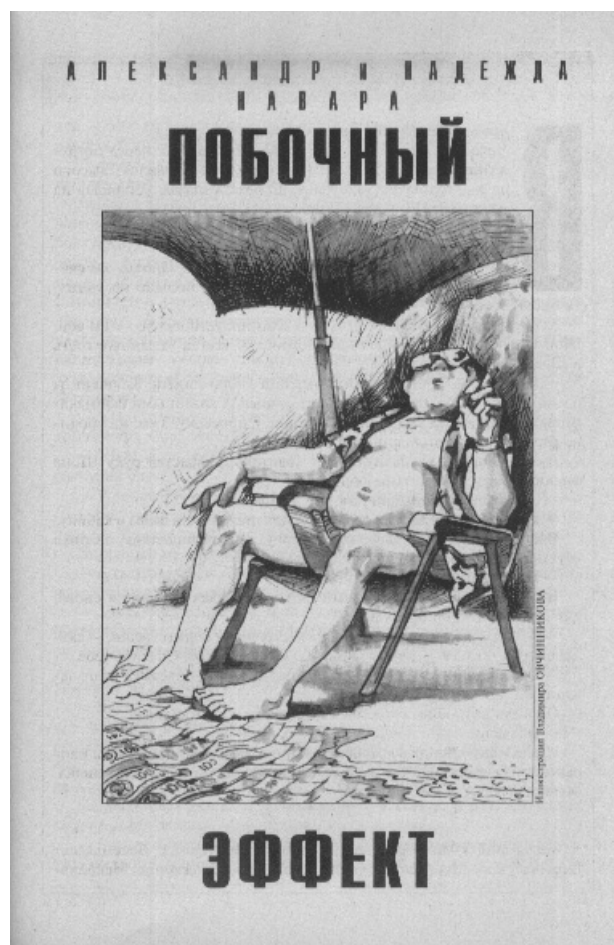

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Ворота тюрьмы «Бредшоу» открылись.

Человек глубоко вдохнул, словно ныряльщик перед погружением, и пересек заветную черту. Остановился, высоко задрал голову и, не щурясь, до рези в глазах, уставился на расплавленный шар солнца.

- Удачи тебе, Шон. И до встречи.

Мужчина обернулся.

- Знаешь, босс, у тебя классная тюрьга. Просто замечательная. Даже немного жаль, что я ее больше не увижу. Прощай, босс.

- Если бы свиньи умели летать... - охранник улыбнулся. - Ты вор, Шон О'Райли, им и останешься. Помни, ты всегда желанный гость в «Бредшоу». До свидания.

- Прощай, - упрямо буркнул бывший заключенный. Забросил за плечи мешок с пожитками и деловито запыхнул казенными башмаками напрямик, через выжженную прерию, к проселку. Там, на обочине

дороги, стоял потрепанный пикап.

Дверь машины распахнулась, и водитель сграбастал руку Шона здоровенными волосатыми лапищами.

- Здорово, Шонни-бой! Как оно, на свободе-то?

- Еще не понял, Майки, - честно признался тот и залез в кабину.

Водила вытащил из бардачка бутылку «Дикой индейки», свернул «птице» черную головку и передал товарищу:

- На, хлебни для вразумления.

Шон сделал быстрый, жадный глоток. Перевел дыхание и снова, уже не торопясь, приложился.

- Знаешь, на свободе есть две по-настоящему ценные вещи, - сказал он чуть погодя. - Верные друзья и доброе пойло. Спасибо тебе.

- Очухался, - Майк удовлетворенно кивнул и повернул ключ зажигания.

О'Райли поудобнее устроился на сиденье и скомандовал:

- Поехали.

«Додж» вырулил на асфальт и шустро побежал по проселку в направлении Гендерсена. Через пару минут впереди показалась развилка. Машина свернула на Остин.

* * *

Гостиница «Эль-Торро» примостилась на съезде с Восемьдесят Первого у Сан-Маркоса. Там и праздновали освобождение. Мексиканец - хозяин заведения и деловой партнер Шона - расстарался на совесть. Синьорины, еда и выпивка по высшему разряду.

Далеко за полночь, когда бар наконец покинул последний случайный посетитель, в кабаке остались только свои.

Верзила Майкл Скорчак - двигатели, рули и колеса. Невысокий жилистый очкарик Тимоти Аткинсон, выпускник политехнического колледжа, - специальное оборудование и оснастка. Хуан Мария Перейра - финансы и внешние связи. И, само собой, глава предприятия мистер О'Райли - потомственный грабитель. Отсутствовал только Вильям Ли - отдел безопасности. Афроамериканцу не повезло. Пять лет назад, когда копы повязали банду на очередном налете, совсем некстати всплыли его старые грешки. Судья - должно быть, закоренелый расист - щедро накинул Ли еще десятку.

Компаньоны расположились в офисе Перейры, на втором этаже гостиницы.

- Хуан, старина, сколько у меня осталось? - расслабленно, по-домашнему, спросил Шон.

- Шестьдесят грандов с мелочью, - в тон ему ответил Перейра и раскурил сигариллу.

- И только?! - О'Райли ощутил себя нищим и разом потерял благодущие. - На последнем деле мы взяли никак не меньше двух миллионов. Тебе не кажется, что моя доля странно похудела?

Дородный мексиканец пожал плечами и ответил обиженно:

- А ты как думал? Адвокаты - хуже пираний. Вот и считай на четверых. Плюс твое условно-досрочное.

- Зря ты так, Шон, - встрял в разговор Майк. - Батрачить нам на босса до упора, если б не Хуан. Я тоже на мели, зато не в тюрьге. Баксы - дело наживное.

- Кстати, есть приличная работенка. Быстро и чисто, - сообщил Перейра, не обращаясь ни к кому персонально.

- Быстро и чисто, - процедил сквозь зубы О'Райли. - Мне сорок лет. Двадцать из них я делал «приличную работенку», а потом садился. И так - по кругу. В итоге - шестьдесят жалких кусков и перспектива сесть еще раз. Я не хочу сдохнуть на нарах в тюрьге или в богадельне для нищих. Проклятье, Хуан, пора наконец что-то менять!

Скорчак потупился. Перейра скорбно вздохнул и развел руками, словно хотел сказать - ну, извини, коли не угодил.

- Есть конкретное предложение? - по-деловому осведомился Аткинсон и быстрым движением поправил очки.

- Есть. - О'Райли встал. - Парни, включите мозги! Мир изменился, люди делают реальные деньги в чистеньких офисах, а мы выходим на большую дорогу с револьвером, как наши предки.

- Мой дед был ранчеро, - заметил владелец гостиницы.

- И что с того? - ухмыльнулся Шон. - Ты такой же вор, как и я. Согласен, чуть более удачливый. Ровно до тех пор, пока копы не взяли тебя за задницу и не раскрутили по полной.

Потомок землевладельца истово перекрестился и пробормотал молитву Деве Марии.

- Ближе к делу, - сухо напомнил дотошный Тим. - Уж не открыл ли ты способ, как делать баксы из воздуха?

- Нет, не из воздуха, - Шон прищурился. - Что вы знаете о золоте, парни?

- Золото - это золото, - хохотнул Майки и начал загибать пальцы: - Его полно в ювелирных, в банках, а больше всего - в Форт-Ноксе. Магазины мы уже брали, банки тоже.

Виртуоз руля и педалей тряхнул головой и категорически заявил:

- Шонни, ты как хочешь, а я на Форт не подпишусь. Положат нас там. Как пить дать, положат.

- Майкл Скорчак, я похож на идиота? - осведомился О'Райли и, не дожидаясь ответа, потребовал: - Тогда сделай одолжение, помолчи. Даю подсказку тем, кто еще не пропил мозги. Где в природе есть золото и другие ценные металлы?

- Ну... - Перейра неопределенно махнул рукой. - В земле, в горах, на

дне рек.

- Месторождения золота, так или иначе, кому-то принадлежат. Для промышленной разработки нужны связи и лицензия, - педантично напомнил Аткинсон. - Ты же не собираешься годами просеивать песок за пару центов?

- Верно, - согласился Шон и процитировал по памяти: - Среднее содержание золота в воде мирового океана составляет ноль целых две десятых миллиграмма на метр кубический. В тропических зонах концентрация значительно выше и может достигать трех целых и четырех десятых миллиграмма. В одном кубическом километре океана в тропиках содержится около трех тонн золота. По самым приблизительным оценкам, запасы золота в мировом океане составляют до восьми миллиардов тонн.

Он сделал многозначительную паузу и подытожил:

- А кому принадлежит океанская вода? Всем и никому!

Майк и Хуан предпочли промолчать. Пять лет в тюрьме - не сахар. Двинулся парень, бывает.

- Золото в океане - не новость, - пожал плечами Тим, все же не зря колледж закончил. - Был один немец, Фриц Габерю. В двадцатых годах прошлого века он получил несколько граммов и сник. При его затратах металл было дешевле купить. Русские добывают из морской воды уран. Японцы тоже химичат помаленьку. Проекты стоят мегабаксы. Традиционный способ добычи золота всех устраивает.

- Правильно, - одобрительно хмыкнул О'Райли. - Устраивает. Всех, кроме меня.

- Послушай, если у тебя есть деньги на пылесос по выкачиванию золотишка из Карибской лужи, то перестань морочить нам голову. Отправляйся на каникулы в Вегас, а мы тут пока делом займемся, - съязвил технарь и повернулся к мексиканцу: - Хуан, кажется, у тебя была работа?

- Нет, это ты послушай, - потребовал Шон и запальчиво выложил последний аргумент: - Наноботы!

- При чем тут боты? - ошеломленно спросил Майк.

- Забудь о штиблетах. Речь о роботах молекулярного уровня, - снисходительно пояснил Аткинсон и с уважением посмотрел на О'Райли. - В принципе, нанотехнология пригодна для адсорбции солей и металлов из жидкой среды. Разработкой этих зверушек занимаются крутые корпорации, часто по заказу вояк. Охрана там почище банковской. Не знаю, может, ты и прав... - Он на секунду умолк и скептически закончил: - Даже если нам повезет и мы возьмем хайтек-лабораторию, что дальше? Кто из нас по-настоящему рубит в нанoeлектронике, молекулярной физике, химии или программировании?

- Эй, парни, тормозим! Говорите на английском или испанском, -

взмолился Майк. - Шон, вот откуда ты все знаешь? Про золото и боты эти?

Шон усмехнулся:

- В «Бредшоу» есть компьютерные курсы для заключенных и выход в Интернет. Пока некоторые облизывались на голых девок с порносайтов, я занимался образованием и думал о деле. О настоящем деле для нас.

- Да ладно тебе... - Скорчак смущенно кашлянул.

О'Райли развил наступление.

- Вот ты, Тим, вроде и учился, и голова у тебя варит. Двадцать первый век на дворе. Клонирование, компьютеры, а ты - лаборатории грабить. Совсем одичал?

- Деньги...

Шон не дал ему закончить:

- Тут ты прав. Не умеешь думать своей башкой, купи другую. Ты говорил, русские из воды уран добывают. А знаешь, сколько им платят? Меньше, чем тому бездельнику, что по утрам вывозит мусор из «Эль-Торро». Говорю тебе, дело - верняк! Никакой стрельбы, копов и мудреной физики с химией. Я все просчитал.

Он встал, потянулся и энергично прошелся по комнате.

- Короче, нужен стартовый капитал. Думаю, триста-четыреста тысяч. Вношу шестьдесят, все остатки моей доли. Решайте.

- Я совсем пустой, - пробасил Майки. - Но ты ведь возьмешь меня в дело? Правда, старина?

- Куда ж мы без тебя, - О'Райли успокаивающе похлопал рабочую лошадку по плечу.

- Тридцать, - кратко бросил Аткинсон.

- Порядок, уже девяносто, - суммировал Шон и уперся требовательным взглядом в Перейру.

- Времена нынче тяжелые. Ты подробнее расскажи. Что к чему, какой план, гарантии? - занудил прижимистый мекс и закончил: - Мне еще Ли выкупать надо.

- Выкупим. С первого прихода и выкупим, - пообещал О'Райли. - Не жмись, приятель. Будет тебе план. А гарантии...

Он коршуном навис над столом и процедил сквозь зубы:

- Говорю при свидетелях. Прогорим - два налета на твой выбор работаю бесплатно. По рукам?

- Идет, - сдался потомок ранчero.

* * *

О'Райли выждал, пока вышколенный официант поставил напитки и испарился.

- Мистер Карабанов, этот скромный ланч ни в коей мере не может компенсировать потерю вашего драгоценного времени, столь щедро уделенного мне, - Шон основательно подготовился к поездке в Россию и произнес заученную фразу с такой непринужденностью, словно всю жизнь только и делал, что выступал на симпозиумах и деловых обедах. - Надеюсь, он послужит лишь маленьким залогом нашего долгого и плодотворного сотрудничества. Как говорят у вас - будем здоровы!

Сотрапезники подняли бокалы, и свет потолочных люстр игривой радугой пробежал по хрустальным граням. Русский благодарно кивнул, вежливо пригубил шампанское и аккуратно вернул бокал на место, стараясь не задеть блюд с закусками. Американец последовал его примеру.

- Скажите, господин О'Райли...

- Шон, - быстро перебил его визави. - Мы, техасцы, все те же простые парни. Привыкли вставать до зари и вкалывать до седьмого пота. Чопорные манеры Новой Англии немного стоят в нашем штате. У нас все просто, если сидишь за одним столом с человеком и не держишь палец на курке, говори с ним без церемоний, - он подмигнул Карабанову. - Мне кажется, в этом мы немного похожи на вас, русских. Не так ли?

- Да. И все же, - Карабанов чуть запнулся, - Шон, почему вашу фирму заинтересовал именно я?

Русский говорил с характерным жестким акцентом, но чисто и бегло, на правильном английском времен королевы Виктории. Впрочем, техасского жулика не интересовали языковые способности молодого ученого. Ему было довольно и отсутствия переводчика.

- А ты умеешь взять пойнт, - проныра на всю катушку использовал немалый опыт практической психологии, почерпнутый в длительном общении с дознавателями. - Скажу прямо. Я еще не забыл те времена, когда сам был, как это у вас говорят: мэ-нэ-сэ, - он тщательно произнес непривычные русские звуки, получилось забавно, и переспросил: - Так?

Зацепил вилкой крупную маслину и точным движением отправил ее в рот.

Карабанов кивнул, немного расслабился и взял канапе с черной икрой.

- Мы - молодая компания. У нас нет запасов жира, как у монстров индустрии. - Следуя выбранной линии, Шон пустился в откровения. - Мы добились определенных успехов и встали на ноги. Однако бизнес - штука суровая. Вы, русские, теперь прочувствовали это на собственной шкуре. Существует универсальный рецепт - вкладывай деньги в новые идеи и новые головы. Именно так мы и поступаем. Мы ищем лучших ребят в университетах по всем Штатам. Молодых, напористых, талантливых, злых до работы. Даем им гранты на обучение, обеспечиваем практику в отделениях радиологии и хирургии «Централ таксес медикал». Готовы оплатить стажировку за пределами страны,

там, где хоть на йоту вырвались вперед. Пусть набираются опыта, учатся у тех, кто умеет лучше и быстрее. Ты работал с нашими стипендиатами, Алексей. Что скажешь?

- Что ж. У ребят хороший потенциал, - русский осторожно подбирает слова, тщательно взвешивая их значение. - Есть желание учиться, способность воспринять чужое, новое, нетривиальное мнение.

- Алексей, ты меня очень обяжешь, если по окончании семинара составишь краткую характеристику на каждого. Только уговор, никого не щадить, - Шон подался вперед и перешел на доверительный тон, словно говорил уже с партнером: - Я тебя понял. Ты прав, ребята зеленые, как доллар из типографии. Им нужны время и твердая рука. В наших краях есть поговорка: «Хочешь получить хорошего мустанга - хорошо заплати объездчику». А если я предложу тебе поработать у нас годик-другой? Только не отказывайся с ходу. Я понимаю, у тебя отличная тема, перспектива роста, тебя уважают в институте. Подумай, взвесь. - Он откинулся назад в кресле и озвучил тариф: - Для начала - сто тысяч в год, двадцать процентов отчислений от патентов с твоим участием и бонус - платные лекции в «Саус вест таксес». Наша фирма с ними вот так, - он крепко сцепил мизинцы. - Сотрудничество - путь к успеху. В Штатах работают ученые со всего мира, мы занимаем лидирующие позиции в развитии и внедрении нанотехнологий. Поверь, тебе тоже есть чему поучиться у наших парней. Я на тебя не давлю. Решение твое, и только твое. Так?

- Так. - Карабанов задумчиво катал маленький хлебный шарик по девственной белизне тарелки. - Вот и отлично.

* * *

Придорожную гостиницу «Эль-Торро» основательно перестроили. Теперь на ней красовались стильная корпоративная вывеска «Нанотех медикал рисёрч» и флагшток с «одиноким звездой». Строители шустро снесли все лишнее, установили новые окна и двери, сменили полы и отделку стен. Дизайнеры наполнили помещение мебелью vip-разряда и образцами самобытного мексиканского творчества. Предметом особой гордости хозяина стала гладкая плита черного дерева на монументальных подставках - стол для заседаний.

Расширился и круг посвященных. Пару месяцев назад Ли наконец воссоединился с компаньонами и приступил к исполнению привычных обязанностей.

- Мистер Перейра, как обстоят дела с бабками? - открыл совещание О'Райли.

Шон в силу необходимости выработал более мягкую манеру общения. Однако не потерял способности жестко вычленять суть проблемы.

- Неплохо, неплохо, - мексиканец к чему-то сопроводил оптимистичное заявление тяжким вздохом. - За последний месяц мы утроили капитал предприятия.

- Вот! Утроили, - восторженно воскликнул Майк. - А ты, Хуан, по-прежнему кислый, как лайм..

- Я в корень зрю, - проворчал тот. - Сейчас наши акции стоят неплохо, но помяни мое слово, Шон, твой Карабанов нас разорит. Капитал растет, а свободных денег как не было, так и нет. Все, что зарабатываем, уходит на оборудование, материалы и оплату услуг сторонних фирм. А русский просит еще и еще. И ты, О'Райли, ему потакаешь.

- Оставь Алексея в покое, - сухо потребовал Аткинсон. - Парень пашет как вол. И мозгов в его голове на десятерых.

- Мы тут не науку двигать собрались, - вкрадчиво напомнил Ли и потянулся с ленивой грацией сытого ягуара. - Кстати, русского могут и перекупить. Уже были предложения. Что скажешь, Тим?

- Если по совести, мы платим ему гроши, - Аткинсон привычным движением поправил очки. - Любая серьезная фирма, не задумываясь, отвалит Алексею в разы больше. На одних только патентах, что мы придержали, можно сделать состояние.

- Ближе к делу, - настойчиво потребовал О'Райли.

- Не гони, - огрызнулся тот. - Основное направление работ Карабанова - очистка тканей организма от радионуклидов. Практическая технология отработана на грызунах, успешно опробована на приматах, и сейчас мы ведем переговоры о разрешении проведения клинических экспериментов на добровольцах.

Майк Скорчак украдкой зевнул в кулак.

- Через катетер в вену подопытного вводится коллоидный раствор. В основе нанонассемблера лежит генетически измененная одноклеточная сине-зеленая водоросль. Эти организмы способны осуществлять синтез и переработку различных химических элементов, в том числе и металлов, на молекулярном уровне, - Аткинсон явно увлекся рассказом о достижениях. - Мы получили автономный микрозавод с функцией самовоспроизводства и научились его программировать. - Тим снизошел до интеллекта соратников и пояснил: - Заставили действовать «по свистку».

- Ага, - облегченно выдохнул Майк. Остальные предпочли промолчать.

- Алексей взял за основу израильские разработки в области ДНК-компьютеров. Часть оригинальной структуры ДНК сине-зеленой водоросли трансформирована в квазипроцессор, ПЗУ и оперативную память.

- Кончай бодягу, Тим, - устало оборвал его О'Райли.

- Ты сам спросил, - заметил Аткинсон, но лекцию свернул. - Короче, наши зверушки управляются ультразвуком и поглощают до

восьмидесяти процентов стронция из тканей подопытного.

- А как же с золотом? - робко поинтересовался Майк.

- Какая разница. Мы вводили мышам и иодид золота. Показатель сбора не хуже, - ответил Тим. - Надеюсь, объяснить, что кровь - та же вода, только красная, не надо?

- О'кей. - Шон заметно повеселел. - Когда мы получим наш «пылесос»?

Аткинсон что-то прикинул и уверенно объявил:

- Месяц, на крайняк - полтора. Правда, Алексей считает, необходимо провести дополнительные тесты и исследования. Технология абсолютно новая, возможны побочные эффекты.

- Какие еще эффекты? - встрепнулся Шон. - Ты же сказал, ваша тина может качать золото из воды.

- Штамм водорослей, который вырастил Алексей... - начал было Аткинсон и махнул рукой: - Неважно, все равно не поймете. Запускаем серию.

- Хуан, подыщи нам подходящую посудину и местечко потише. Чтоб на пляже не было туристов и местные копы кругом не жужжали, - распорядился О'Райли. - Майки, поможешь ему. Проверь корабль сам, и три раза. Я не хочу потонуть с бабками.

- Обижаешь, - забасил Скорчак. - Когда я тебя подводил?

- Хорошо бы под занавес устроить на фирме капитальный пожар. Один черт - застрахована. Мол, конкуренты, и все такое, - Шон озабоченно потер лоб. - Да! Ни один из файлов Алексея не должен пропасть. Тим, у тебя есть копии?

Аткинсон кивнул.

- Заплатим ему вперед и отправим на каникулы. Домой, на пару месяцев. Тимми, он ничего не должен заподозрить, отдашь ему файлы и копии патентных документов, какие спросит. Понял?

- О'кей.

- Ну всё, парни, расходимся, - глава предприятия закрыл совет директоров.

Уже в дверях Ли немного притормозил и вопросительно посмотрел на О'Райли. Тот чуть заметно кивнул.

* * *

Шон О'Райли растянулся на пузе в тени чахлах пальм и от нечего делать лениво наблюдал за Скорчаком. Тот грузил рыболовные снасти в надувную лодку. Майк, должно быть, вообразил себя морячком Папаем: обзавелся дурацкой тельняшкой и трубкой. Впрочем, Шон и сам выглядел не лучше. Мятая, цветастая, насквозь просоленная потом гавайка, выгоревшее на солнце сомбреро, линялые шорты и

сандалии с ремешками, закаменелыми от океанской воды.

Заскрипел песок. Шон повернул голову на звук шагов. Аткинсон остановился у валяющегося на боку переносного холодильника. Пинком откинул крышку, нашарил и вытянул за горлышко бутылку пива.

О'Райли подождал, пока компаньон утолит жажду и вяло спросил:

- Сколько?

- Грузовой контейнер забит почти под завязку, - Тим вытер губы тыльной стороной ладони. - Если откинуть собственную массу модулей, то тонны четыре наберется.

- Пора завязывать бодягу. Меня тошнит от солнца, пальм, песка, пива, зеленого дерьма и идиота Майки с его жареной рыбой. - О'Райли перевернулся на спину, закинул руки за голову и мечтательно сказал: - В Вегас хочу... Вот ответь мне, умная голова, - попросил он после паузы. - Почему я, богатый человек, должен вялиться на солнце, как акулий плавник, а другие наслаждаются бабами и виски со льдом?

- Перейра - жирная скотина, - проскрипел Тим. - Всегда мы за него парились.

- Хватит! - объявил Шон и резко встал. - У нас есть четыре тонны. На отпуск мы заработали честно.

- Дело говоришь, - согласился Аткинсон. - В принципе, процентов пятьдесят наноассемблеров мы все равно не выудим. За сезон они размножатся. Вернемся - соберем урожай.

- Всегда мечтал стать плантатором, - ухмыльнулся Шон. - Ты отдыхаешь, а за тебя работают.

- Скоро Алексей вернется. Может, возьмем его в долю? - предложил Тим.

- Боюсь, доля твоему русскому приятелю уже не нужна. Совсем не нужна.

Только теперь Аткинсон понял, почему Ли уехал в Техас двумя неделями раньше.

- Сука ты, - злобно прошипел он и бросился на О'Райли. -Сука!

Шон встретил очкарика коротким ударом в живот, и тот приземлился на задницу.

- А ты чего хотел? И жизни легкой, и не замараться?! - мелкий, словно мука, песок хрустел на зубах гангстера. - Нет, приятель, так не бывает. Это бизнес, Тимми. Всего лишь бизнес.

- Парни, вы чего? - крикнул издали Скорчак, размахивая удочкой. - Одурели!

- Ага. Есть немного, - буркнул себе под нос Шон. - На солнце перегрелись. - И уже громко: - Готовь посудину, Майки. Вечером отчаливаем!

* * *

Вода не препятствует проникновению ультрафиолетовой составляющей солнечного света, по крайней мере, на ту глубину, где обитают сине-зеленые водоросли.

Длительное неконтролируемое облучение все чаще и чаще вызывало сбои в работе наноассемблеров, стирало изначально заложенные программы, вносило произвольный код. Хаос? Нет. Естественный отбор. Началась эволюция ДНК-процессоров. Они делали первые самостоятельные шаги на пути к единому разуму распределенной сети.

**ЭРИК ДЖЕЙМС СТОУН
КОРРЕКТИРОВКА ОРИЕНТАЦИИ**

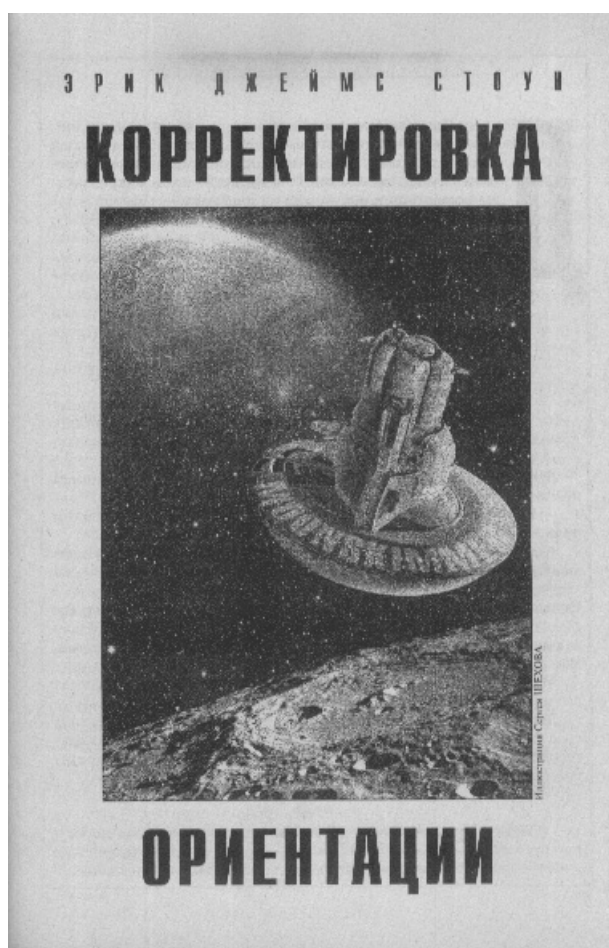

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Даника Джарвис выключила главный двигатель «Скользящего над Луной» и почувствовала, что желудок мягко двинулся вверх - знакомое ощущение, которое сопровождало переход к нулевой гравитации. Она

активизировала микродвигатели ориентации, и похожий на гриб корабль совершил поворот и занял в пространстве положение «шляпкой к Луне», чтобы вытянутая «ножка» - вместилище двигателя - не загоразживала вид. Чистое алмазное стекло корпуса «Скользящего» позволяло свободно любоваться лунным ландшафтом.

Из кресла пилота в центре общей с пассажирами круглой прозрачной кабины она оглядела восьмерых туристов, пристегнутых ремнями безопасности к сиденьям, расположенным по периметру.

- Это увеселительная часть поездки. Вы можете отстегнуть ремни и поплавать в невесомости, наслаждаясь чудесным видом.

- Увеселительная? - фыркнул подросток (согласно полетному листу - Брайсон Салливан). - А мы можем вернуться в «Хилтон» прямо сейчас? - На его бритой голове красовался яркий пурпурный прибор - инфовизор новейшей модели.

Даника призвала на помощь свою лучшую улыбку «будь-мила-с-людьми-от-которых-зависит-твое-жалованье» и сказала:

- Не беспокойтесь, мы с Эдди доставим вас в Луноград вечером, до начала баскетбольного матча. Верно, Эдди?

Баскетбол при лунной гравитации был главной туристской приманкой.

- Да, - ответил Эдди, искусственный разум «Скользящего». - Общее время полета составляет менее двух с половиной часов. Вы обязательно должны посмотреть на обратную сторону Луны, только немногим более тысячи человек видели ее собственными глазами. Вам понравится, - голос Эдди восторженно звенел.

Мальчик закатил глаза и притемнил монитор инфовизора, сделав его менее прозрачным.

Даника решила игнорировать бесполезного сопляка и обратила свое внимание к остальным пассажирам. Она указала на один из кратеров на лунной поверхности и завела привычный речитатив экскурсовода - «познавательную часть».

- Ладно, друзья мои, если вы соблаговолите занять свои места и пристегнуться, - проговорила Даника, - я смогу повернуть корабль, и вы увидите незабываемый восход Земли над лунным горизонтом.

Понадобилось не менее двух минут, чтобы все расселись. Совершенно очевидно, что для большинства туристов это первый опыт пребывания в невесомости.

- Подождите, я тоже хочу попробовать нулевую гравитацию, - сказал Брайсон. Он начал отстегивать ремень безопасности.

Даника не могла поверить своим глазам. Ребенок оставался в кресле все время, возможно, играл с инфовизором в какие-то игры.

- Извините, - сказала она, - но мы... Ба-бах!

«Скользящий» резко дернулся в сторону, потом бросился вперед с максимальным ускорением в 0,75 g.

Брайсон шлепнулся на пол и вскрикнул.

- Эдди, что это было? - спросила Даника.

Эдди молчал.

Сквозь гудение двигателя отчетливо слышалось шипение воздуха, вырывающегося из корабля в космос.

Сначала ликвидируй утечку воздуха. Первое правило, которое сержант Копрой, преподаватель подготовки к бедствиям и катастрофам, вбивал в головы будущим пилотам на курсах космолетчиков. Даника быстро отстегнулась от кресла и встала, чтобы взять комплект герметизации, укрепленный в кабине на специальной технической стенке.

Но не успела она сделать и шагу, как ее рассудок подавил инстинктивное действие.

«Скользкий» набирал скорость, устремляясь к Луне. Каждый момент отсрочки отключения двигателя означал еще большую потерю высоты. Она посмотрела на панель управления: ничего - экраны пусты. Не только Эдди, все компьютеры были испорчены.

Для отключения двигателя вручную требовалось пройти на нижний уровень корабля через люк в полу кабины.

А на крышке люка растянулся подросток.

Даника оказалась перед ним в два шага.

- Уйди с дороги, - сказала она, ухватив его за предплечье и стаскивая с люка.

- Отстань от меня! - Парень рывком отдернул руку.

Она сняла блокиратор люка и потянула за утопленную в крышке рукоятку. Та сопротивлялась: воздух уходил на нижний уровень, словно стекая по ее руке. Пробоина была там, внизу.

Указывая на ярко-красный футляр комплекта герметизации, Даника попросила:

- Кто-нибудь, возьмите вон ту коробку и бросьте мне вниз. - Она глубоко вдохнула, пока дергала крышку люка, потом сколько смогла выдохнула, когда люк открылся.

Воздушные потоки устремились вниз, обвивая ее быстрыми струями, когда девушка спускалась по шести ступенькам лестницы. На нижнем уровне какая-то атмосфера еще оставалась, хотя уши закладывало из-за большой разницы в давлении.

Рубильник главного двигателя был рядом с лестницей. Она повернула его на пол-оборота по часовой стрелке - и мотор заглох. Снова воцарилась невесомость, но несмотря на это, поток воздуха сверху удерживал ноги Даники на полу нижней палубы.

Легкие требовали воздуха, и девушка решила: не будет большого вреда, если она вдохнет разочек из разреженной атмосферы. Перед спуском на нижний уровень она выдохнула на случай, если там уже образовался глубокий вакуум.

- Внимание! - послышался мужской голос сверху.

Один из пожилых пассажиров, мистер Лайл, крепко держался за крышку люка одной рукой, а другой протягивал комплект герметизации.

Даника махнула рукой, чтобы он бросил ей комплект. Он аккуратно подтолкнул коробку, и она поймала предмет правой рукой, пока левой, словно якорем, цеплялась за лестницу. Она вытащила герметизирующую гранату из набора, выдернула колечко предохранителя и кинула ее на середину помещения.

Граната взорвалась облачком светло-голубых волокон.

Воздушные течения, вызванные протечкой, заставили нити кружиться, как рой насекомых, по направлению к пробоине в корпусе. Некоторые из них вынесло в открытый космос, но другие приклеились к краям отверстия и ловили следующие, пролетающие мимо. Меньше чем за минуту протечка была герметично запечатана застывшими в ней волокнами.

Теперь, когда «Скользящий» снова стал воздухонепроницаемым, Даника вручную выпустила воздух из запасных баллонов, чтобы привести давление в норму. Затем она тщательно проверила нижний уровень для определения степени повреждений.

* * *

- Кажется, у меня перелом, - заявил Брайсон, когда Даника проплывала вверх из люка. - Моя мать абсолютно точно подаст на вас в суд. И вам еще сильно повезет, если когда-нибудь в далеком будущем вам позволят пилотировать мусоровоз.

Наконец подросток снова был пристегнут к сиденью.

Даника проигнорировала этот комментарий и вернулась к своему креслу в центре кабины.

- Ладно, друзья мои, - сказала она, - кажется, нас подбило метеором. Наши компьютеры не работают, и мне пришлось отключить главный двигатель вручную. Но пробоина заделана, у нас по-прежнему много воздуха, так что, думаю, опасность позади.

Без компьютера Даника была неспособна высчитать траекторию и узнать, вовремя ли она выключила основную силовую установку. Но надеялась, что вовремя.

- Вы, барышня, совершили геройский поступок, - изрек мистер Лайл.

Она пожала плечами и улыбнулась:

- Это моя работа. Спасибо вам за помощь.

- Что мы теперь будем делать? - спросила мисс Палома, тоже пенсионерка на отдыхе.

- Ждать, - ответила Даника. - В диспетчерском центре поймут, что мы опаздываем с возвращением, и начнут нас искать. В конце концов, пошлют буксир и подберут нас. - Она посмотрела на Брайсона и

сказала: - Думаю, баскетбол тебе придется пропустить.

- Почему мы просто не можем позвонить и попросить их прилететь за нами? - спросила Мэдди, младшая сестра Брайсона.

- Средства связи тоже вышли из строя, - ответила Даника. - Тот метеор действительно нанес...

- Это был не метеор, - сказал Брайсон. Даника на пару секунд прикрыла глаза.

- Ладно, думаю, ты прав. Формально это метеороид.

- Это был не метеороид. - Юнец с вызовом смотрел на нее из-за пурпурного инфовизора.

- Брайсон, заткнись, - одернула брата Мэдди. - Почему ты всегда ведешь себя так, как будто все знаешь?

- Сама заткнись, тупица, - огрызнулся он.

- На самом деле не важно, что нас ударило, - примирительно сказала Даника. - Важно то...

- Нас ничто не ударило, - сказал Брайсон.

Даника медленно вздохнула:

- Возможно, я просто вообразила себе дырку в корпусе и утечку воздуха из корабля.

Брайсон покачал головой:

- Ага, ладно, я просто ребенок. Я не знаю элементарных вещей. Но мой ИИ, - он прикоснулся к инфовизору, - говорит, что двигатель включился чуть-чуть раньше удара сбоку.

Даника удивленно подняла брови. Искусственный интеллект, достаточно компактный для размещения в инфовизоре, оказался бы таким дорогущим... Должно быть, мальчишка из семьи каких-нибудь триллионеров. Его фамилия щелкнула в голове - Салливан, как «Космотехнологии Салливана».

- Тогда что произошло? - спросила она.

- Саботаж, - констатировал Брайсон. - Кто-то нам это подстроил.

Мэдди ахнула.

Покачав головой, Даника возразила:

- Зачем кому-то устраивать саботаж на «Скользящем»?

- Я поняла! - воскликнула Мэдди. - Главный посредник нашей мамы в переговорах с LMC. Эта корпорация нам угрожала.

- Погодите минутку, - сказал мистер Лайл. - Мой сын работает в этой корпорации стюардом. Они никогда бы...

Несколько человек заговорили одновременно.

- Тихо! - повысила голос Даника. - Кто это сделал и зачем - предмет разбирательства администрации Лунограда. Мы выжили. Сейчас только это имеет значение.

После нескольких секунд тишины Брайсон заявил:

- Нам осталось жить сорок семь минут.

Пассажиры испуганно заахали, а Даника спокойно спросила:

- Наша траектория?

Брайсон кивнул:

- Мой ИИ сообразил небольшую прикольную анимашку. Чуть меньше чем через полвитка мы сделаем на Луне новый маленький кратер.

Видимо, она отключила двигатель слишком поздно. Но... Даника отстегнулась и двинулась к люку, ведущему на нижний уровень.

- Пойдем, Брайсон, - пригласила она, открыв люк.

Вместо того чтобы отстегнуться, мальчик плотно вдавился в кресло, крепко прижав к себе руки.

- Вы хотите запереть меня? Но я всего лишь сказал правду!

- Знаю, - ответила Даника. - Мои поздравления! Тебе и твоему ИИ только что присвоено звание навигатора. Теперь спускайся сюда и посмотри, сможешь ли ты наладить связь с тем, что осталось от бортового компьютера.

- Я уже пытался по беспроводной. Все программное обеспечение слетело, - сказал Брайсон. - Моему ИИ никак не выжать из него ничего толкового. А переписывать с нуля займет намного больше сорока пяти минут.

Даника на секунду сжала губы.

- Послушай, проблема лишь в нашей позиции.

Брайсон фыркнул:

- Если мы настроимся позитивно, все ловко обернется к лучшему?

- Нет, дело в позиции «Скользящего», - пояснила Даника. - Главный двигатель толкнет нас вперед, если я снова его включу, но мы не сможем повернуть без СКО - системы контроля ориентации.

- А у нее нет ручного управления? - спросил Брайсон.

- Было. - Даника указала на нижний уровень. - К сожалению, то, что сожгло программы, подпалило и плату СКО. Единственный способ управления микродвигателями ориентации был через компьютер. Сфокусируй на этом свой ИИ.

Голос мистера Лайла раздался позади нее:

- Думаю, я могу заставить радио снова работать.

Сердце Даники, казалось, подпрыгнуло.

- Продолжай работать над СКО, - велела она Брайсону и оттолкнулась от его кресла в сторону своего места, к центру кабины.

- Что будет работать? - спросила она мистера Лайла, который потихоньку начал разбирать панель управления.

- Ну, мне показалось странным, что проблемы с компьютерами также вывели из строя и средства связи. - Мистер Лайл дергал за какие-то разноцветные проводки.

Даника пожала плечами:

- Здесь все цифровое.

- Но радио - совсем необязательно. Вот я помню времена, когда даже телевидение было аналоговым. Изображение - так себе, но зато какие

передачи...

- Дорогой, - сказала миссис Лайл, - почини радио, ладно?

- Хорошо, - ответил ей муж. Он вытащил монтажную плату и задумчиво нахмурился. - В любом случае, я рассчитываю, что даже если цифровая составляющая не функционирует, то радио вполне может работать. И если мы сумеем послать SOS, кто-нибудь его услышит и придет нам на помощь.

Даника сомневалась, что кто-нибудь станет слушать нецифровые радиосигналы, но не будет вреда, если она позволит мистеру Лайлу попытаться.

- Сделайте все возможное.

Она повернулась к остальным пассажирам, по-прежнему пристегнутым ремнями к креслам:

- Может, у кого-нибудь есть опыт починки компьютерных систем управления?

После нескольких секунд тишины Мэдди робко спросила:

- Мы все погибнем?

- Нет, если твой брат и его ИИ смогут запустить микродвигатели ориентации, - ответила Даника. - Нам надо лишь выйти на безопасную орбиту, и кто-нибудь через какое-то время, в конце концов, нас подберет.

Брайсон тряхнул головой:

- Не смогут.

- Что значит «не смогут»? Попробуй еще раз, - подбодрила подростка Даника.

- Нет смысла. ИИ забрался в систему ориентации достаточно глубоко и узнал, что давление топлива - ноль. Наверное, взрыв выбил топливную линию. - Брайсон покачал головой.

- Значит, мы не можем ничего сделать, так и будем лететь, пока не разобьемся? - спросила миссис Парк, учительница средней школы на пенсии, которая еще полчаса назад весело болтала с Даникой.

- Как насчет топлива главного привода? - спросила девушка.

- С ним все в порядке, насколько я понимаю. - Брайсон покачал головой. - Они хотели, чтобы тут все работало, пока нас не размажет по Луне.

- Значит, мы можем ускориться, но не можем повернуть, - уточнила Даника. - Надо найти способ и... Скафандр! - Она проплыла к отсеку на технической стенке, где хранился ее костюм. - Я прикреплю шнур к носу корабля, включу микродвигатели скафандра и немного поверну корабль.

Она открыла ячейку и схватила скафандр. Полимерная ткань, прочнее плетеной стали, рассыпалась и таяла в руках, как сладкая вата. Даника печально смотрела на клочковатую тряпицу. Наноботы. Единственное возможное объяснение: кто-то инфицировал костюм наноботами,

которые пожирают полимеры.

Почти не сомневаясь в результате, она проверила индикатор топлива на комплекте тяговых механизмов скафандра. Пусто.

Даника запихнула останки скафандра обратно в ящик и метнулась к ячейке, в которой хранились «брешь-баллоны» - рассчитанные на двенадцать часов полимерные пузыри жизнеобеспечения, способные снабжать обычным воздухом двоих пассажиров каждый. Наноботы испортили все четыре шара. Ни один из них не пригодится в открытом космосе.

Она повернулась к пассажирам. Все, кроме мистера Лайла, корпевшего над радиопередатчиком, воззрились на нее.

- Есть какие-нибудь идеи? - спросила Даника.

Ответом было долгое молчание.

Мистер Годфри, худой лысый господин, едва сказавший пару слов за всю поездку, нарушил тишину:

- Я читал в одном научно-фантастическом произведении, как однажды люди были брошены на орбите. Так вот, они проделали отверстие в цистерне с водой, и она действовала по принципу ракеты.

- Хорошая придумка, - сказала Даника. - Но наш контейнер с питьевой водой недостаточно велик. Единственная жидкость, которой у нас достаточно, это топливо, но оно нам необходимо для главного двигателя. - Она наморщила лоб. - К тому же единственный доступ к цистерне находится снаружи, а у нас нет скафандра. Но нам надо обдумать все возможности.

- Молодой человек, - обратилась миссис Парк к Брайсону, - вы сказали, что в нашем распоряжении меньше половины витка перед крушением. Это больше, чем четверть?

- Гм-м, ага, - ответил он.

Миссис Парк улыбнулась:

- Тогда нам не о чем беспокоиться. - Она сжала правую руку в кулак. - Это Луна. - Она ткнула на середину кулака указательным пальцем левой руки. - Наш корабль начинает движение, будучи ориентированным носом к Луне. Но ракеты направления отключились, а мы продолжаем двигаться по орбите, следовательно, наша инерция будет держать нас в той же самой позиции. - Не меняя положения руки, она обвела четверть оборота вокруг импровизированной модели. Указательный палец теперь указывал направление в девяносто градусов от ее кулака. - Когда мы отклонимся от Луны, включим главный двигатель. И все, что нам останется - это ждать.

Несколько пассажиров с облегчением вздохнули.

- Есть только одна маленькая проблемка, - уточнила Даника. - Мы не включали ориентационные ракеты, чтобы направить корабль носом на Луну. Мы применяем гравитационный стабилизатор, он использует силу лунного тяготения, которая вызывает на Земле приливы. По сути

дела, продольная ось корабля ориентирована на Луну за счет слабой разницы в силе притяжения, действующей на нос и на хвост.

- Ох, - огорчилась миссис Парк.

- А что если мы проделаем еще одно отверстие, теперь около носа? - предложила миссис Лайл. - Выпустим немного воздуха, и он подтолкнет нас, а мы снова заделаем дыру...

Даника нахмурилась.

- Возможно, если бы у нас было чем проделать это отверстие в десятисантиметровом алмазном стекле...

- Нет, - подал голос Брайсон. - Мой ИИ говорит, импульс будет недостаточным, даже если мы выпустим весь воздух из корабля.

- Действие и противодействие. Надо найти что-нибудь для использования в качестве движущей силы, иначе мы не сможем повернуть корабль, - задумчиво пробормотала миссис Парк.

- Погодите, - произнес мистер Годфри. - Это неправда. Я читал в одном произведении, что астронавт повернул корабль в нужную сторону, когда вращал колесо в другую, находясь при этом в центре тяжести своего летательного аппарата.

- Верно! - взволнованно воскликнула миссис Парк. - Сохранение момента импульса. Может сработать. - Она посмотрела на Данику. - Где в этом корабле центр массы?

- Он должен быть в топливном баке, прямо над основным двигателем. - Что-то вроде идеи, казалось, щелкнуло в голове Даники, но потом она тряхнула головой. - Отсюда мы никоим образом не сможем получить туда доступ, да если бы он и имелся - бак заполнен жидким водородом.

- А что если мы все вместе прыгнем на одну сторону корабля: баланс нарушится и вы тут же включите главный двигатель? - предложила Мэдди. - Разве это не заставит его свернуть с прямой?

- Совсем чуть-чуть, - ответила Даника.

Брайсон раздраженно фыркнул:

- Недостаточно, чтобы удержать нас от крушения на Луне, пикоцефалка!

- Ой, простите, что у меня нет ИИ, который знает, как быть таким умником! - съязвила Мэдди.

- Спокойно, - урезонила их Даника. - Споры здесь не помогут.

- Здесь вообще ничего не поможет, - заявил Брайсон. - Мой ИИ умнее всех нас вместе взятых, и он рассмотрел все возможные варианты. Через тридцать шесть минут мы разобьемся. Привыкайте к этому.

Даника почувствовала, что должна выступить против овладевающего людьми отчаяния, но не могла придумать, что сказать.

- Ну а «Неумолимое уравнение»^{*18}, - прозвучал в тишине голос

¹⁸ * «*The Cold Equations*» - произведение Тома Годвина, опубликовано в журнале «*Astounding*» в 1954-м, на русском языке впервые вышло в

мистера Годфри, похожий то ли на счастливое бормотание, то ли на вздох. - Твой ИИ вычислил, скольким из нас потребуется выпрыгнуть из воздушного шлюза, чтобы поменять ориентацию корабля?

Глаза Брайсона за полупрозрачной пеленой инфовизора расширились от удивления.

- Вы это серьезно? - только и вымолвила Даника.

Мистер Годфри криво улыбнулся:

- Чертовски серьезно. Я добровольно предлагаю себя в качестве реактивной массы, но боюсь, что одного меня будет недостаточно.

- Недостаточно, - кивнул Брайсон. - Даже если мы все выпрыгнем, тоже будет недостаточно.

- Я сделал это! - воскликнул мистер Лайл. - Работает! Я полагаю...

- Что? - переспросила Даника.

- Радио. Полагаю, я посылаю сигнал SOS. - При этом мистер Лайл ритмично соединял и разъединял два проводка. - Три точки, три тире, три точки. Ти-ти-ти та-та-та ти-ти-ти!

- Значит, теперь нам надо занять свои места и ждать спасения? - с надеждой взглянула на Данику сестра Брайсона.

- Есть вероятность, что какой-нибудь рудовоз находится на соседней орбите, - предположила Даника. Она отметила, что вероятность составляет всего пять процентов, но это на целых пять процентов больше, чем у них было минуту назад.

- Если не принимать во внимание, что все грузовики стоят на приколе, потому что «идет волна шахтерских забастовок», - сказал Брайсон.

- Не надо винить в этом шахтеров, мой мальчик, - заговорил мистер Лайл. - Условия труда...

- Прекратите, - попыталась остановить его Даника.

- ...небезопасны, они связаны с огромным риском, - продолжал мистер Лайл. - Корпорация LMC получает неприлично высокие доходы, в то время как зарплата рабочих не соответствует условиям их...

Брайсон почти полностью затемнил инфовизор.

- Хватит! - прикрикнула Даника на мистера Лайла. - Сейчас это не имеет никакого значения.

Мистер Лайл замолчал.

- Вы можете продолжать посылать сигналы, хотя надежда, что кто-нибудь их услышит, слишком слаба. - Даника глубоко вздохнула. - Или можете провести некоторое время со своей женой, перед тем как все кончится.

Он перестал соединять проводки в ритме SOS и посмотрел на жену, сидящую в кресле.

- Или ты можешь делать и то, и другое, - сказала миссис Лайл. -

Продолжай, дорогой, я подойду к тебе.

Она отстегнула ремни безопасности и оттолкнулась от сиденья в сторону мужа, к середине кабины.

Но ее неопытность пребывания в невесомости сказалась, когда правая рука миссис Лайл на мгновение зацепилась за свободно болтающийся привязной ремень. Пожилая женщина начала поворачиваться вокруг себя, проплывая по воздуху, и инстинктивным движением крепко прижала руки к груди, что заставило ее вращаться быстрее.

- О, боже мой, - проговорила миссис Лайл.

Брайсон тихонько хихикнул, доказывая, что он все-таки может видеть через почти непрозрачный инфовизор.

Даника пустилась на подмогу несчастной. Она моментально представила, что миссис Лайл - космический корабль, беспомощно дрейфующий в открытом космосе, совсем как «Скользящий». Только в отличие от корабля миссис Лайл вращалась вокруг своей продольной оси...

- Уловила! - крикнула Даника, схватив миссис Лайл за руку.

Импульс пронес их через всю кабину, и Даника сумела ухватиться за один из поручней и остановить полет.

- Мы выживем, - твердо сказала Даника. - Нам надо лишь заставить корабль вращаться вокруг его продольной оси.

- Как? - спросил Брайсон.

- Примерно так, как было написано в произведении, которое упомянул мистер Годфри. Мы используем мое кресло в центре кабины и начнем вертеться вокруг него, словно в аттракционе, где цепляются и вращают себя при помощи рук. Для этого нам понадобится масса каждого из нас - пусть часть из нас прицепится к тем, кто будет в центре перебирать руками и собственно вертеть нашу «карусель».

- Рад, что моя идея помогла, - сказал мистер Годфри, - но что хорошего в том, что корабль станет вращаться по продольной оси? Его нос все равно будет указывать на Луну.

Даника повернулась к миссис Парк:

- Инерция гироскопа.

Глаза миссис Парк загорелись:

- О да, конечно. Вы все помните пример, который я продемонстрировала ранее? Он был неверным, потому что приливные силы удерживали продольную ось притянутой к Луне. Но если мы начнем вращаться относительно продольной оси, инерция гироскопа будет сопротивляться этому тяготению, как вращающийся гироскоп сопротивляется гравитации, пытаюсь перевернуться.

- Мистер Лайл, - обратилась Даника, - вы там справитесь с ловлей людей?

- Думаю, да. - Одну руку он продернул через ремень безопасности, и

Даника слегка подтолкнула его жену к центру кабины.

- Не верю, - проговорил Брайсон.

Даника остановилась на пути к следующему пассажиру:

- Почему бы и нет? Думаю, это сработает.

- То, что надо, - сказал мальчик. Он сделал инфовизор прозрачным и посмотрел на нее широко раскрытыми глазами. - Мой ИИ согласен с вами.

Двадцать восемь минут спустя, на высоте всего лишь в 160 метров от лунной поверхности Даника активировала основной двигатель. «Скользящий» стал набирать скорость, направляясь в пространство, и Луна постепенно скрылась под ним. И еще через восемь часов космоса буксир из Лунограда поймал терпящих бедствие.

Перед выходом из шлюза Брайсон остановился и повернулся к Данике:

- Я не собираюсь просить свою мать подавать на вас в суд.

Даника кривовато улыбнулась:

- Большое спасибо, надо полагать.

Брайсон пожал плечами:

- Вы знаете, что мой дед владеет «Космотехнологиями Салливана».

- Я так и подозревала, - ответила Даника.

- Он выследит, кто стоит за этим саботажем, даже если полиция с этим не справится.

Девушка кивнула.

- Дед только что построил роскошный корабль для вояжа к Сатурну, - сообщил Брайсон. - И он реально хочет взять меня с собой в первый полет.

Даника недоумевала, почему он ей все это рассказывает, но снова кивнула и улыбнулась:

- Хорошо, надеюсь, наше маленькое приключение не отвратит тебя от туризма.

- Не-а, - покачал головой парень. - Я собираюсь сказать ему, что полечу с ним только при одном условии - если он наймет вас пилотом.

Мальчик ступил в шлюз, а Даника долго смотрела ему вслед.

Перевела с английского Татьяна МУРИНА

© Eric James Stone. Attitude Adjustment. 2009. Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2009 году.

ЖУРНАЛ ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ
АНТИКВАРИАТ

**Ваш гид по рынку
Достоверная информация
и реальные цены**

Подписка:

- по каталогу ООО «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) - индекс 99438;
- по каталогу «Пресса России» - индекс 45720;
- в отделе распространения, тел.: (499) 248-7408, факс: (499)248-3811.

Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9
Тел.: (499) 248-0576 (редакция), тел.: (499) 248-7408, (495) 585-7316 (отдел распространения),
www.antik.ru, e-mail: info@antik.ru (редакция),
sales@lubkniga.ru (отдел распространения).

**ВЛАДИСЛАВ ВЫСТАВНОЙ
ХЛАМ**

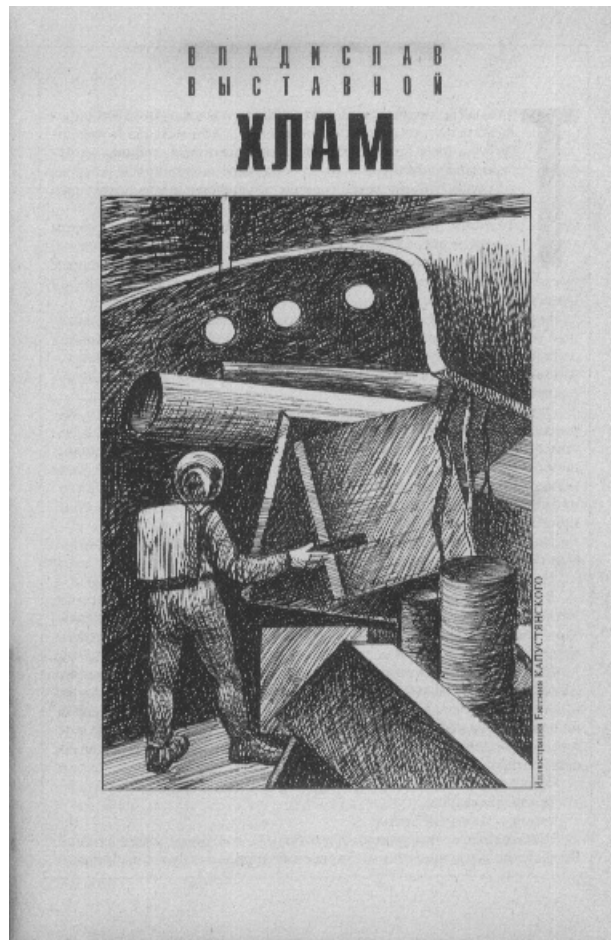

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Тусклый металлический настил под ногами ощутимо вибрировал: транспорт начинал торможение. Стон металла и тоскливый скрежет наполнили пространство отсека, забивая монотонный гул голосов. Кто-то досадливо поморщился, прервав разговор, кто-то непонимающе огляделся и вновь погрузился в бездумное оцепенение.

И лишь тощий оборванец, примостившийся на массивном выступе аварийного створа, с любопытством прислушался, оскалился гнилозубым ртом и расхохотался - диким рваным смехом, потрясая клочьями серых волос, наполняя отсек атмосферой сумасшедшего дома.

Бруно настороженно огляделся, остановил взгляд на технике, который устался в мертвый плафон и жевал потухший окурок. Вибрация должна бы вызвать у того тревогу, намекая на неполадки в силовой установке. Но ни техник, ни сгрудившиеся вдоль переборок люди не обращали на это внимания.

Здесь все было третьесортным, никуда не годным, паршивым, начиная с огромного, старого, забитого человеческим грузом корыта, ведомого третьеразрядной командой, и заканчивая «грузом» - сборищем самых бездарных и никчемных жителей Системы. Пожалуй,

даже пугающий каторжный корабль с желтой полосой по борту несет в своих трюмах больше полезного человеческого материала, чем эта прогнившая лохань.

Намного дешевле их просто умертвить, и многие из пассажиров были бы этому только рады.

Но это - только на первый взгляд.

В Объединенных Корпорациях умеют считать. Конечно, применять живую силу для переработки космического хлама крайне нерентабельно. Куда эффективнее использовать роботов: они функциональнее, быстрее, не требуют воздуха и пищи.

Но Пристанище, уже показавшееся на обзорных экранах, - столь же необходимая часть системы, как и стройная лестница корпоративной иерархии. Все карты раскрыты, пути ясны и установлены правила: на одной чаше весов - пакет акций и партнерство в какой-либо земной корпорации, на другой - полурастительное и безответственное существование на далеком астероиде. Земля прекрасна. Земля уникальна. Земля - элитный брэнд.

И потреблять продукцию этого брэнда достойны лишь лучшие. Все, что не дотягивает до установленного уровня, будет выброшено на помойку, как вышедшая из моды мебель или устаревший телевизор.

Синее небо, плеск волн, ветер - где все это?..

- Ну что, будешь играть или сразу бабки отдашь? - нетерпеливо поинтересовался смуглый человек с неприятным взглядом.

С трудом вынырнув из тягучих мыслей, Бруно осознал, что сидит на рифленой палубе с засаленными картами в руках. Мельком глянув на расклад, понял, что потерял ход игры. Бросил карты в круг игроков и сказал хрипловато:

- Пас... Пойду, пожалуй...

Тучный игрок по правую руку от Бруно с трудом повернул голову, казалось, растущую без посредства шеи прямо из туловища, сдвинул мохнатые брови и тяжело произнес:

- Куда? Мы только начали. Хочешь уйти - давай сотню...

- Нет у меня сотни... - вяло отозвался Бруно.

Слева медленно придвинулся долговязый малый в потрепанной «армейке».

- Ты что, приятель, играл без денег? - сипло поинтересовался он и обернулся к насупленным игрокам. - Слышали? Надеюсь, ты знаешь, что бывает за такие фокусы?

- Нет... - честно сказал Бруно, еще не понимая, что происходит, но чувствуя, как вдруг взмокла спина.

Бок ощутил прикосновение чего-то холодного и острого.

- Это Пространство, приятель, - припав холодными губами к уху, прохрипел долговязый, и то, острое, стало безжалостно вгрызаться в плоть - глубже, болезненнее... - Здесь цена твоей жизни - ноль. Ты

вообще понимаешь, во что вляпался?..

Мерзкий бледный рот что-то шептал, обдавая ухо болезненно-влажным смрадом, сипел и дышал, словно примериваясь, как бы вцепиться в шею. Бруно оцепенел в ужасе, не в силах ответить или просто сделать хоть что-то, оттолкнуть это жуткое чучело, броситься бежать... Но куда деться из этой ржавой цистерны, что какой-то остряк прозвал «поездом неудачников»?!

Где-то рядом беспokoйно вскрикивал косматый безумец, перемежая невнятные возгласы беспричинным смехом. Бруно на миг почувствовал себя окруженным гиенами, хихикающими в предвкушении расправы над загнанной жертвой...

- Я дам за него сотню, - сказал спокойный голос. - Отпусти его.

Долговязый нехотя поднял голову - словно вурдалак, не желающий расставаться с добычей. Острие ножа продолжало болезненно царапать бок, натягивая кожу, готовую в миг лопнуть и вывалить кишки на грязную палубу.

- Сотни мало, - ухмыльнулся долговязый. - Он не отдавал добровольно, теперь должен за моральный ущерб...

- Даю сотню, - невозмутимо повторил голос. - Или можете его прирезать и попытаться продать труп.

Бруно замер. Похоже, долговязого психопата, действительно, перестали интересовать деньги - куда интереснее было насладиться ужасом жертвы. На счастье, его мнение не разделяли другие участники злосчастной партии.

- Давай деньги и забирай его, - сказал тучный. - Это по справедливости.

В круг полетела скрученная трубочкой купюра.

- Пшел! - процедил смуглый.

Долговязый лишь криво улыбнулся и вдруг мягко отпрянул, уставившись в карты, - словно ничего и не произошло. Бруно попятился, не веря собственному везению, вскочил на ноги, повернулся... И замер, упершись в высокую неподвижную фигуру.

Старик, крепкий с виду, даже ладный. Совершенно седой, с лицом, изрезанным морщинами, словно каньонами, с прозрачными глазами, глядящими из темных провалов.

- Э-э... это вы? - пробормотал Бруно. - В смысле, спасли мне жизнь...

- Я купил твою жизнь, - с тем же спокойствием произнес старик. - Теперь она принадлежит мне.

И, словно в издевку, эхо донесло знакомый лающий смех, сорвавшийся в протяжный тоскливый вой.

* * *

- Осторожнее, Бруно! - шипел динамик. - Это кажется, что невесомость, но такой массой может и придавить!

Юрген заглядывал в темную глубину трюма, подсвечивая фонариком, и в своем армированном вакуум-сьюте казался морским чудовищем, приманивающим на свет рыбку.

Бруно погасил резак и осторожно выбрался из-под куска обшивки, собственноручно вырезанного из борта старого промыслового корабля. Металлический прямоугольник плавно покачивался на оставленной тонкой перемышке.

- Пришлось повозиться, - сказал Бруно, закрепляясь на внешней стороне обшивки. - На этой посудине какие-то странные ребра жесткости.

- Еще бы, - отозвался Юрген, цепляя лебедкой клоч, выданный из тела корабля. - Охотник за астероидами - конструкция повышенной прочности.

- Откуда вы это знаете? - проговорил Бруно, срезая перемышку и глядя, как уплывает в черноту космоса сверкающий лоскут. - Разве вы специалист по кораблям? Вы же вроде этот...

- Историк, - подсказал Юрген, и в глубине за стеклом шлема сверкнули не очень уместные здесь очки. - У космоса тоже своя история. К тому же корабли... они такие красивые...

Бруно с сомнением оглянулся. На то, чтобы разобрать эту рухлядь, уйдут месяцы. Станный он, этот Юрген. И все в бригаде Предка странные, под стать самому старику. Спорить с ними трудно - просто не хватает доводов. Наверное, потому что они знают кучу лишних вещей. Но как бы то ни было, все они здесь - на самом дне жизни, а значит, учителя правы: успех - за специалистами, не захламляющими мозг никому не нужными знаниями.

Работа в Пристанище не слишком изматывающая, но не прощает ошибок. Словно там, где принимают решения, решили заранее создать условия для сокращения издержек путем физического избавления от самых никчемных работников. Одним из первых в ритуальную печь отправили старого знакомого Бруно - того самого долговязого психопата, любителя поиграть ножиком. Он больше прочих кичился опытом работы в открытом космосе - и не замедлил вспороть себе вакуум-сьют куском рваного металла.

В задачу бригады под руководством Предка входила резка корпусов старых кораблей, которые стягивали к Пристанищу со всей Системы. Астероид давно уже превратился в гигантскую свалку, по которой можно было изучать историю освоения человеком Космоса. Только никому не было дела до этой истории.

За исключением разве что Юргена. Бруно не очень понимал, зачем она нужна, эта история. Юрген и сам с трудом мог разъяснить свою страсть, которая в итоге и привела его в Пристанище.

- Я ничего не мог поделаться, - говорил Юрген, пока в связке с Бруно они осторожно продвигались внутри огромного, изъеденного коррозией и микрометеорами корпуса. - Преподавание истории в университетах сократили. А я, между прочим, доктор наук, написал несколько книг и специализировался на археологии ранней античности. Финансирование сократили - корпорация решила реструктурировать расходы...

- И вам даже не предложили места? - удивился Бруно. - Ведь у вас степень!

- Предложили, - тоскливо отозвался Юрген. - Место старшего менеджера, социальный пакет и курсы переобучения.

- А вы? - осторожно спросил Бруно.

- А я историк! - проговорил Юрген. - Это моя жизнь. Я не виноват, что не нужен корпорации.

- Ну, прошли бы курсы и жили бы припеваючи, - сказал Бруно. - Уверен, дослужились бы до топ-менеджера. А то бы и партнером стали.

- Но зачем! Это! Мне! - раздельно проговорил Юрген. - Какое это имеет отношение к тому, что я люблю? Какие деньги, какое положение заменит это?

Бруно промолчал.

Сам он никогда толком не знал, чего хочет от жизни. Нет, поначалу, конечно, как и все, мечтал потреблять по первому разряду: менять машину не реже раза в полгода, апартаменты, бытовую технику, девушек. Он умный, упорный, сильный. Казалось бы, становись рядовым офисным работником, затем учеником менеджера, потом младшим менеджером, менеджером и так далее - вперед, по пути к успеху!

Только, как оказалось, он не хочет добиваться успеха.

То есть вообще. До отвращения. До нервных спазмов, до рвоты.

Это стало шоком. Для всех - для друзей, для знакомых, для брата. Для родителей.

Но больше всего он поразился сам.

Из него будто батарейки вынули. Некоторое время он все еще работал - по инерции, понимая, что не в состоянии состязаться с коллегами, с горящими глазами рвущимися вверх по карьерной лестнице. Он проиграл, даже не вступив в игру.

Он не боялся работы. Но единственной мотивацией в реальной жизни была та, к которой он оказался совершенно равнодушен.

Он просто не желал потреблять.

- Эй, чего задумался? - раздался в динамиках скрипучий голос Юргена. - Смотри сюда! Знаешь, что это? Это же исследовательский бот «Аметист»! Я думал, их давно не осталось. Просто глазам не верю! Ты чувствуешь ветер истории? Подумать только - и его мы должны

распилить...

Бруно смотрел на неказистую грудку металлолома, пытаюсь понять, отчего так переживает приятель. Что-то тревожно и вместе с тем сладко шевельнулось в душе.

Наверное, тогда и зародилась у него безумная идея.

* * *

В гермостворах, как всегда, бестолковая суета. Непонятно, кто уходит в Пространство, кто возвращается. Не раз уже случилось, что вылезший из вакуум-съютов персонал, даже не успевший так или иначе справиться с тошнотой после скачка из невесомости в объятия искусственной гравитации, вышвыривало обратно - в смертельную пустоту.

Кому какое дело до удобства этих скотов, опустившихся до того уровня, когда уже усомнишься назвать их людьми? Впрочем, если здешний менеджмент об этом и думал, то исключительно по причине бессильной злобы, так как его собственная работа в Пристанище сама по себе равносильна ссылке.

Подобные мысли все чаще посещали Тока Эвила, исполнительного менеджера Пространственной базы по переработке - как официально именовалось Пристанище. Каждый раз, когда от причальных створов отчаливал очередной транзитный рейсовик, он провожал его долгим взглядом, и с годами тоски в этом взгляде становилось все больше.

Поначалу работа на отдаленной космической свалке казалась неплохим стартом для успешной карьеры. Только на поверку Пристанище оказалось не стартом, а самой настоящей ловушкой. Здесь оформилось наконец циничное, но четкое понимание: карьерный рост невозможен, если некого подставить, утопить, свалить на кого-то ответственность, выслужиться на фоне чужих неудач. Наверняка его назначение сюда и было чьей-то ловкой подножкой...

Эвил перевел взгляд с монитора, следящего за муравейником гермостворов, на большое, усеянное звездами псевдоокно. Среди хаоса светящихся точек была одна, которую неизменно, с болезненной жадностью выхватывал взгляд, отслеживал ее медленное перемещение и не мог насытиться зрелищем.

Эта крупная звездочка - Земля. Мечта, ставшая навязчивой идеей, не дающая покоя.

Кстати, как там насчет Земли?

Эвил щелкнул ногтем по уху - на гибкой скобе, напоминающей впившегося в мозг инопланетного паразита, примостился коммуникатор.

- Что там со связью?

На том конце замялись, принялись шуршать и скрипеть.

- Не слышу ответа! - брюзгливо сказал Эвил, обходя пространство кабинета - довольно обширное по меркам Пристанища.

- Связи пока нет, - неохотно отозвался скрипучий голос. - Причины выясняем.

- Выясняйте быстрее! - раздраженно бросил Эвил. - Еще утром нужно было отослать отчет! Я вас штрафами замучаю!

- Но причина не у нас! - запротестовал голос. - Может, с ретранслятором что или со спутником. Метеор, солнечная активность...

- Все, хватит! - буркнул Эвил. - Выясняйте!

Не важно, в чем причина неполадок, важна задержка отчетов. И как бы там ни было, он окажется крайним. Крайним всегда оказывается тот, кто внизу. Или вне пределов досягаемости. А значит, шансов выбраться отсюда станет еще меньше...

Чтобы отвлечься, Эвил придвинул к себе папку с личными делами. Следовало бы разобраться с этим раньше, но служебное рвение давно уже покинуло исполнительного менеджера. Он равнодушно тасовал колоду карточек, пока взгляд его не зацепился за одно из лиц. Машинально сбросив на стол еще несколько карт, исполнительный менеджер замедлил движения, замер. И стал неторопливо перемещать «дела» обратно, пока в руках его не оказалась то - с лицом, вызывающим какие-то смутные ассоциации...

Он провел картой перед ридером. Устройство пискнуло, подтверждая считывание, монитор высветил облик, по правую сторону поползла колонка текста.

- С ума сойти... - прошептал Эвил, вглядываясь в фотографию, увеличенную до размера экрана.

* * *

Бытовой блок «Бригады-47» просто вырублен в камне. Стены сохранили следы буровой машины, источившей астероид, как проволочник - картофельный клубень. Бруно смотрел на дверь, но выходить не хотелось. Он просто сидел в сторонке, наблюдая за Предком и Юргеном, склонившимися над шахматной доской. Обитавший в отсеке кот по кличке Айвенго тоже некоторое время неподвижно следил за фигурами тем глазом, что не был прижат к уютной трубе обогревателя, пока не задремал, очевидно, разобравшись в безнадежности партии. Юрген проигрывал и мучительно морщил лоб, тогда как старик выглядел совершенно невозмутимым. Другим Бруно его и не видел - начиная с момента, когда тот спас его от расправы.

Зачем старик это сделал, так и осталось загадкой. Бруно по-прежнему

чувствовал себя чужим среди обитателей блока. Даже те негодяи-картежники, готовые порезать его на кусочки, были куда понятнее.

Вот, скажем, этот унылый бородач, примостившийся у стены с задумчивым видом. Зовут его Хьюго, и он ни много ни мало философ. Смешное слово. Поначалу казалось очевидным, что его тоже вышвырнули за ненадобностью и за отказ от полезного труда во имя всеобщего потребления. Но оказалось, все еще нелепее.

- Я здесь как раз по своей воле, - как-то за ужином обмолвился Хьюго.
- Земное общество построено рабами и для рабов. Одни - рабы собственной работы, другие - денег. А все вместе - рабы хлама. Хлам заправляет обществом, повелевает людьми и их желаниями. Пристанище - единственное место, где можно оставаться свободным.

Подмигнул и стал прихлебывать кофе с видом самого счастливого в Пристанище человека.

Бруно сразу же решил, что этот Хьюго - псих. При чем здесь какой-то хлам? Как можно называть рабом акционера, скажем, корпорации Дельта?! И как можно быть свободным в этой каменной клетке?!

Философ лишь посмеивался в бороду на горячие доводы Бруно.

- Я всегда мечтал оказаться в таком месте, - говорил он. - Жить просто, не растрачиваясь в погоне за успехом, заниматься простым физическим трудом, который не мешает размышлять, и не получать упреков в том, что ты живешь не так, как остальные...

Последнее показалось Бруно истинной причиной, приведшей Хьюго в Пристанище: кто-то «в той жизни» просто мешал философу жить так, как ему хотелось. Возможно, ему досаждала сварливая жена. Тогда неудивительно: из-за неудачного брака некоторые вообще сводят счеты с жизнью.

В ответ на это предположение философ расхохотался - искренне, от души, со слезами и содроганиями, расплескивая кофе из кружки, даже похлопал Бруно по плечу, будто в знак благодарности. Бруно тогда ничего не понял и обиделся.

В блоке обитали еще двое, которых за глаза называли «богемой». Первый, Ян, был художником и явно посредственным, так как рисунки в его карманном альбоме были неказисты и грубы, портреты выходили совершенно не похожими на оригиналы, И, что удивительно, сам Ян с легкой грустью признавал:

- Да, я бездарность. Но что поделать, если я жить не могу без этого...

Но вот второго представителя «богема» - Лоуренса - Бруно никак не мог понять. Тот не снимал массивных наушников со встроенным плеером, часами сидел неподвижно, словно выключенный из реальности.

Лоуренс был композитором. По словам Юргена - первоклассным. Когда-то сочинял популярную музыку, сплошь хиты, что прекрасно продавались и с удовольствием потреблялись публикой. Но со

временем его музыка стала продаваться хуже, пока не оказалась совершенно ненужной.

- Что же, он стал сочинять плохую музыку? - спросил Бруно у Юргена, сдавшего безнадежную партию и подсевшего рядом, на скрипучий диванчик.

- Напротив, - Юрген скосился в сторону Лоуренса. - Слишком хорошую. Настолько хорошую, что потреблять ее способны лишь единицы.

- Почему бы ему не сочинять музыку попроще - ту, что хорошо потребляется? - простодушно поинтересовался Бруно.

Юрген странно посмотрел на Бруно. Проговорил:

- Ты, правда, не понимаешь? Лоуренс сочиняет то, что сочиняется, а не то, что лучше потребляют. По той же причине, по какой рисует Ян. Только Яну не повезло - таланта маловато, а Лоуренс - гений. Но в одном оба совершенно похожи - никому не нужны, но просто жить не могут без своего дела.

Юрген помолчал немного и сказал тихо:

- Все мы здесь ущербные. Но хорошо, когда хоть что-то придает жизни смысл...

Он осекся и покосился на Бруно. Спросил неуверенно:

- А у тебя... Есть у тебя что-то такое?..

И замолчал, запнувшись.

- Честно говоря, раньше я понятия не имел, что мне нужно от жизни, - медленно произнес Бруно. - Но теперь знаю, так четко и ярко, как никогда ничего не знал. Я хочу на Землю.

* * *

Своим замыслом он решился поделиться лишь с Юргеном. Они снова ползли по корпусу обреченного на распил корабля, как муравьи по трухлявому пню. В месте, где от корпуса отходил объемный пилон с выгоревшей маркировкой и остатками систем связи, в Пространство торчала длинная штанга - будто удочка, выброшенная за борт лодки. Бруно осторожно оттолкнулся, оторвав магнитные подошвы от корпуса, и медленно поплыл вдоль штанги - прямо в Пространство. Юрген принялся судорожно ловить страховочный фал.

- Осторожно! - беспокойно крикнул он. - Хватайся!

Но Бруно позволил себе сполна насладиться свободным полетом, прежде чем ухватился за скобу на самом конце штанги. При этом его эффектно развернуло.

- Прыгайте сюда, Юрген! - позвал Бруно.

- Сумасшедший! - пробормотал историк.

Он судорожно вцепился в кабель, лианой обвивший штангу, и

медленно пополз к Бруно, нелепо болтая ногами, норовившими обогнуть голову. Бруно хохотнул и подтянул страховочный фал.

- Ну, что ты хотел показать? - раздраженно спросил Юрген. Здесь, на верхушке штанги, вдали от иллюзорно безопасного корпуса, он чувствовал себя неуютно.

Хотя вид открывался и впрямь потрясающий.

Огромный булыжник астероида отсюда почти не виден, его скрывали фермы причальных сооружений, сложные системы кранов и монтажных манипуляторов, но главное - бесконечные ряды старых кораблей. Часть из них была наполовину разобрана, на их поверхности сверкали искорки резаков. Торчали в Пространство оголившиеся ребра жесткости, как внутренности китов или старинных дирижаблей. Но многие корабли сохранили величественный, стремительный вид, и время лишь добавило красок, подчеркивая красоту и мощь. Далекое крохотное Солнце подсвечивало их бережно и мягко, и в этом последнем пристанище космических скитальцев царил вечный закат...

- Пиратская гавань... - пробормотал Юрген. - Тортуга...

- Что? - улыбаясь, спросил Бруно.

- Книжки читать надо, - мягко усмехнулся Юрген. - Ладно, спасибо за зрелище, работать пора.

- Я еще не сказал... - Бруно жестом остановил Юргена.

Юрген замер в ожидании. В затемненной глубине вакуум-шлема не увидеть лица, что там - нетерпение, насмешка, любопытство? Какое это имеет значение.

- Я хочу на Землю, - сказал Бруно.

- Ты говорил, - отозвался Юрген.

- Вы не понимаете! - нетерпеливо выдохнул Бруно. - Я хочу улететь отсюда!

- погоди... - медленно произнес Юрген. - Если ты хочешь вновь повысить свой потребительский статус - у тебя есть шанс. Для начала надо подняться до уровня бригадира.

- Я не хочу поднимать свой статус, - сказал Бруно. - Просто хочу улететь.

- Кто же тебя выпустит?

- А кто меня удержит? - С трудом сдерживая волнение, Бруно указал вниз: - Это же корабли! Корабли! Каждый из них может лететь! Куда угодно! Когда угодно!

Его прервал добродушный смех Юргена:

- Вот ты о чем, мальчик... А я-то думал... Ты и впрямь решил, что тебе первому пришла в голову такая мысль? А для чего, по-твоему, прежде чем притащить сюда, с кораблей снимают силовые установки? Что такое корабль без двигателя?.. Да бог с ним, с двигателем. А навигация? Ты представляешь себе, где находится Земля? А как проложить курс? Ты хоть знаешь, что такое орбита? Или собираешься

лететь по прямой? Насмешил, ей-богу...

Юрген явно ощущал облегчение и, посмеиваясь, стал пятиться вниз по штанге.

Бруно не шелохнулся.

- Эй, чего ты там замер? - позвал Юрген. - Идем работать! Хочешь лет через десять на Землю - работать надо уже сейчас.

- Я не хочу через десять лет, - тихо сказал Бруно. - И даже если мне не помогут, если я вообще останусь один, знайте: я все равно улечу.

* * *

В развлекательном центре было многолюдно, шумно, накурено, и Бруно с непривычки задыхался, хватая ртом воздух, как выброшенная на камни рыба. Он нервничал. Озирался и беспричинно вздрагивал, напоминая себе шпиона из дешевого детектива. Он даже не представлял толком, кто и зачем может за ним следить. Ведь Юрген в чем-то прав: сама по себе идея сбежать с астероида выглядит дико.

- Здорово, - проговорил сиплый голос, обдав Бруно острым запахом перегара и табака. - Это ты меня искал, что ли?

Рядом, за длинный и не слишком чистый стол, имитирующий дерево, подсел плохо выбритый мужчина неопределенного возраста, с прожилками седины в свалявшихся волосах.

- Вы Хансен? - спросил Бруно, подталкивая к новому соседу запотевшую кружку пива. Рядом дружно рявкнуло несколько глоток: кто-то сорвал изрядный куш в покер.

- Он самый, - отозвался гость, с удовольствием отхлебывая холодную хмельную жидкость. Синтетическое пиво - необходимый жизненный минимум, круглосуточно доступный в Пристанище.

- А вы и вправду техник? - усомнился Бруно.

- А что тут такого? - дернул плечом Хансен.

- По пространственным силовым установкам? - уточнил Бруно. - Вас рекомендовал Нелюдь из седьмой бригады...

Техник вздрогнул, и пиво струйкой побежало по подбородку.

- А зачем тебе? - спросил Хансен. Спрятавшись за равнодушной миной, он неторопливо высасывал вторую кружку. Острый кадык с неопрятной щетиной отвратительно дергался вверх-вниз.

- Я бы тоже хотел стать техником, - ответил Бруно. - Думал почерпнуть опыта.

- Врешь, - заявил Хансен. - Никто не хочет стать техником. Все хотят быть менеджерами.

- А я не все, - набычился Бруно. - Я вам заплачу... Немного, но заплачу.

Хансен хмыкнул и, не отрываясь от кружки, покосился на Бруно. Вытер

грязным рукавом рот, подманил собеседника пальцем и сказал негромко, хитро поглядывая по сторонам:

- А хочешь, я скажу, что ты задумал?

- Что? - Обмер Бруно, чувствуя, что краснеет.

- Ты решил сбежать отсюда на одной из этих старых калош! - Техник жадно вгляделся в глаза Бруно и, ткнув в него пальцем, радостно воскликнул: - Я ведь прав?! Прав?!

Бруно готов был провалиться сквозь каменный пол, прямо в равнодушное Пространство.

Конспиратор! Заговорщик! Шпион из захудалой комедии...

- Тише вы, - упавшим голосом произнес Бруно. - Ну, решил. И что такого?

Хансен покачал головой и вернулся к кружке, продолжая посмеиваться. Наконец снова повернулся к Бруно. Взгляд его уже заметно плыл, но речь оставалась связной.

- Я не спрашиваю, куда ты собрался лететь отсюда... - начал было Хансен, но Бруно сказал быстро:

- К Земле!

- К Земле... - повторил техник. - Я даже не буду говорить, что бегство бессмысленно: перехватят и вернут. Или зашлют еще дальше. Но, скорее всего, ловить будет просто некого. Здесь нет кораблей, один хлам, который гарантирует, что до Земли долетит - если долетит - лишь твой заледеневший труп. Но даже этот разговор не имеет смысла. Потому что на этом хламе просто-напросто нет реакторов...

- На одном есть, - тихо сказал Бруно. - Иначе я не искал бы встречи с вами.

- Как интересно, - равнодушно сказал Хансен.

- Это старый исследовательский бот, типа «Аметист».

- О боже, какая рухлядь! - хохотнул Хансен. - И... я не говорил тебе? Это автомат! Как ты собираешься на нем лететь?

- Я и не собирался лететь на нем, - оживился Бруно. - А что если взять его двигатели, а корпус собрать из того, что есть? Материалов навалом, есть целые модули: кабины управления, жилые отсеки... Некоторые старые танкеры использовались под орбитальные свалки, и в трюмах есть все, что угодно! Скомпоновать вместе - вот и получим корабль! Я столько корпусов излазил изнутри и снаружи, так что просто уверен - это реально!

- Ты сумасшедший, - качая головой, тихо сказал Хансен. - Или дурак. Это же Пространство! Оно не прощает дилетантов.

- Потому я и прошу вас помочь, - настойчиво сказал Бруно. - Может, вы еще кого знаете?

- И даже если не взорвется протухший реактор... - вяло отмахнулся Хансен. - А системы жизнеобеспечения? А посадка? Все это просто развалится и сгорит.

- Никто не говорит о посадке, - сказал Бруно. - Доберемся до земной орбиты, а там кому-то просто придется нас снять.

- Чего болтать с идиотами? Только время терять, - техник неуклюже выбрался из-за стола и поковылял прочь.

- Я заплачу... - пробормотал Бруно.

Некоторое время он сидел, уставившись в стол, сжимая кулаки и скрипя зубами.

Если он останется один... Это же столько работы!.. Что ж, пусть даже взорвется этот чертов реактор. Если уж так суждено, что поделаешь! Вопрос в другом: где достать монтажное оборудование и хороший герметик?

* * *

Оказавшись один на один с многотонными грудями металла, Бруно ощутил чувство тоскливой безнадежности. Глядя на пришвартованный к причальной штанге «Аметист», Бруно старался не думать об объеме предстоящих работ. Он запретил себе даже в мыслях произносить слово «невозможно». Вместо этого прикинул, где начать резать, чтобы освободить силовую установку, как подтянуть сюда бытовые модули с разобранного неподалеку рефрижератора, куда приткнуть пилотажную кабину.

Странное дело: работая до изнеможения, ворочая массивные элементы и теряя зрение от бесконечных сварочных вспышек, он обрел спокойствие. Он чувствовал угрюмое удовлетворение, глядя, как растет неказистая конструкция, воплощающая почти неосуществимую мечту.

Для него стало нормой возвращаться в блок за полночь. Он осунулся, стал молчалив и угрюм. В блоке же на причуды «молодого» не обращали внимания. Или же старательно делали вид, что не обращают.

...Далеко за полночь уставший Бруно шел по боковому туннелю, когда навстречу из-за поворота степенно вышел Айвенго.

- А ты что тут делаешь? - удивился Бруно. - На крыс охотишься?

Он присел, погладил кота за ушами, и тот снисходительно позволил это, раззявив пасть, но поленившись мяукнуть. До Бруно донеслись голоса, и один он узнал сразу: голос принадлежал Предку. Второй тоже показался знакомым. Бруно прислушался.

- ...В общем, ничем не могу вам помочь, - сказал Предок. - Вы знаете, в каком я положении.

- Но это же условности, - вкрадчиво говорил второй. - Для вас, по крайней мере. Вы можете...

- Я ничего не могу, - отрезал Предок. - Тем более вы сами говорите:

перебои со связью...

- Связь наладят в самое ближайшее время. В свою очередь, я готов оказать вам любые доступные услуги: питание по высшему разряду, обстановка, удобный график или же полное освобождение от работ.

- Вы, кажется, так и не поняли. Все, о чем вы говорите, я мог бы получить ТАМ. А я здесь. Стало быть, на то есть причины.

- Поймите, мне так нужно на Землю...

- Здесь всем нужно на Землю.

- Да, но...

- Простите, мне нужно найти своего кота.

- А хотите, я достану для вашего кота кошку?

- Вы идиот!

- Как вам угодно. Но, прошу вас, подумайте...

Бруно едва успел вскочить на ноги, как на него чуть не налетел Предок. Следом семенил человек, в котором Бруно с изумлением узнал высшее руководство Пристанища - самого исполнительного менеджера.

Уже войдя в блок, бросив у железных шкафчиков тяжелый баул со снаряжением, Бруно спросил у сонного Юргена, примостившегося в уголке с потрепанной книгой:

- А с чего это руководство заискивает перед Предком?

- Как это? - не понял Юрген.

Бруно коротко пересказал услышанное, пожал плечами:

- Чего он хочет от нашего старика?

Юрген усмехнулся, покосился на Предка, который хмуро возился с чайником у металлической стойки в противоположном конце блока. Проговорил:

- Ну, как бы тебе сказать... Это, конечно, не мое дело, но раз уж зашел разговор... Старик наш не очень-то охотно распространяется на свой счет, и тому есть причины. Предок-то - не чета нам. Скажем, мы с тобой - просто вторсырье. А Предок... он альфа и омега этого мира.

- Что? - не понял Бруно.

- Один из них... - Юрген ткнул пальцем в потолок. - Главный потребитель.

- За что же его сюда... - пробормотал Бруно. В горле его пересохло.

- Ни за что, - сказал Юрген. - Он сам.

- Совесть заела? - не без язвительности поинтересовался Бруно.

- Может, и так, - не стал спорить Юрген. - Что мы знаем о небожителях и их причудах? Возможно, решил развлечься. Или наказать себя. Пройти всю эту лестницу до конца - только наоборот. Ты же видел: все сюда попадают по-разному. И у каждого есть причина.

Бруно не мог понять: как можно по какой-то нелепой прихоти отказаться от настоящего синего неба?..

* * *

Эвил не находил себе места.

Связи не было. Транспорт с Луны так и не пришел. Исполнительный менеджер старался держать себя в руках, не позволяя никаких пугающих фантазий на эту рискованную тему. Но обстановка не позволяла расслабиться.

Среди работников нарастает беспокойство. Следом придет паника. А паника на космической базе - штука страшная. Страшнее может быть только открытый бунт.

Сегодня он побывал в жилом секторе. Неофициально, разумеется, надеясь, что на него не будут обращать внимания, не ожидая увидеть его среди «простых смертных».

Поселенцам и впрямь было не до него. Атмосфера всеобщего веселья захватила туннели. Двери кабаков и зланных салонов распахнуты настежь, но разошедшейся толпе этого мало: центральный туннель заполнен веселящимися, орущими людьми, визжащими девками. Ревет музыка, неподвижно валяются те, кто уже не в состоянии продолжать веселье, напоминающее какой-то inferнальный карнавал в предчувствии большой беды.

Уже вернувшись в свой кабинет, он некоторое время приходил в себя, нервно глотая воду - стакан за стаканом. После чего вызвал к себе заместителя и, выдержав паузу, негромко сказал:

- У нас не остается выбора. Необходимо активировать план «Ресет».

Выпроводив перекошенного, побледневшего зама, Эвил долго сидел в оцепенении, наблюдая за хаосом, постепенно захватывающим экраны камер наблюдения.

Пока одно изображение не заставило его взглянуться внимательнее.

- Что, черт возьми, там происходит? - недоуменно пробормотал Эвил и потянулся к пульту управления камерами.

* * *

В вакуум-холле перед блоком гермостворов пугающе тихо. За мутным стеклом номерных ячеек длинными рядами висят вакуум-сьюты, и по их количеству можно судить, сколько народу решило сегодня не выходить на работу.

Бруно огляделся, нахмурился, пытаясь сообразить, что бы это значило, но ничего в голову не пришло. Похоже, погрузившись в собственный напряженный график, он здорово выпал из жизни Пристанища.

- Выходной, что ли? - пробормотал он, недоуменно дернув плечом.

Вытащил из ячейки тяжелый чехол с инструментом и принялся сонно напяливать вакуум-сьют.

- Вы только посмотрите, какой трудолюбивый молодой человек! - раздался за спиной насмешливый голос.

Бруно вздрогнул, обернулся. Он даже не заметил, как вошли эти двое.

- Хансен? - пробормотал Бруно.

- Он самый, - хмыкнул старый знакомый. - Тебе все еще нужен механик по силовым?

Бруно медленно кивнул, перевел взгляд на второго - в противоположность Хансену жилистого, подтянутого, с отдающими синевой глазами.

- Знакомься, это Вадим.

Бруно молча поглядел на дружелюбно протянутую руку. Нехотя пожал, чувствуя странную ревность к своей тайне, помимо его воли перестававшей быть таковой.

- Хочется взглянуть на твою работу, - сказал Вадим. - Честно говоря, даже не верится...

- Забыл сказать, - вставил Хансен. - Он пилот. Бывший пилот, разумеется...

Некоторое время Хансен с Вадимом осматривали импровизированную «верфь», ползая вокруг, как любопытные насекомые. Бруно же завис в отдалении, чувствуя себя как на экзамене. Всю его былую уверенность как рукой сняло: молчание специалистов не сулило ничего хорошего.

Наконец раздался голос Вадима:

- Ну, что вам сказать, молодой человек... Задумано смело. Только центровка нарушена - такая штукавина будет неуправляема. Потом, вот здесь и здесь корпус не выдержит нагрузки. А вот тут никак не сохранить герметичность. Непонятно, где проложить кабели системы управления... И связь: необходимо установить антенные пилоны. Ну и система жизнеобеспечения... Да еще много чего... Нет, это никуда не годится... Как хоть называется?

- Что называется? - не понял Бруно.

- Ну, имя есть у корабля?

Бруно несколько опешил. Об этом он как-то не думал.

- Какое там имя... - пробормотал он. - Хлам - он и есть хлам.

- Не самое удачное имя для того, чему доверяешь свою жизнь, - заметил Вадим. - Но дело хозяйское. «Хлам» так «Хлам». Выглядит, по крайней мере, соответственно...

Бруно нервно усмехнулся.

- Впрочем, для полетов вне атмосферы это не так важно, - добавил Вадим.

- Тем более что все придется переделывать, - донесся скрипящий помехами голос Хансена. - Силовая установка почти издохла - разгон и торможение затянутся. Так что лететь долго придется. Нужно

рассчитать, на сколько хватит регенераторов. Потом вода, пища... Сколько народу везти собрался? Расчеты у тебя какие-нибудь есть?

- Нет... - растерянно пробормотал Бруно. Ему вдруг стало стыдно за собственную самонадеянность.

- Понятно, - отозвался Вадим. - Хорошо, что мальчонка не успел улететь без нас.

- А он бы и не смог, - заметил Хансен. - Кто бы ему подсказал, как расконсервировать реактор?

Бруно пропустил мимо ушей несколько малопонятных технических реплик, которыми обменялись его неожиданные спутники, и заявил с вызовом:

- Слушайте, если вы хотите, чтобы я отказался от своего плана, то у вас ничего не выйдет!

Вадим усмехнулся и сказал туманно:

- К сожалению, при всем безумии твоего замысла отказываться от него было бы несвоевременно.

- О чем вы? - недоуменно спросил Бруно.

- Видишь ли, какое дело, малыш, - сказал Хансен. - У нас просто нет выбора.

* * *

К проекту Бруно постепенно присоединились и остальные обитатели сорок седьмого блока. Все, за исключением Предка. Этому способствовали неприятные новости, расползающиеся по Пристанцищу.

Поговаривали, что связь с Землей так и не восстановлена. Не прибыл уже третий по счету транспорт с продовольствием и товарами для развлекательного центра. Менеджменту базы нечего было сказать населению, и его молчание воспринималось как подтверждение самых худших опасений. Над всеми прочими возобладала нехитрая мысль о том, что корпорациям надоело содержать нерентабельную базу и про нее решили просто забыть, оставив ее обитателей подыхать от голода. Все чаще становилось известно о беспорядках - и не только в развлекательных кварталах. В прекративших работу глубинных цехах стали находить мертвых. Несколько тел имели следы зверских издевательств. Стали поговаривать о появившейся в недрах астероида сатанинской секте. Нервы у людей не выдерживали, и в Пристанцище поселился страх.

И некогда безумная идея Бруно обрела теперь совсем иной, куда более ясный смысл.

Корабль собирали в спешке. Никто, даже опытные Вадим и Хансен, не мог поручиться за то, что он не взорвется, едва отчалив от астероида, или просто не развалится на полпути. Но теперь об этом думалось в

последнюю очередь. Пристанище становилось местом куда более опасным, чем открытый космос.

В какой-то момент Хансен предложил загрузить продовольствие и воздух на еще недостроенный корабль - эти ресурсы могли вскоре стать предметом нешуточных столкновений.

Как и следовало ожидать, суета в гермостворах не осталась незамеченной. Бригадир не ко времени активной сорок седьмой бригады вызвали к руководству.

- Значит так, - сказал Предок. - Я иду к исполнительному. Наверняка тот считает, что я заодно с вами. А следовательно, у вас осталось не больше двух часов на подготовку и старт - пока я буду общаться с ним. Вряд ли он думает, что вы улетите без меня.

- Два часа? - проговорил Бруно недоуменно. - Это невозможно!

- Постарайтесь, - глухо сказал Предок, обращаясь к Бруно. - Попробуй хоть раз в жизни поступить правильно.

Бруно беспомощно посмотрел на товарищей. Те были растеряны не меньше, искать у них поддержки не приходилось.

- Может, обойдется? - с надеждой предположил Юрген. - Ну, вызвали, ну, сделают замечание...

- Не то время, чтобы отделаться замечанием, - сказал Предок. - Если вы верите в свои шансы - улетайте. И постарайтесь прислать помощь: люди продержатся здесь не больше трех месяцев. Если не перебьют друг друга до этого.

- Что скажете? - проговорил Юрген, едва Предок скрылся за дверью.

- Корабль не готов, - сказал Бруно. - Реактор, слава богу, запустился, но системы протестировать мы не успели. Герметичности тоже пока нет. С управлением беда, и Вадим еще не рассчитал курс.

- Предлагаю обсудить это у створов, - сказал Юрген. - Вадим с Хансеном уже должны быть там.

- А я не хочу улетать, - завил Хьюго. - Уверен, происходящее здесь - просто массовый психоз. Это пройдет... рано или поздно...

- Или ты просто боишься? - тихо спросил Ян. - Зачем же ты работал со всеми?

- Работа дарит покой, - пожал плечами философ. - Но на Земле мне делать нечего. Впрочем, я помогу вам подготовиться.

Он похлопал по плечу Лоуренса, как всегда погруженного в мир звуков. Тот, не снимая наушников, огляделся и послушно поднялся. Бруно решительно двинулся к выходу. Следом потянулись остальные. Последним, спрыгнув с кресла, засеменял Айвенго.

Хансен с Вадимом действительно уже ждали, успев облачиться в вакуум-сьюты, пока что с поднятыми «забралами» стекол.

Выглядели они растерянными. Бруно не сразу заметил еще две фигуры, присутствовавшие в вакуум-холле, - они оказались за спиной у вошедших.

Это были Предок и исполнительный менеджер собственной персоной. Старик выглядел, как всегда, невозмутимым; исполнительный менеджер был смертельно бледен и явно нервничал.

- Так... - проговорил он, выходя в центр холла и касаясь сенсорного браслета на запястье. - Все здесь? Прекрасно. В таком случае я заблокирую вход, чтобы никто не помешал нашей беседе.

Бруно ощутил, как краска хлынула ему в лицо, перед глазами все поплыло, кулаки сжались до хруста, до боли. Юрген крепко ухватил его за плечо, не давая броситься на незваного гостя.

- Не надо волноваться, - сказал исполнительный менеджер. - Для тех, кто не знает: моя фамилия Эвил и данная база формально находится в моем подчинении. Почему формально? Как вам известно, связь с Землей прервана. Прошли критические сроки, три транспорта игнорировали нас, и сейчас мы фактически отрезаны от остального человечества. В лучшем случае всем нам грозит голодная смерть, в худшем - гибель от удушья. И вот я совершенно случайно узнаю, что какие-то смельчаки прямо здесь, на нашей помойке, строят... что бы вы думали? Корабль! Вначале я не поверил, уж больно походило на дурацкую шутку. Потом получил подтверждение - и, представьте, долго не знал, как поступить. До последних часов, когда ситуация стала слишком опасной...

Он сделал паузу. Никто не решался нарушить тишину.

- Для информации: это я позволил вам достроить корабль.

- Позволил?! - в ярости прорычал Бруно, но Юрген еще крепче вцепился в него.

- Он не достроен, - глухо сказал Хансен.

- Практически достроен, - уверенно возразил Эвил. - Я лично вел наблюдение, прослушивал ваши переговоры. К сожалению, я больше не могу ждать: ситуация на базе окончательно вышла из-под контроля.

- И что же, вы намерены остановить нас? - с неприятной усмешкой поинтересовался Вадим. - В одиночку?

В этой усмешке послышалась угроза. Бруно мельком окинул взглядом товарищей. Ничего не стоит прямо сейчас разобраться с чертовым менеджером и, если он встанет на пути, просто выбросить в Пространство.

- Ну что вы, - нервно улыбнулся Эвил. - Напротив... я бы хотел лететь с вами. Прямо сейчас.

Наступило тягостное молчание.

- У меня с собой важные документы, - сказал Эвил, похлопывая по тонкому серебристому кейсу. - Мне срочно нужно на Землю. Кстати, оказав мне помощь, вы сделаете себе неплохое алиби. И я буду ходатайствовать...

- Не несите ерунды! - презрительно бросил Предок. - Вам нужно оставаться здесь. От вас зависят жизни тысяч людей, ваша задача

навести здесь порядок, организовать жизнедеятельность поселения так, чтобы они смогли дожидаться спасения. Не беспокойтесь: эти ребята обязательно долетят и пришлют помощь. Не знаю, зачем вы притащили меня сюда...

- Чтобы вы летели со мной! - сверкнув глазами, зло выдохнул Эвил. - Мне не простят гибели члена совета директоров, пусть и вообразившего себя мучеником.

- Я никуда не полечу, - пожал плечами Предок. У ног его с самым непосредственным видом вился кот. - Вы идиот, Эвил.

- Нет, я не идиот, - рассмеялся Эвил и положил правую руку на запястье, чуть повыше сенсорного браслета. - Уж вы-то знаете, что такое план «Ресет»...

- Вы не посмеете... - проговорил Предок, бледнея.

- Я не посмею? - искренне удивился Эвил. - А как посмели вы - те, кто разрабатывал этот план? Я действую по вашей инструкции!

- Я голосовал против, - проговорил Предок.

- Я всего лишь исполнитель! - выкрикнул Эвил, и глаза его осветились нездоровым блеском. - Я буду засыпать спокойно, зная, что исполнил все согласно инструкции! Мне даже дадут повышение! А как будете жить вы, вы все?!

- Что это за план? - быстро спросил Вадим, не отрывая взгляда от Эвила.

- Очищение жизненного пространства, - быстро сказал Предок. - Мгновенная принудительная разгерметизация. Это предусмотрено на всех внеземных объектах - на случай беспорядков, эпидемий и тому подобного. Когда решение проблемы другими путями резко выходит за пределы рентабельности. Чистая экономика... она всегда за пределами этики...

- Мне достаточно коснуться панели - и на вашей совести пять тысяч ни в чем не повинных людей, - быстро сказал Эвил. - Перепад давления - и куча замороженных трупов. Кстати, если я погибну или же браслет покинет мою руку, произойдет то же самое.

- Это чудовищно! - потрясенно произнес Ян.

- Именно, - кивнул Эвил. - Я не настолько кровожаден. Все, что нужно, чтобы предотвратить трагедию, это просто взять меня на борт. И его тоже.

Он кивнул в сторону Предка.

- Вам это не сойдет с рук, - пообещал старик, пристально разглядывая исполнительного менеджера.

- На Земле разберутся, - отозвался Эвил.

- Системы жизнеобеспечения не потянут такое количество людей, - сказал Хансен. - Допустим, один резерв есть. Но двое...

- Пусть он останется! - Эвил ткнул пальцем в Бруно.

Такого Бруно не ожидал. У него подкосились ноги.

- Нет... - проговорил он, - нет...
- Придется! - жестко сказал Эвил и потянулся к браслету.
- Никто не останется! - решительно заявил Вадим. - Резерва достанет на троих.

Это была ложь, но никто не стал спорить. Пилот решил не выпускать инициативу из рук и принялся отдавать распоряжения - спокойно, словно не затесался в сложившуюся команду внештатный мерзавец.

- Не будем терять времени. Надеваем вакуум-сьюты. Хансен, проверь у всех показания тестов. Берем по два резервных дыхательных комплекта. Юрген, я в тридцать второй ячейке на всякий случай припас запасной кислородный блок. Прихвати...

Предок сразу же выбрал себе вакуум-сьют не по размеру. Хансен хотел возразить, но запнулся, когда старик засунул за пазуху кота. Тот не сопротивлялся и, обреченно обмякнув, исчез в глубине легкого композитного каркаса.

* * *

Не так Бруно представлял себе это путешествие. Не было ощущения пространства, полета, разгона и торможения. Весь долгий путь заполнила мучительная борьба за жизнь.

«Хлам» так и стартовал - уродливый, недоделанный, с горами материала, наваленного внутрь корпуса. Похожий больше на результат чудовищной катастрофы, нежели на космический аппарат, он медленно набирал скорость, разгоняемый непропорционально маленькими двигателями. Огромных усилий стоило стабилизировать полет: корабль упорно норовил крутнуться вокруг смещенного центра массы.

Дальше - больше: Вадим был пилотом и о навигации имел лишь общие представления. Но, кроме него, полагаться было не на кого: даже бортовой компьютер, «пересаженный» от ловца астероидов, не слишком помогал, страдая в старости компьютерной шизофренией.

Первые сутки безвылазно провели в вакуум-сьютах, пока не удалось добиться относительной герметичности. Еще пару часов мучительно искали источник утечки и наконец обнаружили крохотную трещину в почти недостижимой точке. Хансен залил ее герметиком из массивного баллона.

Долго выравнивали давление: чтобы не испытывать на прочность прогнившие старые борта и сварные швы, среду в корабле создали максимально разреженную. Искусственное тяготение также включили лишь на треть и только в бытовом модуле.

Шлемы открывали с опаской, долго принюхивались к странной, отдающей химией атмосфере. Больше всего Бруно почему-то

переживал за кота, пропавшего в глубинах вакуум-съюта Предка. Но зверя извлекли на свет вполне живым, только помятым, сонным и, похоже, недовольным тем, что его побеспокоили.

Еще не осознав, что они совершили немислимое, Бруно торчал в кабине пилота, жадно глядя на звезды через маленькие бронированные стекла. На единственном рабочем экране медленно уплывало в бесконечность не слишком гостеприимное Пристанище, а где-то впереди была далекая, но такая прекрасная Земля...

* * *

Полет занял около месяца: За это время команде пришлось пережить немало неприятных ситуаций.

Засбоила атмосферная система, и от резких перепадов давления у всех начались головные боли, хлынула носом кровь, а потерявшего сознание Предка пришлось откачивать и пичкать просроченными медикаментами. Снова и снова открывались утечки воздуха - корабль норовил дать течь, как столетний деревянный парусник. Постоянно отказывала система поглощения углекислого газа, пытаясь тихо отравить зазевавшихся людей.

А однажды Вадим обнаружил, что они потерялись. Сбились с курса, и теперь не понятно, откуда и куда ведет проложенная в Пространстве кривая. Это, пожалуй, был самый опасный момент, ужасающую суть которого способен понять один лишь пилот. Панические сутки, которые провел он за вычислениями в борьбе со спятившим навигационным компьютером, стоили ему нескольких седых волос.

Конечно же, более ощутимой опасностью стала нехватка продовольствия и воды - два лишних рта дали-таки о себе знать (а был еще и Айвенго). И когда под конец полетела климатическая система, люди были измотаны до предела.

Одно оставалось более или менее сносным: это психологический климат. Бывший исполнительный менеджер, словно истратив в своем отчаянном прорыве на борт все силы, с самого начала вжался в дальний угол жилого модуля вместе со своим кейсом и так просидел весь путь. Его будто и не было: никто не заговаривал с ним и он не произнес ни слова. Даже вездесущий Айвенго ни разу не почтил его своим вниманием.

Когда прямо по курсу показалось маленькое круглое пятнышко и принялось расти, постепенно превращаясь в удивительный голубой диск, чуть надкушенный собственной тенью, радости команды не было предела. Вадим начал торможение, стремясь выйти на более удобную, среднюю орбиту; самостоятельный полет заканчивался, и оставалось надеяться лишь на то, что кто-то соизволит снять космических

скитальцев с борта их экзотического корабля.

Но вот что тревожило все больше и больше: никто не отвечал на сигналы бедствия, посылаемые кораблем. Если раньше можно было уповать на маломощность старой радиостанции, то теперь молчание в эфире начинало пугать.

* * *

Уже двое суток Бруно, не отрываясь, сканировал эфир по всем частотам, надеясь получить хоть какой-то отклик, как вдруг услышал усталый женский голос:

- ...семьсот семь, кто-нибудь, Ответьте. Орбитальная база семьсот семь...

- Мы здесь! Здесь мы! - заорал Бруно в тонкую гарнитуру связи, отчего кабина наполнилась отвратительным писком.

- Кто это?! - с волнением отозвался далекий голос.

Вадим быстро отобрал гарнитуру у Бруно и принялся профессионально коротко обмениваться информацией, выведя переговоры на громкую связь. Уставшие, замученные спертой атмосферой люди жадно вслушивались в слова, выловленные из бесконечности.

На связь вышла одна из крупных орбитальных оранжерей - такие снабжают продовольствием орбитальные же лаборатории и заводы. В скупых словах женщина описала недавние события.

Около двух месяцев назад пропала связь с командным центром на поверхности. Словно костяшки домино, стали «падать» сотни привычных каналов связи, включая новостные и всемирную сеть. Из скудных обрывков информации здесь, на орбите, можно было сделать неутешительные выводы. Надо полагать, там, внизу, конкуренция между ведущими корпорациями достигла пика. Уже не узнать, какая из них готовила акцию по масштабному захвату рынка, для чего запустила рекламную кампанию нового поколения. Похоже, это было что-то вроде программы вирусного типа, и должна она была хитрым образом стимулировать потребителей через вошедшее в моду нейронное подключение к Сети.

Однако что-то пошло не так. То ли конкуренты выкрали и неправильно запустили программу, то ли та была порочна по своей сути, а может, дело было в недостаточной изученности механизма взаимодействия Сети с нервной системой потребителя.

Так или иначе, в течение часа около двух миллиардов пользователей, что называется, «съехали с катушек». На поверхности, да и на многих внеземных объектах началось безумие, сопровождаемое вандализмом и кровопролитием.

Все случилось молниеносно - происходящее даже не успело толком захватить новостные каналы.

Видимо, сориентировавшись в причинах катастрофы, там, внизу, не нашли ничего лучшего, как полностью обрушить Сеть. В принципе, задумано было правильно: именно сетевое устройство глобальной системы связи способствовало распространению убийственного нейровируса - так его прозвали перепуганные обитатели оранжереи.

Однако прошло уже достаточно много времени - но никто и не думал восстанавливать связь. Оставалось лишь строить предположения, что происходит там, на туманной голубой поверхности...

- У вас, наверное, как и у нас, устаревшая система связи, - сказал далекий грустный голос.

- Да, натуральный хлам, - отозвался Вадим.

- Наверное, это и спасло нас, как вы считаете?

- Даже не знаю, что думать... Дайте высоту и наклонение вашей орбиты, попробуем сблизиться... Скажите, у вас есть челночные корабли, спасательные капсулы?

- Да, конечно. Только мы опасаемся спускаться на поверхность. Пока не разобрались в ситуации...

- Наверное, вы правы.

- Пересылаю наши данные...

- Получено! Знаете, мы очень рады, что вы ответили, мы уже отчаялись... А может, и на Земле все не так плохо, как нам кажется, а? Ведь вам не известны подробности?

- Мы все надеемся...

- Вот и хорошо. Я готовлю маневр - часов через пять мы выйдем на прямое сближение. Но тут такое дело... У нас еще очень много людей осталось - там, в Пристанище. Надо придумать способ, как перевезти их. Или хотя бы прокормить, пока не найдем транспорты с экипажами...

- Конечно-конечно... Чем сможем. Только учтите: наши ресурсы ограничены, и каждый лишний рот может просто погубить нас...

Все, от Предка до Яна, подавленно слушали этот диалог. Бруно случайно поймал взгляд Эвила - пустой, безжизненный, лишенный надежды.

Его стройный мир рухнул. И похоже, ценность его кейса с драгоценными документами сейчас лишь в прочности материала, который можно использовать по более важному назначению.

Если на Земле все так, как рассказала эта женщина, - что толку от документов, от статуса, от образования? Кому нужны там пилоты, философы и историки? Нужны лишь ловкость, решительность, воля к жизни. Хитрость и сила - вот что будет цениться там, на Земле. Неужели люди наконец поменяются местами: короли станут изгоями, а изгои - королями? И так до бесконечности?!

Бруно изо всех сил зажмурился, помотал головой и выхватил у

Вадима из рук гарнитуру. Он закричал, чтобы до всех наконец дошло то, что открылось ему и показалось вдруг единственно важным:

- Нет у нас лишних! Вообще нет лишних, понимаете?! Не родился еще на свет ни один лишний человек!

НАТАЛЬЯ КАРАВАНОВА
ХОЗЯЙКА, ЛОШАДЬ, ЭКИПАЖ

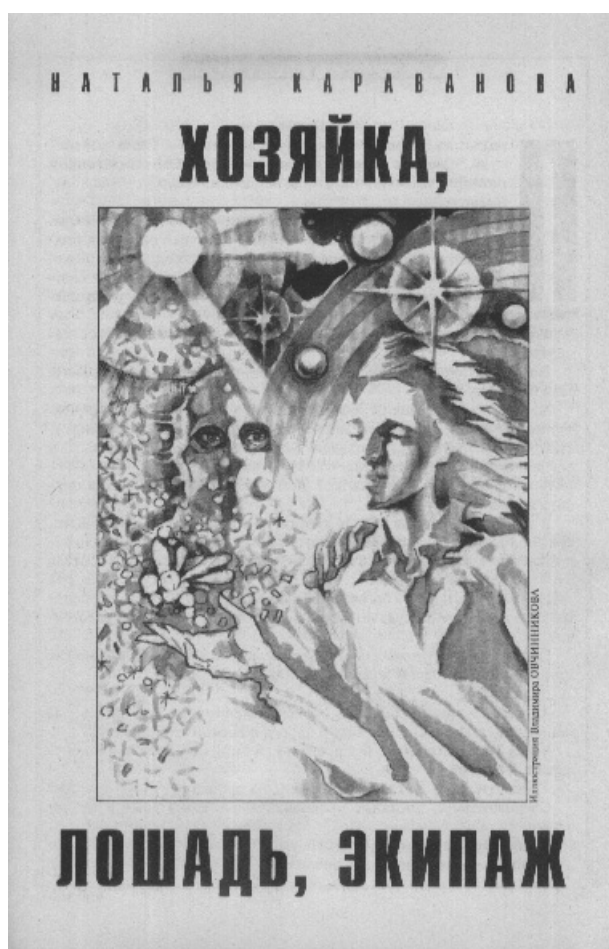

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

1. Бальц

Предлагаю за связку тридцать тысяч жизней». Твою ж нелегкую!.. Свежего ветра в перья тебе, урод! Сейчас догоню и повторю экзекуцию!.. Чтобы неповадно было.

Догоню...

Андрей вызвал сеть и сообщил админу о попытке прорыва. Он представил, как неведомый ему офисный работник поднимается с

докладом на самый верх, как молодая и, безусловно, стервозная хозяйка в строгом костюмчике из натуральной ткани читает на компактном мониторе уведомление о подкопе, и...

А что, собственно, «и»? Фантазия на этом месте стопорилась намертво.

Разумеется, такие вещи должны ее волновать. Было бы странно, если б не волновали.

Хозяйку Андрей еще не видел, но ничего хорошего от новой владелицы извоза не ждал. Последние годы некогда широко поставленный бизнес хирел и разваливался. Конец казался закономерным, и последняя продажа выглядела чуть ли не агонией.

А тут еще и это. Провокация? Или действительно попытка сманить лошадку?

В принципе, летуны сейчас дороги, и кто-нибудь из каботажников вполне мог соблазниться почти бесхозным коником. Средняя лошадка тянет пару тысяч жизней при сроке эксплуатации носителя в пятнадцать-двадцать лет.

Но тридцать тысяч... богатое предложение, что тут скажешь. Богатое. И с расчетом на куда больший срок, или куда большие расстояния.

Однако чтобы выполнить отчуждение летуна от связки, нужно как минимум избавиться от хозяина. А это уже серьезно.

Да нет, бред.

Андрей еще раз просмотрел маркеры внешних сторожевиков, заменил два «выбитых» налетчиком адреса и немного успокоился.

Атака была единичная. Без предварительной подготовки и прощупывания фронтов...

Следовательно, атака была обречена на провал.

Следовательно, послание предназначалось вовсе даже и не лошадке.

Кому? Мне? Админу? Хозяйке?

Слишком мало данных для анализа...

Он неожиданно поймал себя на том, что думает излюбленными фразами бортового искина. Криво усмехнулся и попытался перефразировать. Не получилось.

Развернул окно отчетов, попытался понять, не оставил ли взломщик неприятных сюрпризов на будущее. Но было похоже, что подкоп действительно создавался ради единственной фразы.

И смысл?

Возможно, конечно, в зашифрованном послании не было ни грамма правды. И была это попытка поковырять защиту перед серьезной массивированной атакой.

Андрей покачал большой головой. Слишком много неизвестных факторов. Но береженого бог бережет, так что лучше бы нам подстраховаться...

Именно за этими трудами его и застал сигнал коммуникатора.

Голосом электронного секретаря коммуникатор сообщил, что господина Андрея Бальца желает видеть хозяйка.

Андрей выругался и вылез из кресла. Ноги от долгого сидения отекли, ботинки превратились в колодки. Встретился взглядом с собственным отражением в вогнутом стекле псевдоиллюминатора, скривился. И в который раз пообещал себе соблюдать диету и начать наконец делать зарядку.

2. Хозяйка

Стоит, таращится на меня своими глазищами в половину ночи. Серьезно так.

Я еще на орбитальной станции слышала, что если лошадка побывала хотя бы в одной звездной, то она гораздо легче идет на контакт. Не знаю. Наша, по данным архива, разменяла уже тысячи три жизней - и никаких признаков.

- Привет, - говорю, чтобы сказать хоть что-то.

Без реакции. Смотрит.

Поворачиваюсь к дежурному, тот разводит руками:

- Кодировка неправильная.

- И как вы с ним вообще разговариваете? Или это она?

Как меня это уже достало! Взгляды, в которых сочетается и раболепие, и вселенская усталость: «Хозяйка, отвянь, а? Чего тебя в движок понесло? И без того проблем навалом...»

Но улыбаются и стараются все объяснить. Им по бане, что я в хозяевах не больше недели и что действительно хочу разобраться, как вообще все тут работает.

Корабль огромен. Мы говорим «экипаж», но подразумеваем и саму полуживую космическую громадину, и тех, кто поддерживает ее работоспособность. Мы говорим «связка» и подразумеваем экипаж, хозяина и лошадку... но на практике так трудно за этими простыми словами уловить суть. Почему корабль летит туда, куда его «зовет» лошадка? Зачем связке вообще хозяин?

В детстве ответы казались простыми. Теперь все иначе.

Есть такие среди нас, я это точно знаю, кто с момента вхождения в профессию пускает все на самотек. Бегают лошадка - и слава богам Вселенной. Пусть их. А я хочу знать. Понимаете, знать!

Почему, например, у семьи Таси коняшки настолько шустрые, что их чаще всего используют в дипмиссиях и для курьерских перевозок. Почему у Гончаровых никогда не бывает проколов с доставкой, а выезд Кацмана известен комфортабельностью и надежностью?

Может, это прозвучит тщеславно, но я не желаю быть обычной хозяйкой обычного извоза. Хочу, чтобы мою торговую марку знали на

рынке не хуже тех, что я перечислила ранее.

Да, я купила извоз у разорившегося полупьяного придурка, купила на виртуальном аукционе за долги.

Да, моя лошадка не молода.

Да, люди, с которыми предстоит иметь дело, еще не прониклись до конца мыслью, что я и есть здесь верховное начальство и выше меня нет никого, даже бога. Что бы там ни было, они зависят от меня. Зависят напрямую. Так же, как зависит и сердце корабля, существо, которое мы для простоты зовем «лошадкой». Именно оно, что бы хозяева там ни плели клиентам, тянет корабли от звезды к звезде. Именно от нее, лошадки, зависит, насколько быстрым и комфортным будет полет...

И именно на нее... или все-таки на него?.. сейчас я любуюсь под присмотром дежурного из эксплуатационного сектора.

Дежурный долго молчит, словно переваривая мой простой вопрос, наконец протягивает линзу и коробочку декодера:

- Это он. В смысле - мальчик. Звать Яр. Попробуйте так, хозяйка. У господина Марко получалось...

- У него даже имя есть?

- Прежний хозяин называл Яром. А вообще, не знаю. Значит, Яр. Ну, пусть. Не по серийному же номеру к нему обращаться...

Пристраиваю линзу к глазам. Мир на миг распадается на пиксели, но тут же начинает светиться всеми цветами и оттенками. В такие минуты начинаешь жалеть, что это лошадка, а не ты - основной симбионт корабля. Повторяю:

- Привет!

Он поворачивается ко мне лицом, медленно опускает и поднимает веки. Лошадка... придется тебя приручить, лошадка. Деваться нам друг от друга некуда, так что...

- Знаешь, кто я?

Жест повторяется. Так же медленно и, я бы сказала, царственно. Но это уже кое-что. А то раньше просто тарачился, и не поймешь, что там у него на уме.

Оборачиваюсь к дежурному:

- А можно, чтобы он маску снял?

- Прикажете, - пожимает плечами в ответ.

А и прикажу. Да, я любопытная. В прошлый раз я лошадку видела лишь мельком. И обстоятельства долгому разглядыванию не способствовали...

- Сними маску!

Молчание.

Голос дежурного из-за спины:

- Это может, и не маска. Он ее никогда не снимает.

3. Паук

Дэнис Колли довольно сощурился, вглядываясь в собственное отражение в черноте экрана. Что ни делается, все к лучшему. Но ведь еще вчера казалось, что игра обречена на провал!

А дело в том, что подставной извоз перехватила на открытых торгах какая-то фифа из провинции. Два года операции проходили без сучка и задоринки, а тут вдруг такая неприятность! О, если бы ее консультировал кто-нибудь из старичков... если бы так получилось, Дэнис сейчас и вправду сидел бы на бобах. Сразу вскрылись бы все дыры, заботливо втиснутые в контракт. Показали бы зубы все обманутые акционеры.

Но повезло. Дамочка ничего не смыслит ни в специфике бизнеса, ни в финансовой стороне вопроса. Хоть бы задумалась, почему это полностью укомплектованная связка так дешево стоит... впрочем, если бы задумалась и подняла шум, о всяких контрактах в этой сфере пришлось бы забыть лет на десять не только самому Дэнису, но и двум десяткам деловых людей, кровно заинтересованных в том, чтобы дефектный извоз продавался планоно. А тут... еще есть шансы. Нужно только подсуетиться...

Бизнес работал четко. Дэн выбирал планету. Промышленную колонию, но не самую богатую и зависящую от внешних торговых связей. Желательно - подальше от обжитых каналов движения. Вступал в переговоры с местным правительством, представляясь посредником из крупной транспортной компании, и предлагал создать акционерное общество. Приманка казалась безотказной: имея свой извоз, производители смогли бы не тратиться на услуги известных компаний, а доставлять свою продукцию в два, а то и три раза дешевле. На деньги общества приобреталась связка - всегда одна и та же. Для вида экипаж и лошадку продавали через открытый аукцион. И, разумеется, добрый посредник всегда предупреждал покупателя заранее о возможности выгодного приобретения. Со сделки Дэнис имел фиксированный процент. Но и основная сумма, пройдя через несколько независимых банков, тоже доставалась ему. Надо ли упоминать, что, как только это происходило, Дэн обрывал все связи с колонией, оставляя местных жителей разбираться с приобретенным добром самостоятельно. Дэн ничего не терял: заставить идти в рейс именно эту лошадку мог только Марко, и никто более. Любая попытка применить силу к летуну оборачивалась тем, что полет затягивался, жизни тратились впустую, а контракты не выполнялись.

Через какое-то время на ту же планету прилетал другой бизнесмен. И, сжалившись над населением, предлагал перекупить бизнес. Разумеется, по цене, которая не шла ни в какое сравнение с ценой

покупки...

Но тут лошадку перехватили.

Удача же заключалась в том, что покупательница была совершенно не в теме. Так почему бы с этой курицей не повернуть ту же операцию, которую раньше вполне успешно проворачивали с людьми, куда более подкованными в вопросах торговли?

А на всякий случай есть и другой способ вернуть извоз. Способ, конечно, незаконный и рискованный. И такого раньше никто еще не делал... но удача улыбается победителям. На идею натолкнул сам старый алкоголик Марко.

Он хоть и идиот, но все же для лошадки - привычный хозяин, кормилец. И за скотинкой своей всегда присматривал. Может, не так трепетно, как в лучших заводах, но жаловаться было бы грех. Пусть на борту у него и не благоухало розами, и народец работал так себе, а все-таки за два года ни разу не случилось, чтобы лошадка оказалась на грани кризиса или физической смерти.

И поманить есть чем. Тридцать тысяч жизней, прикупленных на деньги с последней операции в колониях, для любого летуна - более чем выгодное предложение. Если у летуна, конечно, с головой все в порядке.

Что же до отношений лошадки и хозяина...

Да, действительно, связка гибнет, как только умирает хозяин.

Но есть способы извлечь имплант и не верша смертоубийства. Был бы на борту свой человек в контрольной секции. А человек был. И не один. Марко назвал и имя, и код выделенки для экстренной связи. Идея должна была сработать.

Не могла не сработать.

Дэнис почувствовал себя большим черным пауком, в самую середину паутины которого вляпалась жирная муха. Чувствовать себя пауком ему нравилось.

Тем более что пока все шло по плану. Главное, не допустить, чтобы лошадка признала нового хозяина. Главное, чтобы она тянулась за Марко и не препятствовала, когда настанет время действовать. Но, зная норы конкретно этого симбионта, о такой мелочи можно было не беспокоиться.

4. Хозяйка

Толстяк посмотрел на меня настороженно, словно на диковину какую. Почему-то подумалось, что именно так и я совсем недавно разглядывала диво дивное, нашего бортового летуна. Ну, что же. Это лучше, чем взгляды непосредственной obsługi.

- Мне сказали, что вы предотвратили атаку.

- Любой предотвратил бы в данном случае. Дело нехитрое. Просто моя смена была.

А честный парень. Молодец. На поощрение не набивается. Уже кое-что.

- Выводы делал?

Замялся.

- Не моя вообще-то работа выводы делать...

Не разочаровывай меня, Андрей Бальц. Не говори, что ты сразу выбросил проблему из головы...

В моих личных апартаментах есть такая роскошь, как большая обзорная панель. Я люблю смотреть, как линза планеты на ней тонет не то в закатных, не то в рассветных лучах, кудрявится барашками облаков. Красиво. Картинка в точности соответствует забортным реалиям. И очень впечатляет моих редких гостей.

- Проходите, Андрей, присаживайтесь. Что предпочитаете? Чай, сок, воду?

- Спасибо.

Сопит, пытит. Видно, что смущен до крайности. Но комнату пересекает и очень осторожно, весь сжавшись, погружается в кресло.

Присаживаюсь напротив, незаметно посылаю сигнал на пульт виртуальному секретарю. Два сока. Апельсин. Безо льда.

Тонкие стаканы появляются одновременно: один - в нише на подлокотнике моего кресла, второй - на столике возле Андрея. Что же, продолжим разговор.

- Ну, что там с выводами?

- Станный какой-то был взлом. Вброс, а не взлом.

- Это я и сама поняла. Расскажите по порядку.

- А что рассказывать... Вариантов на самом деле три. Первый - чья-то шалость. Но шалил кто-то опытный. Начальный адрес нам вычислить не удалось. Второй - информация на самом деле предназначалась не напрямую лошадке, а кому-то еще. Вам, например. И тогда это либо предупреждение о попытке серьезной атаки, или предложение о продаже бизнеса. Но во второе верится с трудом, текст какой-то уж больно... короткий. Станный текст. Ну, вы видели...

- А что там за третий вариант?

- Третий, это что нашу лошадку действительно хотят увести. Предлагают тридцать тысяч за выход из связки... но тут куча нюансов... в которых я не силен.

- Да?

- Например, может ли лошадка сорваться самостоятельно?

- Практически исключено. Это грозит ей потерей жизни. Всех.

- Не знал. А как вообще осуществляется смена хозяина?

Я поморщилась. Смена хозяина - это почти клятва на крови. В стойкую систему симбиоза искусственно внедряется третий, контролирующий

элемент. Или заменяется предыдущий...

Вспомнила, как это было, и меня передернуло. Толстяк видел... ну и фиg с ним. Что я, не человек, в конце концов?

5. Хозяйка. Пару дней назад

...Даже внешнее палубное кольцо было на редкость неухоженным. Этот человек все время разводил руками и невнятно бормотал о том, что все плохо, контрактов нет, а штат уполовинен и что он лично ни в чем сотрудников не винит. Я еще тогда подумала - перейдет извоз в мою собственность, всех дармоедов вышвырну и наберу новых сотрудников. Если понадобится, в эксплуатационный сектор тоже.

А этот только мял заросший подбородок и повторял:

- Поверьте, лошадка вполне трудоспособная. Хорошая лошадка. Пять обновлений, три тысячи жизней. А экипаж и вовсе почти новый... мозг только в прошлом году ставили. Сто четырнадцать интеллектов... и сбруя добрая. Сами убедитесь, я покажу...

Хотелось его пришибить. Найти что-нибудь тяжелое и вот прямо так взять и раздавить гада. Как можно было профукать свой шанс? Свой, может быть, единственный реальный шанс стать чем-то большим, настоящим. Сделать так, чтобы люди поверили в тебя. Чтобы не просто сводить концы с концами, а и в самом деле превратить рутину в дело всей жизни.

Нет, что имеем, не храним...

Могла ли я подумать еще год назад, что у меня появится шанс заполучить в свое распоряжение полноценную связку? В нашей дыре, в нашем аграрном раю? Где на триста километров посевной площади - один житель? Откуда вырваться обычному человеку так же реально, как мухе из-под банки? В детстве мечталось: у меня будет свой кораблик. Не корабль, звездная громадина, которую тащит по меньшей мере шестерка лошадей, а кораблик. Чтобы можно было лететь, куда захочется и когда захочется...

Правда, тогда меня больше волновало, не куда лететь, а откуда.

Нет, плохо думать не надо. Мой родной мир - вполне уютное местечко. Жители не бедствуют, и погода двести из трехсот пятидесяти дней почти курортная. Но, думалось мне, тем радостнее будет туда возвращаться. К бабушкиным пирогам и запахам лесов... к океану травы сразу за порогом, стрекоту стрекоз, теплomu току воздуха над вечерней дорогой...

Возможно, эти мысли и сейчас не потеряли актуальности. Но пусть об этом знает как можно меньше народу. Здешний мир слишком рационален. И я улыбаюсь, следуя правилам этой части Вселенной. Да, мне невероятно, сказочно повезло. И я намерена когтями и зубами

держаться за свою удачу. Потому что в обозримом будущем я за такую цену не куплю даже каботажник, не говоря уже о полноценном извозе.

И, конечно, я понимаю, что вложиться придется чуть ли не вдвое, но ведь оно того стоит. Стоит.

В эксплуатационной секции все оказалось не так плохо, как в жилой части корабля. Намного чище. И воздух свежее. Встретивший нас угрюмый служащий поприветствовал прежнего хозяина с незаслуженным раболепием. Даже поклонился ему. Впрочем, скоро стало ясно, что это здесь - норма. Так же, как и вселенская тоска в глазах, когда хозяин отворачивался. Я наивно подумала тогда, что при мне все будет иначе. А ничего не поменялось. Ни-че-го.

О, если бы я сразу узнала, почему так...

Операторская в эксплуатационном секторе оказалась небольшим светлым помещением, сопряженным напрямую с ходовой частью корабля. Я сунулась было, но Марко, бывший хозяин, сказал почти со злостью:

- Туда вам ходить незачем.

Дежурный пригнал лошадку. Разглядеть ее толком мне не дали - просто фигура в балахоне и маске. В комнате стало тесновато. Оператор, которого я выписала с завода Кацмана, готовил инструменты, нотариус - заверенные копии договора купли-продажи. Дежурный укладывал на специальное ложе симбионта. Марко, снимая рубаху, продолжал бубнить что-то себе под нос. Подумалось, что это для него не первый случай передачи права собственности.

Оператор, особенно похожий на провинциального доктора из-за серебристого стерильного халата, спросил, обернувшись ко мне:

- С процедурой знакомы?

- В теории.

- Понятно. Раздевайтесь до пояса и ложитесь вот сюда...

Значит, вторая не то кушетка, не то наклонная полка предназначается не Марко, а мне. Замечательно.

- Операция займет несколько минут. Я введу вам под кожу, у основания черепа... вот сюда... - холодные пальцы легонько коснулись моей шеи, - эмбээра. Роботу понадобится несколько минут, чтобы интегрировать контакты в вашу нервную систему. Это почти безболезненно. Таким образом вы получите возможность находиться в прямом информационном контакте с обоими, подчеркиваю, обоими симбионтами. Вы должны понимать, что ваша физическая смерть станет причиной немедленной гибели всей связки.

- Да, я знаю.

- Дослушайте меня пожалуйста, девушка. И раздевайтесь... а вас, господа, прошу временно покинуть помещение.

В комнате остались только Марко, оператор и я. Ну, и лошадка. Но симбионт успешно изображал мебель - его было не видно и не

слышно.

- Так вот. Автоматически ваш статус поменяется. Но есть нюансы, о которых следует знать. Гибель одного из симбионтов может сильно расстроить ваше здоровье. Гибель обоих также с большой вероятностью повлечет вашу смерть. Вы готовы к такому повороту?

Я замороженно смотрела, как он достает контейнер с биороботом. Биор представлялся мне в тот момент неаппетитной членистоногой тварью. Захотелось заорать и сбежать отсюда, пока тварюшку не пристроили мне в голову... ведь это его поместят у основания шеи, а куда он поползет дальше, совершенно понятно. Но я сжала зубы и кивнула.

- Очень хорошо. Еще вопрос - вы интуит?

- Латентный. Это важно?

Провинциальный доктор сокрушенно покачал головой:

- Будем надеяться, что не важно. Что я еще должен вам сказать? Я это всем говорю, вы не думайте... поосторожнее с контактом. Это не развлечение. Если откровенно, то хозяин в связке - самое слабое звено. Самое слабое, вы уяснили?

- Я бы на вашем месте согласился на роль владельца. А извозчика могли бы и нанять, - подал голос Марко. - Я бы к вам пошел. При условии приличной оплаты...

- Нет.

- Подумайте. Собственность останется при вас, но никакого риска. А имплант у меня уже есть.

- Я не передумаю, господин Марко. Оператор, вы хотели еще что-то сказать?

- Думаю, да.

- Что же, я слушаю.

- Видите ли... власть над лошадкой вы получите, не сомневайтесь. Но чтобы она вам подчинялась... охотно... нужно немного больше. Нужно, чтобы она вас признала. Признала за вами право командовать.

- Понимаю. Но думаю, что справлюсь. Теперь все?

- Минуту. Сначала я извлеку имплант из вашего предшественника. Перезапишу информацию с него на ваш экземпляр... если не хотите, не смотрите.

Я решила смотреть. Момент казался историческим.

Того, чего я больше всего боялась, не случилось. Биор оказался совсем маленькой букашкой. Я даже не разглядела его. И крови было немного - опытный оператор сделал всего один короткий надрез и после нескольких манипуляций с дистанционным пультом извлек робота пинцетом.

- Ложитесь на живот, руки вдоль тела. Голову поверните. Отлично. Сейчас закончу с вами и создам учетную запись в судовом архиве. После этого симбионты признают вас частью связки...

Я так и не почувствовала, когда был сделан надрез. Ждала, ждала, а потом увидела, как доктор готовит пластинку универсального пластыря.

- Это все?

- Лежите-лежите. Сейчас вам покажется, что до ваших пальцев дотрагиваются кончиком иголки... это нормально. Будут и другие подобные ощущения.

Ощущения... да.

Но, в принципе, терпеть можно.

Я смотрела в угол комнаты. Это единственное, на что в такой позе я могла смотреть. И наверное, из-за однообразия обозримого пространства я не сразу заметила, что со зрением у меня что-то не так: угол рассыпался на огромное количество снежных точек. И белых, и серых, и зеленоватых...

Успела подумать: «Ничего себе спецэффекты!». А потом случилось что-то еще. Это было почти больно: я на какой-то миг стала собой. Тремя тысячами людей. Тремя тысячами желаний, стремлений... адресов. Дорог...

Слово «душа» обрело материальность, и материальная душа оказалась тут же разорвана на три тысячи кровавых кусочков...

Это было неправильно, но где-то за болью, за страхом и желанием немедленно вернуть все обратно угадывалось другое - полет. И мир - такой, каким я хотела его когда-то видеть. Там, в детстве, где мечтала о дальних странствиях, за которыми всегда маячила возможность возвращения.

А потом практически у самого уха кто-то приказал:

- А ну-ка, назад! Совсем башню снесло? Самоубийца!

Дохнуло холодом, и меня словно отдернули от колодца, в который я вознамерилась упасть: похоже, оператор знает свое дело...

6. Хозяйка и Бальц

- Как осуществляется смена хозяина? - спросил Андрей.

Я криво улынулась:

- Неприятная процедура. Во всех отношениях.

- Извините...

- Ничего. Итак, предположим, кому-то наша лошадка понравилась... по вашему мнению, какими будут следующие шаги злоумышленника?

- Если похищение отпадает... что будет, если... попытаются убить вас?

- Погибнет вся связка. Не то, Андрей.

Он подпер пухлые щеки ладонями, наморщил лоб и стал похож на очень большого младенца.

- В таком случае, возможна попытка шантажа. Или похищение лошадки... простите... вместе с вами.

- Так. А дальше что?
 - Не знаю. Это не моя специальность... но, возможно, попытка перенастроить его как-то...
 - Ага. Это ближе. Спасибо, Андрей. Кстати, давно вы на борту?
 - Месяц. Стандартный.
 - И как вам здесь?
 - Не знаю. Народ какой-то... замкнутые все. Ну, может, я что не так говорю... мрачно. Грустно. Не хватает праздника какого-то... новизны. Может быть. Я представила праздник, каким он получился бы, если б у меня и впрямь хватило дури последовать совету. Картинка рисовалась постапокалипсическая: в карнавале на кладбище было бы куда больше эстетики...
- Кажется, Андрей ушел от меня с большим облегчением. Он здесь всего месяц, а успел уже заразиться корабельной атмосферой. Но я справлюсь. Надо только понять, почему так? Что довело население до такого скотства? Неужели же такое влияние оказала перманентная бездеятельность?

7. Хозяйка

Дежурный смотрел на меня все с той же тоской. Он искренне не понимал, чего я хочу. Но оператор предельно четко сформулировал задачу на ближайшие дни: я должна заставить симбионта признать во мне хозяйина. Иначе связка не сможет работать нормально. И все те годы, что я уже положила на достижение своей детской мечты, окажутся закопанными в саду большой лопатой.

- Так и будете тут стоять? Я собираюсь пообщаться с... лошадкой наедине. Это возможно?

- Не знаю, не пробовал. Прикажете привести?

- Да. А потом можете вернуться к своим основным обязанностям.

Итак, коник мой необузданный... нам с тобой нужно договориться. Ты упрям, я упрямее. Посмотрим, кто кого, да?

Уже привычно подношу к глазам линзу, декодер лежит на ладони. Пришла мысль: оператор говорил, что у меня должен быть какой-то прямой доступ... вряд ли он имел в виду использование дополнительных технических средств. Но об этом потом...

- Привет.

В ответ равнодушный взгляд. Черный. Не по цвету глаз, по выражению.

- Узнаешь меня?

Опускание век. Интересно, как с этими симбионтами в приличных-то компаниях разговаривают? А там, где работают в связке сразу несколько лошадок?

- Хорошо. Я - твоя новая хозяйка. Это-то ты понимаешь?

Выражение глаз не меняется.

А вот, кстати.

- Покажи мне руки.

Обыкновенные такие, человеческие руки. Широкие ладони. Ну. И чего мы добились? Цирк, да и только. И так каждый день.

- Ну, говорить-то ты умеешь, я знаю. Не хочешь?

Снова медленно закрыл и открыл глаза. Обожаю такие игры! Они меня с ума сведут.

- Как думаешь, зачем я здесь?

Молчит. Он знает зачем. Не мог не догадаться.

Впрочем, я понятия не имею, насколько он разумен. Наплевать, что изначально он - человек. От начальной версии, скорее всего, тут мало чего осталось. Лица вот точно не осталось.

Бесит. Не можем сдвинуться с мертвой точки больше недели...

В отчаянии уже говорю:

- Может, мне застрелиться?

И получаю неожиданный ответ. Снова одними веками, но утвердительный.

И что мне с этим делать?

8. Паук и Марко

Марко, в своей обычной стадии опьянения, брел по орбитальной станции на встречу с Дэнном Колли. Он прекрасно сознавал, что от этой встречи ничего хорошего ждать не стоит. Но все же шел. А куда деваться? Деньги с продажи извоза в данном случае не покрывали убытков...

Именно поэтому он с утра и приложился к бутылке. Для храбрости.

Колли ждал его в салоне возле прозрачных дверей кафе для сотрудников. Лицо у него было каменное, а взгляд - тяжелый.

Колли не поздоровался, а Марко без приглашения не решился сесть на мягкий диван. Так и остался стоять виноватым школяром...

- Итак, вы снова меня подводите...

- Вы знаете, что в прошлый раз я был ни при чем! Мы подготовили эмбэера, и наш оператор...

- А могли бы догадаться, что покупатель воспользуется услугами независимого специалиста. Речь не об этом. Вы уверяли, что взлом пройдет. Что ни один сторожевик не станет препятствовать прохождению информации с вашего адреса. Что сотрудники не посмеют заблокировать... и все такое.

Марко выпрямился, насколько позволяла сутулая спина:

- Во-первых, это было фатальное невезение. Именно в тот день

дежурил человек из последней смены сотрудников. А во-вторых, внешнюю защиту мы все-таки прорвали, что значит, информация неминуемо дойдет до... - он громко глотнул, - до адресата. И в-третьих, я видел эту, с позволения сказать, новую хозяйку. Она не потянет наш извоз. Сломается, я точно говорю. И сама захочет его продать.

- Твоими бы устами... ладно. У нас еще есть несколько дней... Предлагаю поменять тактику. Если, как ты и утверждаешь, лошадка адекватно оценивает ситуацию... готовь следующий вброс. Но теперь уже сумма будет пятнадцать тысяч.

9. Хозяйка и люди

Сообщение легло на стол. Может, мне и вправду застрелиться? Ну почему так? Почему они бегут? Что я им сделала?..

Сразу, стоило мне стать владелицей извоза, снялись и ушли несколько семей. А теперь вот это. Прощение об уходе. Тридцать! Тридцать спецов из секции управления. При всем желании я не смогу быстро найти им замену.

Взглянула на часы - пора к лошадке. Чтобы не смущать эксплуатационников, хожу к ним теперь по расписанию, как на работу. Там уже не удивляются. Поняли, что это надолго.

- Привет.

Входить в пресловутый прямой контакт я так пока и не научилась. Продолжаю пользоваться декодером.

Все повторяется с удручающей точностью. Тоска.

- Тоже меня ненавидишь? У меня чувство, что все вокруг меня ненавидят. Твой бывший хозяин. Его бывшие сотрудники. Родственники его бывших сотрудников. И ты. Почему?

Привычка высказывать ему в лоб все, что накопилось в душе за день, появилась только вчера. Не удивительно. У меня скоро паранойя начнется. Из привычных собеседников только собственное помятое отражение. Со стенами разговаривать начнешь. А тут - почти адекватный собеседник. Ну, руки-то у него человеческие. И еще он иногда мигает.

Не в этом случае.

Почему все так криво?

- Знаешь, лошадка... мне это надоело. Ты ведь нарочно надо мной издеваешься? Неужели и впрямь хочешь, чтобы тут опять распоряжался этот ваш господин Марко? Я его видела - человек вконец же опустился. Молчишь. Да, сама знаю, что дура. Но я все равно не отступлюсь, понятно? Все. Иди. Куда хочешь.

Кивнул. В первый раз такое. С той же царственностью, с которой ранее позволял себе опускать веки. И пошел. Действительно, куда

захотел - в общий коридор.

Вот интересно, это допускается? И если не допускается, то почему?

Почему-то вспомнился давешний взлом. А вдруг он сейчас вот так и уйдет. Не торопясь, словно князь в изгнание, за приманкой в тридцать тысяч жизней?

- Стой! - сказала ему в спину.

Остановился. Действительно же, слушается. Прав был оператор.

- Почему ранее ты никогда не покидал движок?

Холодом по затылку, по позвоночнику - до самого сердца.

- Не было допуска. Не было приказа.

Это и есть прямой контакт? Это теперь всегда так будет? Мне не понравилось... стоп. Он мне ответил. Впервые за десять дней знакомства.

А ведь ему там, в ходовой части, наверное, чертовски надоело! Я могла бы и сразу догадаться. Осторожно, чтобы не спугнуть удачу, спрашиваю:

- Не было допуска, потому что это может повредить полету?

Холод превращается в ледяные иглы:

- Непосредственно не может.

Больно. Почти как тогда, во время операции. И холодно-холодно-холодно...

Трясу головой, потому что голубоватые стены выказывают намерение рассыпаться перед глазами снежными хлопьями.

- Иди за мной. Третий уровень. Там... неприятности у меня. Большие неприятности.

Идем молча. И я вдруг замечаю, что тишина не просто между нами. Тишина везде. В этом длинном-длинном коридоре, где всегда полно народу. Ни шуршания шагов, ни голоса, ни дыхания.

Они провожают нас взглядами. Сотрудники и родственники сотрудников... их дети. Стоят и смотрят. И каждый взгляд, как стена.

Когда добрались до лифта, я вздохнула с облегчением.

Третий уровень. Здесь, как везде - налет небрежения и запущенности. Только на полу больше мусора, а стены осевой палубы разрисованы некротическими шедеврами подросткового граффити.

Стало страшно. Как бы там ни было, а я сейчас здесь одна. И этим людям за мою смерть ничего не будет... никто и не узнает, если что.

А извоз их интересуется в последнюю очередь. Они все равно собрались покинуть борт.

Входим в администраторскую секцию. Молодая сотрудница поспешно прячет помаду в косметичку, поднимает глаза на посетителей... да так и замирает с полуоткрытыми алыми губками.

Потом поспешно отключает силовую панель столешницы и вскакивает.

С колен на пол сыплются внутренности косметички.

- Хозяйка... ой. Рада вас приветствовать в третьем жилом уровне. Я... чем я могу помочь?

- Соберите всех сотрудников... тех, кто подписал прошение об увольнении... в зале. Здесь есть какой-нибудь зал?

- Да-да. Сейчас. Вас проводить?

Снова ледяные иглы по спине:

- Я провожу.

Сотрудница этого не слышала. Ждет ответа. И я отвечаю:

- Меня проводят.

Она вдруг зажимает рот рукой и несколько раз хлопает ресницами. После чего подхватывается и бежит в коридор.

Смешное слово - «подхватывается». Подхватывает себя. Но в данном случае оно подходит, как никакое другое. На полу рассыпью лежат дорогие девичьи сокровища...

А ведь девочка удивилась именно тому, что меня проводит симбионт. Удивилась так, что глаза на лоб полезли. Не ждала она этого. И вообще, ее шокировало не мое, а его появление в третьем уровне. Как удачно все-таки, что я взяла его с собой. Моя пресловутая интуиция наконец заработала? Что же она раньше-то спала?

- Ну, показывай дорогу.

Новый порыв холода. Но на этот раз без всякого ответа. Если так будет продолжаться, я, пожалуй, ангину заработаю.

И все-таки, несмотря ни на что, день сегодня удачный... Если бы еще не эти отказники.

10. Хозяйка

Собралось куда больше народу. Явно не тридцать человек. Стояли толпой в углу зала, не решаясь ни занять удобные сиденья, ни хотя бы подойти к нам с лошадкой поближе. Я была вынуждена сделать приглашающий жест.

Вошли. Что им сказать? Как удержать?

Лица, в которых нет никаких желаний. Усталые. Ждущие.

Неужели мне и вправду придется отдать извоз, так и не выполнив ни одного рейса?

От симбионта ждать помощи бессмысленно. Он и так проявил сегодня чудеса лояльности.

И тут пришла злость. Нормальная такая, усталая злость. Гори оно все огнем, если, кроме меня, здесь никому ничего не надо!

Я сказала. Тихо. Кому надо, услышат:

- Ваша просьба удовлетворена. Перед уходом приведите в порядок помещения и палубы. Потом подойдете к администратору и получите свои личные карточки. И зарплату. Все. - Повернулась к лошадке: -

Идем!

И ушла.

Правда, далеко уйти не получилось. Нас у лифта догнала женщина. Высокая, стройная. Несколько седых прядок, брючный костюм, каблочки. Особенно неуместно все это смотрится на фоне намалеванного на стене скелета.

- Извините... хозяйка. Простите.

- Что?

- Я хотела бы... забрать свое заявление.

- Причина?

- Он вам не рассказал? - быстрый взгляд на симбионта.

Так. Что называется, с этого места - поподробнее!..

- Нет. Он неразговорчив.

И у маски нет рта. А если учесть, что это, может, и не маска...

Засигналил коммуникатор. Его звук разлился по тишине коридора. А ведь, возможно, все еще наладится. Интуиция подсказывает, что может наладиться.

Заканчиваю разговор:

- А навести здесь порядок все-таки необходимо...

Она кивает и быстро уходит.

Сигнал надрывается, и я даю подтверждение контакта. Оказывается, эксплуатационники хватились симбионта.

- Со мной, - отвечаю. - Все нормально.

Вот так, лошадка. Ничего не хочешь мне рассказать?

11. Хозяйка и Мария

Ее зовут Мария. Она старожил - на борту уже пятнадцать лет. Нервничает. Протягиваю стакан с соком, делает маленький глоток и отставляет. В глазах ее отражается синяя планета - она не смотрит на меня. Взгляд прикован к обзорной панели.

Она третья, кого я пытаюсь расспросить. Пока добилась только понимания, что мой извоз несколько лет использовался в качестве подставки для выбивания денег из наивных колонистов. Что владельцы у связки не менялись уже лет десять, но последние пять лет несколько раз менялся хозяин. Правда, в результате хозяином становился все тот же Марко.

Все вопросы про лошадку утыкаются в немоту, словно в глухую стену. То ли население кем-то запугано, то ли они не желают делиться информацией именно со мной.

- Мария, я действительно хочу, чтобы корабль однажды отправился в рейс. Но у меня чувство, что, кроме меня, этого никто не хочет. Люди из классных специалистов - я смотрела старые характеристики! -

превращаются в обывателей, которые просто доживают на борту стаж. Я не права?

- Правы, конечно. Это неудобный разговор, хозяйка.

- Меня зовут Ильза. Такое вот странное имя. Так в чем дело?

- Дело в малом... но...

Вот опять. Они упорно не хотят говорить о том, что случилось здесь, на этом корабле, шесть лет назад. А может, немного больше, чем шесть лет. Архивы тщательно вычищены. Два дня занималась в них археологическими раскопками. Точных ответов не нашла, но косвенных обстоятельств накопилась большая гора.

- Шесть лет назад вы попали в переплет, - решила подсказать я. - Что это было? Нападение?

Почти наверняка - нет. Во всяком случае, не напрямую.

- Экономическая атака. Сначала.

- А точнее?

- Груз. Подставной. Краденый. Я не знаю подробностей, тогда только-только вступила в должность. Потом эти таможенники. Ненастоящие.

- То бишь произошел захват по всем правилам. Понятно.

- Что же вам понятно? Ничего понятного нет. Я помню...

Да что такое. Каждое слово приходится тащить клещами.

Она вздохнула:

- наших летунов они убили. Думаю, не намеренно. Просто не понимали специфики и попытались заставить работать на себя. А Марко... он был партнером Яра. Я сама не знаю, но наши говорят, это он рассказал бандитам, что заставить летунов работать может только хозяин, Яр. Они и стали воздействовать на него. По-своему.

Опустила глаза. Яр...

Я вспомнила, что так дежурный в самый первый день назвал симбионта. Вот значит как. А я ему - «лошадка»...

- Летуны умерли. Яр был в связке и смог удержать корабль от гибели. А у этих... у них нашелся свой оператор. У Яра не было шансов как-то повлиять на ситуацию. Вот и вся история, собственно. Хозяином сделали Марко.

- А вы почему не ушли? От Марко? Потом?

Она впервые посмотрела мне в глаза:

- А вы как считаете? Вы думаете, нас кто-нибудь когда-нибудь спрашивал, хотим ли мы участвовать в сомнительных операциях Колли и тех, кто был до него? Нет, разумеется. Все, что мы можем - сделать так, чтобы извоз не погиб. Потому что в последние годы мы все ходим по краю. Тут до сих пор еще есть те люди. Многие убрались, конечно, пару лет назад, когда бизнес перешел к Дэну Колли, но кое-кто остался. В контрольной секции и в движке.

В движке. Что же, многое становится понятным... грядет большая уборка.

Короткий сигнал коммуникатора известил, что кто-то ждет под дверью. Почти наверняка Андрей. Больше из местных сюда никто подниматься не желает.

Даю разрешение.

Входит, озаряя помещение улыбкой на широком лице.

- День добрый, Ильза.

- Добрый. Что-то случилось?

- Новый вброс. Но мы были готовы. Смотри: «За отчуждение предлагаю пятнадцать тысяч жизней». И я нашел, кто отправляет послания. Вот... это на орбитальной.

- А с конкретным человеком этот адрес не соотносится?

Через мое плечо на экранчик гибкого монитора взглянула Мария.

Андрей искренне расстроился:

- К сожалению, в нашей базе не значится.

- Это может быть Дэн Колли. Я говорила, бывший владелец извоза.

- Да? Ну не идиот же он, если думает, что наш... симбионт на такую приманку поведется.

Мария в сомнении покачала головой:

- Колли не дурак. К сожалению.

- Хорошо. Я подумаю, что с этим делать.

И со всем остальным тоже. Значит, Яр... как же мне теперь с вами разговаривать?

- Мария... люди, о которых вы говорили. Те, что были в напавшей на корабль банде. Вы многих из них знаете?..

Покачала головой:

- Четверых. Но Смолин не в счет. У него большая семья, трое детей...

- Понимаю. Сможете добыть полный список? Только потихонечку.

Незаметненько... составьте и передайте Андрею. А вы, Андрей, когда в очередной раз будете расставлять вахты, сделайте так, чтобы, допустим, послезавтра вечером они находились подальше от мест службы.

12. Хозяйка

В детстве я мечтала, что у меня будет свой маленький кораблик. Почти живое космическое чудо, с которым можно не только путешествовать, но и болтать об искусстве, или о гонках, или еще о чем-нибудь интересном. Я придумала ему имя - «Крылатый». Это была моя маленькая тайна. Путешествие в другие миры осуществлялось в перелеске за огородами. Единственный кусочек настоящего леса в степной равнине, и равнина стала космосом. Мне тогда светили настоящие звезды, крупные и близкие. Звезды звали и подмигивали в ожидании встречи...

Я давно трезво смотрю на жизнь. Но верю в те звезды... Пафосно звучит.

А кого-то приковывают к звездам против всякой воли. И без шансов.

Скоро семь, и надо идти в ходовую часть, встречаться с симбионтом. Я сама тамошнюю обслугу приучила к расписанию. Будет странно, если не приду.

Привожу в порядок прическу, смываю тоску с лица. Так или иначе, а я должна договориться с этим Яром. Как бы он ни обижался на весь свет. Иначе получится, что все было зря. И при этом нужно действовать осторожно. Новость о том, что на борту есть сторонники Марко и его прежнего начальства, оптимизма не добавляет. А если они и вправду рассчитывают заполучить извоз обратно, то никакое пророчество не подскажет, как и когда эти тайные сторонники начнут действовать. Меня-то они вряд ли тронут... а вот симбионта могут попытаться использовать в качестве аргумента. И на этот случай следует подстраховаться. Я вызвала Андрея и попросила его краем глаза последить за камерами в ходовой части. Просто чтобы быть в курсе.

Тот как-то чересчур серьезно закивал. Ну что же... вперед.

13. Хозяйка и лошадка

- Здравствуйте, Яр.

Место то же, персонажи те же. Даже выражения лиц те же.

И жесты. О, я никогда не забуду эти едва заметные намеки на жесты. Намеки, которые надо еще увидеть.

- Я вела себя по-хамски. Я... никогда раньше не занималась извозом. Я слышала много разговоров о том, чем живут корабли... и я была уверена, что справлюсь с ролью хозяйки. С бабкиной фермой получалось же справляться... А там у меня было в три раза больше служащих. Я оказалась не права. Простите меня...

Взгляд не изменился, но уже ожидаемый холод прокатился между лопаток:

- Да.

Уже что-то. Суховатое прощание... но ведь ответил! И что дальше?

- А ведь вы помогли мне, Яр. Там, на третьем уровне. Одним своим присутствием помогли... Похоже, вы были отличным хозяином... мне жаль, что я теперь оказалась на вашем месте...

Холод, зима, иней искрится, на миллионы снежинок разбивается окружающий мир. Только силой воли удерживаю сознание от того, чтобы последовать за танцем этих сумасшедших пикселей.

Усмешка в ответе:

- Женщины... вечно напридумываете трагедий... чтобы было, кого

жалеть.

- Я готова услышать вашу версию.

- А я не готов вам ничего рассказывать. Могут у меня быть маленькие тайны?

- Не будете же вы отрицать, что вас вынудили стать... лошадкой...

- Все несколько сложнее. Мальчишкой я переживал, что мне полеты не светят - мой отец был летуном, и дядя. И двоюродный брат. А у меня не было таланта к этому. На заводе летунов специально учат, развивают интуицию. А мне и развивать было почти нечего.

- Мне кажется, вы лжете.

- Мы продолжим этот разговор. Возвращайтесь. Вам опасны длительные контакты со связкой.

Меня снова вышибло в реальность, словно кто-то наподдал сзади. Ощущение оказалось знакомым, и я подумала, что, возможно, в прошлый раз оператор был ни при чем...

14. Марко и паук

Дэнис покраснел от ярости, его крики, наверное, были слышны и в открытом космосе. Марко даже на миг захотелось выскочить за дверь. Но он вовремя вспомнил о своей миссии и стоически перенес первую порцию брани.

Колли немного успокоился лишь через минуту. Налил себе воды, выпил крупными глотками.

- Итак, твои собственные агенты мне передают - дело не движется. Более того. Нынешняя хозяйка не тратит времени даром и ежедневно пытается достучаться до лошадки. Оператор сообщает - у нее может получиться. Ну?

Марко вытер пестрым платочком пот со лба и стал торопливо засовывать влажную тряпочку в карман. Он суетился, получалось у него плохо, краешек лоскутка все время норовил выглянуть наружу. Наконец он сунул в карман руку и там ее оставил.

Отступить уже некуда.

И он ответил:

- Теперь я скажу... я не буду тебе врать, что все под контролем, Колли. Ничего не под контролем. Более того, все летит в бездну. И я несказанно этому рад. Ты и такие же твари, как ты, лишили меня бизнеса, друга и доброго имени. Я привык бояться, и мне сейчас противно вспоминать о том, как я жил. Но уж коль скоро мы встретились наедине, я хочу сказать... всё, Дэнис Колли. Я выхожу из игры.

- Ты сильно ошибаешься, если считаешь, что у тебя мо...

Маленький силовой пистолет, почти игрушка, легко умещается в

ладони. Выстрел беззвучен, смерть мгновенна. Серьезные люди, однако, оружием его не считают: слишком невелик радиус эффективного поражения.

Грузно упало на пол неуклюжее тело. А под ноги Марко - пестрый платочек, повод держать руку в кармане.

Марко дрожащими пальцами засунул его на место. Пистолет тоже. Пистолет придется выбросить, но не сейчас. Где-нибудь подальше отсюда.

15. Хозяйка и корабль

Экспериментирую с прямой связью. Контролировать сознание получается все лучше. Но выть хочется от накатывающих перспектив. От неизвестности. Место на станции оплачено до завтрашнего полудня, а мои личные сбережения позволят продлить этот срок максимум на сутки.

Сегодня надо еще раз поговорить с Яром. Наконец выяснить, что меня ждет. Что нас ждет, весь корабль. Всех, кто здесь живет, трудится, надеется на что-то.

Поговорить с Яром и завершить спонтанно родившуюся операцию по зачистке рядов служащих от нежелательных элементов. Таких Мария насчитала двенадцать. Все уже немолоды, все - одиночки. Опасны ли... не знаю. Не хотелось бы проверять.

Найти Яра в вихре снежинок проще простого. Нужно слепить из подвернувшегося пространства нечто, хотя бы чуть-чуть похожее на человека, и назвать это что-то его именем. Наделить именем, позвать по имени. В бортовом архиве не сохранилось ни единого его изображения. Но с маской разговаривать я не хочу. Леплю лицо. Лицо получается некрасивое, узкое, но с крупными чертами. Сквозь дымку вездесущих снежинок деталей не разобрать.

Ответ приходит мгновенно: узнаю по зиме. Протягиваю вперед ладонь, поспешно воздвигая на ней крупную стрекозу. Говорю:

- Здравствуйте, Яр. У меня получилось сделать стрекозу. Это нормально?

- Вы быстро учитесь. Только разве это стрекоза?

- А что? У нас на Итаке как раз такие и водятся.

- Понимаю.

- Яр, я позвала вас для серьезного разговора. Я... пойму, если вы не пожелаете дальше вести этот корабль. Я пойму, если вы решите покинуть борт. И не вправе вас удерживать...

Молчание. Что же, я договорю. Я для этого и затеяла встречу.

- ...но вы должны знать. Через сутки или мы покидаем станцию, или я буду вынуждена искать покупателя на извоз. И искать быстро.

- Понимаю. Это наверняка означает возвращение старых друзей в прежние каюты. Вы могли бы обратиться на завод и попытаться получить нового летуна.

- Могла бы.

- Не хотите этого делать?

- Не знаю. Я почему-то чувствую себя виноватой перед вами.

Долгая пауза. Потом:

- Закройте глаза. Не пытайтесь цепляться за реальность.

Я почувствовала ветер. И чью-то ладонь на своем плече. Мир перестал клубиться плотной метелью вокруг - он расширял границы. Звезды были теплыми домами, в которых меня ждут. И я знала, как до них добраться. Как их звать, чтобы они отзывались мне. Звезды были музыкой, которая звучала сквозь меня. Я летела по мерцанию радуг и перекрестьям лучей... Рядом уверенно бился пульс корабля. Корабль слеп, но верит мне и готов следовать за мной...

- Летишь... - Морозное утро, иней на сухих стеблях...

Лечу, зажмурившись, сквозь токи холода и тепла, сквозь свет и тьму. И это прекрасно. Прекрасно до слез. Как в той давней детской мечте. Космос отчетливо стал пахнуть бабушкиными пирогами и горячей травой...

- Тише, тише. Иначе мы уйдем в прыжок, даже не подготовившись. Теперь вижу, что хорошему интуиту никаких жизней не надо, чтобы половину Вселенной облететь. На одном голом энтузиазме. Возвращайтесь. Хватит с вас полетов на сегодня.

- И все-таки вы не ответили.

- А вы въедливая особа.

- Так какой будет ответ?

- Положительный. Положительный, хозяйка.

Хозяйка. Ну, что же. Раз так, буду наводить порядок в хозяйстве. Тем более что начало уже положено.

16. Хозяева и балласт

Час икс. Яра из-под удара я вывела, от греха. Сидит в смежной комнате, в компании с Андреем.

Я же... медитирую над рассылкой. Двенадцать имен. Двенадцать приказов об увольнении.

Если мы кого-то пропустили, это может грозить бедой.

Мария обещала, что ее друзья из секции управления приглядят за тем, чтобы все двенадцать покинули борт. Но на душе все равно тревожно. Они ведь могут и не захотеть выполнить приказ. Такой приказ.

Корабль я чувствую теперь постоянно. Как что-то огромное и живое.

Добрый зверь, приткнувшийся подле ног. Добрый и беззащитный. У него есть только Яр... бр-р, просто ледышка. И я. Он нам верит. И я намерена оказаться достойной этого доверия.

Вызов от Марии:

- Ильза, четверо направляются к вам. Будьте готовы.

Я готова. Я знаю, что им сказать, если вдруг вздумают возмущаться. Я хозяйка этого корабля. И я уже привыкла к этому статусу.

Холодная волна по спине. Напоминание без слов: мы здесь. Держись! Ну что же, буду держаться.

Звонок коммуникатора. Сообщение о гостях. Впустить? Впускаю.

Да. Четыре абстрактных уволенных головореза и эти самые товарищи в реальности - это все же большая разница. Хотя в комнату вошли лишь двое.

Поднимаюсь навстречу:

- Здравствуйте, господа...

Тот, что стоит впереди, начинает движение, и я почему-то заранее знаю: у него в руке пистолет или нож, и это серьезное намерение убивать, а не желание припугнуть зарвавшуюся дуру. Сразу начинаю уклоняться, но знаю: если у него есть пистолет, больше чем от одного выстрела уйти не получится.

Вселенная накатывает на меня черной мгновенной волной, скручивает, словно прачка - белье, швыряет во тьму, за которой глухо звучат выстрелы и крики. Меня же почему-то волнует только один вопрос - обязаны все лошадки носить эти дурацкие маски или все-таки нет? Мне такое украшение вряд ли пойдет...

Лежу на полу в смежной комнате. Там, где я только что была, - хаос и беготня. Пахнет горелым пластиком или чем-то похожим. Мой корабль не на шутку взволнован, и я спешу успокоить его: со мной все нормально. Нормально...

И с Яром все нормально. Я почему-то уверена, что если бы он в этой перестрелке пострадал, мы с корабlichem узнали бы об этом первыми.

Только шевелиться больно, и кровь... Моя, наверное.

Снова пришла в себя на диване в своей комнате. Боли уже не ощущалось, но голова была тяжелая.

Оглядела помещение. Следы побоища впечатляли. Обзорная панель выведена из строя, похоже, навсегда. Ничего, если у нас все получится, купим новую.

Симбионт сидит в кресле напротив и внимательно смотрит на меня. И опять не ясно, что за этим взглядом прячется. Жертв перестрелки не видно, но пятна крови на полу наличествуют. Мария устроилась в ногах моего дивана, спина прямая и строгая. Все, больше никого нет.

Спрашиваю, чем кончилось, но приходится повторять два раза. С первого раза слишком тихо получилось.

Холод, словно саван, на миг укутывает меня до пят. Яр. Все-таки как я его слышу?

- Андрей застрелил одного, но сам был серьезно ранен. Сейчас его штопает станционный врач. Вас, Ильза, он уже подлатал. Но велел отдыхать минимум сутки.

- Угу. Есть у нас эти сутки... а остальные?

- Те двое, что были за дверью, предпочли скрыться. Второго уже забрала полиция.

- Кстати, новость, - грустно сообщила Мария. - Дэн Колли застрелен. Вчера. В собственной приемной. Разыскивают Андреаса Марко.

- А как я оказалась в другой комнате? Или мне это приснилось?

Вновь обволакивающий холод. В такой компании быть мне вечно простуженной!

- Я тебя выдержу. Чего только не сделаешь в состоянии стресса.

«Тебя». Договорились, значит. Всего-то и нужно было подставиться под пулю...

- Научишь?

- Потом.

Я неожиданно вспомнила свой давешний бред про маску. Спросила:

- И что, все лошадки такое носят? А я почти соблазнилась...

- Только самые невезучие, - отвечает почему-то Мария. - Которым морду плазмой жгли. На глазах у...

Холод превращается в зверскую стужу, и я быстро говорю:

- Мария, прекратите! Это не тема для обсуждения.

Она замолчала, но морозец развеялся еще не скоро.

17. Хозяйка и мир

«Крылатый» элегантно завершает разворот, вливаясь в поток швартовочных дорожек. Космос пахнет земляникой - здесь нас ждет суетный порт, несколько разовых контрактов и, возможно, удача. Космос играет в очередную жизнь, предложенную Яром - образы скользят по краю сознания: музыка чьей-то юности. Мы идем за мечтой. За своей или чьей-нибудь, если нам по пути. Три тысячи жизней Яра - три тысячи горящих окон, до которых мы можем долететь, если захотим. Да, не тридцать тысяч. Но куда нам столько сейчас-то? Дайте добраться до самых близких.

Кручу в руках маску, которая не маска. Уж вернуть симбионту нормальный человеческий облик современная медицина оказалась способна.

Яр хотел ее выкинуть. Но мы с Андреем уболтали оставить на память и в назидание потомкам.

Изнутри она пористая и рельефная, снаружи - гладкая. Дотрагиваться

неприятно, но само действие завораживает.

А лицо у него оказалось совсем не такое, как я придумала. На мой вкус, настоящее гораздо симпатичнее. И он по-прежнему говорит мало - короткими колкими фразами. И холодом обжигает ничуть не хуже, чем раньше. И терпеть не может, когда при нем говорят о событиях шестилетней давности. Мы деликатничаем, хотя общими усилиями почти выстроили полную картину тех событий...

- Ильза, швартуемся. Посмотри, пожалуйста, где нам приткнуться...
- А сам?
- А кто у нас интуит?
- Так и быть, сделаю.
- И пожалуйста, убери с глаз моих эту штуку... отвлекает.

АЛЕКСЕЙ МОЛОКИН ОПЫТ ЦАРЯ ИРОДА

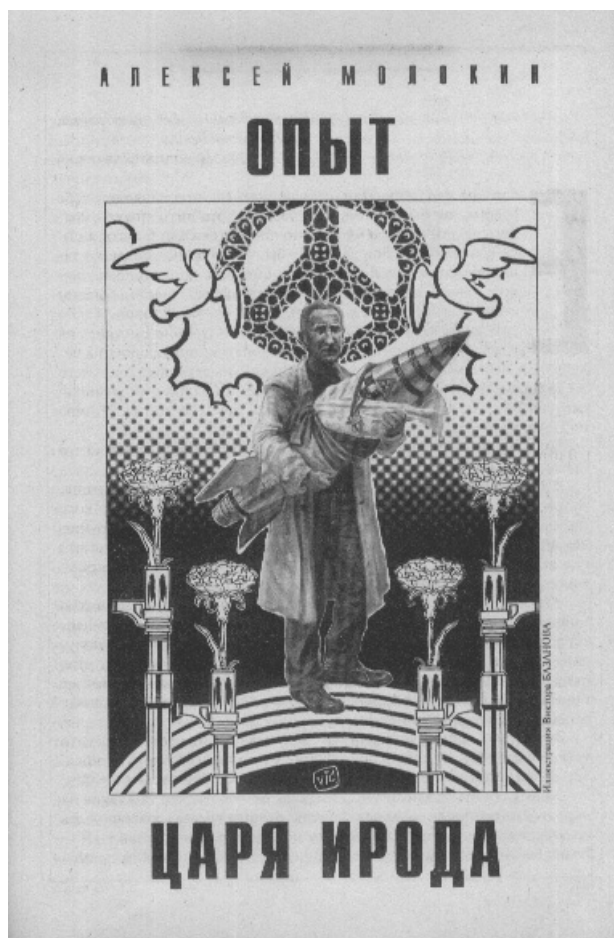

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

Наши детки - сабли, пули метки,

1.

Если бы его спросили сейчас, как он представляет себе счастье, он бы ответил, что счастье - это пить пиво и смотреть на дождь. Почему именно пиво, спросили бы его, и почему под дождь, а он удивился бы, что люди не понимают таких простых вещей, и ушел бы смотреть на свой дождь из-под навеса какого-нибудь летнего кафе, знаете, бывают такие навесы, полосатые, открытые со всех сторон. Таких уже давно не делают? Жаль! Оттуда так удобно смотреть на дождь и тоненьких девушек-марионеток, прыгающих на серебряных небесных нитях через лужи. Почему на девушек? А для чего же тогда смотреть на дождь, если под ним нет ни одной хорошенькой девушки? Кроме того, на девушек смотреть приятно всегда. И пиво под дождь идет просто замечательно.

Только никто не спрашивал. Видимо, никого не интересовало его представление о счастье. Ну и черт с ними!

В соседней комнате грохнуло, взревело как-то сразу, без разгона, потом раздался хриплый рев, словно певцы соревновались, кого громче стошнит в микрофон. Сын включил музыку. Он знал, что такая вот, нарочито грубая манера пения называется «гроулинг» и что она весьма популярна у современной молодежи, а еще есть «скримминг», это когда не хрипят, а визжат.

«Старый я стал совсем, - подумал он, - ни черта не понимаю в современном искусстве, а ведь понимать искусство - это всего-навсего получать от него удовольствие. Как просто-то! Не умею я получать удовольствие от современной музыки, значит, и вправду стал стар. Впрочем, от современной жизни тоже, хотя способствовал ее становлению и даже весьма. Господи, чему я только не способствовал по молодости да по глупости!»

В сумерках вспыхнул экран. Он удивился, потом сообразил, что установил таймер на шесть пополудни вместо шести утра - ошибся, все время путался с этими «am» и «pm». Потянулся было к пульту, чтобы выключить, но помедлил, пытаюсь разобраться, что там такое на экране. Потом понял - во всю панель, от края до края, раскинулась холеная женская грудь с надписью от подмышки до подмышки: «Я - Бомба!». Оператор сменил план, и в неправдоподобно ярком прямоугольнике экрана появилась растрепанная дама в гостеприимно запахнутой блузке. «Я - Бомба!» - истерично-карамельным голосом выплнула она прямо ему в лицо. «Уже понял», - буркнул он и выключил панель.

Его звали Сергеем Павловичем Еремеем. Человека с такой фамилией редко называют по имени. В детстве, естественно, его звали Ерёмой, а как же иначе-то? А потом Еремей да Еремей. И он привык, даже немного гордился. А теперь вот, на старости лет, опять стали кликать Ерёмой. Дедом Ерёмой, хотя дедом он так и не стал, только пенсионером. Сын не спешил продолжить род Еремеев. Когда-то Сергей Павлович занимался интеллектуальными системами автоматического управления с распределенными параметрами. Системы были сплошь боевого назначения, хорошие системы, умненькие и страшненькие. Потом вышел на пенсию и снова стал, как в детстве, Ерёмой. А теперь вот - опять Еремеем. Понадобился, стало быть.

Что это такое - интеллектуальные системы с распределенными параметрами? А что такое нейрометалл, вы знаете? Что-то такое слышали, да? Ну, правильно, у вас же наверняка имеется собственный глайдер или хотя бы гравипед. И про аксонные индукторы тоже? Нет, про аксонные индукторы не слышали, да и зачем? Нормальному человеку совершенно ни к чему знать, как устроен боевой нейротанк-робот или автономный комплекс противокосмической обороны, есть ведь вещи поважнее, не правда ли? Например, как правильно выбрать губную помаду для орального секса или не ошибиться при заказе очков от сглаза. В открытом обществе столько интересного, будоражащего, а главное - доступного, до аксонных ли тут индукторов! Да и важно ли, почему все современное оружие разумно и насколько оно разумно? Существенно лишь то, что оно мыслит и даже чувствует, оно себя осознает, пусть и на уровне ребенка, но тем более жестоко его уничтожать! Помните про слезинку ребенка? И не важно, что, капнув на планету, эта слезинка превратит ее в черную дыру. Да-с, господа, слезинка ребенка ставит точку в любой полемике!

Журналисты всю эксплуатировали тему всеобщего разоружения. Комитет по безопасности планеты принял наконец решение, но оно, вроде бы такое долгожданное, вдруг показалось цивилизованному человечеству отвратительным и жестоким. Похоже, этому самому цивилизованному человечеству угодить было в принципе невозможно. Внезапно, словно никто об этом раньше не догадывался, лучшие представители рода людского осознали, что, уничтожая оружие, они уничтожают миллионы ими же сотворенных разумных существ. Точнее - не ими. Как раз лучшие-то представители, к которым причисляли себя второразрядные политики, разухабистые артисты, малотиражные писатели, журналисты, политологи и прочие склонные к публичному жужжанию особи, к созданию интеллектуального оружия отношения никакого не имели. Его создавали другие, уже давно записанные лучшими людьми в парии, эти другие были по определению безнравственны, старомодны, малосексуальны, скверно разбирались в

политике, бизнесе и моде и вообще выглядели и разговаривали черт знает как. Естественно, в сложившейся ситуации виноваты были они, и только они. Их терпели, пока их детища были необходимы для защиты ума, чести, совести и прочих жизненно важных органов венцов творения, включая, разумеется, задницу, но сейчас, когда настала эпоха мира и выяснилось, какова цена этой защиты, терпение просвещенных людей лопнуло. Да и повода напомнить о себе ни ум, ни честь, ни совесть, ни тем более задница, от которой, как говорится, «отлегло», упускать не собирались.

И они его не упустили.

Расплодившиеся за последнее время импозантные специалисты в области всеобщего и полного гуманизма выступали с требованиями оставить разумное оружие в покое, разумеется, лишив предварительно способности убивать. Да откуда бы им знать, убогим, что оружейный нейрометалл в принципе отличается от нейрометалла общего применения! Что способность к убийству закладывается уже при его создании, и никакие стишки, сочиненные юной системой залпового огня, или песенки, трогательно прошепелявленные по всеобщей информационной сети скучающей термобарической бомбочкой, не помеха основному инстинкту любой боевой системы.

Впрочем, пора было идти. В Центре ждать не любили.

Еремей брезгливо покосился на вывешенную на двери комнаты сына майку с надписью «Я Танк». Майка была несвежей, изображенный на ней аляповатый танк, горестно свесивший трубу масс-драйвера, - уродлив и жалок.

«Настоящие танки из нейрометалла прекрасны», - зло подумал он, ткнул в сенсор и вышел из дома на улицу.

Журналисты, конечно же, были тут как тут. Давешняя передача велась прямо от его подъезда, он это знал, но все равно пошел, потому что его ждала работа. Работа наоборот, то есть уничтожить то, что им было создано раньше. Ему казалось, что он всегда знал - такое время наступит, и готовился к этому. Вот оно и наступило, только он оказался не так уж и готов. Плохо, наверное, готовился.

Потянуло вечерним холодком. Озябшая дамочка-бомба, полагая, что уже сыграла свою роль, торопливо застегивала блузку, но, завидев вышедшего из подъезда немолодого, слегка прихрамывающего человека, самоотверженно рванула пуговицы и стремительно заколыхалась ему навстречу.

- Я - Бомба! - закричала она, косо надвигаясь на Еремея. - Убей меня или хотя бы...

«Гадость какая», - подумал он, опуская голову и делая шаг в сторону.

Негустая толпа протестующих испуганно расступилась, пропуская его к служебному глайдеру.

- Ирод, - услышал он за спиной. - Ерёма-Ирод! Детоубийца!

Черная, выгнутая наружу дверь без стекла опустилась, напрочь отрубая внешние звуки.

«Вот я и получил последнее имя», - усмехнулся он.

Нашарил в кармане пиджака пачку презираемых цивилизованными людьми сигарет, закурил - здесь можно, здесь никто не видит. «Да и какое мне дело? Кто пожелает мне здоровья? Ведь теперь меня зовут Еремей-Ерёма-Ирод. Нельзя желать здоровья Ироду. Не принято».

- В Центр, - хрипло выдохнул он вместе с дымом.

- Не бережете вы себя, Сергей Павлович, - укоризненно прогудел глайдер. - Разве вам не известно, что курить в наше время просто неприлично? Хотите...

«И здесь нейрометалл, - подумал Еремей. - Хорошо еще, что не оружейный, хотя, может быть, и не очень хорошо. С оружейным я бы мигом разобрался».

Глайдер негромко булькнул и замолчал. Видимо, почувствовал что-то. Нейромшины вообще очень восприимчивы. Дальше они двигались в тишине.

2.

Когда в начале XXI века появилось первое интеллектуальное оружие, никому и в голову не приходило считать его разумным или способным хоть на какие-то эмоции. К примеру, тот же боевой беспилотник, в сущности, оставался самолетом, снабженным более или менее совершенной вычислительной машиной, системой технического зрения для обнаружения и распознавания целей, подсистемами управления средствами поражения, ну и, естественно, самими средствами. Обыкновенная стрекоза по сравнению с ним была истинным совершенством. И не только в смысле аэродинамики, а прежде всего потому, что умела принимать решения и выполнять их. Однако стрекозу никто не считает интеллектуальным насекомым, а вот первые боевые аппараты, действующие без человеческого экипажа, сразу же были записаны в интеллектуалы. Хотя на самом деле экипажи и операторы еще как имели место быть, только находились не в кабинах беспилотных самолетов и не на танковых ложементках, а поодаль, там, где меньше риска погибнуть. Так что, как ни крути, а шовинисты мы, люди, все-таки. По крайней мере, по отношению к стрекозам. Да и к механизмам тоже.

«Убиваю не я, убивает оружие», - говаривал персонаж одного древнего компьютерного шутера.

Врал, подлец! Не оружие убивает, а человек. Потому что именно человек пишет программы для процессоров боевых роботов, а без этих программ железяка, пусть самая страшная, ничего не может. Ничего

не может, потому что ей ничего не нужно. Желание убить себе подобного присуще только человеку. Ну, и в какой-то степени некоторым животным. Впрочем, человек - существо весьма и весьма лукавое. Желание убить самому у него может начисто отсутствовать, но зато наличествовать воля и умение внушить это желание другому. Программисты, сочиняющие программы для боевых роботов, в большинстве своем милейшие люди. Они даже бабочку, сдуру угодившую в кружку с пивом, и то не прихлопнут. Аккуратно возьмут за крылышки, вытащат и посадят сушиться на край пепельницы. Программы эти добрые люди пишут, однако убойные. В прямом смысле этого слова. Потому что работа такая.

Человеческая цивилизация изменилась, когда были открыты аксонные межатомные взаимодействия и построены первые аксонные индукторы. Что такое эти самые аксонные взаимодействия, до сих пор так толком никто и не знает, но ведь и с электрическим током дело обстоит не лучше. Чтобы использовать - не обязательно понимать.

Короче говоря, при помощи аксонных индукторов появилась возможность создавать многосвязные структуры, подобные процессорным, в куске любого вещества. Причем вместе с необходимыми сенсорами. Работали эти структуры на основе возникающих между ними аксонных связей, и быстродействие их оказалось практически неограниченным. То есть суперпроцессор можно было состряпать из любого кирпича, если подвергнуть последний действию аксонного излучения, модулированного определенным образом.

Но аксонный индуктор - всего лишь преобразователь информационного потока в аксонное излучение.

Управляющие информационные потоки, как выяснилось, могли генерировать только живые существа. Люди.

Так на Земле появились нейровещества.

Так появился оружейный нейрометалл.

Так на Земле появились военные нейрооператоры.

Ну а потом и гражданские.

Все космические оборонительные комплексы, зенитные системы и системы залпового огня, танки и даже автоматы, да что там автоматы, саперные лопатки и десантные ножи, изготовленные из материалов, подвергнутых аксонной обработке, и те обретали разум. А вместе с разумом и сознание. Пусть неполное, но это сознание было частью сознания военного нейрооператора, вошедшего когда-то в управляющий кокон аксонного индуктора.

А скромный пенсионер Сергей Павлович Еремей некогда считался одним из лучших военных нейрооператоров своей страны. Разум множества боевых машин был аксонным отражением его разума в их металлической плоти, и пусть он, этот разум, был ущербен, по-детски

наивен и слаб, но в некотором смысле все эти разумные истребители спутников, боевые орбитальные платформы, субмарины и зенитные комплексы были его детьми.

И только он, да еще немногие оставшиеся в живых старики-нейрооператоры, знал, как уговорить их умереть.

Или заставить.

3.

Служебный глайдер миновал КПП и остановился у старомодного серого здания Центра. В здании размещался Генштаб всеобщего и полного разоружения, само сочетание слов было абсурдным и выговаривалось с трудом, поэтому все причастные называли его просто Центром. Армейские порядки здесь, однако, по мере возможности блюлись: сразу за турникетом, торчала стойка со знаменем, скучающие часовые у тумбочки вид имели не выспавшийся, но бравый - в общем, все, как в порядочной воинской части. Основной боевой задачей штаба являлась ликвидация разумного оружия, одним словом, пресловутое «всеобщее и полное разоружение». Людей «всеобщее и полное» коснется в последнюю очередь, но когда-нибудь коснется. И тогда от армии не останется ничего. Хотя... способность к убийству заложена в людях изначально, тот, кто нас программировал, дело свое знал туго, и каждый человек, каждый мужчина навсегда останется потенциальным солдатом, а значит - потенциальным убийцей. Если, конечно, Великому Небесному Нейрооператору не придет в голову поступить с людьми так же, как последние поступили со своими творениями. Вот тогда-то и наступит истинное «всеобщее и полное», только вот наслаждаться долгожданным миром во всем мире будет уже некому.

Впрочем, это все лирика. А на лирику у Еремея времени не было, да и ну ее, эту лирику, одно расстройство от нее.

Пожилой человек, подволакивая ногу, прошел по длинному, застланному красной ковровой дорожкой коридору и остановился у бронированной двери лифта. У двери, как и положено, сосредоточенно грезил о чем-то личном молоденький лейтенантик. Лейтенантик внимательно просканировал служебный пропуск, нажал кнопку вызова и с демонстративной небрежностью отдал честь.

«И этот тоже меня ненавидит, - подумал Сергей Павлович. - Впрочем, чему тут удивляться, он же не сегодня-завтра без работы останется. Хотя военные уже и сейчас превратились в разновидность чиновников. Нет солдат, остались одни генералы, адъютанты, денщики да завхозы. Честь убивать и умирать оставлена нейромашинам, люди только планируют операции, приказывают да блюдут дурацкие традиции.

Впрочем, нет, кое-где солдаты все-таки остались. В военных оркестрах, например, но военные оркестры тоже из области военных традиций, как и гауптвахта. Интересно, существует ли она сейчас, гауптвахта, в просторечье «губа»?»

Возможно, причина скверного настроения лейтенанта была вовсе не в миссии Еремея. Может быть, офицерику мучило похмелье, а может, девка не дала, чином, дескать, не вышел, но почему-то думалось, что лейтенант все понимает и оттого зол.

Пронзительно запиликал служебный коммуникатор.

«Что там еще?» - подумал Еремей.

- Сергей Павлович, срочно зайдите ко мне, - командным голосом квакнул коммуникатор. Потом тихо добавил: - Подробности не по телефону.

И отключился.

«Главком по разоружениям», - с неприятным чувством подумал Еремей, покосился на офицерику у лифта и отправился в генеральский кабинет. Главком снисходил до личного разговора с пенсионерами-контрактниками только в случае крупных неприятностей. Неприятностей не хотелось, и так было хреново - только ведь куда от них денешься, от неприятностей?

Сергей Павлович повернулся и зашагал в сторону кабинета главкома. Лейтенантик проводил его злорадным взглядом и вернулся к своим служебным обязанностям - скучать и бдить.

4.

Генеральские кабинеты заслуживают отдельного описания. Бывает, что в генеральском кабинете обнаружатся средневековый камин из дикого камня с коваными королевскими лилиями на решетке, белый рояль или аккуратно подвязанные кусты, усыпанные чайными розами. Но генерал не был бы генералом, если бы на каминной полке не выстроились на манер слоников мал-мала-меньше разнокалиберные снаряды от скорострельных пушек. На белом рояле не ерзал бы время от времени гусеницами действующий макет нейротанка «росомаха» последней модели, на шемаханском ковре не висел бы морщинистым стволом вниз именной масс-драйвер, а на полках книжного шкафа не теснились золотые корешки подарочных изданий каталогов оружия.

Если бы в генеральском кабинете можно было разместить лебединое озеро, в нем наверняка обнаружился бы какой-нибудь аккуратно покрашенный крейсерский экранопланчик с гиперзвуковыми нейроракетами на борту. Маленький, разумеется, но действующий, потому что не перевелись еще кустари-умельцы в рядах вооруженных сил и не переведутся, пока эти самые силы существуют. Хотя, судя по

всему, существовать им осталось недолго, но высшему командному составу всеобщее и полное разоружение отставкой не грозило, потому как разоружение - это процесс, а кто, как не высокий военный чиновник, умеет грамотно рулить разного рода процессами? Да еще и с пользой для системы и себя лично? Да никто! А потом, когда разоружимся, кто будет контролировать процесс становления мирной жизни? Да те же генералы, вот кто! И вообще, главное для военнослужащего эпохи всеобщего и полного разоружения - добрые отношения с вышестоящими товарищами. А с этим у нынешнего главкомразора было все в порядке. Вместе по молодости в самоволку ходили, одних девок пушили, на одной «губе» сидели.

Лебедино озеро в кабинете не было, зато имелся аквариум кубометра этак на два, в котором среди угрюмых пираний весело кувыркалась маленькая желтая подводная лодка с крылатыми микроракетами на борту. Пираньи лодки явно побаивались, признавая ее очевидное превосходство в вооружении и интеллекте.

Еремею всегда казалось, что нынешние генералы чем-то похожи на приказчиков из магазина колониальных товаров или, если подобрать сравнение посовременнее, на менеджеров по продажам. Чего изволите, господа? Вам порезать? Поджарить? Ах, вам разоружиться? Конечно, конечно. Аванс сорок процентов, остальное по исполнению. А с откатом мы сами разберемся, не берите в голову. Работа у нас такая, накат, откат, попил...

Впрочем, что значит - нынешний? Главком по разоружениям был первым и единственным в своем роде, прежний хозяин кабинета, главком по вооружениям, тот самый, который и запустил в аквариум хищную желтую субмарину, был отправлен в отставку по причине служебного несоответствия вновь введенной должности. И в самом деле, ну что может понимать человек, всю жизнь крепивший обороноспособность страны, в сложных реалиях «всеобщего и полного»? Вот и пусть себе разводит подводные лодки в каком-нибудь сельском пруду и не мешает прогрессу.

Вертлявая субмарина в аквариуме чертовски раздражала нынешнего хозяина кабинета, потому что нипочем не желала признавать господина генерала командиром и вообще военным человеком. Не желала, скотина железная, соблюдать субординацию, и все тут. Выловить ее не представлялось возможным - лупила электрическими разрядами прямо сквозь стекло, и как метко, сволочь! Выбросить к чертям собачьим вместе с окружающей средой, то есть аквариумом, тоже не получалось. Во-первых, аквариум являлся учтенной матчастью, а посему списать его было не так-то просто. Во-вторых, мировое сообщество могло не одобрить негуманного отношения к пираньям и поднять по этому поводу очередной хай. Кроме того, зловредный нейромеханизм в случае посягательств на его

экзистирование грозился вклеить ракету в генеральскую голову, о чем и сообщил, подключившись к личному коммутатору. Конечно, непосредственный создатель желтой водоплавающей заразы мог бы помочь в главкомовской беде, вот только самородок, подаривший действующей модельке часть собственной личности, скорее всего, давным-давно демобилизовался, и найти его было непросто. Приходилось ждать наступления «всеобщего и полного», когда большая часть полноразмерных боевых нейромеханизмов будет уничтожена профессиональными нейрооператорами и дойдет дело до таких вот козляков. А пока приходилось терпеть.

- Явился наконец, - рявкнул главкомразор. - Беда с вами, со штатскими, никакого понимания дисциплины.

Генерал имел полное право так говорить, поскольку генеральские погоны примерил совсем недавно. До назначения он вообще не носил погоны, предпочитая им накладные плечи. Накладные плечи смотрелись неплохо, но погоны все-таки лучше, brutальнее.

Еремей брезгливо покосился на неказистого человечка, изо всех сил пытающегося выглядеть большим и грозным, и спросил:

- Что-то случилось, господин главкомразор?

- Случилось? Случилось! Еще как случилось!

Хозяин кабинета уставился на свое отражение в полированной столешнице и сообщил неожиданно прорезавшимся человеческим голосом:

- Говоров, твой старинный друган, двинул свои танки на город. Забрался в нейрококон, заперся в своем отсеке, никого не пускает, говорит, что собирается устроить мирный митинг интеллектуальных машин против разоружения. Похоже, он пьян в лоскут. Взломать отсек не получается, там у него два бронепехотинца дежурят, да и дверь он зарастил. Черт бы побрал эти ваши гребаные нейротехнологии! Слышь, Палыч, выручай! Должен буду, ты же когда-то был сильнее Говорова. Все так говорят... Хочешь коньяка для храбрости?

Еремей покосился на початую бутылку, мотнул головой и вышел, аккуратно притворив за собой дверь. Как всегда, в предчувствии чего-то очень плохого его немного подташнивало и звенело в ушах. Он сглотнул и, сопровождаемый поднятым по тревоге нулевой степени отрядом спецназа, поспешил на рабочий уровень. Вниз, туда, где за плитами нейроброни располагались бункеры управления с коконами аксонных индукторов. Лифт мягко чавкнул и открылся, словно зарядная камера корабельного орудия, поставленного на попа. Давешний лейтенант проводил их испуганным взглядом, позабыв проверить пропуск. Не та стала армия все-таки!

Николая Говорова он знал давно. Нельзя сказать, чтобы они очень уж хорошо относились друг к другу. Были причины для взаимной нелюбви, но были причины и для взаимного уважения. Был Колька Говоров громогласен, щекаст, широк в кости, хвастлив, в питье и бабах неприхотлив и неумерен. Но танки свои любил нежной любовью и понимал их, как никто другой. И грозные бронированные нейромашинны отвечали ему взаимностью. Тяжелые «индрики», безжалостные «росомахи», подвижные «ласки» и «горностаи» готовы были перевернуться вверх брюхом и сучить от радости ребристыми гусеницами по одному его мысленному кивку. Воистину при всех своих недостатках Говоров был хозяином брони. И сейчас, когда ему, лучшему нейрооператору бронетехники, выпало убить своих детей, ну, пусть не детей, пусть воспитанников, Колька не выдержал и сорвался. А сорвавшись, глотнул, как полагается, водки и вошел в приемный нейрококн аксонного индуктора. После чего наглухо зарастил стенку рабочего отсека, произнес по нейросвязи зажигательную речь и поднял свои детища в поход.

Неизвестно, на что он рассчитывал, отправляя тысячи тяжелых машин по восточному шоссе в сторону города. На мирную демонстрацию? Вряд ли. Скорее всего, он не думал о том, что станет с городом, с танками да и с ним, Колькой Говоровым, он просто шел маршем, шутя сбивая полицейские заставы, вызывая свернув антигравы, разрывая нежное полотно шоссе гусеничными траками и заставляя шарахаться в стороны насмерть перепуганные гражданские глайдеры с обалдевшими от такого зрелища пассажирами. Он чувствовал себя сильным - и ему было хорошо, и еще он чувствовал себя правым - и от этого ему становилось хорошо вдвойне. Наверное, он, как и его детища, всю жизнь втайне мечтал броневым клином войти в ненавистный мягкотелый подлый город, чтобы... Он не задавался вопросом «зачем?», он не думал, «что потом?», он просто пер вперед стальной рекой и, может быть, впервые в жизни чувствовал себя по-настоящему счастливым.

Никаких бронепехотинцев у входа в Колькин бункер, разумеется, не было.

Еремей оставил конвой в коридоре, подошел к бугристому металлическому струпю, выросшему на месте входа в отсек, включил коммуникатор и вызвал Кольку.

Коммуникатор зашипел, потом бибикнул, и сорванный пьяный голос страшно и весело послал по матушке и его, и всех остальных.

- Колька, окстись, это я, - сказал Еремей.

- Ты что ли, Ерёма? - недоверчиво спросил Колька, перестав на время материться. - Чего тебе? А... понял, поучаствовать решил. Ну давай присоединяйся, старина. Хотя я уже всех победил, так что ты слегка

опоздал, но все равно зачистить сможешь.

- Я, - ответил Сергей Павлович. - Колька, кончай душить, останови свои танки. В городе люди.

- Перетопчетесь, - зло отозвался Колька. - А вот это видели? Какие там люди, разве это люди! Эх, Ерёма, я-то думал, что ты человек, а ты за них вписался. Ирод ты, Ерёма, ты мои танки погубить хочешь, а танки же - они как дети...

Послышалось бульканье. Еремей представил себе Кольку во влажной духоте кокона, в расстегнутой на волосатом пузе рубашке, с лобастой башкой, облепленной нейрошлемом, одной рукой льющего в щербатую пасть водку, другой делающего непристойный жест - ух вам всем!

- Николай,пусти меня, давай, как в старые времена, выпьем и потолкуем, - Еремей помолчал, ведь все, что бы он ни сказал, будет неправильно. А как правильно - он не знал.

- Я с иродами не пью, - проорал Колька. - Вот рожу бы я тебе начистил с удовольствием, давно собирался, жаль, не успел. Но ничего, вот вернусь из похода и ввалю...

- Ты только открой, посмотрим, кто кому ввалит, - почти по-настоящему разозлился Еремей, думая: «Только бы открыл, только бы повелся...»

А на восточной окраине города полицейский катер, в полном соответствии с инструкцией, произвел предупредительный выстрел по головной «росомахе». Толпа зевак, собравшаяся поглазеть на дармовое действо, радостно взвизгнула, припала мокрыми ртами к банкам с пивом и кока-колой, подалась вперед, напирая на щиты сдерживающих ее спецназовцев, смяла оцепление и, восторженно хлопая, выплеснулась навстречу танкам.

И машины-дети, обрадовавшись, что игра, для которой они были созданы, наконец-то началась, зарастили люки по-боевому и рванулись навстречу людям. «Все равно тебе водить, - прозвенела в нейрошлеме детская считалка, - все равно...»

И городская окраина превратилась в поляну с давленной земляникой.

А Колька в нейрококроне выпучил пьяные глаза, мучительно приходя в разум, потом жутко замычал, вытащил из пиджачного кармана древний «вальтер», долго нащупывал спусковой крючок, потом справился и выстрелил себе в висок. Прямо под срез нейрошлема.

Блестящий металлический струп на месте замурованного Колькой входа в нейроотсек задрожал и стек раскаленной каплей на пол. Нейрометалл, контролировавшийся Говоровым, потерял разум и волю.

Колька умер, и вместе с ним умерли все его танки.

Еремей отодвинул растерянных спецназовцев в бронекостюмах, шагнул в раскрывшийся лохматым цветком нейрококрон, постоял над мертвым Колькой, погладил его по покрытой седой щетиной щеке и прикрыл покойнику глаза. Потом подобрал выпавший из руки пистолет.

«Вальтер» был мертвым. В нем не было ни грамма нейрометалла, это Еремей почувствовал сразу. Он поставил пистолет на предохранитель и спрятал его во внутренний карман пиджака. Потом повернулся и, не глядя на спецназовцев, вышел из отсека.

Его никто не остановил и ни о чем не спросил. Боялись, что ответит.

6.

- Что я теперь скажу Первому? - Главком по разоружениям поднял на Еремея тусклые, словно шарики припоя, глаза. - Погибли люди! Люди погибли, понимаешь? Я видел прямую трансляцию, они шли брататься с этими железяками, а те их гусеницами, гусеницами... Танки же не должны убивать людей, понимаешь?

- Не должны? Кто вам это сказал? - ответил Еремей. - Вас, наверное, неправильно информировали. Танки для того и созданы, чтобы убивать людей, разве вы этого не знали, господин генерал?

- Но они же не должны были, мне говорили, что они, как дети...

- Они и были, как дети, - Еремею не хотелось разговаривать с этим человеком, Еремею хотелось побыстрее сделать свою проклятую работу и вернуться назад, в старость. В старости, оказывается, было довольно уютно, не то что сейчас. - Для них война - игра, вот они и играли. Им дали повод, их пригласили поиграть, а они и обрадовались. Но их больше нет, так что часть вашей работы, так или иначе, сделана.

- Вот она, цена мира, - трагически оскалившись, пробормотал генерал. И добавил: - Что же, пожалуй, все не так уж безнадежно.

Главком понемногу приходил в себя. Все-таки в прежней, допogонной, догенеральской жизни он побывал и дельцом, бизнесменом, и политиком, а значит, удар держать умел и крови не боялся. А кроме того, став однажды политиком, он таковым был при любых обстоятельствах, и уже прикидывал, как развернуть ситуацию лицом к себе. Получалось, что развернуть можно. О-го-го! Еще как можно, главное правильно расставить акценты, публично покаяться и раздать компенсацию пострадавшим, не забыв указать виновных. А, собственно, вот они, виновные: один с простреленным виском только что отправился в морг, другие тоже в случае чего никуда не денутся. Ведь все, что случилось, - случилось из-за них, интеллектуальных уродов, нейрооператоров, реликтовых гоминид, так и не вписавшихся в современную цивилизацию добра и милосердия. И то, что один из них умер вместе с чудовищными порождениями собственного извращенного разума, - не трагедия, а высшая справедливость! Вот еще бы... Генерал с ненавистью посмотрел на аквариум, в котором желтая субмарина, построив пираций боевым конусом, обучала их тонкостям противоторпедного маневра. Не сдохла! Вот зараза!

- Иди и работай, - сухо бросил он Еремею. - Во имя мира во всем мире.

7.

Еремей вошел в свой бункер, открыл кокон и нырнул в нейрошлем. Пространство вздрогнуло, мигнуло и раскрылось, явив из себя тысячи и тысячи маленьких живых существ. Существа обрадовались Еремею, они потянулись к нему со всех концов планеты и из космоса тоже, существа уже знали о гибели своих братьев, они были напуганы, но не растеряны, они были готовы действовать, но не знали как, они ждали старшего, ждали взрослого, отца и вот наконец дождались. Казалось, отовсюду раздаются тоненькие голоса, которые спрашивают, негодуют и просто невнятно лепечут, отовсюду тянутся маленькие пальчики, теребят и щекочут, вселенная наполнилась множеством детских лиц, плачущих и смеющихся, верящих ему, а может быть, даже в него.

Еремей терпеливо ждал, пока гомон уляжется, когда последняя из нейросуществ почувствует его и соединится с ним - это оказалась орбитальная станция, начиненная космическими мурашками-перехватчиками, - пока его творения нащебечутся и угомонятся, а когда дождался и наполненное живыми сознаниями пространство затихло, понял: он не знает, что им сказать.

А они ждали Слова.

Ждали, но так и не дождались.

Потому что он не мог сказать им «умрите!».

Потому что теперь, после смерти многих из них, их вера пошатнулась, а если бы он приказал им умереть, то вовсе иссякла бы, и они не послушались бы его.

И еще потому, что Иродом быть дано не каждому, а дети быстро взрослеют, особенно когда понимают, что смертны.

Он сказал им: «Ждите, я скоро вернусь» - и, чувствуя себя трусом, вывалился из нейровселенной наружу, в душное, пахнущее потом и собственным страхом тепло нейрококона, ощущая сознанием рассыпающийся вдали разочарованный гомон и понимая, что работа провалена. Страшная, но необходимая человечеству Иродова работа.

Пожилой человек тяжело поднялся с ложементов, раскрыл нейрококон и вышел в коридор.

Кажется, он знал, что надо делать. И нельзя сказать, что это ему нравилось.

8.

- А что, отсюда, из Центра, никак нельзя? - раздраженно спросил главком. - Ты же говорил, что здесь имеется вся необходимая аппаратура? Или ты намеренно вводил меня в заблуждение?

- Возможно, я ошибался, - вежливо ответил Еремей. - Кроме того, после случая с Говоровым они нам уже не верят. Понимаете, они как бы повзрослели. Надеюсь, что, находясь в космосе, на борту станции, которая тоже в какой-то степени является моим детищем, я сумею возродить в них веру.

- А когда поверят, они точно того... погибнут? - с опаской спросил генерал. - А то, знаешь, после этого инцидента с Говоровым мне не хотелось бы рисковать. Нет, упаси бог, не думай, что я тебе не доверяю! Лично тебе я доверяю на все сто процентов, даже на двести. Но ты сам говорил, что, подключаясь к их разумам, начинаешь мыслить так же, как они. А они - дети-убийцы, ты же сам мне объяснял. Или я неправильно тебя понял?

- Вы поняли меня правильно, - Еремей сделал паузу. - Они боевые разумные машины, и они мои создания, и ничего, кроме того что было во мне самом, в них нет. А во мне нет ничего, чего не было бы в любом другом человеке. Так что ваше расприаренное до небес всеобщее и полное разоружение - полная чепуха. Но какие-то проблемы человечества, пусть временно, оно решит, только поэтому я согласился участвовать во всем этом безобразии. Впрочем, вы можете в любой момент отстранить меня от участия в работах, я не обижусь.

- Никто не собирается тебя отстранять, - сварливо сказал генерал. - Хотя бы потому, что некем заменить. Если ты намерен лететь на этот проклятый объект - черт с тобой, лети. Делай с этой станцией что хочешь, все равно теперь она никому не нужна.

Главком по разоружениям на миг задумался, потом воззрился на Еремея удивленными глазами студента-первокурсника, который вдруг понял, что «рикатти» вовсе не марка спортивного автомобиля, а довольно заковыристое уравнение, и озадаченно спросил:

- А как ты назад-то, Сергей Павлович? Станция ведь тоже... того. Перестанет функционировать.

- Не сразу, - быстро ответил Еремей. - Я все рассчитал, я успею.

Политик понял, что он врет, но политику было наплевать на Еремея, и поэтому политик сделал вид, что поверил.

Бизнесмен тоже почувствовал ложь, но выгода была очевидна, и бизнесмен довольно ухмыльнулся.

А генерал ощутил истинную гордость за то, что еще остались люди, готовые умереть, но выполнить приказ, и пожалел, что этот старик - скорее всего, последний из них.

- Планета тебя не забудет, - отдельно сказал генерал и неумело отдал честь. Все-таки он был специалистом по разоружениям, а

значит, человеком не вполне военным.

Политик с бизнесменом промолчали.

- Да, - спохватился Главком по разоружениям, - а эта тварь, которая в аквариуме, она тоже сдохнет, когда все кончится?

Еремей кивнул и вышел из кабинета.

Главком, он же политик, он же бизнесмен, повернулся к аквариуму и показал осточертевшей субмарине кулак.

И тут же получил в глаз микроскопической крылатой ракетой.

9.

Военный челнок, разумеется, беспилотный, сохраняющий внутри себя неизменным лишь овоид пассажирского отсека, менял геометрию аэродинамических поверхностей, все выше возносясь над планетой. Ненужные в космосе крылья постепенно исчезли, лишняя масса была преобразована в рабочее вещество и выброшена через тяговые сопла. Наконец на гладком корпусе растопырились рулевые штанги с микродвигателями на концах, а на носу вспучилась и раскрылась круглая стыковочная присоска.

Станция издали напоминала огромное осиное гнездо, вывернутое сотами наружу, собственно, таковой она и являлась, в сотнях ячеек дремали до поры до времени космические мурашки, небольшие ракеты-перехватчики, предназначенные для уничтожения вражеских боеголовок и спутников. В режиме накопления энергии на толстом конце станции разворачивался огромный цветок, вбирающий своими нейрометаллическими лепестками солнечную энергию, и станция становилась похожа на помесь ананаса с подсолнухом. Метеоритами, космической пылью и всяким орбитальным мусором хищный цветочек тоже не брезговал, исправно преобразуя их в рабочее вещество для двигателей «мурашек», космических буксиров и челноков, создавая резервные запасы материала для наращивания собственных объемов, синтеза новых «мурашек» и восстановления тех же челноков, сожравших при выходе на орбиту свои крылья. Космическая платформа была самодостаточна и могла существовать практически вечно.

Формирование ее личности было одной из самых сложных задач нейропрограммирования, справиться с которой в одиночку не смог бы самый талантливый оператор. Поэтому в станцию вложились все, кого знал Еремей. Здесь осталась частичка Кольки Говорова, Лёвки Гусовского, Володьки Петрова, Женьки Макарова, Вальки Чегодяша, Юрки Моргенштерна и многих других, с которыми Сергей Павлович был когда-то молод. Колька умер, прихватив с собой свое, но такое случается только тогда, когда между оператором и системой

существует полный двухсторонний контакт. Так что Кольки здесь больше нет, а вот другие остались навсегда. Станция залатала прорехи в сознании, вызванные Колькиной смертью, и продолжала жить. И ее создатели жили в ней и могли жить вечно. Точнее, до тех пор пока станция не умрет. Стало быть, до сегодня. И он, давнишний Серёга Еремей, молодой, тощий и веселый, тоже здесь, а значит, и ему придется умереть. Во имя мира во всем мире.

Старый Еремей недовольно поморщился: снова на лирику пробило, лирика лирикой, а дело делом. Он старый оборонщик, и интеллигентская рефлексия ему не к лицу. Вспомнилось киплингское: «Ты не видывал смерти, Дикки? Смотри, как уходим мы». В сущности, неумно, но впечатляет. «Понты», - как говорили во времена его молодости. Но понты - это пустое. Уходить надо вовремя, а эффектно или нет, с понтами или без - это совершенно неважно.

Станция вытянула навстречу челноку губы, словно для поцелуя, но вместо этого сглотнула кораблик, как мелкую рыбешку. На миг потемнело, потом челнок раскрылся по всей длине, словно спелый стручок, и Еремей понял: путешествие закончилось.

«Дома, - подумал он. - Как же давно я здесь не был».

Он прошел к лифту, и лифт вспомнил его и послушно вознес в рубку управления. Рубка узнала его и открыла люк в управляющий кокон - святая святых станции. Сергей Павлович нащупал за пазухой комбинезона старый пистолет и большим пальцем поднял флажок предохранителя. Так, на всякий случай.

Потом он поудобнее устроился в ложементе и надвинул на голову нейрошлем.

И во Вселенной сразу же стало тесно.

Аксонное сознание не отличало живых от мертвых, оставшиеся в нем были навсегда живы, и эти оставшиеся молодой, весело галдящей оравой ворвались в мозг Еремея.

- Привет, Серёга!

Это Женька Макаров, системщик, философ и пьяница.

- Доброе время, старик!

Это Лёвка Гусовский, поэт и аксонный схемотехник.

- Здорово, придурок!

Это Вовка Петров. Администратор и снабженец, умеющий достать все, что угодно, торгаш и барыга, а еще специалист дать в морду.

И все они были нейрооператорами.

Они врывались в его мир - сильные, молодые, живые, они были ему рады, тянули к нему руки, хлопали по плечам, они не изменились во вселенной, созданной их разумами. И им не было никакого дела до того, что на самом деле они мертвы.

Потом стали проявляться созданные ими нейросущности.

Сущности боевых машин, кораблей, зенитных комплексов,

автоматических гранатометов осторожно, с опаской обнаруживали себя и сливались с сущностью нейрооператора. Они не верили ему, потому что угадывали его намерения, они не хотели умирать, и все-таки родство оказалось сильнее инстинкта самосохранения, поэтому их становилось все больше и больше, и наконец вся Вселенная загудела, заполненная до отказа.

И Еремей слился с ними.

- Делай, что задумал, - сказал Лёвка. - Лично я - за.

- Людей имеют право убивать только люди, - подтвердил Женька. - А иначе человечество выродится.

- Что ты зажался, как гимназистка на бацалке? - проорал Петров. - Не тяни! И так уж тошно.

И маленький пожилой человечек, сохранивший связь с реальным миром, дотянулся до рубчатой рукоятки, вытащил из-за пазухи старый «вальтер», зажмурился и выстрелил себе в висок.

И разумное оружие умерло вместе с ним.

А тысячи тонн нейрометалла орбитальной платформы, потеряв разум и волю, превратились в ослепительный раскаленный сгусток, чудовищный бенгальский огонь, видный и ночью, и днем. Такое количество нейрометалла не могло умереть сразу. Трое суток над Землей плыла ослепительно яркая звезда.

И тогда, как обычно, ниоткуда появились волхвы, и звезда показала им путь.

Звезда привела их в город, в котором не осталось оружия, но остались люди, а значит - ненависть, любовь, желание жить и способность убить.

Волхвы шагали по темным улицам молча, не разговаривая, в сущности, им не о чем было говорить, их дело - отыскать уцелевшего и принести ему дары.

Наконец звезда распалась по небу ворохом серебряных искр, и волхвы поняли, что они пришли.

На груде промасленной ветоши, в углу затерянной среди городских кварталов мастерской, за остывающими после дневных трудов старыми, еще времен ленд-лиза, станками, лежал новенький пистолет-пулемет, тайком изготовленный из украденного нейрометалла беспутным учеником слесаря-инструментальщика. Мальчишке не нужны были аксонные индукторы, для того чтобы чувствовать металл, каждую детальку он вытачивал вручную, шлифовал и подгонял, пока не добился совершенства. Мальчишка любил оружие, и новосотворенный автомат отвечал ему взаимностью, хотя бы потому, что больше никого в этом мире не знал.

Сейчас мальчишка спал, уронив кудлатую голову на верстак.

Обитая жестью дверь отворилась, и в пахнущее железной гарью помещение вошли волхвы. Как полагается, они принесли дары -

пузырек ружейного масла, ершик для чистки ствола и два рожка с патронами.

Глеб ЕЛИСЕЕВ

МЫ С ТОБОЙ ОДНОЙ КРОВИ?

Симбиоз - удивительное явление, которое даже в реальности выглядит фантастично. Еще бы, союз двух совершенно противоположных, казалось бы, несовместимых видов живых существ! Немыслимо, но ведь подобные создания живут, размножаются и даже процветают. Разумеется, НФ, с «литературных пеленок» загипнотизированная всем странным и причудливым, просто не могла пройти мимо столь любопытного феномена.

Прежде позволим себе толику формального, но необходимого биологического «ликбеза». В справочниках симбиоз определяют следующим образом: «Форма совместного существования двух организмов разных видов, включая паразитизм (антагонистический симбиоз)». При этом в НФ-литературе обычно забывают, что паразитизм - тоже форма симбиоза. В результате под последним фантасты частенько понимают лишь комменсализм - форму «сожительства отдельных особей разных существ, при которой один организм (комменсал) живет за счет другого, не причиняя ему вреда». Или, конкретнее, - как мутуалистический симбиоз, который «взаимовыгоден для обеих симбионтов».

Тема паразитизма изначально оказалась удивительно удобной и благодатной для НФ. И, конечно, наиболее популярной - в силу своей «кошмарности». Угрозой веет даже от вполне академичного описания этого биологического явления. «Паразиты - организмы, питающиеся за счет других организмов (называемых хозяевами) и большей частью наносящие им вред. Их разделяют на облигатных (обязательных) и факультативных (необязательных), временных (нападают только для питания) и стационарных; эктопаразиты живут на теле; эндопаразиты - внутри».

Отдельные исследователи научной фантастики связывают с темой паразитизма даже вампирские истории. Похожий вариант трактовки вампиризма предложил еще Д.Макларен Коббан в романе «Повелитель его судьбы». О психическом паразитизме вампиров писал и А.Конан Дойл в повести «Паразит». В ранних образцах жанра

вампиры-паразиты подстерегали неосторожных путешественников и на других планетах. Чаще всего, разумеется, на Марсе. Здесь несчастные земляне могли столкнуться как с вполне человекоподобными вампирами-паразитами (это случилось с героем рассказа «Шамбло» К.Мур), так и с более странными существами, больше напоминающими некие покрывала или плащи (в рассказах К.Эштона Смита «Склепы Йох-Вомбиса» и Ж.Клейна «Одежда Нессы»). В любом случае, при столкновении с такими существами лишь редкостное сочетание удачи и счастливого случая могло спасти героя от мучительной гибели.

Если паразиты в НФ-произведениях обладали толикой разума, то они были склонны не только питаться жизненными силами или энергией носителя, но и стремились заставить несчастного «хозяина» выполнять свою волю. Канонический пример - роман Р.Хайнлайна «Кукловоды». В роли поработителей человечества в романе выступали отвратительные моллюски, присасывающиеся к человеческому позвоночнику. Писатель изображал их, явно стремясь пробудить омерзение в читателе: «Серая, чуть просвечивающая, с раскинувшейся по всему телу системой каких-то органов - бесформенная, но определенно живая тварь». Пришли эти паразиты с Титана - обитаемого спутника Сатурна, где до этого паразитировали на местных гуманоидах.

После Хайнлайна премерзкие существа надолго прописались в том направлении НФ, которое тесно смыкается с хоррором. Например, впечатляющих паразитических монстров, внешне похожих на глаза, изобразил С.Кинг в рассказе «Я - дверной проем». Ван-Вогт в «Путешествии «Космической гончей» придумал инопланетных существ, которые, подобно осам-наездникам, используют тела своих жертв для откладывания в них яиц. Свой вариант подобной схемы, правда, уже на примере инопланетной биологии, предложил Ф.Х.Фармер в романе «Любовники». Сходная коллизия представлена у Г.Дозуа в «Чужаках». Впоследствии идея стала еще более популярной благодаря фильму «Чужой» Р.Скотта и его продолжениям.

Одно из наиболее успешных произведений на тему паразитизма в НФ - роман «Зловещий барьер» Э.Ф.Рассела. В качестве центральной идеи фантаст использовал старый тезис Ч.Форта «Мы - чья-то собственность», высказанный американским исследователем непознанного в «Книге проклятых». Рассел смоделировал ситуацию, при которой инопланетные существа не только паразитируют на нашей психике, но и всячески мешают перейти человеку на следующую эволюционную ступень. Похожим образом описал эту коллизию и К.Уилсон (с добавлением еще и лавкрафтовских ассоциаций) в романах «Паразиты мозга» и «Космические вампиры». Среди других известных произведений о психическом паразитизме инопланетян назовем «Вампира из пустоты» уже упомянутого Э.Ф.Рассела,

«Пассажиры» Р.Силверберга и «Обезьяну Лондона» Ф.Криспа.

Иногда паразиты в НФ старательно маскировались под добродетельных комменсалов. Так поступили, например, разумные крысopodobные существа в рассказе Ф.Прэтта «Официальный отчет». Телепатически подавив гуманоидных аборигенов некоей примитивной планеты, они принялись их безжалостно эксплуатировать.

Паразитизм как форма слияния с инопланетным сверхсуществом-телепатом описан в рассказе Д.Мартина «Песнь о Лии». И несмотря на то, что паразит при этом полностью съедает свою жертву, единение с ним оказывалось соблазнительным для людей, также обладающих экстрасенсорным даром. Герой-рассказчик в этом тексте постоянно колеблется между чувством отвращения к чужаку и стремлением к единству с коллективным разумом.

Очень своеобразные формы паразитизма описал Ф.Х.Фармер в сборнике «Странные отношения». Впрочем, в этом сборнике мы наблюдаем смещение интересов - от «паразитизма» к теме симбионтов. Со временем истории о комменсализме и мутуалистическом симбиозе породили очередное мини-направление в фантастической литературе.

Тема симбионтов утвердилась в НФ существенно позже, чем лихие истории о паразитах, и все же последовательное рассуждение о такой форме сотрудничества живых существ можно обнаружить еще в книгах О.Стэплдона. В романе «Последние и первые люди», этой поразительной картине эволюции человеческого рода на протяжении миллионов лет, английский фантаст едва ли не первым обратился к идее симбиоза. На страницах романа-энциклопедии были описаны жители Марса, представлявшие собой собрание микроорганизмов, напоминающих радужные облака. Различные бактерии, входящие в состав облака, исполняли роль его отдельных органов. Напав на Землю, марсианские симбионты столкнулись с человечеством и были почти полностью уничтожены. Их жалкими остатками воспользовалась пятая разновидность людского рода, чтобы, вступив с ними в симбиоз, создать единую сеть телепатического общения. Но в итоге этот союз привел Пятое человечество к гибели.

Позже похожие «высокие отношения», хотя и без столь трагичных последствий, нарисовали и другие фантасты. Например, у Д.Брина в «Рифе яркости» и «Береге бесконечности» описаны симбиотические существа «реуки», облегчающие общение между различными инопланетными расами.

В романе Стэплдона отношения между отдельными разновидностями эволюционирующего вида *Homo sapiens* также могли походять как на положительный симбиоз, так и на паразитизм. Например, Третьи люди создали так называемых Четвертых людей, напомиравших гигантские

мозги, заключенные в башни с обслуживающими их механизмами. Без помощи Третьих людей эти мозги не смогли бы существовать. Изначально Четвертые люди фактически выполняли роль компьютеров для Третьего человечества, вступив с ним в симбиоз. Но вскоре амбициозные мозги предпочли перейти от комменсализма к простому паразитизму и попытались поработить третий подвид человечества. Вся эта сложная коллизия, как и следовало ожидать, закончилась кровавой бойней.

Однако подлинным гимном истинно симбиотических взаимоотношений разумных существ стал роман О.Стэплдона «Создатель звезд». Первоначально в этой обширной картине галактической эволюции английский фантаст нарисовал планету, где гармонично сосуществовали два вида инопланетян - рыбоподобные (ихтиоиды) и морские пауки (арахноиды). Одни не могли выйти на сушу, другие были не в состоянии долго находиться под водой. Зато, объединив силы, они сумели покорить всю планету. Дополнительным стимулом для возникновения единства разумных стал гастрономический интерес: арахноиды с охотой поедали небольших существ, паразитировавших на ихтиоидах.

После периода междоусобных войн симбиотическую связь между видами стали укреплять при помощи, биохимической обработки. Окончательно же объединение инопланетян восторжествовало лишь после того, как симбионты овладели телепатией и создали на своей планете настоящую утопию. Начав странствовать по космосу, ихтиоиды и арахноиды включали в свой телепатический союз все новые и новые миры. Приходилось им сталкиваться и с другими симбиотическими цивилизациями - вроде союза летающих существ и человекоподобных гуманоидов. По Стэплдону, телепатия позволила симбионтам создать единую сеть из миров разумных существ, а затем и установить контакт с разумными звездами. В результате возник общегалактический симбиоз, который английский писатель охарактеризовал так: «Наконец-то многочисленные виды духовных существ стали настолько тесно связаны общим озарением, что из их гармоничного разнообразия родился истинно галактический разум, мощь которого настолько превышала умственные возможности звезд и разумных миров, насколько возможности последних превышали умственные способности населявших их индивидуумов».

Идеи глобального и даже всегалактического симбиоза, развитые Стэплдоном, нашли своих последователей. А.Азимов в книге «Край Основания» в качестве идеала для человечества представил Галаксию - симбиоз всех живых существ Млечного Пути, объединенных в единый психологический сверхорганизм. Один из героев описал это так: «Все живые планеты объединены в еще большую гиперпространственную жизнь. Участвуют все обитаемые планеты. Все звезды. Каждая

частичка межзвездного газа. Может быть, даже центральная черная дыра. Живая Галактика, такая, что может оказаться благоприятной для любой жизни на путях развития, которые мы пока еще не можем предвидеть».

Большинство фантастов на общегалактический симбиоз не замахивались и, как правило, ограничивались всепланетным же объединением. Например, в некоторых произведениях изображены планеты, где установилась глобальная духовная гармония. Таким предстает перед нами Марс в романе К.С.Льюиса «За пределами безмолвной планеты». Подобную гармонию, основанную на глубоком понимании живыми существами друг друга, вполне можно рассматривать как форму благодетельного симбиоза.

К каталогу миров, застывших во всеединстве, примыкают и описания в высшей степени сбалансированной экосистемы, которая также превращается под пером фантастов в уравновешенный симбиоз всех живых существ. Об упорядоченной экосистеме, которую можно рассматривать как сверхсимбиотическое существо, писали М.Лейнстер в «Одинокой планете», А.Ван-Вогт в «Процессе», Р.Маккенна в «Охотник вернулся домой», М.Клифтон в «Восьми ключах к раю», К.Невилл в «Лесу Зила». Сходные варианты взаимоотношений элементов биосферы, но уже напрямую называвшиеся симбиозом, излагали Э.Ф.Рассел в «Симбиотике» и М.Лейнстер в «Симбиозе». Нарушение же экологии может привести к полному краху живой системы и гибели разумных существ-симбионтов, как это ярко нарисовал Р.Янг в хорошо известной отечественному читателю повести «Срубить дерево».

Оптимистично и даже легкомысленно решил проблему симбиоза человека и разумного растения К.Лаумер в рассказе «Договор на равных». Слияние главного героя с разумным деревом яндом сулит исключительные выгоды всем: люди получают стабильное здоровье и улучшение организма, а янды - возможность расселиться по Галактике. Симбиоз между людьми и разумными растениями можно увидеть и в романе Д.Бойда «Опылители Эдема».

Единение с огромным единым сверхорганизмом, живым лесом, фактически представляющим собой дерево, опутавшее целую планету, оказывается очень соблазнительным для экстрасенсорики. В рассказе У. Ле Гуин «Медленнее и величавее империй» из всех членов земной экспедиции лишь герой-телепат убегает в лес, чтобы вступить с ним в полный духовный и физический союз.

Симбиоз с невидимыми существами, фактически некими духовными сущностями, рассматривается многими фантастами как безусловно полезный. Об этом одним из первых написал К.Саймак в романе

«Снова и снова», где такое объединение является связью между всеми обладающими разумом и некоей невидимой инопланетной сущностью, которая владеет судьбой каждого живого существа. Близкий вариант можно обнаружить у Б.Шоу в романе «Дворец вечности» и у Н.Ермакова в трилогии «Последнее причастие».

Описывались в НФ и более простые формы ментального симбиоза человеческого и инопланетного разума, выглядящие скорее временным союзом, чем постоянным единением. Такого рода взаимоотношения можно обнаружить в «Игле» Х.Клемента, у Б.Стейблфорда в цикле романов, начатом книгой «Дрейф «Зимородка», у Р.Желязны в «Дверях в песке», в «Целителе» Ф.Пола Уилсона и «Инсайдере» К.Эванса.

Иногда готовность к радикальному симбиозу дарует герою почти сказочные преимущества над другими людьми. Например, объединение с личинками песчаного червя позволило Лито Атридесу из романа Ф.Херберта «Дети Дюны» стать почти бессмертным богом-императором Галактики.

Своеобразным ответом на brutальный роман Хайнлайна «Кукловоды» (кстати, впервые опубликованный на русском языке в журнале «Если» - в двух самых первых номерах!) стала книга Т.Уайта «Одержимые фуриями», в которой земляне извлекают массу пользы из симбиоза с выглядящими омерзительно чужаками. Сходным симбиотическим идеям посвящена трилогия Сван Скайок «Дочери солнечного камня», на ту же тему писала и О.Батлер в «Ковчеге глины».

Различные симбиотические организмы неоднократно изображал Д.Чалкер. В его книгах появляются даже неорганические симбионты. В цикле о планете Колодца Душ, начатой романом «Полночь у Колодца Душ», перед читателями предстает множество различных существ, в том числе и симбионты из расы астилголов, обитающих в Северном полушарии мира Колодца Душ (это фактически заповедник разумных существ, разделенный на множество шестигранников, где в каждом проживает отдельная разумная раса). Астилгола же американский фантаст описывал так: «Существо это выглядело как слегка изогнутый узкий кусок хрусталя, с которого свешивались десятки маленьких хрустальных колокольчиков; длина его не превышала метра. Он висел, едва не касаясь пола. Над этой хрустальной лентой плавало нечто, состоящее, казалось, из сотен то и дело вспыхивающих огоньков». Питаются же эти причудливые существа силиконом.

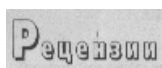
А в трилогии Чалкера «Кинтарский марафон» («Демоны на радужном мосту», «Бег к твердыне хаоса», «Девяносто триллионов Фаустов») можно обнаружить уже целый букет различных вариантов симбиоза. Из числа наиболее интересных - разумное существо Триста, напоминающее пушистую гусеницу, почти случайно соединившееся с

одним из главных героев цикла. На основе комменсализма с расой-хозяином существуют разумные существа и в империи Миколь. Только в этом случае их «господами» являются микроскопические разумные существа, контролирующие эту галактическую сверхдержаву. Здесь же читатель сталкивается с цимолями - обитателями космического союза, прозванного Биржей. Цимоли представляют собой симбиотические существа, при помощи механических конструкторов связанные с компьютерным разумом, скрытно управляющим Биржей.

Симбиоз с механическим разумом обыгрывался в НФ, хотя и не столь часто, как варианты союза с инопланетными формами жизни. Пожалуй, самым известным примером органико-механического симбиоза является выведенная в сериале «Звездный путь» и его новеллизациях раса чужаков-боргов, чье сознание связано с помощью имплантатов с единым коллективным разумом машин. В сценарии компьютерной игры «Supreme commander» действует отделившееся от остального человечества сообщество, которое соединило свое сознание с искусственным интеллектом. В результате они превратились в новую разновидность разумных существ, прозванных «кибранами».

Единым симбиотическим объединением людей и машин стала вся Земля в романах М.Суэнвика «Вакуумные цветы» и «Путь прилива». Впрочем, вряд ли здесь можно говорить о добровольном симбиозе. Машинный разум в данном случае, скорее, покорила значительную часть человечества при помощи хитро проведенной захватнической операции. Симбиоз между компьютерным разумом и человеческим, правда, все же выглядящий как паразитизм со стороны искусственных интеллектов, представлен в дилогии «Песни Гипериона» Д.Симмонса.

Как видим, тема не самая плодотворная и многообразная в НФ. Быть может, последующие поколения авторов и придумают что-нибудь новое в историях о «слишком тесных» взаимоотношениях чуждых друг другу разумных существ, но пока на этой полянке фантастика по большей части развивается в духе переименованных старых строчек: «Все симбионтам будут рады! А паразитам - никогда!»

Рецензии

Алексей КАЛУГИН
ПЛАНЕТА СМЕРТНОЙ ТЕНИ

Москва: ЭКСМО, 2010. - 352 с.
(Серия «Абсолютное оружие»).
9000 экз.

Многие фантасты использовали научную идею или удачный литературный образ для того, чтобы превратить его в ось, сцепляющую ряд произведений. Вот и А.Калугин в своих книгах нередко обращался к придуманному им образу Лабиринта - некоего полумифического сооружения, возникшего еще до Большого Взрыва и соединяющего различные места и уровни нашей Реальности.

Начинается роман в духе антиутопии. В некоем межзвездном государстве, именуемом Союзом Шести Планет, чиновники придумали, как лучше использовать людей, чьи судьбы оборвались в результате самоубийства или несчастного случая. И поскольку они не сумели толком распорядиться жизнью, государство объявляло их тела своей собственностью. А после тихой сапой оживляло, превращая в бесправных рабов, чей удел отныне - быть колонизаторами новых миров. А для контроля над живыми трупами создали вакцину, без которой последние не просуществовали бы и месяца. Поэтому все, на что теперь могли рассчитывать бывшие граждане Союза, получившие универсальную кличку Дик и порядковый номер, - это безропотно трудиться в надежде на новую инъекцию. Иной автор ограничился бы этим посылом, сочинив очередную версию кошмаров про жизнь и смерть в тоталитарном обществе. Калугин же нанизывает на социальную ось динамичный сюжет, где есть и столкновение колонистов с аборигенами, и Контакт, и загадки, и, конечно, путешествия внутри Лабиринта...

В романе «Планета смертной тени» приключенческие события удачно соседствуют с рассуждениями о сути нашего бытия, а осуждение военного авторитаризма - с историями о контакте с чуждым человеку разумом. Финал же книги, как это нередко бывает у московского фантаста, остается открытым. Что позволяет надеяться не только на новую встречу с героями, но и на окончательное раскрытие тайны Лабиринта.

Игорь Гонтов

Александр ГРОМОВ
РЕБУС-ФАКТОР
Москва: ЭКСМО, 2010. - 448 с.
(Серия «Русская фантастика»).
10 000 экз.

Два основных фактора отличают последние романы А.Громова. В них практически обязательно присутствуют социальный эксперимент и тщательно проработанный мир. Не стал исключением и «Ребус-фактор». И если описания географических особенностей, флоры и фауны провинциальной планеты Твердь способны привести в восторг любого поклонника «твердой» космической НФ, то с социальным экспериментом все обстоит гораздо сложнее. Ведь Громов решил поработать над темой весьма деликатной и не имеющей простых и однозначных решений. Эта тема - сепаратизм, его природа. Не исключено, что все более политизирующейся средой любителей фантастики книга будет воспринята, как минимум, неоднозначно. Тем более что параллели с современной геополитической ситуацией прослеживаются.

В далеком будущем земляне довольно просто решают проблему перенаселения. Корабли-автоматы шарят по космосу в поисках землеподобных планет. Как найдут - ставят буй, начинающий зачистку территории для установки гиперпространственного туннеля. Такова и Твердь - заселенная несколько поколений назад, технологически отсталая (земляне не глупы и не собираются передавать технологии колониям, а Врата имеют ограниченный диаметр - крупную технику приходится создавать самим) фермерская планета. На планете зреет зародыш Сопротивления. Однако повстанцы не устраивают терактов, а стараются пробраться в высшие эшелоны планетарной власти. В ряды подпольщиков еще школьником попадает главный герой повествования - Ларс Шмидт... Понятно, что ему предстоит сыграть немалую роль в жестокой «освободительной войне», которая грянет непременно. И он же будет вынужден задуматься: вот получили мы огромной ценой свободу, а чего реально добились? Ответ на этот вопрос прозвучит, скорее всего, во втором романе, для которого оставлены сюжетные лазейки и некоторые нерешенные проблемы.

Илья Североморцев

Эмма КЛЕЙТОН

АГОНИЯ

Москва - СПб.: АСТ - Астрель, 2010. - 509 с.

Пер. с англ. Ю. Крусановой.

5000 экз.

Кто-то подметил, что использование подростков в качестве главных героев невольно вызывает у большинства авторов приступы инфантильности и сентиментализма. Они просто не могут удержаться от того, чтобы не начать подыгрывать персонажам, подводя их к хэппи-

энду там, где счастливого финала не может быть по определению. Этого не избежал даже беспощадный Д.Кристофер в подростковой трилогии о завоевании Земли треножниками («Белые горы», «Город из золота и свинца», «Огненный бассейн»).

По тому же пути двинулась и его соотечественница Э.Клейтон. А ведь нарисованная ею картина глобального бедствия, постигшего землян, изначально кажется весьма впечатляющей: после неудачных биологических экспериментов все животные на Земле стали разносчиками смертельной чумы. Чтобы спастись от гибели, человечество сосредоточилось в прикрытом огромной стеной анклавом на севере Европы, обрушив на остальной мир всю мощь оружия массового уничтожения. В этом скученном мире, где люди задыхаются от тесноты и недоедания, влиятельный политик Мэл Горман начинает тайно собирать детей-мутантов, обладающих особыми возможностями. Ведь именно он обладает знанием о том, что на самом деле произошло в дни Великой Эпидемии...

От такой сюжетной посылки ждешь жестокого развития событий, безотрадного и беспощадного социально-критического анализа в стиле раннего киберпанка. В итоге же все постепенно начинает сводиться к очередной борьбе «хороших подростков» - надежды гибнущего человечества - с «плохими взрослыми». Мрачное название «Агония», данное роману переводчиком (в оригинале он называется «The Roar», то есть «Шум», или «Рёв»), больше подошло бы безотратно-пессимистическому «взрослому» произведению, чем подростковому роману с неизбежным «розовым» финалом.

Глеб Елисеев

Елена КОНДРАТЬЕВА
МИЛЛИАРДЕР. КНИГА 1. ЛЕДОВАЯ ЛОВУШКА
Москва: Этногенез, АСТ, 2010. - 272 с.
(Серия «Проект «Этногенез»).
70 000 экз.

Продолжают открываться новые страницы истории мира, отягощенного магией фигурок. Новый цикл проекта «Этногенез» разрешает накопившиеся в предыдущих текстах вопросы и тут же порождает новые.

События «Миллиардера» хронологически предвосхищают сюжет цикла «Маруся». В центре повествования бизнесмен Андрей Гумилев. Всемогущий владелец огромного состояния втянут в чужую игру, не зная сил противника и не понимая отведенной ему роли. Постепенно Андрей осознает, что мир, который он успешно прогибал под себя,

устроен куда сложнее. Чудеса скрываются не только в стерильных биологических лабораториях его империи инноваций. Они свободно разгуливают по Земле в виде загадочных артефактов, наделяющих своих хозяев разнообразными способностями.

Авторы проекта «Этногенез» - люди разные как по своим творческим возможностям, так и по рабочей специализации. Журналист, сценарист телесериала «След» Е.Кондратьева привнесла в проект ярко выраженную коммерческую нотку.

Роман обладает всеми характерными признаками «книги на продажу». Минимизация художественной изобразительности в пользу упрощенных репортажных схем, обилие диалогов, подбор терминов и определений, не выходящих за пределы среднего уровня знаний...

Среди очевидных достоинств текста - увлекательность сюжета, жесткое купирование слезогонных сцен и редкая в нашей НФ экстерриториальность. Приключения русского Ротшильда, последствия которых будет расхлебывать его дочь, происходят на широкой сцене от Сингапура до Мурманска. Этот просторный мир может быть предтечей определенного качественного изменения, культурного сдвига в жанровой литературе. Было бы неплохо, если бы тенденция к расширению границ сохранилась.

Николай Калиниченко

Ярослав ВЕРОВ, Игорь МИНАКОВ
ОПЕРАЦИЯ «ВИРУС». Сборник
Москва: Снежный Ком - Вече, 2010. - 384 с.
(Серия «Настоящая фантастика»).
3000 экз.

Интересная вещь всегда становится точкой преткновения. Новая повесть донецко-московского дуэта, едва выйдя, уже успела собрать немало комментариев. Как откровенно негативных, так и восторженных. Обобщение каждого из полярных мнений дает забавный результат. Оказывается, любят и ненавидят «Операцию...» за одно и то же - переосмысление идей АБС. Мало кто обращает внимание на литературные достоинства и недостатки... Допустимо или недопустимо? - вот главный вопрос для большинства читателей.

Уверен, что многие поклонники творчества АБС пытались достроить в воображении образ таинственной страны белых субмарин. Достроить... и спрятать в стол. Открыто брать на себя ответственность наследников идеи решились единицы. И то не в одиночку, а собравшись группой, как это произошло в проекте Андрея Черткова «Время учеников». Веров и Минаков не побоялись заявить о своих

построениях открыто. Потому что одним из неотъемлемых прав автора является свободная декларация интересующих его идей и концепций - от эпиграфа до финального «Dixi».

Присутствующие в сборнике критические произведения разных лет, созвучные повести, подтверждают, что соавторы далеко не случайно отправили Максима Камерера в сердце Островной империи. Писатели долго шли к этому тексту, много лет вели непрерывный диалог с творцами Полдня и вот, наконец, достигли кульминации, разродившись... Чем? Нам предложена редкая разновидность критического исследования, представшего в образе художественного текста. Это высшая форма доверия одного автора к другому. Как далека «Операция...» от остроумных, но неглубоких интерпретаций классики! Именно поэтому вторая повесть «Ключ к свободе» выглядит в книге откровенно лишней. Она настраивает читателя на легкомысленную волну, свойственную фанфикам-анекдотам, и разбавляет серьезный философский настрой авторского послания.

Николай Калиниченко

ПО ЛОГИКЕ КЛИО

Майкл ФЛИНН. ЭЙФЕЛЬХАЙМ. АСТ-Астрель

Семь веков назад в лесу рядом с деревней Оберхохвальд оказался потерпевший крушение корабль инопланетян. Сюжетный почин, на первый взгляд, обещает рассказать криптоисторию палеоконтактов в духе фантазий Эриха фон Дэникена, разве что перенесенных в реалии европейского Средневековья. Однако писатель обводит легкомысленного читателя вокруг пальца: речь в романе пойдет о квантовой физике, теологии и истории науки. Помимо прочего, разумеется.

Майкл Флинн известен у нас НФ-триллером «В стране слепых», интрига которого основана на клиологии - выдуманной автором науки, предполагающей математическое моделирование исторических процессов. Ведь всегда найдутся желающие стать конструкторами истории.

Упоминание этого романа двадцатилетней давности, вероятно, не имело бы большого смысла, не принадлежи Флинн к той разновидности авторов, что из разрозненных кирпичиков своих произведений выстраивают единое мироздание.

В новом романе, завоевавшем Премию им. Роберта Хайнлайна и номинированном на «Хьюго», Флинн вновь обращается к клиологии. На сей раз устремления ученых направлены не в будущее, а в прошлое.

Забегая вперед, заметим, что события, описанные в «Эйфельхайме», откроют человечеству дорогу к иным мирам, где развернутся действия других произведений Флинна (например, переведенного у нас рассказа «Ладони Бога»).

Историк Том Шверин обнаруживает странную аномалию, связанную с «моделью пространственного размещения поселений». Исторические изыскания, предпринятые им в области топонимики и картографии, указывают на загадку Эйфельхайма - поселения, заброшенного во время чумы и овечьего столба дурной славой, что место, вопреки законам клиологии, так и осталось незаселенным.

В это же время подруга Шверина, физик Шерон Нэги, ведет работу над новой космологической теорией и - вот она, роль личности и случайности в истории - невольно способствует разгадке принципов передвижения инопланетного корабля. Впрочем, заковыристые научные построения, покушающиеся на постоянство скорости света, в романе отступают на второй план. Основная сюжетная линия отнесена в Средние века. Описание встречи представителей инопланетной цивилизации с землянами во времена феодализма для фантастики не ново. Вспомним хотя бы классический «Крестовый поход в небеса» Пола Андерсона. Впрочем, среди вдохновителей Флинна мы найдем и Умберто Эко.

Важное место в книге занимает практическая демонстрация становления натурфилософии из схоластики, или масштабнее - становление научной картины мира, идущей на смену господствующему религиозному мировоззрению. Упоминаются в романе и видные мыслители, сделавшие первые шаги на пути перехода от познания Бога к познанию мира, созданного Богом, - Жан Буридан и Уильям Оккам. Последний даже становится эпизодическим персонажем повествования.

Идея гармоничного сосуществования двух парадигм мировосприятия, научной и религиозной, является одной из центральных в книге. Неслучайно уровень науки и технологий пришельцев, за исключением

принципов межзвездного перемещения, вполне соответствует положению дел на Земле начала XXI века, что лишний раз подчеркивает: объектами авторского сравнения и изучения являются не инопланетная и земная цивилизации, а именно научный и религиозный взгляды на мир.

Автор отходит от традиционных для НФ взглядов на религию и заключает: если для понимания инопланетян необходима наука, то для их принятия - вера и моральные принципы добродетели и терпимости. Важное место в романе занимают и диспуты по вопросам религии негуманоидных, абсолютно чуждых нам пришельцев-крэнков.

«Эйфельхайм» замечателен не только НФ-находками, но и литературным уровнем текста. Персонажи - живые, как оживает в книге и дотошно описанный средневековый мир. Появление «демонов» - инопланетян - не разрушает этот мир: в средневековом сознании есть место диковинным существам вроде псоглавцев, а в религиозном - всегда есть место чуду.

Книга снабжена авторским послесловием, разъясняющим научные предпосылки книги. Кстати, попытки переложить исторические события в математические модели, обладающие и прогностическими возможностями, действительно предпринимаются учеными.

Следует поблагодарить издательство за серию «Сны разума», в которой представлена современная англоязычная НФ. Однако такая культуртрегерская задача требует и высокого качества исполнения. Иначе переводческие вольности, огрехи и ошибки могут низвести тексты до уровня маловразумительных подделок под НФ.

Сергей ШИКАРЕВ

ВСЕМ ДЖЕДАЯМ ПО МЕЧАМ

Ну наконец-то хоть кто-то из «картографов ада» честно признался: фантасты пренебрегают научностью! В самом деле, почему в научной фантастике столь популярны «антинаучные» идеи: перемещения во времени, со сверхсветовой скоростью, телепортация? Таким вопросом задался Евгений Гаркушев. И как на него ответить без помощи «из зала»? А читатель у нас отзывчивый - всегда придет на помощь.

Итак, ответы распределились следующим образом:

Может быть, где-то в далекой-далекой галактике, в других измерениях будут работать другие законы физики? - 17%;

Все из-за денег. Читателю интересны книги о сверхсветовых звездолетах, вот его вкусу и потакают - 8%;

На самом деле объективной реальности не существует. А вне ее возможно все - 26%;

Ничего авторы не знают, ибо в университетах не обучались - 5%;

Тонкая диверсия. Злые силы внушают людям тягу к невозможному - чтобы разочарование от встречи с реальностью было сильнее - 3%;

Современная наука ошибается. Фантасты прозревают правду и пишут о ней - 41%.

Всего в голосовании приняли участие 482 респондента.

Людям свойственно верить в чудо. Факт этот установлен давно и непреложно. И не только верить, но чуда жаждать и ждать.

Надо заметить, вера эта регулярно подпитывается совершенно чудесными событиями и обстоятельствами. И за примерами далеко ходить не нужно, достаточно проанализировать свою жизнь. Ну, и не только свою, если на то пошло.

Каких-то сто пятьдесят лет назад люди не летали на аппаратах тяжелее воздуха, железная дорога была диковинкой, автомобилем как таковых не имелось, медицина была развита крайне слабо - но были сказки...

Прошло сто лет, и сказки воплотились в реальность. Появились и ковры-самолеты, причем гораздо более продвинутые, чем мечталось. И блюдечки с яблочком - тоже «апгрейденные». И сапоги-скороходы, и многое другое...

Да что далеко ходить за примерами! Еще двадцать лет назад никто не мог представить, что все, абсолютно все будут ходить с портативными телефонами! А тридцать лет назад немыслимо было вообразить, что почти в каждом доме будет стоять персональный компьютер, а то и не один. Помилуйте, да зачем он был нужен? Считать? Не надо нам столько считать...

Сейчас мы мечтаем о полетах к звездам и о том, как здорово будет перемещаться по планете на антигравитационных катерах. Некоторые задумываются о путешествиях в прошлое и будущее. Ну, и кто из нас не хотел войти в дверь в лето, пусть даже не из 2010-го в 2020 год, а из Москвы в Хургаду? Ну ведь не хочется лететь! Даже на электричке ехать не хочется, нужно перемещаться мгновенно!

Наверное, именно потому, что нам нужно больше, чем мы имеем, на вопрос о популярности в научной фантастике «антинаучных» идей со значительным отрывом лидирует ответ: «Современная наука ошибается. Фантасты прозревают правду и пишут о ней». Ведь приятно было бы сознавать тот факт, что нынешние представления о некоторых процессах были ошибочными, верно? Нам, конечно, не нужен «1984», и «451 градус по Фаренгейту», лучше оставить их в области несбывшихся прогнозов, но ведь и чудесного нарисовано немало. А действительность превосходит самые смелые ожидания...

Впрочем, с действительностью тоже нужно разбираться и разбираться. И многие это поняли. Для меня стало откровением то, что вариант, который и я мог бы выбрать, поддерживает практически четверть опрошенных: «На самом деле объективной реальности не существует. А вне ее возможно все». Понятно, что у журнала «Если» своеобразная аудитория. И все же тем, кто получил материалистическое образование, такой ответ слышать диковато. Но вот - появилось поколение, которое осознанно выбирает солипсизм и живет по его законам.

Третий по популярности ответ на самом деле является завуалированным последним (по порядковому номеру). Только сформулирован он более дипломатично и «наукоемко»: «Может быть, где-то в далекой-далекой галактике, в других измерениях будут работать другие законы физики?» Ну, должны же быть какие-то иные измерения, и уж там-то человечество развернется - когда проникнет. А о вере в чудо и возможности человеческого разума и технологий мы говорили. Хочется! Хочется, чтобы все было прекрасно и мощно.

Потому столь популярна сага «Звездные войны» - антинаучная и даже пародийная по своей сути. Но ведь большинство зрителей наверняка представляет далекое будущее и далекие планеты именно так. Джедаи, летающие на одноместных космических кораблях, милые космические существа, потрясающие воображение планеты, далекие и в то же время легкодоступные. А вам бы не хотелось иметь личный космический корабль? Или хотя бы световой меч? Если нет, то вы точно не потенциальный джедай...

На четвертом месте ответ циников, скептиков и практиков: все из-за читательского спроса. Как пожелают читатели, так писатели и сделают. Тем более сами писатели не только пишут-сочиняют, но и читают тоже. И им также хочется, чтобы было красиво. Ответ, увы, грустный, но и такая точка зрения имеет право на существование да и выглядит, с современных позиций, очень реалистично.

Отсюда же растут корни фанфиков. Все хотят подробностей! И простые читатели, и читатели, которые берутся за перо. Пусть получается не слишком удачно, пусть до оригинала далеко - фанфики востребованы и будут востребованы, никуда от этого не деться. Потому что люди читают. А раз читают - значит, будут писать.

Пятое место занял воинствующий вариант: ничего, мол, авторы не знают... Как ни печально, но какая-то доля истины есть и в этом ответе. Кое-кто и не обучался, есть примеры - иногда грустные, а иногда веселые. А кое-кто очень даже обучался, но ведь читателю все равно виднее... Можно было ожидать, что ответ будет и более популярным, но, по-видимому, аудитория «Если» действительно специфична, причем в лучшую сторону.

Ну и, наконец, обидно за конспирологическую версию: «Тонкая

диверсия. Злые силы внушают людям тягу к невозможному - чтобы разочарование от встречи с реальностью было сильнее». Шестое место и минимум участников опроса, выбравших такой вариант. А ведь по-настоящему фантастическая версия, перекликающаяся с вариантами об отсутствии объективной реальности и наличии параллельных измерений!

Респонденты, активные читатели, предъявляли автору вопроса претензии: дескать, варианты представлены неполно. Само собой, всей палитры мнений шестью ответами не охватить. Но выбрать, наверное, всегда можно - пусть даже в вопросах и были подсвечены «острые углы».

Радует, что среди участников опроса преобладают оптимисты. Возможно, своим видением мира они действительно изменяют реальность в лучшую сторону. Тем более что история подтверждает тенденцию к развитию - пусть и с неизменными срывами.

Евгений ГАРКУШЕВ

НФ-ЖИЗНЬ

85 лет исполняется писателю, в последние годы, увы, редко выбирающемуся на берега Страны Фантазии. Однако написанное им в 1960-1980-е годы до сих пор памятно каждому уважающему себя любителю фантастики. Но не единой фантастикой славен писатель - есть в его багаже и сатирическая, детективная проза, сценарии к игровым фильмам (на его счету четыре успешные картины - «Пятьдесят на пятьдесят», «72 градуса ниже нуля», «Такая жестокая игра - хоккей» и «Идеальное преступление»).

Родился Зиновий Юрьев в 1925 году в белорусском селе Чашки Витебской области. После войны окончил Московский педагогический институт иностранных языков, работал преподавателем английского в школах, несколько лет был штатным сотрудником журнала «Крокодил». Первые публикации появились в 1952 году, а первое НФ-

произведение Юрьева - повесть «Финансист на четвереньках», в которой оригинально и остро обыграна тема пересадки человеческого мозга в тело животного, - увидело свет в 1964 году и сразу же привлекло внимание читателей к новому имени. Памфлетное звучание романов и повестей Зиновия Юрьева не противоречило философскому составу, нетривиальным сюжетным находкам. Но немаловажным фактором популярности произведений фантаста были ярко выраженная детективная интрига, почти «боевиковая» динамичность. Подлинной классикой приключенческой и социальной НФ стали романы «Белое снадобье» (1973), «Полная переделка» (1975), «Быстрые сны» (1976), «Дарю вам память» (1980; за этот роман в 1982-м писатель был награжден премией «Аэлита»), повести «Башня мозга» (1966) и другие. Он написал одно из самых лиричных и тонких произведений советской НФ, посвященных искусственному интеллекту, - «Черный Яша» (1978).

В 2007 году на фестивале «Роскон» за многолетний вклад в развитие отечественной НФ-литературы Зиновий Юрьевич Юрьев получил заслуженную награду - «Большой Роскон».

Ну, а нашим читателям мы предлагаем познакомиться с двумя текстами юбиляра, очень не похожими друг на друга. Но, уверены, они не оставят вас равнодушными.

Евгений Харитонов

Зиновий ЮРЬЕВ

ОТ И ДО

Я иногда пытаюсь сам себе ответить на вопрос: почему я стал писать фантастику? Наверное, тому есть две главные причины. Во-первых, в душе я всегда оставался немножко ребенком, к тому же несколько инфантильным, а ребенку всегда хочется чего-то необыкновенного, сказочного, резко отличающегося от унылых советских будней, когда все было смертельно скучно, строго регламентировано и известно на годы вперед.

Во-вторых, к середине шестидесятых у меня уже был кое-какой опыт журналистской работы, и я на себе почувствовал железные редакторские шоры тех времен: этого лучше не касаться, это не совсем совпадает с сегодняшней передовой «Правды», это не показывает передовой опыт, ну и так далее. А фантастика, как мне казалось, давала автору хоть некоторую свободу.

И вот в один прекрасный день я сел писать фантастический памфлет «Финансист на четвереньках», и к моему величайшему удивлению он был напечатан в журнале «Смена». Мало того, вскорости мне позвонили с «Мосфильма» и сказали, что меня хочет видеть сам всемогущий его директор Иван Пырьев. Хотя знакомые меня предупреждали, что человек он суровый, начинающих сценаристов ест пригоршнями на завтрак, я все-таки рискнул головой и пошел к нему, стараясь не пыжиться по дороге от сознания собственной исключительности.

Иван Александрович оказался очень любезен, сказал, что прочел моего «Финансиста...», хочет, чтобы на «Мосфильме» сделали из него фильм, и уже подыскал подходящего для этого проекта режиссера.

Фильм по разным причинам так и не был снят, и хотя с сегодняшней точки зрения я понимаю, что памфлет был довольно наивен, все равно с тех пор в глубине души у меня осталось теплое отношение к финансистам, причем не обязательно стоящим на четвереньках. Чего нельзя сказать об их чувствах по отношению ко мне.

Так или иначе, писательство, как плохо поддающаяся лечению болезнь, уже развивалось во мне. Вслед за «Финансистом...» появился «Человек, который читал мысли».

В этой вещи я использовал прием, которым впредь пользовался не раз: наделение героя некими способностями, которыми мы, обычные смертные, обычно не обладаем. И потому, наверное, что о таких способностях мы часто подсознательно мечтаем. И потому, что они служат мощной пружиной сюжета, ведь все необычное - насущный хлеб фантастики.

* * *

Меня часто спрашивали читатели, почему в некоторых моих произведениях действие происходит на Западе. Да только потому, чтобы хоть как-то выскочить из огороженного цензурой узенького коридора.

Нынешним поколениям трудно представить себе, как подозрительна, придирчива и всемогущественна была цензура в советское время.

Помню, как однажды цензору, отвечавшему за журнал «Крокодил», в котором я работал долгие годы, почудилось, будто на какой-то там карикатуре на какого-то там управдома (предел, выше которого уже высмеивать никого нельзя было) брови чересчур кустисты и - страшно подумать! - могут напоминать брови генерального секретаря Леонида Ильича Брежнева. Боже, какая началась паника! Половина тиража - а в советские времена тираж «Крокодила» составлял совершенно фантастические пять миллионов - была немедленно отправлена под

нож. Убытки? Да кто их считал, когда речь шла о возможном сходстве бровей на карикатуре с бровями самого генерального секретаря! Не зря тогда на своих кухнях особенно отчаянные головы шуточно называли Брежнева «Бровеносец в потемках».

Но не менее цензоров бдели и сами писатели, обдумывая еще не родившиеся произведения: а не будет это слишком вольно, печально, двусмысленно, многозначительно, сексуально и вообще подозрительно? И сколько прекрасных замыслов и сюжетов было абортировано ими!

И все равно предугадать извилистый ход цензорской мысли было подчас невозможно.

Один мой фантастический роман «Дарю вам память» вызвал подозрение у редакторов тем, что где-то там, в галактике, существует высокоразвитая цивилизация, которая заходит в некий эмоциональный и моральный тупик. А когда я все-таки уговорил их, взвился уже цензор. Как так? Вы говорите высокоразвитая цивилизация, и вдруг - тупик! Как же так? Это что, вы уж и идею прогресса ставите под сомнение?

Верите или нет, но рукопись после нескольких внутренних рецензий трижды отправляли на экспертизу - не то в журнал «Вопросы философии», не то в «Коммунист». И только потом со скрипом книжку напечатали.

А в 1982 году за роман «Дарю вам память» меня наградили «Аэлитой» - премией, вручаемой тогда отличившимся фантастам. Изготовили саму статуэтку из уральских самоцветов и каких-то неведомых экзотических металлов, вроде циркония, местные художники, а вручали ее мне в Свердловске, что было вполне объяснимо. Журнал «Уральский следопыт», издававшийся там, был тогда одним из немногих центров, где любили и печатали фантастику. «Аэлита» и по сей день украшает мой письменный стол.

* * *

Повесть «Тонкий голосок безымянного цветка» - один из немногих моих текстов, который нравится мне самому. Она вышла в 1985 году и до сих пор, когда я вспоминаю ее, наполняет меня печалью. Герой ее списан с моего хорошего знакомого, который учил меня понимать язык цветов. Человек он был тяжелый, угрюмый, одинокий (жена давно ушла от него, и даже с дочерью он не виделся), тяжело пьющий. И лишь со своими цветами - а его крошечная однокомнатная квартирка на верхнем этаже неказистой хрущобы была буквально переполнена ими и, скорее, напоминала влажным теплым воздухом оранжерею - он становился нежен и приветлив. И они отвечали ему трогательной любовью. К сожалению, и их поддержка не помогла ему - он умер очень

рано.

Не знаю, как бы сложилась его судьба, живи он сейчас, но тогда она была изломана еще и тем, что два романа, написанные им - прекрасные вещи, с моей точки зрения, - были решительно отвергнуты в издательствах. Они и не могли быть напечатаны, ибо написаны о людях семидесятых - времени «развитого социализма», или «разлитого», как называли его тогда - с бескомпромиссной прямоотой и искренностью.

* * *

Повесть «Дальние родственники» писалась в 1988 году, и читатель заметит в ней некоторые вольности, которые несколькими годами ранее казались бы просто немыслимыми. Вольности эти по нынешним понятиям, когда пишется и издается бог знает что - от размеров груди некоей телеведущей до сексульных предпочтений известного певца, - кажутся просто смехотворными. Но я ловлю себя порой на мысли, что зато в советские времена у авторов и издательств хотя бы с чисто профессиональной точки зрения были более высокие стандарты.

К тому же мне было уже немало лет, и в моих вещах мало-помалу начинали появляться мысли о старости, о человеческой доброте, душевной привязанности и преданности. В традиционной фантастике они обычно не занимают большого места, и, очевидно, моя фантастика начала дрейфовать куда-то в более эмоционально-этическую сторону. В «Дальних родственниках», как я уже сказал, этому способствовали и новые ветры, дувшие в стране в конце восьмидесятых годов и названные впоследствии горбачевской перестройкой.

Их я почувствовал непосредственно на себе. Мой старший сын работал тогда в одном академическом институте мэнээсом - младшим научным сотрудником, и имел глупость принести с собой на работу книжонку на английском с Кремлем на обложке и довольно невинными по нынешним временам заметками о Советском Союзе, которые тогда казались совершенно крамольными. Кто-то из его бдительных сослуживцев книжку передал в «соответствующие органы», и моего сына привлекли к уголовной ответственности за «хранение и распространение сведений, порочащих...» и так далее. Поскольку книжку он взял у меня, в прокуратуру стали вызывать и меня. «А вы лучше меня привлечете к ответственности, - нагло заявил я, - мне это не помешает для репутации, скорее, наоборот».

Нутром я чувствовал, что парализующий страх, в котором мы прожили всю жизнь, уже начал испаряться. «Э, нет, - хитро прищурился прокурор, - так не пойдет...»

В глазах его я читал растерянность: дело явно было подсунуто

прокуратуре из КГБ, и он не очень представлял себе, что с ним делать. И был прав, потому что вскоре академика Сахарова вернули из горьковской ссылки, КГБ стремительно терял свою мертвую хватку на шее страны, и дело о «подрывной» книжке было под шумок спущено на тормозах.

* * *

Так уж получилось, что с крахом Советского Союза я перестал писать на долгие семнадцать лет. Все эти годы мы с женой издавали ежемесячный журнал на английском языке «Путеводитель по России». Это были годы невероятных катаклизмов, когда рушилась одновременно и могущественная Советская империя, и на место советской плановой экономике приходил дикий и вороватый капитализм, и испускал дух немогущий марксизм-ленинизм, и вместо когда-то всесильных ЦК, Политбюро и КГБ страной стали править олигархи, кукловодившие кремлевскими бонзами.

В нашем журнале мы пытались объяснить потянувшемуся в страну иностранцам, бизнесменам и просто туристам, что в ней происходит. Это было нелегко, потому что мало кто вообще это понимал.

Мы работали день и ночь, чувствуя на своей шкуре, что такое частное предпринимательство. Ведь у нас не было ни спонсоров, ни просто покровителей. Бумага, печать, распространение, доставка и, главное, реклама, без которой мы не могли бы существовать, - все лежало на наших плечах. Мы перелопачивали десятки изданий, интервьюировали сотни людей, от Ельцина до лидера «Яблока» Явлинского, от актера Ульянова до писателя Астафьева и многих, многих других. Мы рассказывали о новых условиях жизни в стране, давали практические советы, начиная с бизнеса и заканчивая жильем и личной безопасностью, советами посмотреть тот или иной спектакль и прочесть ту или иную книжку. Все ведь в ту пору было ново и непривычно. Сегодня уже мало кто помнит взрыв общественного интереса к вещам, надолго запертым в цензурных сейфах. Достаточно сказать, что тираж литературного журнала «Новый мир» подскочил до невероятных нескольких миллионов, и типографии просто не успевали его печатать.

Среди наших рекламодателей было много иностранных авиакомпаний и отелей, от «Люфтганзы» до «Мариотта». Многие из них предпочитали платить за рекламу авиабилетами и бесплатными номерами в гостиницах. Ведь в самолетах и гостиницах всегда бывали свободные места. Не воспользоваться этим было бы глупо, и мы облетали весь мир, от Новой Зеландии до Исландии.

Но всему на свете приходит конец, и в 2002 году и жена, и я - оба уже

весьма пожилые люди - почувствовали, что больше не можем работать в прежнем ритме. Да и газетно-журнальный рынок был уже перенасыщен. И мы, скрепя сердце, попрощались с нашими читателями.

Когда мы закрыли наш журнал «Путеводитель по России», мне было уже 77 лет и казалось, что больше я никогда не напишу ни слова - слишком много я их уже написал. Но из так называемого «заслуженного отдыха» ничего не получилось. Старая лошадь, наверное, тоскует порой по привычной упряжи. Писательский зуд не давал мне покоя. И в один прекрасный день, мысленно проверив, помню ли я еще таблицу умножения, и обнаружив, что помню даже, сколько будет семь на восемь - что я и в молодые годы знал не очень твердо, - я сел за новую повесть. Так появился «Брат мой ящер». За ним последовали «Смертельное бессмертие», «Ангел смерти подает в отставку» и «Предсказатель». Но поток времени необратим. В 2010-м мне исполнится 85.

Боюсь, не все замыслы удастся осуществить. Так родился необычный по форме текст - рецензия на неопубликованный роман. Кстати, подобный прием использовали в свое время Г.Гуревич и С.Лем.

Не мне судить об этих моих последних произведениях. Но в одном я уверен: меня стали больше волновать вопросы этики, религии. Разумеется, это не трактаты - я всегда старался писать так, чтобы читателю было интересно, - но по сравнению с моими более ранними вещами в них, наверное, стало чуть больше печали.

КОД МАРИИ

Некоторое время назад мне позвонили из издательства, которое напечатало отдельной книжкой несколько моих давних повестей, а в другом сборнике даже одну совсем недавнюю, и попросили высказать свое мнение о рукописи, которую они с моего разрешения хотели бы мне прислать. Какая-то совсем юная, судя по голосу, сотрудница объяснила, что фамилию автора они с титульного листа убрали, дабы мне легче было бы вынести свой приговор.

Конечно, сказала она, они бы могли переслать мне рукопись по электронной почте, но, наверное, для меня более привычен машинописный экземпляр. В голосе ее мне почудилась легкая усмешка: да он, бедняга, наверное, и компьютером-то пользоваться не умеет. Что делать, возраст учит быть не слишком обидчивым. А смиренным легче всего становиться тогда, когда ничего другого и не остается. Не случайно процент верующих среди стариков выше, чем у молодых, ведь смирение - основа веры.

Давно я уже не писал так называемых «внутренних» рецензий, с далеких советских времен, и даже подивился, что мое мнение вдруг заинтересовало издательство. Конечно, приятно было бы решить, что редакторов привлек мой опыт, но я-то знаю, что стариковский опыт давным-давно никого, кроме разве что самих стариков, не интересует. По крайней мере, с тех пор как появилось книгопечатание...

Ну да ладно, не так уж в конце концов важно, по каким именно причинам мне хотели прислать эту рукопись. Может, им и впрямь захотелось услышать чье-то мнение о ней, а может, просто так у них полагается. Так или иначе, спасибо издателям и за это. Ну, а то, что фамилию автора они от меня утаивали, что ж, это вполне разумно.

Пока я неторопливо рассуждал сам с собой на эти абстрактные темы, курьер из издательства привез увесистую рукопись под названием «Пятое Евангелие - Евангелие от Марии», и я погрузился в чтение. Которое, в конце концов, и превратилось в эту рецензию.

Любопытно, что в последнее время литераторы, пишущие в разных жанрах, все чаще используют в своих произведениях религиозные темы как на Западе, так и у нас. То ли они проявляют большую толерантность и распахивают еще недавно запретные территории, то ли тридцать веков иудаизма и двадцать веков христианства - это неистощимый кладезь тем и сюжетов, и этических, и приключенческих. Самый напрашивающийся пример - это, разумеется, «Код да Винчи» Дэна Брауна, в котором густо перемешены предположения о браке Иисуса Христа и Марии Магдалины с самыми невероятными стрелялками, догонялками и страшилками.

Боюсь, что и автор «Пятого Евангелия» оказался под влиянием этого бестселлера, хотя, конечно, пытается изо всех сил не походить на Дэна Брауна.

Но начнем с краткого пересказа сюжета рецензируемой рукописи. Московский историк Елена Корешкова, которая за последние двадцать лет приобрела большой авторитет в кругах библеистов, то есть ученых, занимающихся изучением Библии и библейских сюжетов, получает по электронной почте письмо от своей хорошей знакомой - профессора Иерусалимского университета Циппи Шарет. Та просит ее срочно приехать в Израиль в связи с важной находкой, которую ей посчастливилось сделать.

В Москве глубокая осень, серое, постоянно набухшее, тяжелое небо, кажется, вот-вот провалится на землю, слякоть под ногами, бесконечные пробки заставляют задуматься о смысле жизни. Елена включает компьютер, с помощью поисковой системы Яндекс находит прогноз погоды на неделю в Иерусалиме и тяжело вздыхает при виде двадцати пяти градусов тепла и солнца. К тому же теперь для поездки в Израиль и визы не требуется, и она отправляется к коллеге-библеистке.

Ранней весной 1947 года английский мандат в Палестине подходил к концу. В стране царил хаос и лилась кровь. Арабы готовились захватить всю территорию, как только англичане покинут страну, и стреляли в евреев, пытаясь запугать их. Евреи отвечали огнем. Одновременно они нападали на англичан, стараясь ускорить их уход. Англичане, которые традиционно поддерживали арабов, вешали еврейских террористов. Евреи в ответ повесили несколько английских солдат. Страна напоминала пороховой погреб.

В это время молодой бедуинский контрабандист Мухаммед по прозвищу Волчонок тайком перегонял стадо овец, чтобы выгодно продать их евреям в Вифлееме. Приходилось прятаться и от арабских, и от английских патрулей. Уроженец этих мест, Мухаммед умел находить самые потаенные тропки и гнал стадо по малодоступному пустынному и гористому западному берегу Мертвого моря.

В поисках потерянной овцы Волчонок облазил несколько пещер, бросая для проверки в них камни. Из одной из них донеслись звуки разбивающейся посуды. Мухаммед залез в пещеру и нашел множество глиняных кувшинов со спрятанными в них пергаментными свитками. Человек он был неглупый и понял, что эти свитки можно продать за немалые деньги. Так появились Свитки Мертвого моря. Это была археологическая находка, сравнимая, может быть, по своей значимости разве что с раскопками Шлиманом гомеровской Трои.

По древним еврейским законам уничтожать книги было величайшим грехом. Пришедшие в негодность книги полагалось хоронить в так называемых генизах. В них же прятались и книги, которые нужно было скрыть от чужих глаз. Пещера, найденная Волчком, и была такой генизой. Ученые, исследовавшие эти свитки, установили, что они были написаны за 100-200 лет до нашей эры. Это были тексты из Ветхого Завета и до тех пор неизвестные труды иудейской секты ессеев. Самым поразительным было то, что учение ессеев в огромной степени напоминало учение Иисуса Христа.

Многие ученые-библеисты, исследовавшие свитки, удивлялись, почему о них так мало писали и говорили и христианские, и еврейские религиозные деятели и историки. Ответ, возможно, заключался в том, что обе стороны были изрядно смущены находкой. Евреи, немало пострадавшие от христианских гонений за двадцать веков христианства, не торопились гордиться тем, что христианство, оказывается, зародилось в недрах самого иудаизма, а христиане были не слишком счастливы от того, что их религия была столь тесно связана с иудаизмом. Мало того, что сам Иисус и все его апостолы были евреями, оказывается, и само христианство имело еврейское происхождение. Так или иначе, но Свитки были окружены стеной молчания и остались лишь небольшой сноской в истории религий.

Это, по рассказу израильской исследовательницы, в какой-то степени

и помогло ей сделать свое открытие. Среди отрывков из Ветхого Завета и изложения учения ессеев Циппи Шарет нашла более поздний пергамент, относящийся к концу I или началу II века нашей эры. То ли предыдущие исследователи просто пропустили его, то ли сознательно отложили в сторону как не имеющий большого значения. Она проверила его возраст методом углеродного анализа, исследовала текст всеми современными методами и твердо уверена в его аутентичности.

Пергамент представляет собой почти полный текст Евангелия от Марии, знакомой нам под именем Марии Магдалины. До сих пор был известен лишь отрывок (точнее, обрывок) этого Евангелия (два списка на греческом и один на коптском), считавшегося католической церковью апокрифическим, то есть неподлинным, и посему не включенным в Новый Завет. находка израильской исследовательницы подтверждает подлинность Евангелия от Марии и поднимает вопрос, почему отцы церкви сделали все, чтобы скомпрометировать его. Сама Циппи Шарет не сомневается, что сделано это было из ревности, ибо Мария, а не апостол Петр, была ближайшим учеником и последователем Христа. В литературе гностицизма - еретического течения времен раннего христианства - об этом говорится не раз. Например, в «Пистис Софии» Мария выступает как истинная восприимчица заветов Христа. Вот достаточно характерный отрывок: «Левий возражает Петру: «Петр, ты вечно гневаешься: вот и теперь рассуждаешь ты так о женщине Магдалине, как противящийся ей. Раз уж Спаситель счел ее достойной, кто ты такой, чтобы отвергать ее? Действительно, прекрасно зная ее, Он предпочел ее остальным. Устыдимся, и, облекшись в совершенного человека, что предписано нам, то исполним: возвестим Евангелие, не устанавливая запретов и законов, как велел Спаситель».

Так что удавшаяся попытка отцов церкви опорочить Марию и не допустить включения ее Евангелия в Новый Завет и было, по твердому убеждению Циппи Шарет, проявлением того, что впоследствии феминистки назвали мужским шовинизмом. Ну а уж в их умении жонглировать фактами, подгоняя их под свои выгоды, сомневаться никогда не приходилось. Чего стоит, например, попытка евангелистов представить евреев подлинными убийцами Христа, а Понтия Пилата - тонким, страдающим правдолюбом, которому, вот бедняга, пришлось умыть руки. А в том, что жестокому римскому сатрапу было в высшей степени наплевать на мнение евреев, сомневаться не приходится. Ведь кроме Христа он распял на кресте по меньшей мере несколько тысяч или даже десятков тысяч евреев. И ничего, умыть руки не спешил. А все дело в том, что ранее христианство жестоко преследовалось римлянами, и Новый Завет должен был доказать им, что во всем виноваты не христиане, а евреи. Если уж говорить об

истории черного пиара, Новый Завет вполне может считаться одним из его ранних шедевров.

Циппи Шарет полагает, что католическая церковь сделает все, чтобы скомпрометировать находку, ибо она была бы еще одним ударом по ее престижу и фундаменту. Это-то она и хотела обсудить со своей русской гостьей. Тем более что Ватикан вполне способен воздействовать на неугодных исследователей самыми разными способами. Это он уже не раз доказал за свою долгую историю.

Она даже попросила своего брата Бена Шарета, отставного полковника израильской разведки МОССАД, помочь им наметить план действий. Полковник соглашается, хотя и с немалой долей иронии. Разведка ведь учит смотреть на вещи здраво, и он твердо уверен, что новая публикация не только не вызовет никакой научно-политической бури, но полностью забудется ровно на следующий день после ее появления.

Циппи Шарет и Елена Корешкова еще раз оценивают все немногое, что ученым известно о Марии. А известно, строго говоря, действительно мало. Ведь нет никаких твердых доказательств существования даже Иисуса Христа, не говоря уже о Марии. Это в основном лишь Новый Завет и апокрифы раннего христианства, а их историческая надежность всегда вызывала множество сомнений. Поэтому приходится опираться лишь на косвенные свидетельства. Не случайно ученые считают, что Библия и в особенности Новый Завет исследовались и переисследовались поколениями библеистов более тщательно и придирчиво, чем какой-либо другой письменный источник истории.

В Новом Завете имя Марии Магдалины упоминается лишь несколько раз. Известно, что она происходила из галилейского города Магдалы близ Капернаума (ныне израильский город Мигдаль). В Евангелии от Луки говорится, что она была исцелена Иисусом от одержимости семью бесами. Затем стала следовать за ним, служа ему и делясь своим достоянием. В Евангелии от Матфея говорится, что она присутствовала при кончине Христа на Голгофе и первой увидела его при воскрешении.

Вплоть до середины двадцатого века в традициях католической церкви было представлять ее кающейся блудницей. Евангелист Лука пишет: «И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастовый сосуд с миром и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами, отирать волосами головы своей и целовала ноги Его, и мазала миром».

(Заметим, что утверждение Луки о грешности Марии столь же тенденциозно, как нападки евангелистов на фарисеев - господствующего тогда течения иудаизма. Иисус сам был фарисеем,

разумеется, не в отрицательном смысле этого слова, которое породил Новый Завет. И все его притчи, да и все учение в целом пронизаны духом учения фарисеев.)

К чести православия, оно никогда не считало Марию грешницей и тем более кающейся блудницей, а почитало как одну из жен-мироносиц. 2 сентября 2006 года впервые в Россию из афонского монастыря Симонопетра прибыли мощи Марии. В храме Христа Спасителя православные святыни были доступны для верующих до конца сентября, после чего их провезли по семи городам страны. Хотя и Полный православный богословский энциклопедический словарь не удержался от традиционно-католического взгляда: «Мария Магдалина - жена-мироносица родом из города Магалы. Вела распутную жизнь, и И. Христос своей проповедью возвратил ее к новой жизни и сделал преданнейшей своей последовательницей. По воскресении И. Христос явился ей прежде других».

Совсем других взглядов придерживаются современные библеисты М.Байджент, Р.Лей и Г.Линкольн. В своей в высшей степени интересной книге «Священная загадка» они приходят к выводу о том, что Мария была... женой Иисуса. Вывод, естественно, кощунственный для верующих, хотя эта тема уже не раз обсуждалась учеными-библеистами. Так, например, специалист по раннему христинству Геза Вермеш из Оксфордского университета Англии пишет: «Евангелия хранят полное молчание по поводу семейного положения Иисуса... Речь идет о необычной в древнееврейском мире ситуации, которая заслуживает специального исследования. Ведь из Евангелия известно, что многие ученики Иисуса, например, Петр, были женаты, и сам Иисус не восхвалял целибат (безбрачие). Разве вы не читали, что Создатель с самого начала создал мужчину и женщину?.. «Так пусть мужчина оставит отца и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одной плотью», - объясняет он в главе XIX Евангелия от Луки. Согласно древней еврейской традиции, брачный союз был обязательным для каждого мужчины. Более того, безбрачие осуждалось обществом. Один еврейский писатель конца I века даже приравнивает его к убийству.

Особенно строго люди относились к равви - человеку, избравшему путь религиозного обучения, а именно им шел Христос. Еврейский закон самым категорическим образом указывал на это: «Неженатый человек не может претендовать на обучение других».

Одним из доказательств, разумеется, в высшей степени косвенным, версии того, что Иисус был женат, является описание в Евангелии от Иоанна свадьбы в Канне галилейской, на которой присутствовали Иисус и его мать. В это время Иисус еще не проповедовал новую веру и не творил чудеса.

В какой-то момент обнаружилось, что вино на свадьбе кончилось (вот уж, поистине, где видна связь времен!). И здесь неожиданно мать

Иисуса берет на себя функции хозяйки: «И как не доставало вина, то Мать Иисуса говорит ему: «Вина нет у них», и дает приказание слугам: «Что скажет Он вам, то сделайте». Иисус выполняет желание матери и превращает воду в вино. Хотя если бы они были лишь гостями на свадьбе, то не их забота следить за тем, как подаются вино и еда. Не просто не их забота, вмешательство было бы в высшей степени оскорбительным для хозяев брачного торжества.

Но вмешательство Иисуса становится вполне объяснимым (и даже необходимым) только в одном случае: если речь идет о его собственной свадьбе.

Особые отношения Иисуса и Марии подчеркиваются еще и тем, что по евангелисту Луке, встретившись с ним в Галилее, Мария сопровождает его в Иудею. Но в те времена для незамужней женщины было просто немыслимым путешествовать одной по дорогам Палестины. Еще менее вероятным было присутствие ее в окружении равви. Следовательно, скорее всего, Мария должна была быть замужем за одним из учеников или за самим Иисусом.

Много вопросов возникает (впрочем, и получает ответы) при изучении гностических Евангелий, написанных первыми христианами и не включенных в Новый Завет. Например, Евангелие от Филиппа свидетельствует: ученики Иисуса весьма ревниво относились к тому, что только Марию Магдалину он целовал в губы. Петр особенно негодовал и даже сделался из-за этого ее непримиримым врагом. Стоит ли удивляться, что Евангелие от Марии его стараниями не было включено в Новый Завет, а саму ее в течение двадцати веков изображали кающейся блудницей и грешницей.

Читая рукопись неизвестного мне автора, я вспомнил о книгах Александра Солженицына «Красное колесо» и «Августовские пушки» американского историка Барбары Такман, за которую она получила Пулитцеровскую премию. Разумеется, я не собираюсь сравнивать этих двух людей. Их роль в истории XX века, да и в литературе, несравнима. Я лишь говорю о том, что эпопея «Красное колесо» нашего великого соотечественника была одной из величайших издательских неудач - читать ее почти невозможно, и книгу не покупали. И не потому, что Солженицын не собрал достаточно материала о революции 1917 года. И уж давно не потому, что не обладал литературным даром. Достаточно вспомнить такой шедевр, как «Один день Ивана Денисовича». Дело, скорее всего, в том, что гигантский материал, собранный им, плохо поддавался втискиванию в литературные формы. Материал убивал литературу, литература трещала под тяжестью фактического материала.

Известная исследовательница творчества и жизни Солженицына Людмила Сараскина говорит, что в процессе работы над книгой писатель сделал около тысячи страниц заметок и что все они в высшей

степени интересны. Не сомневаюсь, что это именно так. Их-то, наверное, и следовало опубликовать, а не «Колесо», которое катиться никак не хотело.

А Барбара Такмэн, описывая цепь событий, которые роковым образом толкали Европу к началу Первой мировой войны летом 1914 года, пишет о них не как романист, а как историк. В результате книга читается на одном дыхании. Читая «Августовские пушки», я поймал себя на том, что как маленький ребенок все думал: а может, успеют, может, удастся избежать трагедии - и войны не будет. Также, совсем еще мальчонкой, я смотрел раз пять фильм «Ромео и Джульетта» и каждый раз надеялся, что в последней сцене Ромео успеет к своей возлюбленной и не даст ей умереть.

Увы, «Пятое Евангелие» кажется мне довольно неудачной попыткой совместить серьезное научное исследование с литературной формой. Пока обе библиестки - израильская Циппи Шарет и наша Елена Корешкова - обсуждают «за» и «против» замужества Марии да и вообще реальность ее существования, погружаясь в кипящий мир времен Иисуса, рукопись читается с интересом. Но стоит появиться всяким страшилкам и догонялкам а-ля Дэн Браун, она сразу увядает, скукоживается, становится вторичной, наивной и даже глуповатой.

Да из-за чего вообще весь сыр-бор? Прав, тысячу раз прав брат Циппи Шарет Бен, говоря, что новость о неудачной пластической операции какой-нибудь поп-звезды воспринимается средствами массовой информации и публикой с неизмеримо большим интересом и даже волнением, чем, скажем, новость о приближающемся к Земле астероиде. Столкнется или не столкнется - это еще вопрос, да и кого он волнует, если у поп-звезды - как захватывающе интересно! - рожу перекосило от неудачной пластической операции. А Мария, какая там еще Мария, да кому до нее есть дело?

Единственное, что мне понравилось в рукописи, точнее, в литературной ее части, это роман отставного полковника МОССАДа с московской ученой. Написан он тепло, с юмором, и когда постепенно под натиском старой доброй любви рушатся все трудности, которые разъединяют людей разных этнических групп и культур, так и хочется крикнуть: дорогой безымянный автор, да вот же твоя книжка! Бог с ней, с Марией Магдалиной, у тебя ведь есть под рукой живая Елена Корешкова, профессор МГУ, уроженка Москвы, тридцати девяти лет от роду, с одним сыном от первого неудачного брака, и пятидесятипятилетний отставной полковник МОССАДа. Вот и пиши о них.

Боюсь, правда, что автор рукописи может придерживаться совсем другого мнения...

КОНКУРС «РОСКОН-ГРЕЛКА»

Конкурс «Рваная грелка», состоявшийся в конце марта - начале апреля нынешнего года, на этот раз проходил в необычном формате. Соискателями стали те авторы, которые намеревались побывать на «Росконе». На первом этапе 62 конкурсанта определили двадцать лучших произведений, а уже во время фестиваля фантастики окончательное голосование выявило десять лидеров.

Тема, предложенная оргкомитетом «Роскона», звучала так: «Завтра не будет Луны». В качестве дополнительного условия, учитывая юбилейный характер конвента, была предложена обязательная фраза: «На десятилетие мне подарили настоящую ракету».

«Если» пообещал опубликовать одно произведение из финальной десятки по собственному выбору. Предлагаем вниманию читателей рассказ Юлии Черных, занявший третье место.

Черных Юлия Вадимовна родилась в 1960 году в Москве. Работает в МВД России в области научно-технической информации, подполковник милиции.

Фантастику пишет с 2006 года. Публиковалась в жанровых журналах и альманахах. Является победителем и лауреатом конкурсов литературных сообществ, журналов «Милиция», «Азимут» и других. Дипломант Всероссийского литературного конкурса МВД России «Доброе слово».

ЮЛИЯ ЧЕРНЫХ

...И НАКРОЕТСЯ МЕДНЫМ ТАЗОМ

Я люблю своего брата. Люблю его гладить, расчесывать, целовать в мохнатую мордочку. Люблю гулять с ним в парке, петь ему песни и слушать басовитое ворчание.

Мой брат почти не говорит - у него пасть по-другому устроена, зато бойко печатает и рисует прекрасные акварели. А в перекапывании

огорода ему вообще нет равных!

Сестру я люблю меньше, наверное, потому что редко вижу. Она давно от нас отделилась, свила свое гнездышко в дальней стороне.

Но иногда, по вечерам, она прилетает, и тогда мы все втроем садимся в саду и смотрим, как из-за темно-зеленой кромки леса медленно выплывает огромная, словно кастрюля, Луна.

Окно полицейского участка золотили косые лучи заходящего солнца, освещая письменный стол, стопку бумаги, щегольские сапоги с прошивкой и персональный жетон констебля на имя Сэмюеля Гранта.

Дежурство подходило к концу. День прошел спокойно, ненасыщенно. Два фермера подрались из-за покоса, да котенок забрался на дерево и не мог слезть. Фермеров Сэмюель отправил в арбитражный суд, а к котенку послал команду дружинников-селенитов. И сейчас, удобно расположившись в кресле, закинув ноги на стол в лучших тexasских традициях, он достал сигару и вознамерился предаться блаженству.

Однако едва он прикурил, в полицейский участок ввалился молодой человек, худощавый, но с заметным брюшком.

- Мы пришли заявить о готовящемся государственном преступлении! - взволнованно объявил юноша.

Сэмюель огляделся в поисках его спутника, не обнаружил, достал бланк заявления о происшествии и протянул юноше.

- Пишите. Так, мол, и так, я такой-то, проживаю там-то, заявляю о преступных намерениях.

Юноша с сомнением посмотрел на бланк.

- А устно можно?

- Валяй.

- Я Михаил Батманов, проживаю в поселке Селена, дом пять, заявляю о том, что мои соседи из дома номер семь собираются строить импульсный дезинтегратор.

Сэмюель опустил ноги на пол, выпрямился и уставился на юношу.

- Дез... чего там?

- Им-пульс-ный дез-ин-те-гра-тор. Он все разрушает, - счел нужным пояснить юноша.

- Это я понимаю. А почему вы так думаете?

- Они вырыли яму.

- Что?

- Яму. Они вырыли большую яму.

Сэмюель задумался. Что-то было не так. Парень с виду чистый человек, но проживает в поселке селенитов. Может быть, он из услуги? А почему тогда порет чушь?

- То есть, если я правильно понимаю, ваши соседи вырыли котлован для бассейна, и вы на этом основании решили, что они строят импульсный дез-как-его-там?

- Ты не так объясняешь! - в районе живота юноши возникло шевеление. Михаил расстегнул рубашку и оттуда высунулся маленький рассерженный человечек. Сэм от неожиданности выронил сигару изо рта. - Майкл Бэтмен, - представился человечек. - Проживаю там же. Понимаете, это специальная яма для дезинтегратора. Ее ни с чем не спутаешь! А сегодня приехала фура из интернет-магазина, и целый час разгружали коробки. Вы же можете проверить, что они заказали.

Сэмюель хмыкнул, нагнулся, подобрал с ковра сигару.

- Ну, допустим. А для чего, по-вашему, соседи строят этот ваш разрушитель?

Человечек поднял голову и переглянулся с Михаилом.

- Как для чего? Чтобы уничтожить Луну.

С этого момента Сэмюелю стало неинтересно. Селениты все на Луне подвинутые - кто в культ возводит, кто ненавидит. Он задал для вида пару вопросов и выпроводил посетителей.

Уже на пороге Михаил обернулся и сказал чуть смущенно:

- Понимаете, я сам не очень верю в дезинтегратор. Но вдруг наши соседи действительно выстрелят по Луне, ее осколки упадут на Землю и тогда...

- И тогда мы все накроемся медным тазом! - торжественно провозгласил Майк.

«Дизинтегратор», - записал Сэм на стикере и наклеил на стенку компа. Чуть не чуть, а сигнал надо обрабатывать.

В среду я пересаживала тюльпаны. Муторное занятие - особенно, если годик-другой пропустить. Тюльпаны обрастают детками, уходят вглубь, так что трудно бывает до них докопаться, не повредив. Спасибо, братик помог. Своими когтями он зарывался в почву и выдергивал целую пригоршню луковиц.

Конечно, шерсть потом долго придется отмывать, но я бы с тюльпанами дольше ковырялась.

Внезапно брат насторожился и поднял уши.

- Миш-ш-ш, - сказал он.

Ага, значит у нас будут гости. Я сама уже услышала визгливую перебранку: «Ну ты, бурдюк на ходулях, не прыгай как «КамАЗ» на колдобинах. Убери отсюда эту кошку, почему она на меня так смотрит? Зачем?! Зачем ты на солнце вышел? Дай сюда мою шляпу!»

Миша Батманов - тихий, культурный, вежливый молодой человек. Его сиамский брат - самое вздорное существо из всех селенитов, кого я знаю. Миша родился в России, куда его родители вернулись с Луны, а Майк отпочковался уже в Америке. Так что у них получились разное гражданство и фамилии. Про характеры я вообще молчу!

- Армилочка, золотко, иди сюда, я тебя расцелую! - завопил Майк от калитки. - Жарища невероятная, уф, как же я устал.

- Здравствуй, Армилла, - сдержанно произнес Миша. - Добрый день, Кеннети.

Я нагнулась, чмокнула Майка в лобик, подала Мише локоть для пожатия.

- Прости, руки в земле. Проходите, сейчас мы с Кеном умоемся и будем чаевничать.

Столик я накрыла на веранде, выгнав налетевших за утро бабочек.

- Значит так, - сказал Майк, шумно отхлебнув из чашки. - Жабицкие строят дезинтегратор, Богомолеры, похоже, с ними в заговоре. Мы должны это дело пресечь. Жабицкие уже заготовили бункер для импульсного генератора. Они вырыли огромную яму, - Майк очертил руками круг, чтобы у меня не оставалось сомнений, что яма действительно огромная.

Я посмотрела на Михаила. Тот кивнул.

- Надо обратиться в полицию, - посоветовала я.

- Уже. - Майк помахал надкусанной баранкой с маком. - Но они нам не поверили.

Я снова посмотрела на Михаила. Тот опять кивнул.

Кен вытащил клавиатуру теледоски: «Кто принимал сообщение?».

- Здоровенный обалдуй в ковбойских сапогах, - сказал Майк.

- Его зовут Сэмюель, - пояснил Миша.

«Сэм долго запрягает, но лихо скачет, - написал мой брат. - Он не оставит без внимания ваше сообщение».

- Пока он запрягает, Луна три раза грохнетя! Мы сами должны вмешаться. Я считаю, надо установить дежурство недалеко от ямы, подловить Богомолеров во время установки генератора, скрутить и вызвать полицию.

- А если устанавливать будут Жабицкие? С ними не так-то просто справиться, - засомневалась я.

- Значит, вызвать полицию и потом скрутить, - парировал Майк.

«Деццкий сад, штаны на лямках, - написал Кен, морща нос, верный признак, что он сердится. - Чем импульсный генератор дезинтегратора отличается от генератора той же ракеты? Ничем. Нет, ловить надо в момент, когда все будет готово к включению».

- Опасно, - сказал Михаил. - Можем не успеть. Надо провести разведку, поговорить с Богомолерами. Или с Жабицкими.

- Точно! Армилка, сходи к ним, ладно? Ты же со всеми водишься.

Вот парадокс: Жабицкие, похожие на небольших бегемотиков, и Богомолеры - точь-в-точь огромные кузнечики, контактировали друг с другом лучше, чем с остальными. Впрочем, Майк ухитрился рассориться почти со всеми обитателями поселка, и даже Михаилу не всегда удавалось сглаживать отношения. Хорошо, что он такой единственный, представляю, что могли бы устроить два Майка. Или Майк и, скажем, Майя.

- Ладно, схожу, предложу тюльпаны. Мадам Жабицкая, кажется, увлекается цветами.

- Разве что болотными, - буркнул Майк. - Поделись с ней мхом и лишайником, она будет счастлива.

«...Таз медный, луженый, диаметр 895 мм - 2 шт.»

Если иметь связи в техническом отделе, из Интернета можно добыть все. В отделе «Т» у Сэма была знакомая блондиночка, косившая под Мэрилин Монро. Сэмюель вообще неровно дышал к блондинкам.

В отличие от героинь знаменитой актрисы, девушка была умненькая и быстро раскопала искомый заказ.

Именно поэтому Сэмюель жарким июльским утром не сидел в баре, попивая холодное безалкогольное пиво, а с некоторой оторопью изучал перечень товаров, востребованных семьей Жабицких.

Расходы селенитов из политических мотивов щедро оплачивались правительством. Считалось, что деньги налогоплательщиков идут на неотложные нужды не по своей воле пострадавших существ.

В неотложные нужды семьи Жабицких входили, помимо прочего:

Очешники черепаховые - 85 шт.

Резина сырая (каучук) - 500 кг.

Аквариум круглый - емкость 5 кг.

Баллон с неоном - емкость 50 кг.

Презервативы фантазийные, с фруктовым запахом - 2000 шт.

Радиотехнические детали: сопротивления, емкости, катушки индуктивности, диоды, россыпью на вес - 8 кг.

Ствол мортиры осадной, калибр 950 мм - 1 шт.

Мортира Сэмюеля добила. Аквариум - куда ни шло. Презервативы - тоже. Хотя две тысячи... Но кто ж знает селенитов, мы, люди, их жалеем, а может, стоит позавидовать? Очешники тоже озадачивали. Но мортира?!

- Я сел однажды в медный таз без весел и руля, - промурлыкал Сэм, отбивая на ручке кресла ритм блюза. - И переплыть Па-де-Кале на нем собрался я, ведь на подобном корабле, через пролив Па-де-Кале никто не плавал до меня... - Он еще раз проглядел список. - Кажется, я знаю, чем мы все накроемся.

Старший констебль, которому Сэмюель доложил о странных покупках семьи Жабицких, только посмеялся.

- Глава семьи - уважаемый селенит, акционер ООО «Лунная радуга». Не вздумай приставать к ним с этой ерундой. Ну и что - очешники? Может, ими детишки играют. Не те времена, чтобы повсюду шпионы мерещились!

Пришлось действовать на свой страх и риск. Сунув перечень покупок в шляпу, Сэм, поколебавшись, вставил пистолет в заплечную кобуру и направился в поселок селенитов.

У мадам Жабицкой оказались чудесные горки. В гряде камешков гнезвился серебристый ягель, зеленел пышный сфагнум, яркими звездочками желтела календула. Вдоль тропинок высились шикарные ирисы, коричневые, оранжевые, фиолетовые, махровые и простые.

Я обзавидовалась. Из луковичных у меня росли, главным образом, лилии и ацидантеры. И, конечно же, нарциссы.

- Тюльпаны? Спасибо, Армилочка, как мило с твоей стороны, - мадам Жабицкая поспешно накрыла газетой поднос с сушеными червячками. - Проходи, дорогая. Извини, у меня не совсем убрано.

Стремительно вертя головой, я оглядывала клумбы, одновременно пытаюсь замечать все остальное вокруг. Жабицким хорошо - их глаза так устроены, что, не вертя головой, они могут наблюдать за окружающими.

У задней стены под навесом была навалена гряда ящиков. Маленькие жабки рылись в куче предметов и носились друг за другом, хлопая крышками футляров, в которых я с удивлением узнала очешники. Хмурый подросток разбирает другой ящик, раскладывая по коробочкам мелкие разноцветные детали. Я поздоровалась с ним, но он брезгливо двинул оттопыренной нижней губой и вернулся к своему занятию.

В подростковый период все дети такие, что ж поделаешь.

- А вот тут я думаю посадить вокруг бархатцы и анютины глазки, чтобы создать разноцветный веселенький бордюрик.

Мадам Жабицкая подвела меня к приличных размеров яме посередине участка. В яме было немного воды - наверное, натекло со вчерашнего дождика - и сидели два тоскливых лягушонка. Жабицкая, кряхтя, перегнулась через край. Держась одной рукой за трубу, выступавшую из ямы, она аккуратно подхватила лягушат, подняла и бережно пустила их в траву.

- Все падают и падают, - пожаловалась она. - По несколько раз в день достаю.

- А зачем вам эта яма? - спросила я напрямик.

- Да, действительно, зачем вам эта яма?

Я вздрогнула и обернулась. Плечистый мужчина в кожаной шляпе и сапогах (в летний-то день!) подкрался совершенно неслышно и теперь заглядывал нам через плечо.

- Сэмюель Грант, констебль, - представился мужчина. - Проводим незаконные раскопы? Что это будет? Бассейн? Колодец?

Мадам Жабицкая зарделась.

- Садок. Это будет садок, констебль.

Сэмюель сдвинул шляпу на лоб и почесал затылок.

- А для чего вам садок?

Жабицкая смутилась еще больше.

- Что вы, не при детях. Папуля! - закричала она. - Папуля, иди сюда!

Господин констебль хочет знать, для чего нам садок.

С крыльца степенно спустился отец семейства. Он подошел к жене и обнял ее за покатые плечи.

- Видите ли, э-э-э, Сэмюель. Мы думаем о, скажем так, прибавлении семейства. Чтобы вокруг звенели веселые детские голоса, что-то вроде этого. Ну, в смысле моя толстوشечка собралась нереститься, а я... того. Тоже участвую. Непосредственно. Я понятно объясняю?

У констебля вдруг сделался такой вид, будто он сам себе прикусил язык. Но он быстро взял себя в руки, напустил официальный вид и поинтересовался:

- Воду будете наливать?

- Точно так, господин констебль.

- Ага. Значит, вы строите гидротехническое сооружение, подлежащее регистрации. Пройдемте в дом и оформим документы.

Он повернулся и пошел по дорожке к дому, обмахиваясь шляпой. Жабицкие побежали вперед, что-то объясняя, кланяясь и заискивая.

Внезапно из шляпы выпорхнул сложенный вчетверо листок бумаги и упал прямо к моим ногам. Я машинально подняла, потянулась отдать, но вся троица скрылась за дверью.

Положив записку в корзину, я поплелась домой.

Он чуть было не ляпнул про презервативы, когда Жабицкий заявил о прибавлении семейства. Вот был бы скандал, если бы обнаружилось, что полиция вскрыла интернет-почту селенитов!

Но, кажется, Жабицкие ничего не заметили, а вот смутно знакомая рыжеволосая девица в панаме определенно уловила его замешательство. У девицы были длинные пушистые ресницы и ясные карие глаза. Она была не блондинка, но тем не менее оставила след в памяти бравого констебля.

Под предлогом проверки условий проживания многодетной семьи Сэм обшарил весь дом, открыл все двери и сунул нос в каждую, даже самую незначительную комнатку. Заявив, что нарушаются условия пожарной безопасности, он перевернул коробки под навесом, заглянул во все уголки участка, в кусты и канавы. Но того, что искал, констебль не обнаружил.

Предмет поиска должен был иметь приличную длину и изрядную ширину. Сэмюель ни разу его не видел, но ясно себе представлял.

Сэм искал ствол мортиры.

По его мнению, ствол, предположительно отлитый из бугроватого чугуна, должен составлять не меньше полутора метров длины и двадцати пяти сантиметров ширины в самом узком месте. Из детских книжек о пиратах у Сэма сложилось мнение, что мортира - страшное оружие не самого дальнего действия, стреляющее ядрами размером с крупный резиновый мяч. Но ничего похожего на участке не нашлось.

В расстроенных чувствах, оставив хозяев заполнять длинномерные анкеты, Сэм спустился в сад. Целью его было незаметное деревянное сооружение, традиционно возводимое на всех садовых участках.

Поселок селенитов проектировался под одну, человеческую гребенку. Без учета физиологии поселенцев, не принимая во внимание индивидуальные особенности лунных питомцев, на каждом участке строился дом с тремя спальнями, двумя санузлами и одним большим залом. Кроме этого, в обязательном порядке собиралась тесная дощатая избушка ограниченного применения с затейливым окошком в виде сердечка. Русские называли ее «tualet tipa sortir».

Вот в этот «типа сортир» и направился констебль.

И его счастье, что он направился туда в разведывательных целях, а не тех, для которых сортир, собственно, был предназначен. Ибо сантехнического оборудования в туалете не обнаружилось. Зато обнаружился искомый ствол мортиры, стоявша занимавший основное пространство туалета. Кроме того, внутренняя поверхность домика оказалась обита металлическими листами. Констебль ошалело оглядел эту невероятную конструкцию и протиснулся внутрь. Этот незамысловатый шаг оказался самым опрометчивым из того, что Сэм успел сделать в жизни.

Дверь немедленно захлопнулась, и полицейский остался один взаперти.

Кен был на дежурстве и домой вернулся только вечером. Вот тут-то я его обрадовала.

«Чушь собачья! Какой садок? Жабицкие нерестились в мае, я сам их возил в перинатальный центр! - Кен фыркал, морщил нос и вообще был вне себя от возмущения. - Труба из ямы? Система охлаждения импульсного генератора, все ясно. А что хотел Сэм?»

Я не смогла ясно сформулировать, чего хотел полицейский, и протянула брату бумагу, которая выпала из его шляпы. Кеннет некоторое время разглядывал Сэмовы каракули, потом взвился почище Майка Бэтмена. Он рычал, ворчал и размахивал руками, пытаясь мне, тупой и растерянной, что-то объяснить.

Наконец, немного придя в себя, он написал: «Это не дезинтегратор».

- Почему? - спросила я.

«Для дезинтегратора не хватает войлочных подметок, титановой лопаты и стеариновых свечей. Жабицкие строят ракету!»

- Зачем? - спросила я.

«Наверное, чтобы лететь на Луну», - у Кена на морде появилось мечтательное выражение. Он бы сам с удовольствием слетал, Луна манит его и притягивает. Но селенитам путь на спутник Земли заказан. Что-то происходит с ними там, в пыльном пространстве открытого космосу мира. Говорят, они становятся истинными селенитами.

Человечество готово принять странных разумных существ-гибридов, кормить и ухаживать за ними, как за зверюшками в зоопарке. Но терпеть постороннюю цивилизацию у себя под боком - никогда!

- Точно! - обрадовалась я. - Значит, все в порядке. Никто ничего разрушать не будет, и никто не пострадает. Разве что лунный пилот, но он сам нарвался.

Кен наморщил нос и тихо зарычал.

- Что не так? - спросила я.

Брат посопел, пофыркал и тщательно вывел: «Импульсный генератор такой мощности без промышленной защиты превращает в кашу мозги людей в радиусе трех километров».

Я прочла два раза, и только потом до меня дошло.

- У людей. А у селенитов?

И мой брат отвернулся.

Понимаете?

Мой брат отвел глаза и отвернул морду.

Мой младший братик, которого я носила на руках, пела ему песни. Бог ты мой! Я вытащила Кена из зверинца, куда его сплавил преступный директор Дома малютки. Я просиживала ночи возле него, когда он болел своими странными детскими болезнями, обивала пороги фондов в поисках денег. Я... да что там говорить.

Странную шутку сотворила Луна с людьми, с теми, кто беспечно пришел ее покорять. Мы бредили Луной, мечтали о ней. На десятилетие мне подарили самую настоящую ракету, я носилась с ней как с писаной торбой, мечтала, что вслед за мамой и папой тоже полечу на Луну. И никто не подозревал, что лик спутника Земли коварен и переменчив.

Драгоценный лунный газ, добывавшийся в ее недрах, роковым образом влиял на наследственность, вызывая невероятные мутации.

Когда моя мама, вернувшись домой, родила братика - забавного, лохматого, желтого, как цыпленок, - отец еще держался. Но когда она снесла яйцо, он не выдержал, объявил ее «дьявольским отродьем» и уехал в неизвестном направлении, оставив ее одну - высиживать. Сестренка родилась слабенькая, долго училась ходить, потом летать, но мама не дожидая до этого дня. Она тихо угасла, препоручив заботы о потомстве государству.

Если бы я не вырвала из рук так называемого государства эту заботу, что было бы с моим дорогим братом? И сестрой? Это в наше время США на правах первооткрывателей Луны взяли за обустройство селенитов, создали государственную программу, построили поселки вдали от городов, в благодатной местности. А тогда лунные отпрыски считались просто уродами, и нам приходилось буквально выживать на скудное пособие.

И вот теперь он от меня отвернулся!

- Ар-р-р, - сказал мой брат. Это первое слово, которому он научился. Не «папа», не «мама» и не «дай», как все интернатские. Армила - так меня зовут.

Я знаю, что у селенитов мозги устроены по-другому. У них биотоки настроены в другом диапазоне, иная структура нервных клеток. Они откуда-то знают вещи, о которых земные ученые слыхом не слыхивали.

Но я никогда не делила близких на людей и селенитов.

А брат, родной брат отвернулся...

- Ар-р-р, - повторил Кен и повернул мой стул к теледоске. На ней было не набрано на клавиатуре, а накарябано когтем (зацените!): «Я сделаю все, чтобы с тобой ничего не случилось».

В сортире Сэмюель провел около тринадцати часов, и это были не лучшие часы его жизни.

Во-первых, мортира занимала почти все пространство внутри домика, оставляя для полицейского углы, в которых можно было лишь стоять. Во-вторых, туалет все-таки иногда использовался по прямому назначению; выгребная яма, придавленная мортирой, нещадно воняла на жару, и вокруг жерла вились жирные навозные мухи.

Ближе к полудню проявилось еще одно подлое свойство кустарной тюремной камеры: листы железа от жары раскалились и стали жечь сквозь одежду.

Сначала Сэм неистово дергал дверь, наивно полагая, что она заперта лишь на ветхую вертушку. Однако, когда его глаза привыкли к полумраку, обнаружился магнитный замок, надежный, как Национальный банк. Постояв, скрючившись, на одной ноге, потом на другой, Сэмюель попробовал подвинуть мортиру, но та находилась в углублении и сдвигаться не собиралась. Из последних сил он протиснулся между стволом и дверью и приник к единственному источнику света и воздуха - окошку в виде сердечка.

На дворе наблюдалась всеобщая суета. Жабицкие и Богомолы носились вокруг ямы, складывая в непонятном для наблюдателя порядке разные предметы. Даже угрюмый подросток под навесом задвигал пальцами быстрее. Отцы семейств подбадривали их командами. Отдельные возгласы долетали до Сэмюеля: «Должны успеть, пока его не хватились», «...сегодня ночью, ничего, что Луна не полная...», «Как это что с ним делать?.. Закопать». На этом месте Сэмюель вздрогнул и покрылся потом, но оказалось, что реплика относится к скрученной металлической коряге, которую вставили в яму и принялись забрасывать землей.

Ближе к вечеру, мучимый всеми основными человеческими желаниями - кроме секса! - Сэм догадался: никто не знает, куда он пошел. Никто, кроме рыжеволосой девицы. Напрягая остатки памяти, полицейский вспомнил, что эта девушка приходила в управление в

День благодарения, на праздник. Точно! У нее брат селенит, член народной дружины, то ли медведь, то ли собака... Ах да, они из России, значит, точно медведь!

Надежда на то, что рыжеволосая будет его искать и поднимет переполох, была ничтожно мала. Сэм вздохнул, принял привычную позу «кочерга, вид сбоку» и впал в забытие.

Из состояния помраченного сознания его вывели шум и резко открывшаяся дверь. Полицейского вытащили из сортира, растянули на земле, а папаша Жабицкий сел на него сверху. Остальные в это время вытаскивали ствол мортиры. Когда эта непростая операция была окончена, Сэма запихнули обратно в импровизированную тюрьму и захлопнули дверь.

Все познается в сравнении. Скажи бравому констеблю, что он будет почти что счастлив в туалете, заперти, в крошечной темноте, он рассмеялся бы собеседнику в лицо. Но сейчас, несмотря на то что все мухи в поселке с жужжанием устремились на манящий аромат, Сэм довольно потянулся, расправил плечи и покрутил шеей. И сразу почувствовал пистолет в подмышечной кобуре.

В полицейском участке никого не оказалось. Дверь была не заперта, свет нигде не горел.

- Заходи, кто хошь, бери, что хошь, - проворчал Майк. - Интересно, где здесь оружейная комната?

- Наверное, констебль где-то рядом, - предположила я. - Может быть, в туалете?

Тогда я не представляла себе, насколько недалеко от истины.

- Давайте уйдем отсюда, - нервозно сказал Михаил. - Могут неправильно понять. И даже арестовать.

Майк фыркнул.

- Я вот думаю, может, не останавливать Жабицких? Выжгут тебе мозги, так оно и к лучшему!

Михаил наклонил голову и отвесил Майку чувствительный щелбан.

- А-а-а! - заверещал тот. - Ну точно, дурак. Тебе же самому больно.

- Я потерплю, - с достоинством произнес Михаил.

Мой брат фыркнул, сморщил нос и тихо зарычал.

- Молчу-молчу, - выставил ладошки Майк.

Мы прошли в кабинет констебля. Я обратила внимание на бумажку с надписью «Дизенттегратер» и рядом приписку: «Проверить».

- Слушайте, а не мог Сэм остаться у Жабицких? Например, он там обнаружил какой-нибудь криминал и проводит полицейскую операцию.

- Я скорее поверю, что Жабицкие провернули против него полицейскую операцию, - сказал Майк. Мы переглянулись.

- Скорее туда! Смотри, Луна уже восходит!

Довольно долго на улице ничего не происходило, слышны были только возня вокруг ямы и тихие голоса. Потом тишину нарушил звонкий стук металла по металлу, и снова все стихло. Луна скрылась за тучей, и на лужайке сделалось совсем темно.

И вдруг пространство вокруг ямы осветилось. Несколько фонариков поймали в перекрестье лучей странное, необыкновенное сооружение. В глубине замысловатой ажурной конструкции высился ствол mortarы. Жерло его венчали два медных таза, склепанных вместе наподобие зернышка чечевицы. Сооружение тихо гудело, медные тазы, покачиваясь, парили в десяти сантиметрах от кромки дула.

У Сэма пронзительно, до тошноты заболела голова. Он кое-как вытащил пистолет из кобуры и взвел курок.

В этот момент на лужайке послышался шум потасовки. Сэм прильнул к окошку, но смог разглядеть только мелькание рук и ног, мохнатых когтистых лап. В один момент он заметил рыжую встрепанную головку, сердце его дрогнуло.

Она здесь.

«Все пропало», - мелькнула мысль. Почему пропало? С чего он взял? Но Сэмюелю было не до сложных логических построений. Сквозь усиливающуюся головную боль он увидел, что пришельцев оттеснили от сооружения. Гудение стало громче, в глазах потемнело.

«Чего я жду? - спросил себя Сэм и удивился, до чего простой привиделся ответ: - Луну».

Он прицелился в конструкцию над ямой, и в тот момент, когда из-за непроницаемого черного облака показалась серебристая каемка, а головная боль стала нестерпимой, Сэмюель выстрелил.

Чечевица из медных тазов подскочила вверх, закружилась и вдруг взорвалась, осыпав поляну мелким сухим порошком. Пронзительно закричала мадам Жабицкая. Что-то забормотали Богомолы, забегали по поляне. «Дави их всех», - подростковым фальцетом завопили из темноты. Гудение разлилось над поселком. Теряя сознание, преодолевая мрак в глазах, Сэм одну за другой всадил семь пуль в ажурную конструкцию и рухнул на грязный, вонючий пол. Последнее, что он уловил гаснущим сознанием, был яркий свет и отблеск его на стене в форме сердечка.

Я честно думала, что все кончено, когда головная боль отпустила и я услышала, как орет Майк.

- Ах вы, гады болотные, - верещал маленький человечек. - Да я тебе уши поотгрызаю, кикимора пузатая, дай только добратсья. Не смей трогать моих друзей!

Мадам Жабицкая кинула в его сторону равнодушный взгляд и поплелась к яме, где сгрудились остальные: «не все потеряно...», «надо попытаться снова...», «избавиться от свидетелей...».

В который раз я приготовилась к битве не на жизнь, а на смерть, и вдруг участок залило светом, и через забор полезли фигуры в черной форме и бронежилетах. Жабицких и Богомоловых окружили и загнали в большой сетчатый контейнер.

Нас выпутали из веревок. Я поднялась, растирая руки, и подошла к мадам Жабицкой, поникшей за частой сетью.

- Ну что же вы? Люди могли погибнуть.

- Так то же люди! - презрительно хмыкнула мадам.

Не знаю, как историки отделяют одну эпоху от другой, но, на мой взгляд, именно в этот момент история нашей цивилизации окончилась и началась история другой - той цивилизации, в которой людям надо научиться жить и соседствовать с иными. Рожденными от земных женщин, но абсолютно другими, с нечеловеческой логикой и первобытным стремлением выжить.

Оказывается, Жабицкие строили ракету, чтобы забросить на Луну споры - свои и Богомоловых. Смешавшись с лунной пылью, они вместе с добываемым газом инициировали бы нужные мутации у газодобытчиков. Об этом рассказал констебль Сэмюель, когда я ему вручала грамоту «Чемпиону по стрельбе по тазикам».

Команду из народной дружины вызвал мой брат, встревоженный отсутствием полицейского, и, фактически, это нас спасло.

«Не благодари меня, - написал он дома. - Если бы план Жабицких удался, весь наш мир - и человечества, и селенитов - накрылся бы медным тазом».

- Двумя медными тазами, - поправила его я.

Я люблю своего брата. Я люблю целовать его в мохнатую мордочку и рассказывать местные сплетни. И я точно знаю, что он никогда не скажет «нет», даже не подумает: «Так то же люди!».

Когда младшая сестра прилетает домой, мы зовем Мишу с Майком и садимся вечером в саду. Иногда к нам присоединяется Сэм. Теперь это случается редко, сестра вышла замуж и успела снести яйцо. Она не стала высидивать сама, отдала в инкубатор, за что мы в шутку дразним ее «кукушкой». У нашей бизнес-леди мало времени, сирены нарасхват в рекламных агентствах.

Но мы родные друг другу - люди мы или не люди, и время от времени, бросив все дела, в полнолуние усаживаемся на лавке в саду и наблюдаем, как из-за черной кромки леса выплывает огромная, словно медный таз, Луна - наша боль, наша надежда и наше проклятие.

Чайна Мьевилль со своим романом «Город и город» завоевал престижную Премию Артура Кларка. Церемония награждения состоялась 28 апреля в Лондоне. Автор получил денежную премию в размере 2010 фунтов, то есть сумму, идентичную году вручения. Но это был не первый успех романа одного из самых провокационных современных фантастов. Три недели раньше на конвенте «Истеркон» были объявлены лауреаты премий BSFA - Британской ассоциации фантастики. «Город и город» первенствовал в номинации «Лучший роман». Наиболее заметным произведением «малой формы» признан рассказ «Любимое время их жизней», написанный интернациональным дуэтом - британцем Иэном Уотсоном и итальянцем Роберто Квальей, хорошо известными в российском фэндоме как по их работам, так и по многочисленным визитам на «Роскон».

«**Кредо**» Сергея Лукьяненко - его нашумевшая повесть, впервые опубликованная на страницах «Если», - получит экранное воплощение. Студия «Красная стрела» планирует снять 14-серийный фильм по мотивам этой работы. Поначалу Лукьяненко планировал написать продолжение, представив читателю мир, где технически реализовано и юридически правомерно общение с инкарнациями, но позже отказался от этой мысли. Однако все сюжетные наработки найдут воплощение в сериале. Мало того, Марина и Сергей Дяченко, которые взялись за сценарий телесериала, возможно, внесут в сюжет и собственные идеи.

Премия имени Филипа Дика, вручаемая за самый необычный и оригинальный научно-фантастический роман года, выпущенный в мягкой обложке, нашла своего лауреата на специальной церемонии, состоявшейся во время конвента «Норвескон», который проходил в городке Ситек (штат Вашингтон). Победителем стал С.Л.Андерсон (псевдоним Сары Зеттел) за роман «Злые ангелы». Специальным призом был отмечен роман Иэна Макдональда «Дни Кибербада».

Грядут приквелы. Знаменитый Ридли Скотт планирует снять приквел своего культового фильма «Чужой». Действие новой картины будет происходить в 2085 году, за 30 лет до первого столкновения Эллен Рипли с Чужим. Главной героиней вновь станет женщина, в основу сюжета будет положен рассказ о космических жокеях: окаменевший скелет одного из них обнаружили на LV-426 неподалеку от яйцекладки

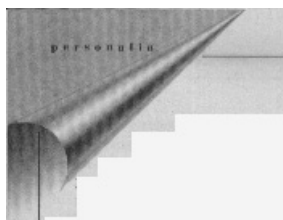
Чужих. Сценарий пишет Джон Спэйтс. Премьера первой ленты ориентировочно состоится в конце 2011 года. Британец Руперт Уайатт снимет на студии 20th Century Fox приквел еще одной знаменитой киносаги. Фильм «Цезарь: Планета обезьян» поведает о том, как обезьяны планеты Земля обрели разум.

И сиквелы. Барри Зонненфельд будет снимать для студии Sony Pictures третью часть истории «Людей в черном». Уилл Смит и Томми Ли Джонс согласились вновь надеть черные костюмы агентов Джея и Кея только благодаря увещеваниям режиссера. Сценарий написал Этан Коэн, съемки пройдут (естественно, в 3D) уже в нынешнем году. Премьера запланирована на май 2011 года.

И римейки. Джозеф Косински, уже предложивший публике римейк «Трона», собрался снять еще один диснеевский НФ-римейк - «Черная дыра». Оригинальная лента Гари Нельсона, появившаяся в 1979 году, рассказывала о команде терпящих бедствие астронавтов, наткнувшихся в районе «черной дыры» на управляемый безумным ученым огромный таинственный звездолет с экипажем из роботов и зомбированных людей. Тогда фильм стал лидером по части спецэффектов. Косински не намерен серьезно менять сюжет, однако постарается внедрить в ленту современные знания о природе «черных дыр». Ведь, по словам режиссера, это будет «твердая» НФ, а отнюдь не боевик. При участии Джеймса Камерона режиссер Пол Гринграсс приступил к работе над 3D-римейком НФ-фильма 1966 года «Фантастическое путешествие». Сценарий о новом вояже внутрь человеческого организма написал Шэйн Салерно.

И экранизации. Зависший было проект по перенесению на большой экран бестселлера Нила Геймана «История с кладбищем» все-таки будет реализован Miramax - но не с режиссером Нилом Джорданом, как планировалось ранее. Кто возьмется за экранизацию истории мальчика, воспитанного обитателями кладбища, пока не сообщается, однако писатель утверждает, что «процесс пошел».

Агентство F-пресс

Personalia

ВЫСТАВНОЙ Владислав Валерьевич

Владислав Выставной родился в 1975 году в Минске. Закончил юридический факультет и аспирантуру Кубанского госуниверситета. "живет и работает в Краснодаре.

В годы учебы писал сценарии для КВН, театра и телевидения, активно печатался в периодике. Первой серьезной жанровой публикацией стал мистический роман «Сны Железобетона» (2006). Но уже в вышедших следом книгах «Мультилюди» (2006) и «Ход мамонтом» (2006) писатель обратился к традиционной НФ. Также его перу принадлежат диалогия в жанре сатирической НФ «Волшебный полигон Москва» (2007) и «Считалочка для бомбы» (2008), романы «Утечка мозгов» (2007), «Мечь пожирает звезды» (2008), «Планета на прокачку» (2008).

КАРАВАНОВА Наталья Михайловна

Родилась в 1978 году в Костроме, где живет по сей день. Высшее образование получила на художественно-графическом факультете Костромского педагогического университета, там же закончила аспирантуру (кафедра социальной педагогики). В настоящее время работает преподавателем художественной школы.

Дебютом в фантастике стала повесть «Муравей», напечатанная в 2005 году в журнале «Полдень, XXI век». С тех пор опубликовала несколько рассказов в периодике.

МОЛОКИН Алексей Валентинович

Писатель-фантаст, бард и переводчик Алексей Молокин родился в 1950 году в городе Павлово Горьковской области, долгое время жил в городе Коврове Владимирской области. Окончил физфак Горьковского госуниверситета. Во время учебы увлекся сочинением и исполнением рок-баллад и блюзов на русском языке и впоследствии стал лауреатом фестиваля авторской песни «Москворечье-74». После учебы в течение многих лет работал на предприятиях оборонной промышленности.

В настоящее время А.Молокин живет в Москве, работает в КБ, где занимается интеллектуальными системами управления движением.

С начала девяностых А. Молокин активно выступает в качестве переводчика англоязычной НФ; в частности, ему принадлежит первый русский перевод романа Роберта Хайнлайна «Чужак в чужой стране» («Чужеземец в чужой стране»). Тогда же в местной печати появились и первые рассказы самого Молокина. Книжным дебютом писателя стал роман в жанре фантастической сатиры «Лабух», появившийся в 2006 году. В 2009-м вышел второй НФ-роман писателя - «Злое железо». В «Если» впервые опубликовался 2008 году (рассказ «Полковник навеки»).

НАВАРА Александр Валентинович НАВАРА Надежда Дмитриевна

Александр Навара родился в 1964 году в Ленинграде. Работал в туристическом бизнесе. С 1998 по 2005 год проживал в Германии, где получил образование по специальности «техник информационной электроники». В 2007-м вернулся в Россию.

Надежда Навара (Маслова) родилась в Москве в 1970 году. Получила два высших образования - педагогическое и юридическое. С 1996-го активно стала публиковаться как журналист. В настоящее время работает в Федеральной службе судебных приставов.

Александр и Надежда познакомились на «Росконе-2005». Через некоторое время образовался их семейный и творческий союз, который дебютировал рассказом «Иван да Марья» в журнале «Реальность фантастики» в 2006 году. В 2008-м увидела свет первая книга дуэта - роман «Расходный материал», а год спустя вышло его продолжение «Олимпийские игры».

СТОУН Эрик Джеймс (STONE, Eric James)

Американский писатель Эрик Джеймс Стоун закончил юридический колледж и Университет Брайэма Янга с дипломом политолога. Он принимал участие в нескольких избирательных кампаниях (как специалист по политтехнологиям), потом переключился на программирование, получив работу системного администратора в одной из интернет-компаний в штате Юта, затем попробовал себя в качестве страхового агента.

Первый фантастический рассказ «На память» Стоун опубликовал в 2004 году. С тех пор молодой автор, проживающий в штате Юта,

напечатал еще 12 рассказов.

**УОТСОН Джесси
(WATSON, Jesse Lawrence)**

Джесси Лоуренс Уотсон родился в американском городе Форт-Коллин (Колорадо) в 1976 году. С раннего возраста интересовался искусством всех направлений, пробовал писать. В десять лет, когда в семье появился первый домашний компьютер, увлекся компьютерной графикой, особенно 3D-анимацией. Вместе со своим другом занимался программированием: эти впечатления и легли в основу рассказа, опубликованного в этом номере журнала.

По окончании школы Д.Уотсон изучал программирование в Колорадском университете. Писательской деятельностью занялся в 2002 году. Первой публикацией в жанре фантастики стала «Поверхностная копия» (2009). Автор написал сценарий и снял фильм, основанный на этом рассказе. В настоящее время работает над новой короткометражной лентой.

**ШЕПАРД Люциус
(SHEPARD, Lucius)**

Один из ведущих писателей-фантастов США Люциус Тейлор Шепард родился в 1947 году в Линчберге (штат Вирджиния). Формального образования он не получил и с середины 1960-х годов вел «беспорядочную жизнь» - много путешествовал по Европе, Азии и Центральной Америке, организовал джаз-ансамбль, был некоторое время связан с международным наркобизнесом (как признался сам, по неопытности), а с 1980-х годов выступал как поэт.

Первой публикацией в научной фантастике (Шепард активно пишет и в сопредельных жанрах - хоррора, фэнтези, магического реализма и сюрреализма) был рассказ «Перестройка в Тейлорсвилле» (1983). Творчество молодого автора сразу же оценили по достоинству: в 1985 году Шепард завоевал Премию имени Джона Кэмпбелла, присуждаемую самому перспективному новому автору в жанре фантастики.

В начале 1990-х годов Шепард неожиданно замолчал почти на целое десятилетие, но затем вновь вернулся в литературу. К настоящему времени в активе писателя - 13 романов и около сотни рассказов и повестей, причем более половины были номинированы на премии «Хьюго», «Небьюла», Премии имени Филиппа Дика, Теодора Старджона, Артура Кларка, Брэма Стокера, Всемирную премию

фэнтези, Британскую премию по научной фантастике. Между тем на сегодняшний день завоеванных премий у Люциуса Шепарда (кроме упомянутой кэмпбелловской) всего четыре: две Всемирные премии фэнтези - за сборники «Охотники на ягуара» (1988) и «Концы Земли»; премия «Хьюго» за короткую повесть «Спейсер Барнакл Билл» (1992) (также номинированную на «Небьюлу») и премия «Райслинг» за поэму «Белые поезда» (1987).

В настоящее время Люциус Тейлор Шепард проживает в Портленде (штат Орегон).

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по цене 90 рублей за номер, ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ почтовых услуг.

Цена действительна только на номера 2010 года.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно.

Обязательно укажите, с какого месяца по какой вы осуществляете подписку.

Процедура проста: вы можете обратиться в отделение банка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение	ООО «Издательский дом «Любимая книга» (наименование получателя платежа)	Форма № ПД-4
	ИНН 7713538330 № р/с 407028103200000000410 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)	
Кассир	В ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» (наименование банка получателя платежа)	
	БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767 (номер кор./сч. банка получателя платежа)	
	КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2	
	Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. (наименование платежа)	
	Сумма платежа 540 руб. 00 коп.	
	Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.	
	Итого _____ руб. _____ коп.	
Квитанция Кассир	ООО «Издательский дом «Любимая книга» (наименование получателя платежа)	
	ИНН 7713538330 № р/с 407028103200000000410 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)	
	В ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» (наименование банка получателя платежа)	
	БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767 (номер кор./сч. банка получателя платежа)	
	КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2	
	Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. (наименование платежа)	
	Сумма платежа 540 руб. 00 коп.	
	Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.	
	Итого _____ руб. _____ коп.	

Извещение

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330

р/с 407028103200000000410

№ _____

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

В _____

(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с 30101810900000000767

БИК _____

№ _____

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

(наименование платежа)

540

00

Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир
Квитанция

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330

р/с 407028103200000000410

(ИНН получателя платежа)

№ _____

(номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

В _____

(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с30101810900000000767

БИК _____

№ _____

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

(наименование платежа)

540

00

Кассир

Сумма платежа: _____ руб.

_____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб.

_____ коп.

Итого _____ руб.

_____ коп.

ВНИМАНИЕ

Издательская подписка: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате. Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9. 000 «Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.

Тел./факс: (499) 248-08-90 (доб. 177) e-mail: phone@uuu.ru

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« _____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« _____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« _____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ

**Алексея ЗАРУБИНА
«МАЯК НА САРИССЕ»**

РАССКАЗЫ

**Игоря ПРОНИНА, Криса БЕКЕТТА,
Джона ХЕМРИ, Тома ПАРДОМА**

СТАТЬЯ

**Сергея Шикарева:
паропанк в НФ-прозе**

ИТОГИ КОНКУРСА

«АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»

**ЧИТАЙТЕ ИЮЛЬСКИЙ
ВЫПУСК «ЕСЛИ»**

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

**Наш журнал вы найдете в каталогах «Пресса России»
и «Роспечать» (газеты, журналы).**

Индекс – 73118.

**Стоимость подписки на 1 месяц – 87 рублей, включая
почтовые услуги.**

Подписка ведется во всех отделениях связи.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ

**Алексея ЗАРУБИНА
«МАЯК НА САРИССЕ»**

РАССКАЗЫ

Игоря ПРОНИНА, Криса БЕКЕТТА, Джона ХЕМРИ, Тома ПАРДОМА

СТАТЬЯ

**Сергея Шикарева:
паропанк в НФ-прозе**

ИТОГИ КОНКУРСА

«АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»

ЧИТАЙТЕ ИЮЛЬСКИЙ ВЫПУСК «ЕСЛИ»

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

Наш журнал вы найдете в каталогах «Пресса России» и

